

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X
Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул.
Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: <http://zakonivlast.ru/>

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурьшев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 30.08.2025 Цена свободная Тираж 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Политический процесс как объект научного анализа в эпоху искусственного интеллекта: подходы к определению в российской и зарубежной политической науке. Алешин И.К.	4
Механизмы и технологии формирования целей и приоритетов государственной информационной политики. Андросюк Р.А., Белова И.В.	7
Классификация основных политических вызовов для ОПК Российской Федерации. Иванов П.П.	15
Парламентская реформа: пример Вьетнама, Ле Хуинь Дык, Нгуен Тхи Тхьонг	19
Современные методы и инструменты реализации государственной демографической политики на Дальнем Востоке. Лысенкова Е.Р.	26
Методы выявления структурной зависимости современной власти от процедур цифрового управления. Хван Д.А.	33
Цифровые технологии как инструмент взаимодействия власти и общества. Хохлов Д.А.	40
Моделирование эффективности GR-технологий в условиях конкуренции интеграционных векторов: теоретико-методологический подход. Хусаинов М.Р.	44

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Инструменты российской мягкой силы в Африке: сравнительный анализ в Нигерии и ЮАР. Авдалян М.Р.	49

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Повышение транспарентности системы публичной власти в субъекте Федерации на современном этапе конституционной модернизации России. Абгаров С.С., Аванесова А.А.	54
Эволюция концепции юридического лица: сравнительный анализ российских и иракских правовых подходов. Алабиде Нахла Фила Хусан	57
Преображенский приказ и развитие уголовной полиции в России. Белослудцев А.В.	64
Применение принципа добросовестности и телеологическое толкование правовых норм. Курносов Б.И.	69
Вопросы применения антикоррупционного законодательства в деятельности избирательных комиссий в Республике Дагестан: конфликт интересов и правовая позиция. Дибиров М.Т., Магомедова З.У.	72
Причины возникновения тоталитаризма и признаки неототалитаризма в Европе в XXI веке. Чувикин С.Г.	75

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Основные аспекты нормативного правового регулирования проверки данных учета и отчетности и получения объяснений, проводимых налоговыми органами. Андрейчук Э.Ю.	82
Договор строительного подряда: теория и практика предприятий. Булгатов И.В.	87
Дефицит оборотного капитала в реабилитационных процедурах банкротства и механизм его преодоления. Карымов Г.Т.	92
Защита авторских прав: проблемы правоприменительной практики. Колдаева Т.Н.	96
Применение методов анализа больших данных в цивилистических науках: алгоритмическое прогнозирование тенденций частного права на основе судебной практики. Куровский С.В., Мишин Д.А., Халилулин Р.М.	101

Совершенствование механизма контроля в сфере государственных закупок: правовой аспект. Седых В.Р.	107
Гражданско-правовой аспект права на жилище: особенности правового режима жилого помещения. Стырин П.С.	112

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Понятие, особенности и значение конституционного контроля за деятельностью правоохранительных органов. Еремян А.А. ...	117
К вопросу допустимости возбуждения гражданского дела по заявлению прокурора и особенности его участия в гражданском процессе. Касторнова Т.А.	122

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Взаимодействие правовых систем в рамках Всеобъемлющего Евразийского партнерства. Алексеева А.П.	127
Экологически чистая энергетика в международном праве: гармонизация подходов Европейского Союза (ЕС) и Европейского Экономического Союза (ЕАЭС). Нуралиев М.А.	130
Правовое регулирование налогообложения майнинговой деятельности в Канаде. Озерова А.А.	134
Международно-правовые и национальные основы дипломатических и консульских отношений России и Грузии: эволюция регулирования. Попхадзе С.М.	138
Совершенствование многостороннего правового регулирования конкуренции и протекционизма в международных экономических отношениях. Фан Туан Ань	144
Нормативно-правовая база современной гуманитарной политики России за рубежом. Шедь Я.Р.	150

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Социально-правовая обусловленность криминализации рейдерства в современных условиях: распространённость посягательства. Дорошенко Д.В.	156
Развитие уголовного права и его влияние на безопасность предпринимательской деятельности в России. Зацепин М.Н., Зацепин А.М.	160
Фальсификация доказательств: объект преступления и механизм причинения вреда охраняемым общественным отношениям. Скороходов А.К.	164
Индивидуальный подход в процессе ресоциализации осужденных перед освобождением из воспитательных колоний. Шикиева Д.Ш.	168

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Постановка задачи исследования на тему «Применение искусственного интеллекта в гистологическом анализе судебно-медицинской экспертизы». Ерачина С.М., Раисов Р.Р.	173

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОТВОРЧЕСТВА

Реалии и перспективы правового регулирования квантовых коммуникаций. Золотокопова М.А.	177
Проблемы и перспективы правового регулирования биопринтинга органов и тканей. Золотокопова М.А.	183

Contents

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- The political process as an object of scientific analysis in the era of artificial intelligence: approaches to definition in Russian and foreign political science. Aleshin I.K. 4
- Mechanisms and technologies for forming goals and priorities of state information policy. Androsyuk R.A., Belova I.V. 7
- Classification of the main political challenges for the defense industry of the Russian Federation. Ivanov P.P. 15
- Parliamentary reform: the example of Vietnam, Le Huynh Duc, Nguyen Thi Thuong..... 19
- Modern methods and tools for implementing state demographic policy in the Far East. Lysenkova E.R. 26
- Methods for identifying the structural dependence of modern power on digital governance procedures. Khvan D.A. 33
- Digital technologies as a tool for interaction between power and society. Khokhlov D.A. 40
- Modeling the efficiency of GR technologies in the context of competition of integration vectors: theoretical and methodological approach. Khusainov M.R. 44

POLITICAL REGIONALISTICS. ETHNOPOLITICS

- Instruments of Russian soft power in Africa: comparative analysis in Nigeria and South Africa. Avdalyan M.R. 49

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

- Increasing the transparency of the public authority system in the constituent entity of the Federation at the current stage of constitutional modernization of Russia. Abgarov S.S., Avanesova A.A. 54
- Evolution of the concept of a legal entity: comparative analysis of Russian and Iraqi legal approaches. Alabide Nakhla Fila Khusan 57
- Preobrazhensky Prikaz and the development of the criminal police in Russia. Belosludtsev A.V. 64
- Application of the principle of good faith and teleological interpretation of legal norms. Kurnosov B.I. 69
- Issues of application of anti-corruption legislation in the activities of election commissions in the Republic of Dagestan: conflict of interests and legal position. Dbirov M.T., Magomedova Z.U. 72
- Reasons for the emergence of totalitarianism and signs of neo-totalitarianism in Europe in the XXI century. Chuvikin S.G. 75

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

- The main aspects of normative legal regulation of verification of accounting and reporting data and obtaining explanations carried out by tax authorities. Andreychuk E.Yu. 82
- Construction contract: theory and practice of enterprises. Bulgatov I.V. 87
- Working capital deficit in bankruptcy rehabilitation procedures and the mechanism for overcoming it. Karymov G.T. 92
- Copyright protection: problems of law enforcement practice. Koldaeva T.N. 96

- Application of big data analysis methods in civilistic sciences: algorithmic forecasting of private law trends based on judicial practice. Kurovsky S.V., Mishin D.A., Khalilulin R.M. 101
- Improving the control mechanism in the field of public procurement: legal aspect. Sedykh V.R. 107
- Civil law aspect of the right to housing: features of the legal regime of residential premises. Styryn P.S. 112

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

- The concept, features and significance of constitutional control over the activities of law enforcement agencies. Eremyan A.A. 117
- On the issue of admissibility of initiating a civil case at the request of the prosecutor and the features of his participation in the civil process. Kastornova T.A. 122

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

- Interaction of legal systems within the framework of the Comprehensive Eurasian Partnership. Alekseeva A.P. 127
- Environmentally friendly energy in international law: harmonization of approaches of the European Union (EU) and the European Economic Union (EAEU). Nuraliev M.A. 130
- Legal regulation of taxation of mining activities in Canada. Ozerova A.A. 134
- International legal and national foundations of diplomatic and consular relations between Russia and Georgia: evolution of regulation. Popkhadze S.M. 138
- Improvement of multilateral legal regulation of competition and protectionism in international economic relations. Phan Tuan Anh 144
- Regulatory framework of modern humanitarian policy of Russia abroad. Shed Ya.R. 150

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

- Socio-legal conditionality of criminalization of corporate raiding in modern conditions: prevalence of encroachment. Doroshenko D.V. 156
- Development of criminal law and its impact on the safety of entrepreneurial activity in Russia. Zatsepin M.N., Zatssepin A.M. 160
- Falsification of evidence: the object of the crime and the mechanism of causing harm to protected public relations. Skorokhodov A.K..... 164
- Individual approach in the process of resocialization of convicts before release from educational colonies. Shikieva D.Sh. 168

CRIMINALISTICS. FORENSIC ACTIVITIES. OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

- Statement of the research problem on the topic "Application of artificial intelligence in histological analysis of forensic medical examination". Erachina S.M., Raisov R.R. 173

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

- Realities and Prospects of Legal Regulation of Quantum Communications. Zolotokopova M.A. 177
- Problems and Prospects of Legal Regulation of Bioprinting of Organs and Tissue. Zolotokopova M.A. 183

Политический процесс как объект научного анализа в эпоху искусственного интеллекта: подходы к определению в российской и зарубежной политической науке

Алешин Иван Константинович

аспирант, Институт истории и политики, Политические институты, процессы, технологии, МПГУ

Политический процесс, как динамичное взаимодействие политических акторов, институтов и идей, всегда был объектом пристального внимания политической науки. Однако в эпоху цифровой трансформации и стремительного развития искусственного интеллекта (ИИ), изучение политического процесса приобретает новые измерения и требует переосмысления устоявшихся теоретических подходов.

Влияние ИИ на политическую сферу становится все более ощутимым, затрагивая процессы формирования общественного мнения, проведения избирательных кампаний, принятия политических решений и осуществления государственного управления. В данной статье будут рассмотрены, как различные подходы к определению политического процесса адаптируются к новым реалиям, связанным с развитием ИИ, и какие новые перспективы открываются для изучения политической жизни общества.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государство, политический процесс

Традиционные подходы к изучению политического процесса, такие как институциональный, бихевиористский, системный, теория рационального выбора и марксистский, претерпевают значительные изменения под воздействием искусственного интеллекта (ИИ). Рассмотрим, как каждый из этих подходов может быть переосмыслен в контексте новых технологических реалий.

Во-первых, институциональный подход в эпоху ИИ фокусируется на формальных правилах и процедурах, регулирующих политическую деятельность. Искусственный интеллект может использоваться для автоматизации государственных услуг, повышения эффективности работы государственных органов и улучшения взаимодействия с гражданами. В то же время, возникает вопрос о необходимости разработки новых правовых норм и институциональных механизмов, регулирующих использование ИИ в политической сфере, чтобы предотвратить злоупотребления и обеспечить соблюдение прав граждан. [1]

Следующим важным критерием является бихевиористский подход в эпоху ИИ, который акцентирует внимание на поведении отдельных индивидов и групп, также претерпевает изменения под воздействием ИИ. [2] Алгоритмы социальных сетей, использующие методы машинного обучения, оказывают все большее влияние на формирование общественного мнения и политических предпочтений граждан. Изучение влияния ИИ на политическое поведение, в том числе на участие в выборах, поддержку политических партий и формирование политической идентичности, становится важной задачей для политической науки. [3]

Другим, не менее важным направлением является системный подход в эпоху ИИ, который рассматривает политический процесс как часть более широкой политической системы, также должен учитывать влияние ИИ на взаимодействие политической системы с окружающей средой. ИИ может использоваться для анализа больших данных и прогнозирования политических рисков, что позволяет политическим акторам принимать более обоснованные решения. [4] В то же время, возникает вопрос о том, как обеспечить прозрачность и подотчетность алгоритмов, используемых для анализа политиче-

ской информации, чтобы предотвратить манипулирование общественным мнением и нарушение демократических принципов.

Теория рационального выбора, исходящая из предпосылки о рациональности политических акторов, также должна учитывать влияние ИИ на процесс принятия решений. [5] ИИ может использоваться для автоматизации рутинных задач и предоставления политическим акторам более полной и точной информации, что позволяет им принимать более рациональные решения. В то же время, возникает вопрос о том, как предотвратить предвзятость алгоритмов и обеспечить учет различных точек зрения при принятии политических решений.

Марксистский подход, рассматривающий политический процесс как отражение классовой борьбы, также может быть переосмыслен в контексте развития ИИ. ИИ может использоваться для автоматизации производства и повышения производительности труда, что приводит к изменению структуры занятости и усилению социального неравенства. Изучение влияния ИИ на классовую структуру общества и политическую борьбу становится важной задачей для политической науки. [6]

Помимо переосмысления традиционных подходов, развитие ИИ стимулирует появление новых подходов к изучению политического процесса. Одним из таких подходов является нейрополитика, которая изучает нейронные механизмы, лежащие в основе политического поведения. Нейрополитика использует методы нейровизуализации и нейромодуляции для изучения того, как мозг реагирует на политические стимулы, как формируются политические убеждения и как принимаются политические решения. [7] Другим новым подходом является вычислительная политология, которая использует методы машинного обучения и анализа больших данных для изучения политических процессов. Вычислительная политология позволяет анализировать огромные объемы текстовой, аудио- и видеoinформации, выявлять закономерности и тенденции в политическом поведении и прогнозировать результаты выборов и других политических событий. [8]

Российские подходы к определению политического процесса в эпоху ИИ также демонстрируют растущий интерес к изучению влияния искусственного интеллекта на политическую сферу. Российские исследователи активно разрабатывают новые методы анализа политической информации, основанные на использовании ИИ, и изучают влияние ИИ на политическое поведение граждан. [9] Важным направлением исследований является изучение влияния ИИ на формирование политической идентичности и патриотизма. [10] В условиях информационной войны и распространения дезинформации, ИИ может использоваться для создания контента, направленного на формирование позитивного образа России и укрепление национальной идентичности. В заключение, стоит подчеркнуть, что развитие искусственного интеллекта оказывает глубокое влияние на политический процесс, требуя переосмысления устоявшихся теоретических подходов и раз-

работки новых методов исследования. Традиционные подходы, такие как институциональный, бихевиористский, системный, теория рационального выбора и марксистский, должны быть адаптированы к новым реалиям, связанным с использованием ИИ в политической сфере. [11]

Каждый из рассмотренных подходов вносит свой вклад в понимание политической реальности. Институциональный подход позволяет понять, как работают политические институты и как они влияют на политический процесс. [12] Бихевиористский подход позволяет понять, как ведут себя отдельные индивиды и группы в политической сфере. Системный подход позволяет понять, как политическая система взаимодействует с окружающей средой. Теория рационального выбора позволяет понять, как рациональные акторы принимают политические решения. Марксистский подход позволяет понять, как классовая борьба влияет на политический процесс. Культурологический подход позволяет понять, как политическая культура влияет на политический процесс. Коммуникативный подход позволяет понять, как коммуникация влияет на политический процесс.

Политический процесс – это сложное и многогранное явление, которое требует комплексного изучения с использованием различных теоретических и методологических подходов. В российской и зарубежной политической науке существует множество подходов к определению политического процесса, каждый из которых имеет свои сильные и слабые стороны. Использование различных подходов позволяет получить более полное и глубокое понимание политической реальности и выработать эффективные стратегии политического действия.

Литература

1. Алмонд, Г., Верба, С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. – М.: Мысль, 2014.
2. Даль, Р. О демократии. – М.: Аспект Пресс, 2000.
3. Дюверже, М. Политические партии. – М.: Академический Проект, 2000.
4. Истон, Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли, 2016.
5. Зарубежная политическая мысль: XX в. – М.: Мысль, 1997.
5. Лассуэлл, Г. Психопатология и политика. – М.: РАУ, 1994.
6. Ленин, В.И. Государство и революция. – М.: Политиздат, 1969.
7. Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифест Коммунистической партии. – М.: Политиздат, 1988.
8. Райкер, У. Теория политических коалиций. – М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2008.
9. Даунс, Э. Экономическая теория демократии. – М.: Дело, 2000.
10. Политология: Учебник / Под ред. М.А. Василика. – М.: Гардарики, 2001.
11. Пугачев, В.П., Соловьев, А.И. Введение в политологию. – М.: Аспект Пресс, 2003.

12. Crawford, K. The Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence. Yale University Press, 2021.

The political process as an object of scientific analysis in the era of artificial intelligence: approaches to definition in Russian and foreign political science

Aleshin I.K.

Moscow Pedagogical State University

The political process, as a dynamic interaction of political actors, institutions and ideas, has always been the object of close attention of political science. However, in the era of digital transformation and the rapid development of artificial intelligence (AI), the study of the political process is acquiring new dimensions and requires a rethinking of established theoretical approaches.

The influence of AI on the political sphere is becoming increasingly tangible, affecting the processes of public opinion formation, election campaigns, political decision-making and public administration. This article will consider how various approaches to defining the political process are adapting to the new realities associated with the development of AI, and what new prospects are opening up for studying the political life of society.

Keywords: artificial intelligence, state, political process

References

1. Almond, G., Verba, S. Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Countries. – M.: Mysl, 2014.
2. Dahl, R. On Democracy. – M.: Aspect Press, 2000.
3. Duverger, M. Political Parties. – M.: Academic Project, 2000.
4. Easton, D. Categories of Systemic Analysis of Politics // Anthology of World Political Thought, 2016.
5. Foreign Political Thought: 20th Century. – M.: Mysl, 1997. 5. Lasswell, G. Psychopathology and Politics. – M.: RAU, 1994.
6. Lenin, V.I. State and Revolution. – M.: Politizdat, 1969.
7. Marx, K., Engels, F. The Manifesto of the Communist Party. – M.: Politizdat, 1988.
8. Riker, W. Theory of Political Coalitions. – M.: GU-HSE ID, 2008.
9. Downs, E. Economic Theory of Democracy. – M.: Delo, 2000.
10. Political Science: Textbook / Ed. M.A. Vasilik. – M.: Gardariki, 2001.
11. Pugachev, V.P., Soloviev, A.I. Introduction to Political Science. – M.: Aspect Press, 2003.
12. Crawford, K. The Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence. Yale University Press, 2021.

Механизмы и технологии формирования целей и приоритетов государственной информационной политики

Андросюк Роман Александрович

Аспирант, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ventolibro@bk.ru

Белова Ирина Владимировна

старший преподаватель, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Belovaviv@gaopera.ru

В статье представлена попытка анализа формирования в глобальном масштабе информационного общества, что способствовало превращению информации в один из ключевых инструментов политического управления государством и обществом. Сделан вывод, что культурные ценности, мировоззренческие и поведенческие установки индивидов и групп индивидов, их политическое поведение формируются под влиянием информационных потоков, управление и контроль за которыми приобретают стратегическое значение для современных государств.

Ключевые слова: Информационная политика, коммуникация, информационное общество, государственное управление.

Современный мир вступил в новую, информационную эпоху, характеризующуюся развертыванием информационных технологий и глобализацией различных общественных процессов.

Тенденция последних лет такова, что содержание государственной информационной политики расширяется, теперь её структура включает некоторые элементы информационной безопасности и правовые и нормативные акты конституции РФ, которые гарантируют защиту прав граждан и организаций на общедоступную информацию.

Актуальность темы обусловлена следующими факторами. Во-первых, недостаточная информационная открытость органов государственной и муниципальной власти. Данный фактор вызван в свою очередь следующим – недостаточным развитием информационного общества и модернизация политической системы в России. В-третьих, необходимость совершенствования устаревших, не отвечающих современным реалиям нормативно-правовых актов, регулирующих отношения субъектов в информационной сфере.

Политическая наука сегодня достаточно оперативно реагирует на происходящие изменения, как в своей практической (социальные сети, интерактивность), так и в теоретической версии (теория информационного общества). Повсеместное распространение Интернета и связанных с ним различных информационных технологий идет рекордно быстрыми темпами, поэтому многие явления в этой области остаются недостаточно изученными.

Государственные органы расценивают интернет-ресурсы как мощный фактор, детерминирующий направления национальной политики РФ.

Социальные и социокультурные трансформации, происходящие в жизни современного общества в течение последнего столетия, и буквально в последние месяцы, оказали существенное влияние на изменение специфики функционирования политических систем в большинстве государств мира. В процессе информатизации общества, распространения и развития информационно-коммуникационных технологий, превращения информации, «знания», в основной товар и ресурс власти современного мира, наблюдаются соответствующие изменения и в политической жизни социума.

В этом контексте особую актуальность приобретает проблема формирования современной государственной информационной политики, специфика которой существенно различается в зависимости от типологической принадлежности, идеологической ориентации конкретных политических режимов.

Для современной политологии особенную актуальность приобретает вопрос о характере российской информационной политики на современном

этапе, который отличается совмещением демократических и авторитарных компонентов. В условиях современных информационных войн, актуализации глобального противостояния России и ее стратегических противников, распространения международного терроризма, очевидно, что информационная политика страны не может оставаться без контроля со стороны государства. Этими факторами и объясняется актуальность настоящего исследования, которая связана с определением меры государственного контроля за информационной политикой в условиях новой реальности, следовательно, должны измениться цели и приоритеты по сравнению с предыдущей информационной политикой.

Гипотеза исследования: от эффективности государственной информационной политики в современном мире во многом зависит и политическая стабильность государств, поскольку управление информацией позволяет направлять в нужную сторону политическую энергию масс, влиять на политическое поведение граждан.

Теоретическая и методологическая основа исследования. В работе использованы традиционные для науки методы и подходы: системный, исторический, сравнительный, структурно-функциональный и междисциплинарный.

Степень научной разработанности проблемы. Проблемы политической коммуникации были детально рассмотрены П. Бурдые, С. Московичи, Ю. Хабермасом и др. [2, 16, 23] В отечественной политологии проблемам информационной политики посвящены исследования Р.Ф. Абдеева, К.В. Ветрова, А.В. Манойло [14], Ю.А. Нисневича, В.Д. Попова и др. Специфику деятельности средств массовой информации исследуют Я.Н. Засурский, Б.В. Марков, А.В. Федякин, А. Цуладзе и др. [15].

Политические манипуляции в средствах массовой информации исследуют Г.В. Грачев, И.К. Мельник [6], Н. Зазеева, О.Н. Пирущий, В.И. Постол, Л.В. Салбиева, А.Р. Хабибуллин, А.Швицунова.

Проблема формирования государственной информационной политики активно разрабатывается в настоящее время.

Исходной категорией информационной политики выступает информация. Существуют десятки различных определений понятия «информация», обратившись к наиболее уважаемым источникам, автором были выделены несколько определений.

Согласно словарному определению, информация происходит от латинского слова «informatio», означающего разъяснение, изложение, осведомленность.

Информация в наиболее общем определении — это отражение предметного мира с помощью знаков и сигналов. Для целостного понимания понятия информации необходимо вычленить его существенные аспекты [22, С. 20-21].

Во-первых, это гносеологический аспект. Информация представляет собой продукт отражения её многообразия, имея свойства атрибута матери.

Во-вторых, единство гносеологического аспекта с функциональным.

В-третьих, адаптационный аспект, когда информация обозначает содержание, полученное от внешнего мира, и приспосабливается, адаптируется к нему.

В-четвертых, самое простое определение информации – «передача сообщения». Данный аспект исследователь называют социологическим, так как он предполагает наличие объект-субъектных, субъект-объектных и субъект-субъектных информационных отношений.

В-пятых, социально-психологический аспект или психосоциологический аспект (то как информация усваивается в зависимости от психологических особенностей или социальных условий).

В современном мире большинство государств находится в состоянии перманентного увеличения роли информационных процессов, развития информационно-коммуникационных технологий, усложнения и совершенствования коммуникационных связей государственных и общественных структур. Коммуникация между властью и обществом, властью и бизнесом, бизнесом и обществом, различными социальными группами и «группами интересов» превращается в основное средство социального и политического управления. Соответственно, укрепляется влияние средств массовой информации на политические процессы – как на национальном, так и на транснациональном уровнях.

Обладание информацией становится одним из ключевых преимуществ в конкурентной борьбе на политическом поле. В то же время, информация превращается в товар, который с выгодой можно продать, обладание информацией - в механизм влияния на сознание индивидов и групп индивидов, их политическое поведение [21]. Таким образом, управление и контроль за информацией превращаются в один из важнейших инструментов политического управления и политической борьбы. Вне зависимости от политического строя, характера политических отношений в обществе, информация в современных государствах выполняет ключевые функции в политической сфере.

Концепция информационного общества, разработанная известным социологом Дэниелом Беллом в XX веке, получила широкое распространение среди исследователей: в постиндустриальном мире информации отводится ключевое место. Вскоре после признания этой идеи в академических кругах на нее обратили внимание власти государств, начав разрабатывать нормативные акты, регулирующие коммуникацию и средства массовой информации. Эта область государственной политики получила название государственной информационной политики (далее – ГИП).

В современном мире, по мнению Белла, на первое место выходят три вида коммуникаций – транспорт, трубопроводные коммуникации для доставки энергетических ресурсов и информационные коммуникации, причем последние, в связи с увеличением влияния информации в мире, приобретают все более главенствующие позиции [1].

Объектами ГИП являются печатные СМИ, электронные СМИ, информационная безопасность, информационное право, средства связи.

ГИП должна опираться на ряд базовых принципов [25]:

1) принцип верховенства права: любые вопросы информационной политики должны решаться, прежде всего, на основе нормативной базы;

2) принцип открытости политики: все мероприятия информационной политики должны быть реализованы с учетом мнения населения;

3) принцип социальной направленности: любая информационная политика должна проводиться для граждан и во благо граждан;

4) принцип государственной поддержки: средства информационной политики финансируются государством.

В зависимости от государства и политической системы, ГИП может являться частью «информационного режима» или «информационного рынка».

Первый представляет собой разновидность информационного пространства, состоящую из потоков социальной информации, направленную в идеологическом векторе государства. Понятие «информационного рынка», будучи антиподом «информационному режиму», может быть определено как разновидность информационного пространства с разнонаправленными идеологическими векторами и плюрализмом политических мнений [10].

К функциям ГИП относятся [13]:

1) функция преобразования информации, означающая не только поиск и получение, но и анализ, и переработку новых данных;

2) функция продуцирования дискурсов: именно ГИП отвечает за способ подачи информации населению и формирует определенный образ мышления;

3) функция придания публичности социальным коммуникациям;

4) функция воздействия на общественное мнение – реакцию социума на предлагаемый ему информационный контент;

5) функция инновационного развития (в частности, развития инструментов гражданского общества);

6) интегративная функция, поскольку единое информационное пространство на территории страны способствует формированию государственной идентичности;

7) функция поддержания стабильности: единые дискурсы, транслируемые при помощи инструментов ГИП, обеспечивают устойчивость политической системы.

Осуществляя ряд функций, описанных выше, государство, проводя информационную политику, стремится к достижению основной цели – формированию единого информационного пространства на своей территории для реализации комплекса политических, социальных, экономических и культурных задач и обеспечения безопасности страны.

Основными задачами государственной информационной политики являются:

1) модернизация информационной инфраструктуры;

2) разработка нормативно-правовой базы в информационной сфере;

3) обеспечение населения верифицированной, качественной информацией;

4) обеспечение свободного и равного доступа к информационным ресурсам.

В российском контексте приоритетным направлением государственной информационной политики является создание единой, максимально совершенной нормативной базы в информационной сфере, которая смогла бы содержать прозрачные и однозначно трактуемые формулировки, поскольку любая двусмысленность может привести к затруднению реализации программ ГИП. В связи с этим внимание российских властей должно быть направлено в сторону концептуализации и операционализации совместных запросов государства и общества в области информации и разработки законодательства с учетом стадии развития государственности.

В современном информационном обществе, вне зависимости от форм и типов политического устройства, важнейшим социально-политическим ресурсом становится информация. Управление генерированием и трансляцией информации превращается в ключевой инструмент влияния на формирование идентификационных характеристик, мировоззренческих и поведенческих установок индивидов и групп индивидов. Соответственно, повышается значимость управления самим процессом генерирования и трансляции информации, что обуславливает необходимость совершенствования информационной политики государства. Ключевым объектом государственного управления становится информационное пространство, под которым мы понимаем область деятельности индивидов, сообществ индивидов, государственных институтов, использующих возможности информационно-коммуникационных технологий [18].

Модель позиционирования государства в информационном пространстве в условиях информационного общества является стратегически значимой и реализуется посредством государственной информационной политики. Государственная информационная политика представляет собой комплекс мер в сфере управления и контроля за информационными потоками, формируемых и реализуемых органами государственной власти и управления. Поскольку определяющей характеристикой современного информационного общества является «открытость», в том числе и информационного пространства, главной целью государственной информационной политики становится обеспечение права граждан на информацию.

В настоящее время реализация государственной информационной политики - это одна из приоритетных задач нашей страны, так как она является важнейшей составной частью внешней и внутренней политики России [12].

Информация является фундаментом деятельности всех наиболее значимых общественных структур, поэтому они могут формировать множество

разнообразных независимых источников информации. Таким образом, массовый потребитель получает возможность оперативного доступа к достоверной информации. Независимые источники информации – при условии структурированной организации – способствуют повышению уровня информационного обеспечения принятия управленческих решений на всех уровнях власти [8]. Благодаря им может быть существенно увеличена продуктивность информационной поддержки политической и общественной деятельности, а также реализуется возможность возведения общественного мнения в ранг действительной «четвертой власти».

В данном отношении важнейшей задачей власти является общественно-политическое структурирование общества. В первую очередь речь идет о подготовке нормативно-правовой базы, с помощью которой деятельность различных политических, общественных, профессиональных и корпоративных структур будет осуществляться в максимально комфортных условиях (в случае, если данные организации будут неукоснительно соблюдать действующее законодательство). В нынешних политических обстоятельствах законодательство, регулирующее вопросы общественно-политического структурирования общества, стало своеобразной площадкой для «боевых действий» политических противников. Подобное столкновение интересов препятствует формированию гражданского общества. Это препятствие будет устранено, если законодатели смогут регламентировать функционирование общественно-политических структур российского общества.

Следующий фактор, оказывающий влияние на формирование информационной политики государства - глобализация и ее информационные составляющие.

В современном мире цифровизация является глобальным трендом, который, прежде всего, отражается на рынке труда, изменении профессий и возможных параметров профессиональной культуры общества. Развитие цифровых технологий также формирует тренды изменения в формах взаимодействия в современном мире. По мнению немецкого экономиста Клауса Шваба, современное общество находится в четвертой революции промышленного типа (немецкий экономист Клаус Шваб ещё в 2016 году была выпущена книга «Четвертая промышленная революция», в которой он описал возможные изменения до 2025 года) [24].

Под определением «индустриальная революция» или «промышленная революция» подразумевают значительные перемены в социуме, связанные с внедрением инновационных технологий. Все произошедшие ранее революции способствовали совершенствованию условий жизни человека: упрощалась система путешествий не только внутри страны, но и за её рубежом, выявлялись новые возможности для занятости граждан, их работы в новых сферах и др. Считается, что основной тенденцией четвертой революции промышленного типа явля-

ется упрощение всевозможных сфер работы населения государства, перераспределение труда, замена людей машинами в рабочих процессах.

В условиях четвертой промышленной революции происходит расширение самого концепта цифровизации на множество процессов в различных общественных областях. Именно в рамках Индустрии 4.0 формируются новые глобальные управленческие приоритеты, которые рассматриваются в качестве усовершенствованного технологического уклада [11].

В современном мире цифровизация с каждым днём развивается в большинстве сфер жизни общества – от бизнеса, до образования и медицины. Именно на происходящую в настоящий момент четвертую промышленную революцию, приходит серия изменений как в экономической сферах, так и в общественно-политической. Возможная доступность цифровых технологий для жителей всего мира может видоизменить систему человеческих отношений в целом, включая сферу взаимодействия граждан и государства. Однако же, благодаря существующему на данный момент базису развития цифровизации существует возможность направлять вектор её развития в том или ином направлении: усовершенствовать возможные модели управления государством, стабилизировать экономические процессы, а также сократить неравенство в обществе и его материальных составляющих.

В области политики процесс цифровизации затрагивает достаточно объёмный масштаб изменений традиционных практик. Например, введение новых инструментов коммуникации государства с обществом, постепенное переформатирование государственных сервисов в электронный формат и др. Основным же влиянием процесса цифровизации на политическую сферу является отказ от взаимодействия с обществом посредством иерархии, когда баланс между частным и общим определяется по аналогии с рыночной экономикой – некой «невидимой рукой» [11].

Одним из наиболее значительных приоритетов внутренней политики страны становится развитие механизмов гражданского диалога и различного рода «лифтов» социальных инициатив. Цифровые технологии с каждым днём становятся доступнее всем классам общества – от прямой материальной возможности, до различных транзакционных способов. Значительную роль в этом сыграла стремительно развивающаяся конкурентная среда рынка товаров и услуг.

Политические и социальные потребности затрагивают данный вопрос в более широком контексте: демонстрация политической активности граждан становится более заметной именно благодаря возможности выражать своё мнение в Интернет-ресурсах относительно интересующих население вопросов, в том числе и политической ситуации в стране. Знание мнения людей, в свою очередь, является безусловной потребностью для политической силы страны. Интернет в целом, социальные сети и прочие социальные механизмы обеспечивают обеим сторонам – населению страны и её политическим

деятелям – возможность не только реализовывать различные процессы коммуникации, но и совершенствовать их.

В современном мире, помимо социальных сетей, транслирующих гражданские позиции, получили широкое распространение различные платформы сбора подписей в электронном формате: под вероятными призывами, декларациями и обращениями к лицам, ответственным за принятие интересующего граждан решения. Например, в 2018 году на выборах мэра Москвы была введена система «Мобильный избиратель», где каждый имел возможность выбрать удобный для себя избирательный участок. Благодаря данному нововведению была произведена замена системы открепительных удостоверений, которая долгий промежуток времени существовала как единственно возможный вариант, но при этом оставалась подвержена постоянной критике. Вероятно, с развитием цифровизации так же станет доступна и возможность голосования в режиме онлайн.

Важнейшей задачей государства в процессе перехода к информационному обществу является достижение гармонии интересов власти и общества, организаций и граждан в информационной сфере. При этом необходимо следовать принципу безусловного правового равенства всех участников процесса информационного взаимодействия, вне зависимости от их политического, социального и экономического статуса. Соответственно, должен быть обеспечен доступ населения к информации, а ограничение информации – представлять собой исключительную меру, продиктованную соображениями общественной и национальной безопасности.

Информационно-коммуникативные системы, применяемые в информационном обществе, весьма разнородны по своей типологии. К ним относятся средства массовой коммуникации, телефонные, радиорелейные, телевизионные, спутниковые, электрические сети, и т.д. Они призваны обеспечивать деятельность всех ступеней системы социальных коммуникаций посредством использования информации, базирующегося на самых современных разработках в сфере информационных технологий и технических средств, необходимых для работы данной системы [4, С. 84]. В процессе решения различных социокультурных задач информационно-коммуникативные системы «отвечают» за организацию взаимосвязи и взаимодействия между участниками коммуникаций на культурологическом уровне (как специализированном, так и обыденном) [3].

По сути, информационно-коммуникационные системы не только обеспечивают так называемую «успешность коммуникации» индивида в многочисленных сплетениях современной культуры, но и расширяют границы культурного пространства, адаптируя человека к существованию в условиях постоянных перемен, пропитывая общественную культуру ценностно- смысловым содержанием. При этом с одной стороны, происходит укрепление тенденций к интеграции, с другой – сегментация социокультурной действительности.

В политологии наиболее важным является второе условие, так как во многом именно взаимодействие с реальным социальным пространством определяет контент информационного пространства. Здесь на первый план выступают процессы, происходящие в данный момент в обществе, а значит, отражены и интересы политических лидеров.

Стартовым пунктом в процессе формирования информационного пространства является информатизация. Ее главная задача состоит в максимально полной сатисфакции информационных запросов индивида, общества и государства во всех сферах деятельности, повышении благосостояния граждан, наращивании эффективности общественного производства, поддержанию стабильных социально-политических отношений в государстве посредством массового использования новых технологий, вычислительной техники и телекоммуникаций.

Специфика развития информационного пространства в современном мире способствовала пересмотру позиций большинства субъектов мировой политики. Информация сегодня идет впереди политики, что повторяют и исследователи, и политические деятели [17]. И этой аксиомой должно руководствоваться государство в формировании своей информационной политики как во внутригосударственном, так и в международном масштабе.

Третий фактор, который будет выделен, в аспекте влияния на ГИП - геополитическая конкуренция в информационном пространстве.

Государственная информационная политика определяет, как одну из своих стратегических целей, направленных на долгосрочную перспективу, создание свободного информационного общества, основанного на развитии информационного пространства [5].

Термин «информационное общество» в социально-гуманитарных дисциплинах используется достаточно широко, однако его единого толкования до сих пор не существует. Ряд исследователей предполагают некую новую стадию общественного развития, которую следует определять, исходя из результатов сопоставления изменений производительных сил и производственных отношений. В этом случае термин «информационное общество» можно разьяснять как общество, где информация и знания являются основным предметом труда большинства, а информационные технологии выполняют функции орудия труда [7]. Именно это обстоятельство служит базисом существующих общественных отношений.

Таким образом, экономика общества направлена в первую очередь на создание и производство тех продуктов информационной и интеллектуальной деятельности, которые будут участвовать в процессе создания новой информации, в получении новых знаний, дальнейшей адаптации их к усвоению большинством населения.

Рассматривая феномен информационного общества, как фактор, оказывающий влияние на содержание целей и приоритетов государственной информационной политики необходимо также отме-

тять, что одной из его ключевых особенностей является сетевой характер организации социальной структуры [9]. Сетевой принцип организации в информационном обществе приходит на смену иерархическому, характерному для индустриального общества. В соответствии с сетевым принципом организации формируются социальные и политические отношения, сам политический процесс приобретает характер противостояния различных сетевых структур [18, С.59].

В индустриальном обществе существовавшая иерархическая система социальной организации вполне соответствовала требованиям развития экономики, поддержания социального порядка. В соответствии с иерархическими принципами функционируют наиболее консервативные социальные институты – церковь, вооруженные силы, иерархическая система организации была характерна в индустриальный период и для политических партий.

В постиндустриальном (информационном) обществе на смену иерархизму приходит сетевой принцип, который предполагает замену командной вертикали «власти – дисциплины» методами управления с помощью контроля. Социальная организация становится более сложной и, в то же время, мало поддающейся традиционным рычагам управления с помощью механизмов командно-административной системы.

Последний рассмотренный фактор – информационное противоборство и информационно-психологическая война, которые в силу своей высокой социальной опасности являются важнейшими факторами, определяющими цели, задачи и основные направления государственной информационной политики. Одной из важнейших задач государственной информационной политики является противодействие акциям информационно-психологической агрессии и операциям информационно-психологической войны, предусматривающее создание эффективной государственной системы обеспечения безопасности в информационно-психологическом пространстве, способной противостоять таким акциям.

Существенная смена способов производства, изменения в мировоззрении людей, а также трансформация межгосударственных отношений являются теми самыми факторами, которыми характеризуется переходный период российского государства. Необходимость поддержания информационной на максимально высоком уровне напрямую связана с развитием постиндустриального общества. Было проведено большое количество исследований и наблюдений в этой области, которые показали, что на сегодняшний день информационная среда непрерывно развивается и оказывает воздействие не только на общественный прогресс, но и на отдельно взятого человека, именно поэтому она должна быть надёжно защищена, в первую очередь в правовом ключе.

Вторая причина заключается в том, что роль информации имеет тенденцию к возрастанию в усло-

виях глобализации. Мы можем воспринимать информацию как одно из важнейших богатств нашей страны, национальный ресурс.

Для развитых стран мира информационность, информационная структура стали важнейшими компонентами. В случае если на них будет оказываться какое-либо воздействие, возникнут тяжелейшие последствия, к которым можно отнести смуту в государстве, расстройство государственного и военного управления, панику, а также военные столкновения из-за отсутствия надлежащей информации.

Последние достижения научно-технического прогресса стали настолько важными, что без них теперь трудно представить многие сферы жизнедеятельности человека, общества и государства.

Философия безопасности, социальная теория безопасности, а также общая теория национальной безопасности являются уровнями теоретического и методологического знания о безопасности.

На уровне философских категорий обеспечение безопасности выражается в процессе создания и сохранения субъектом условий своей жизнедеятельности, при которых успешно реализовывались бы интересы, чтобы субъект мог осуществлять ранее поставленные перед ним цели, в основе которых лежат его жизненные ценности, обусловленные разной значимостью для него различных вещей, необходимых для самореализации.

Объектами изучения специальной теории безопасности являются механизмы обеспечения безопасности человека, общества и природы в сфере функционирования определённых социальных систем.

Общая теория национальной безопасности объединяет в себе прикладные аспекты различных наук, среди которых есть социальные, политические, гуманитарные, экономические, технические и многие другие науки, опирающиеся на проведение исследования в области обеспечения безопасности человека, общества и государства в условиях воздействия как внешних, так и внутренних факторов. Эта теория ставит перед собой несколько задач, среди которых можно выделить обзор научных знаний, решение методологических проблем, определение базовых понятий, разработку идей, формирование правовой основы в данной сфере.

Сущность изучаемой в начале 90-х годов прошлого века безопасности личности, общества и государства в последующем создала научные исследования явления национальной безопасности в качестве методологической базы при решения правовых, правоприменительных и организационных задач.

На содержание государственной информационной политики влияет ряд рисков, среди которых [20]:

- 1) политические инфориски, являющиеся следствием борьбы различных стейкхолдеров за медиапространство. Одной из разновидностей таких рисков видится отстранение государства и своеобразная «приватизация» информационного поля;
- 2) риски информационных войн и информационной поддержки терроризма, где информация является видом вооружения;

3) инфориски неравенства и социального исключения, или информационное неравенство – дихотомия между социальными группами в смысле доступа к информационным ресурсам;

4) инфориски загрязнения информационного пространства нежелательными ресурсами (фейк ньюз, низкосортная реклама, экстремистская информация);

5) инфориски нелегитимного доступа и потери приватности, напрямую связанные с информационной безопасностью граждан.

6) инфориски информационной преступности;

7) риски замены социальной идентичности на киберидентичность;

8) риски информационной зависимости.

Итак, формирование информационного общества характеризуется превращением информации в один из ключевых инструментов политического управления. В информационном пространстве формируются, развиваются и задаются координаты политических и культурных ценностей, моделей поведения, которые впоследствии реализуются в сфере «реальной политики». Происходит медиатизация политической среды и политизация информационного пространства, способствующие превращению управления и контроля за информацией и информационным пространством в важнейший стратегический ресурс современных государств. Полем государственной деятельности в сфере управления потоками информации становится информационное пространство, представляющее собой совокупность субъектов информационно-коммуникационного воздействия и взаимодействия. Развитие информационного общества не только превращает информацию в основной ресурс политической деятельности, но и позволяет охарактеризовать процесс государственного управления как информационный процесс, эффективность которого формируется государственной информационной политикой.

Литература

1. Белл, Даниел. Грядущее постиндустриальное общество Опыт социал. прогнозирования / Даниел Белл; Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. — Москва : Academia, 1999. — 783 с.

2. Бурдые П. Социология политики. М. — 1993. — Пер. с фр./Сост., общ.ред. и предисл. Н.А. Шматко./ — М.: Socio-Logos. — 1993.

3. Ветров К.В. Информационная политика и информационная реальность. - [Электронный ресурс]. - URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA> (Дата обращения 14.07.2025 г.)

4. Володенков С. В. Роль информационно-коммуникационных технологий в современной политике //Антиномии. — 2018. — Т. 18. — №. 2. — С. 69-86.

5. Глазунова Н.И. Система государственного и муниципального управления : учебник. — М.: Проспект, 2018. — 640 с.

6. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

<http://evartist.narod.ru/text3/72.htm> (дата обращения 06.07.2025 г.)

7. Ермилова Е.И. Исследование информационных процессов в политике // Сборник статей международной научно-практической конференции: «Научно-технический прогресс как фактор развития современного общества». — 2018. — С. 284-287.

8. Запорожченко О.А. Информационная политика, как направление деятельности органа государственной власти // Политическое управление. Электронный научный информационно-образовательный журнал. — [электронный ресурс]. — URL: <http://www.xn--80aejalddtdkdn0ap.xn--p1ai/arhiv/2013/02/ZapozozhchenkoOA.htm> (Дата обращения 10.07.2025 г.)

9. Кастельс М. Становление общества сетевых структур //Новая постиндустриальная волна на Западе. М. — 1999. — С. 492-505.

10. Киричёк П.Н. Современная информационная политика: императивно-модусная трансформация // Социологические исследования. — [электронный ресурс] — URL: https://ecsocman.hse.ru/data/789/635/1219/Kirichek_12.pdf?ysclid=I2n96d1ee5 (дата обращения 01.07.2025)

11. Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации //Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. — 2020. — Т. 13. — №. 1. — С. 47-68.

12. Конюхова А.В. Совершенствование системы взаимодействия государственной власти и общества на основе информационной открытости //Электронный научный журнал. — 2015. — №. 2. — С. 566-569

13. Малуев П.А. Источники и функции государственной информационной политики в условиях демократии. — [электронный ресурс] — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-i-funktsii-gosudarstvennoy-informatsionnoy-politiki-v-usloviyah-demokratii-1> (дата обращения: 03.07.2025).

14. Манойло А.В. Гибридные войны и цветные революции в мировой политике // Право и политика. — 2015. — № 7. — С. 919

15. Марков Б.В. Демократия и Интернет // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/01ef235b26348f40c3256a3300415de6> (Дата обращения 06.07.2025 г.)

16. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. — М.: Академический проект. — 2011.

17. Никонов С.Б. Глобальное информационное пространство как среда формирования ноополитики — [электронный ресурс] — URL: <http://mirpolitika.ru/1608-globalnoe-informacionnoe-prostranstvo-kak-sredaformirovaniya-noopolitiki.html> (дата обращения 08.07.2025 г.)

18. Панарин И.Н. Информационная война, PR и мировая политика / И.Н. Панарин. — Москва: Горячая линия - Телеком, 2019. — 370 с.

19. Савченко А. С. Государственная информационная политика: актуальные трактовки понятия и со-

временные исследования // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2018. – Т. 1. – №. 10. – С. 59-63.

20. Современная российская политика : политические отношения, институты, процессы / под общ. ред. В. И. Коваленко. – Москва : Издательство Московского университета, 2020. – 379 с.

21. Сухобоченков Е.С., Медовкина Л.Ю. Информационный фактор во внешней политике Российской Федерации // Материалы III Международной научной конференции «Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» // Под общей редакцией С.В. Беспаловой. – 2018. – 306 с.

22. Фридланд А. Я. Информатика: процессы, системы, ресурсы // М.: Бинوم. Лаборатория знаний. – 2003. – 232 с.

23. Хабермас Ю. Философский спор вокруг идеи демократии // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Academia, KAMI. – 1995.

24. Четвертая промышленная революция / К. Шваб — «Эксмо», 2016. – 233 с.

25. Юсупов Р.М., Заболотский В.П., Наумов В.Б., Демидов А.А. О концептуальных основах региональной информационной политики // Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации, администрация губернатора Санкт-Петербурга. – [электронный ресурс] – URL: http://www.aselibrary.ru/datadocs/doc_690xe.pdf?ysclid=l2n91vhqgq (дата обращения 01.07.2025)

Mechanisms and technologies for shaping the goals and priorities of the state information policy
Androsyuk R.A., Belova I.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
The article presents an attempt to analyze the formation of the information society on a global scale, which contributed to the transformation of information into one of the key tools of political governance of the state and society. It is concluded that cultural values, ideological and behavioral attitudes of individuals and groups of individuals, their political behavior are formed under the influence of information flows, the management and control of which acquire strategic importance for modern states.

Keywords: Information policy, communication, information society, public administration.

References

1. Bell, Daniel. The Coming Postindustrial Society: An Experience of Social Forecasting / Daniel Bell; Translated from English by V. L. Inozemtsev. — Moscow: Academia, 1999. — 783 p.
2. Bourdieu P. Sociology of Politics. Moscow – 1993. – Translated from French / Compiled, general editor and foreword by N. A. Shmatko. / – Moscow: Socio-Logos. – 1993.
3. Vetrov K. V. Information Policy and Information Reality. - [Electronic resource]. - URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA> (Accessed on 14.07.2025)
4. Volodenkov S. V. The Role of Information and Communication Technologies in Modern Politics // Antinomies. – 2018. – V. 18. – No. 2. – P. 69-86.
5. Glazunova N.I. The system of state and municipal administration: textbook. – M.: Prospect, 2018. – 640 p.
6. Grachev G.V., Melnik I.K. Manipulation of personality: organization, methods and technologies of information and psychological influence. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://evartist.narod.ru/text3/72.htm> (date of access 06.07.2025)
7. Ermilova E.I. Research of information processes in politics // Collection of articles of the international scientific and practical conference: "Scientific and technological progress as a factor in the development of modern society". – 2018. – P. 284-287.
8. Zaporozhchenko O.A. Information policy as a direction of activity of the state authority // Political management. Electronic scientific information and educational journal. – [electronic resource]. – URL: <http://www.xn--80aejaldqtdtkdn0ap.xn--p1ai/arhiv/2013/02/ZaporozhchenkoOA.htm> (Accessed on 10.07.2025)
9. Castells M. Formation of a society of network structures // New post-industrial wave in the West. M. – 1999. – P. 492-505.
10. Kirichek P.N. Modern information policy: imperative-modus transformation // Sociological research. – [electronic resource] – URL: https://ecsocman.hse.ru/data/789/635/1219/Kirichek_12.pdf?ysclid=l2n96d1ee5 (date of access 01.07.2025)
11. Konkov A.E. Digitalization of politics vs. digitalization policy // Bulletin of St. Petersburg University. International relations. - 2020. - Vol. 13. - No. 1. - P. 47-68.
12. Konyukhova A.V. Improving the system of interaction between state power and society based on information openness // Electronic scientific journal. - 2015. - No. 2. - P. 566-569
13. Maluev P.A. Sources and functions of state information policy in a democracy. – [electronic resource] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-i-funktsiiigossudarstvennoy-informatsionnoy-politiki-v-usloviyah-demokratii-1> (date of access: 03.07.2025).
14. Manoylo A.V. Hybrid wars and color revolutions in world politics // Law and Politics. – 2015. – No. 7. – P. 919
15. Markov B.V. Democracy and the Internet // [Electronic resource]. – Access mode: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/01ef235b26348f40c3256a3300415de6> (Access date 06.07.2025)
16. Moskovichi S. The Age of Crowds. Historical treatise on the psychology of the masses. – M.: Academic project. – 2011.
17. Nikonov S.B. Global information space as an environment for the formation of noopolitics – [electronic resource] – URL: <http://mirpolitika.ru/1608-globalnoe-informacionnoe-prostranstvo-kak-sredaformirovaniya-noopolitiki.html> (Access date 08.07.2025)
18. Panarin I.N. Information war, PR and world politics / I.N. Panarin. - Moscow: Goryachaya Liniya - Telecom, 2019. - 370 p.
19. Savchenko A.S. State information policy: current interpretations of the concept and modern research // Sociology in the modern world: science, education, creativity. - 2018. - Vol. 1. - No. 10. - P. 59-63.
20. Modern Russian politics: political relations, institutions, processes / edited by V.I. Kovalenko. - Moscow: Moscow University Publishing House, 2020. - 379 p.
21. Sukhobochenkova E.S., Medovkina L.Yu. The Information Factor in the Foreign Policy of the Russian Federation // Proceedings of the III International Scientific Conference "Donetsk Readings 2018: Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Our Time" // Edited by S.V. Bespalova. - 2018. - 306 p.
22. Fridland A. Ya. Informatics: processes, systems, resources // Moscow: Binom. Laboratory of knowledge. - 2003. - 232 p.
23. Habermas J. Philosophical debate around the idea of democracy // Habermas J. Democracy. Reason. Morality. - Moscow: Academia, KAMI. - 1995.
24. The Fourth Industrial Revolution / K. Schwab - "Eksmo", 2016. - 233 p.
25. Yusupov R.M., Zabolotsky V.P., Naumov V.B., Demidov A.A. On the conceptual foundations of regional information policy // St. Petersburg Institute of Informatics and Automation, Administration of the Governor of St. Petersburg. - [electronic resource] - URL: http://www.aselibrary.ru/datadocs/doc_690xe.pdf?ysclid=l2n91vhqgq (date of access 01.07.2025)

Классификация основных политических вызовов для ОПК Российской Федерации

Иванов Павел Петрович

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

В статье рассматриваются актуальные политические вызовы для оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации, а также предпринимаются попытки их систематизации по ряду критериев. Эта проблематика характеризуется высокой актуальностью для современных исследований и практики, что связано с трансформацией системы международных отношений, проведением специальной военной операции, постоянным появлением новых вызовов, которые требуют оперативного подхода к их урегулированию. Кроме того, актуальность выбранной темы обусловлена интенсификацией производства продукции оборонно-промышленного комплекса и развитием отношений военно-технического сотрудничества с целым рядом дружественных государств. Еще одним аспектом актуальности является смена политического курса Соединенных Штатов Америки, который пока возможно назвать непредсказуемым и обусловленным значительным количеством ситуативных факторов, что приводит к повышению неопределенности в системе международных отношений и формированию новых очагов напряженности. В рамках исследования были обозначены ключевые политические вызовы для современного ОПК Российской Федерации, а также сформирована авторская классификация данных вызовов.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, политические вызовы, международные отношения, военно-техническое сотрудничество, государственное регулирование.

Введение.

Формирование системы реакции на политические вызовы является одной из основных для современного оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. Это необходимо для актуализации стратегических и тактических документов, государственных программ, системы подготовки соответствующих специалистов, а также обеспечения производственных и других процессов. В связи с этим исключительно важна система постоянного мониторинга информационного, политического, международно-правового пространства. Кроме того, значительную важность приобретает изучение политических вызовов, возникающих в различных государствах и их объединениях, что позволяет формировать систему приоритетов для конкретного государства в развитии стратегий и тактик оборонно-промышленного комплекса. современные подходы к классификации политических вызовов отличаются разнообразием, что требует системного и последовательного подхода к их решению с учетом приоритетности и ограничений, которые стоят перед человеческим сообществом в целом и перед каждым государством в частности. Особенное внимание на данный момент уделяется глобальным политическим вызовам, так как они требуют совершенствования работы институтов глобального управления, повышения доверия к этим институтам и формирования новых методологических подходов к распределению обязанностей между субъектами международных отношений и полномочий по решению конкретного политического вызова.

Методы. Для исследования актуальных политических вызовов для современного российского оборонно-промышленного комплекса были использованы такие методы, как абстрактно-логический, нормативный, сравнительный анализ, а также классификация и другие общенаучные и специальные методы.

Результаты. Важность формирования оборонного потенциала страны обусловлена в первую очередь тем, что большинство исследователей и политиков выделяют в качестве важнейшего вызова рост геополитической напряженности и военной эскалации. Постоянное совершенствование технического оснащения, а также другие аспекты развития военной промышленности приводят к обострению противостояния между мировыми стратегическими центрами – Российской Федерацией, Соединенными Штатами Америки, Китайской Народной Республикой, а также рядом других государств.

К политическим вызовам, которые оказывают самое значительное влияние на оборонный потенциал государства, возможно отнести следующие.

Первым аспектом является наличие многочисленных военно-политических блоков, которые направлены на обеспечение защиты экономических, политических и территориальных интересов групп государств. Крупнейшим в мире из ныне действующих военно-политических блоков является Организация Североатлантического договора (НАТО) — крупнейший в мире военно-политический блок, объединяющий США, Канаду и большинство стран Европы. К другим военно-политическим союзам относятся:

- Тихоокеанский пакт безопасности;
- Региональная система безопасности и обороны;
- Организация Договора о коллективной безопасности;
- Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива.

Кроме военно-политических союзов, создаваемых на многосторонней основе, широкое распространение получили двусторонние договоры о военных союзах и практика создания межгосударственных воинских формирований. Большое влияние на развитие ОПК оказывают договоры о запрещении разработки, производства и применения отдельных видов оружия. Для стран, в которых уже данное оружие производится — это необходимость прекращать работы по его модернизации и развитию, либо адаптировать эти разработки под новые требования.

Значительное влияние на политику развития ОПК оказывает уровень потенциальной военной опасности. При наличии таких угроз любой стране необходимо усиленно развивать собственные вооруженные силы, т. е. в первую очередь следить за постоянным их качественным военно-техническим и материальным оснащением. Это, в свою очередь возможно либо при наличии высокоразвитого национального ОПК, либо путем обращения к сильным союзникам и/или торгово-экономическим партнерам по поставкам вооружений.

Также следует охарактеризовать внутренние факторы, которые оказывают воздействие на состояние и динамику оборонного потенциала государства:

- Национальная военная доктрина;
- Основные задачи, стоящие перед Вооруженными силами страны;
- Национальные планы военного строительства;
- Характер внутривнутриполитической ситуации в стране;
- Уровень развития военной промышленности;
- Финансово-экономические возможности страны по приобретению необходимых вооружений и военной техники, которые очерчивают общие границы платежеспособного спроса на военную продукцию [8].

Представляется необходимым проанализировать данные факторы подробнее. Следует отметить, что военная доктрина Российской Федерации имела всего две редакции – 2000 [9] и 2014 гг. В по-

следней редакции нашли отражение следующие аспекты: вопросы расширения взаимодействия со странами-членами БРИКС, развитие отношений с Абхазией и Южной Осетией, а также усиление угроз в связи с обострением ситуации на Украине и вокруг нее, а также в связи с событиями в Сирии, Ираке, Афганистане, а также в другие регионах мира. Подчеркнуто, что «мировое развитие на современном этапе характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития, неустойчивостью процессов экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях на фоне общего осложнения международных отношений» [3]. Военные опасности и военные угрозы в новой редакции Доктрины смешиваются.

Основными внешними опасностями для Российской Федерации в соответствии с данным документом являются:

- Нарастание силового потенциала НАТО;
- Дестабилизация обстановки в отдельных государствах и регионах посредством подрыва национальной и региональной стабильности;
- Нарастание военных континентов иностранных государств;
- Создание и развертывание систем ПРО;
- Вмешательство во внутренние дела Российской Федерации;
- Применение военной силы в нарушение норм международного права, в том числе основополагающих;
- Усиление экстремизма и терроризма;
- Подрывная деятельность специальных служб иностранных государств.

Тем не менее, в Доктрине не отражены угрозы информационного характера, которые также несут значительный ущерб критической инфраструктуре и настроениям граждан.

В качестве примера влияния политических вызовов в рамках коллективного использования оборонного потенциала страны возможно привести колебания Армении в участии в Организации Договора коллективной безопасности. Тем не менее, как отмечают депутаты Государственной Думы Российской Федерации, этот процесс негативно скажется на обороноспособности (и оборонном потенциале) самой Армении, а не организации. Данная инициатива связана с поддержкой некоторыми государствами ОДКБ действий Азербайджана со стороны президента Белоруссии А.Г. Лукашенко [2], а некоторые государства, по словам премьер-министра Н. Пашиняна, участвовали в подготовке к этому конфликту [6]. Подобного рода заявления неоднократно встречались в информационном пространстве: критика касалась отсутствия реакции на просьбы прислать мониторинговую миссию во время конфликта, невыполнение Россией функции по обеспечению безопасности населения Нагорного Карабаха, отсутствие усилий со стороны ВС РФ по защите мирного населения данного региона, на что представители

Российской Федерации ответили, что миротворческий контингент действует «исключительно в соответствии с духом и буквой тех соответствующих документов, которые были подписаны между странами» [7]. В МИД РФ такие тезисы также были расценены как «голословные обвинения и провокационные действия в отношении российских миротворцев» недопустимыми и контрпродуктивными, «откуда бы они ни исходили» [1].

Еще одним вызовом стали международные санкционные ограничения, наложенные на оборонно-промышленный комплекс и другие виды экономической деятельности Российской Федерации. Следует отметить низкое влияние международных санкций, которые стали распространенным инструментом давления на Российскую Федерацию и дружественные ей страны с 2014 года по настоящее время. При этом, как отмечает глава государственной корпорации «Ростех» Сергей Чемезов, ВПК «пострадал меньше всего». Особенное внимание уделяется разработке вооружений, которые связаны с противодействием атак дронов, которые наносят ущерб критической инфраструктуре и важным для регионов предприятиям.

Тем не менее, необходимо учитывать риски, связанные с усилением конфликтных тенденций в регионе. Поставки оружия приводят впоследствии к распространению незаконного оборота оружия и к формированию организованных вооруженных формирований, что приводит к дестабилизации государств. По данным Организации Объединенных Наций, 90% случаев гибели гражданских лиц от оружия приходится на страны Африки южнее Сахары. Рост числа погибших был во многом обусловлен участвующим применением тяжелого оружия и боеприпасов взрывного действия, которое стало причиной гибели людей в 39% случаев. Второй по распространенности причиной гибели гражданских лиц в связи с конфликтами было применение стрелкового оружия и легких вооружений, которое стало причиной 14% случаев смерти [5].

Чтобы переломить ситуацию с экспортом вооружения и военной техники из России в сторону увеличения было предложено нарастить предложение субстратегических систем на мировом рынке. К таким, на пленарном заседании клуба «Валдай» президент РФ Владимир Владимирович Путин отнес помощь России Китаю в создании системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) [4]. По его словам, такая система кардинальным образом повысит обороноспособность КНР, так как сейчас СПРН имеют только США и Россия. Вместе с тем есть все основания полагать, что не только Пекин заинтересован в создании СПРН совместно с Россией.

Ввиду того, что отечественный ОПК находится под воздействием многочисленных взаимосвязанных факторов, необходимо провести их идентификацию. В первую очередь факторы, влияющие на ОПК страны, разделены на два вида – внешние (факторы макросреды для отечественного комплекса) и внутренние (факторы, возникающие на

уровне государства). В целом рассмотренные факторы не проявляются изолированно, они оказывают влияние друг на друга. Совокупность рассмотренных в настоящей статье факторов образует целостную систему, которая способна оказывать влияние на состояние отечественного оборонно-промышленного комплекса, его динамику и степень развития.

Еще одним подходом к классификации политических вызовов является источник его возникновения: политический вызов может формироваться как в государствах дальнего зарубежья, имеющих большое значение для российской политики, так и приграничных странах, дружественных странах. Такая классификация позволит внести вклад в приоритизацию политических вызовов для современного оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации.

Было установлено, что Российская Федерация ориентирована на оперативную реакцию на политические вызовы с точки зрения оборонного потенциала, что показывает акцент на развитие оборонной промышленности, повышение численности кадрового состава Вооруженных Сил даже на уровне рекордно низкой безработицы в стране, а также стремление к тому, чтобы развивать смежные отрасли, которые включают в себя машиностроение, сельское хозяйство и многие другие, которые играют стратегическую роль для обеспечения стабильности функционирования государства. Кроме того, Россия стремится к активному продвижению своих интересов на международном уровне, что было показано на примере инициатив по недопущению использования оружия в космическом пространстве и его размещению там.

Следует отметить устойчивость ВПК РФ перед санкционным давлением и оперативную переориентацию военно-технического сотрудничества. На данный момент Россия сотрудничает с дружественными странами Африки, Латинской Америки, Азии, Ближнего Востока и других регионов для предоставления им конкурентоспособной продукции военной промышленности. Ее успешное использование в условиях реальных боевых действий является доказательством ее актуальности в том числе для решения задач обороны иностранными заказчиками.

Литература

1. Брифинг М.В. Захаровой по текущим вопросам внешней политики // YouTube, 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BH5Ddff6GGM> (дата обращения 21.05.2024)
2. В Госдуме оценили последствия выхода Армении из ОДКБ // РБК, 2024. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/666adb139a79474129a71825> (дата обращения 13.06.2024)
3. Военная доктрина Российской Федерации // Российская Газета, 2014. URL: <https://rg.ru/documents/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения 20.05.2024)
4. Корнеева Е. В. Конкурентоспособность российского ВПК на мировом рынке вооружений и воен-

ной техники //Иновационные направления интеграции науки, образования и производства. – 2020. – С. 506-511.

5. Незаконный оборот стрелкового оружия приводит к росту насилия в мире // Организация Объединенных Наций, 2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/12/1447862> (дата обращения 20.04.2024)

6. Пашинян объявил, что Армения выйдет из ОДКБ // РБК, 2024. URL: https://www.rbc.ru/politics/12/06/2024/66699c779a7947e323cd9c13?from=from_main_2 (дата обращения 13.06.2024)

7. Песков ответил на слова Пашиняна о российских миротворцах в Карабахе // РБК, 2022. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63a42b559a794766e4879690> (дата обращения 21.05.2024)

8. Тимохин А. В. Основные внутренние и внешние факторы развития ОПК России //Иновации. – 2013. – №. 8 (178). – С. 19-22.

9. Указ Президента РФ от 21 апреля 2000 г. N 706 "Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации" // СПС «Гарант», 2000. URL: <https://base.garant.ru/181993/> (дата обращения 20.05.2024)

Information and behavioral wars as a new political challenge Ivanov Pavel P.

Plekhanov Russian University of Economics

The article examines current political challenges for the military-industrial complex of the Russian Federation and attempts to systematize them according to several criteria. This issue is characterized by high relevance for modern research and practice, which is associated with the transformation of the system of international relations, the conduct of a special military operation, the constant emergence of new challenges that require an operational approach to their settlement. In addition, the relevance of the chosen topic is due to the intensification of production of defense industry products and the development of military-technical cooperation with several friendly states. Another aspect of relevance is the change in the political course of the United States of America, which can still be called unpredictable and caused by a significant number of situational factors, which leads to increased uncertainty in the system of international relations and the formation of new hotbeds of tension. Within the framework of the study, key political challenges for the modern defense industry of the Russian Federation were identified, and the author's classification of these challenges was formed.

Keywords: defense industry complex, political challenges, international relations, military-technical cooperation, state regulation.

References

1. Briefing by M.V. Zakharova on current foreign policy issues // YouTube, 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BH5Ddff6GGM> (date of access 05/21/2024)
2. The State Duma assessed the consequences of Armenia's withdrawal from the CSTO // RBC, 2024. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/666adb139a79474129a71825> (date of access 06/13/2024)
3. Military Doctrine of the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta, 2014. URL: <https://rg.ru/documents/2014/12/30/doktrina-dok.html> (date of access 05/20/2024)
4. Korneeva E.V. Competitiveness of the Russian military-industrial complex in the world market weapons and military equipment // Innovative directions of integration of science, education and production. - 2020. - P. 506-511.
5. Illicit trafficking in small arms leads to an increase in violence in the world // United Nations, 2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/12/1447862> (date of access 04/20/2024)
6. Pashinyan announced that Armenia will leave the CSTO // RBC, 2024. URL: https://www.rbc.ru/politics/12/06/2024/66699c779a7947e323cd9c13?from=from_main_2 (date of access 06/13/2024)
7. Peskov responded to Pashinyan's words about Russian peacekeepers in Karabakh // RBC, 2022. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63a42b559a794766e4879690> (date of access 21.05.2024)
8. Timokhin A. V. The main internal and external factors of development of the defense industry complex of Russia // Innovations. - 2013. - No. 8 (178). - P. 19-22.
9. Decree of the President of the Russian Federation of April 21, 2000 N 706 "On approval of the Military Doctrine of the Russian Federation" // SPS "Garant", 2000. URL: <https://base.garant.ru/181993/> (date of access 20.05.2024)

Парламентская реформа: пример Вьетнама

Ле Хуинь Дык

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, huynhduck25a@gmail.com

Нгуен Тхи Тхьонг

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), Россия, Москва, ntthuong98@gmail.com

Статья анализирует процесс реформирования и совершенствования института парламентаризма (Национального собрания) в политической системе Вьетнама с начала реализации политики обновления («Доймой») в 1986 году и до настоящего времени. Рассматривается, как в условиях адаптации однопартийного социалистического государства к требованиям социально-экономического развития и международной интеграции Национальное собрание Вьетнама трансформировалось, постепенно повышая свою роль и реальные полномочия в законодательной деятельности и осуществлении высшего надзора. Выполняя представительскую функцию народной власти, оно одновременно выступает как законодательный орган и орган высшего надзора. На основе анализа правового статуса, функций и основных характеристик Национального собрания Вьетнама в сравнительной перспективе, в исследовании выделяются основные этапы процесса реформ, выявляются изменения в функциях, задачах, организационной структуре, методах деятельности, а также ключевые факторы, влиявшие на этот процесс в каждый период. Случай Вьетнама представляет собой пример усилий по модернизации законодательного органа и по балансированию между поддержанием политической стабильности и укреплением потенциала и эффективности парламентской деятельности, внося тем самым вклад в теорию сравнительной парламентарологии и практику реформ в странах с аналогичным контекстом.

Ключевые слова: Вьетнам, законодательство, международная интеграция, надзор, национальное собрание, политика обновления, парламентская реформа, парламентаризм, правовое государство, социалистическое правовое государство, сравнительная парламентарология.

Введение

Парламент, как высший представительный орган народа и (во многих странах) высший орган государственной власти, играет центральную роль в политической системе. Реформа и совершенствование института парламентаризма являются объективной необходимостью и непрерывным процессом, направленным на удовлетворение требований социально-экономического развития, строительства правового государства и международной интеграции. Во Вьетнаме, с момента обретения независимости и установления республиканского строя на основе первой Конституции 1946 года и до настоящего времени, Национальное собрание конституционно определяется как высший представительный орган народа и высший орган государственной власти, осуществляющий учредительную и законодательную власть, принимающий решения по важнейшим вопросам страны и осуществляющий высший надзор. С начала проведения политики Обновления («Дой Мой») (1986 г.)¹, во Вьетнаме наблюдается примечательный процесс парламентской реформы, протекающий в специфическом контексте однопартийной социалистической политической системы. Этот процесс направлен на поиск баланса между сохранением руководящей роли Коммунистической партии Вьетнама (КПВ), обеспечением политической стабильности и постепенным повышением роли, реальных полномочий и профессионализма Национального собрания для удовлетворения новых требований развития.

Изучение случая реформы Национального собрания Вьетнама имеет важное научное и практическое значение. Оно не только обогащает теорию сравнительной парламентарологии, особенно в части моделей реформ в политических системах, находящихся за рамками исследований традиционной политологии (незападный мир), но и предоставляет опыт для изучения странами с аналогичным историческим, культурным и политическим контекстом, стремящимися повысить эффективность деятельности своих законодательных органов. Цель данной статьи – проанализировать процесс, особенности и основные движущие силы реформы института Национального собрания Вьетнама с 1986 года по настоящее время. Для достижения этой цели, исследование предполагает решение следующих задач: (1) Охарактеризовать институциональный контекст и основные черты Национального собрания

¹ «Дой Мой» (Обновление) – официальное название программы всеобъемлющих реформ, принятой Коммунистической партией Вьетнама на VI съезде в декабре 1986 года с целью вывода страны из социально-экономического кризиса. Реформа включала коренной переход от централизованной плановой экономики к «социалистически ориентированной рыночной экономике», признание многообразия форм собственности, поощрение частного сектора, политику открытости для привлечения ино-

странных инвестиций и технологий. По времени проведения и целям экономических реформ «Дой Мой» имела определенное сходство с советской Перестройкой, однако коренным отличием стало то, что Вьетнам не пошел на глубокие политические реформы по типу Гласности и твердо придерживался сохранения руководящей роли Коммунистической партии, что сближает ее с моделью Политики реформ и открытости Китая, начатой в 1978 году.

Вьетнама в сравнительной перспективе; (2) Проанализировать процесс реформы по основным историческим этапам; (3) Выявить и проанализировать ключевые факторы, повлиявшие на данный процесс реформы.

Национальное собрание Вьетнама: Институциональный контекст и предварительный сравнительный анализ

Парламентская модель во Вьетнаме, с официальным названием Национальное собрание, несет на себе глубокий отпечаток специфического исторического, культурного и политического контекста страны с момента обретения независимости в 1945 году и принятия первой писаной Конституции в 1946 году. На протяжении всех этапов развития этот законодательный орган неизменно занимал особо важное положение в государственной и политической системе в целом. Уже в Конституции 1946 года этот орган, названный Народным парламентом, получил очень высокий правовой статус. Статья 22 гласила: «Народный парламент является высшим органом власти Демократической Республики Вьетнам»². Статья 23 закрепляла за ним конкретные полномочия, такие как издание законов, утверждение бюджета и ратификация международных договоров. В Конституции 1959 года официальное название было изменено на Национальное собрание. Его высшее положение было вновь подтверждено в статье 43: «Национальное собрание является высшим органом государственной власти Демократической Республики Вьетнам»³. При этом статья 44 подчеркивала: «Национальное собрание является единственным органом, обладающим законодательной властью». Эта особенность была унаследована и получила более четкое выражение под влиянием советской модели государства в Конституции 1980 года. Статья 82 гласила: «Национальное собрание является высшим представительным органом народа, высшим органом государственной власти Социалистической Республики Вьетнам. Национальное собрание является единственным органом, обладающим учредительной и законодательной властью...»⁴. Данное конституционное положение подчеркивало оба атрибута: высшего представительства народа и высшую государственную власть. В условиях проведения политики Обновления, Конституция 1992 года (с изменениями и дополнениями 2001 года) вновь закрепила этот статус, но внесла корректировки, направленные на повышение реальной роли парламента. Статья 83 гласила: «Национальное собрание является высшим представительным органом народа, высшим органом государственной власти Социалистической Республики Вьетнам. Национальное собрание является единственным органом, обладающим учредительной и законодательной властью. Национальное

собрание определяет основные направления внутренней и внешней политики, задачи социально-экономического развития, обороны и безопасности страны, основные принципы организации и деятельности государственного аппарата, общественных отношений и деятельности граждан. Национальное собрание осуществляет высший надзор за всей деятельностью государства.»⁵. По сравнению с Конституцией 1980 года, Конституция 1992 года более конкретизировала право принимать решения по важным вопросам и особо подчеркнула функцию высшего надзора. Действующая Конституция 2013 года подтвердила и усовершенствовала положения о статусе и роли Национального собрания в новых условиях. Статья 69 всесторонне закрепила: «Национальное собрание является высшим представительным органом Народа, высшим органом государственной власти Социалистической Республики Вьетнам. Национальное собрание осуществляет учредительную власть, законодательную власть, решает важнейшие вопросы страны и осуществляет высший надзор за деятельностью Государства.»⁶. Это положение унаследовало верховный статус Национального собрания от предыдущих конституций, одновременно уточнив его ключевые полномочия: учредительную власть, законодательную власть, решение жизненно важных вопросов страны и высший надзор.

Таким образом, конституции Вьетнама последовательно закрепляют центральное правовое положение Национального собрания в национальной надстройке, что проявляется через три основных атрибута: (i) высшая народная представительность, когда депутаты избираются прямым голосованием избирателей всей страны; (ii) высшая государственная власть, как главенствующего органа в системе органов государственной власти; и (iii) широкая сфера полномочий, охватывающая ключевые сферы жизни государства через функции учредительной власти, законодательной власти, принятия решений и высшего надзора. основополагающим и специфическим фактором в политической системе Вьетнама является то, что деятельность Национального собрания осуществляется под руководством Коммунистической партии Вьетнама. Это руководство определяет направление и содержание процесса реализации функций, задач, а также процедур деятельности законодательного органа.

Национальное собрание Вьетнама осуществляет три основные функции: (i) Осуществление учредительной и законодательной власти, создание системы законодательства, регулирующей все сферы общественной жизни; (ii) Принятие решений по важнейшим вопросам страны (социально-экономическое развитие, бюджет, внутренняя и внешняя политика, организация государственного аппарата, высшие кадровые вопросы); (iii) Осуществление

² Конституция Демократической Республики Вьетнам 1946 г., ст. 22.

³ Конституция Демократической Республики Вьетнам 1959 г., ст. 43.

⁴ Конституция Социалистической Республики Вьетнам 1980 г., ст. 82.

⁵ Конституция Социалистической Республики Вьетнам 1992 г. (с изменениями и дополнениями 2001 г.), ст. 83.

⁶ Конституция Социалистической Республики Вьетнам 2013 г., ст. 69.

высшего надзора за соблюдением Конституции и законов во всей деятельности государства через такие формы, как рассмотрение отчетов, интерpellация, тематический надзор и проведение голосования о доверии.

Основные характеристики организации и деятельности Национального собрания Вьетнама включают: однопалатную структуру, отражающую не только особенность унитарного государства, но и принцип единства государственной власти как основу политической организации Вьетнама; деятельность на основе принципа демократического централизма; сочетание представительной и законодательной функций, выражающееся в существовании как депутатов-совместителей⁷, представляющих различные социальные слои (этнические группы, религии, классы, гендерные группы, поколения...), ветви власти (исполнительную, судебную), органы, сектора и местности, так и в увеличении доли профессиональных депутатов⁸, сосредоточенных на выполнении парламентских функций, особенно законодательной; а также сохранение важной роли Постоянного комитета Национального собрания⁹ как постоянного и координирующего органа.

Сравнение с Федеральным Собранием Российской Федерации и парламентами других стран выявляет основные различия. В отношении структуры, однопалатная модель Вьетнама (соответствующая унитарному государству) отличается от двухпалатной модели, распространенной в федеративных государствах (например, в России) или странах с иными традициями. В плане отношений между законодательной и исполнительной властью, вьетнамская модель подчеркивает единство государственной власти, конституционно сосредоточенной в Национальном собрании под руководством КПВ. Эта модель, в прежней научной литературе часто обозначаемая термином «социалистическая республика», отличается от президентской, парламентской или смешанной (полупрезидентской) моделей республики. При этом использование данного термина требует особой осторожности, поскольку вьетнамская практика значительно отличается от характеристик, обычно определяемых как типичные для советской модели в истории, а также от самих стран, заявляющих о построении политической системы социалистической республики, таких как Китай. С точки зрения политической системы, механизм руководства одной партией во Вьетнаме создает иной контекст для парламентской деятельности по сравнению с многопартийными системами (как Россия, хотя и с доминирующей партией). Вы-

явление этих особенностей необходимо для понимания контекста и специфики процесса реформы Национального собрания Вьетнама.

Этапы реформы Национального собрания Вьетнама (1986 г. - настоящее время)

Для прояснения процесса реформы Национального собрания Вьетнама с 1986 года по настоящее время в исследовании используется периодизация, предполагающая разделение на четыре конкретных этапа:

Период 1986 - 1992 гг.: Начало политики Обновления («Дой Мой») и новое определение законодательной роли

Период 1986-1992 гг. ознаменовал собой существенное начало процесса реформы Национального собрания Вьетнама (НС VIII созыва), протекавшего параллельно с политикой Обновления и под ее прямым воздействием. Деятельность НС в этот период отражала усилия по адаптации к новому контексту и была сосредоточена на создании правовой основы для социалистически ориентированной рыночной экономики. Основным фокусом стала законодательная деятельность, с принятием множества ключевых законов и указов (декретов-законов) для создания правовой базы для экономических реформ. Типичными примерами являются Закон об иностранных инвестициях (1987 г.), Указы об охране прав промышленной собственности (1989 г.), о гражданских договорах (1991 г.), о жилье (1991 г.). В то же время начала формироваться и проявляться на начальном этапе надзорная функция через процедуру интерpellации на сессиях и рассмотрение отчетов государственных органов, хотя ее эффективность была ограниченной. Важнейшим правовым достижением, имеющим долгосрочное ориентирующее значение, стало принятие Конституции 1992 года. Этот документ не только обобщил начальную практику политики Обновления и институционализировал курс КПВ, но и коренным образом реструктурировал организацию государственного аппарата и подтвердил верховную роль Национального собрания.

Период 1986 - 1992 гг. стал важным начальным шагом в процессе реформы институт парламентаризма во Вьетнаме, демонстрируя переход от традиционного правового мышления к новому подходу, соответствующему всеобъемлющему процессу обновления страны. Характерной чертой стало изменение в восприятии роли Национального собрания, сильная концентрация на законодательной работе для поддержки экономических реформ и начало

⁷ Депутаты Национального собрания, одновременно занимающие другую должность или выполняющие другую работу (как правило, в государственных органах, общественно-политических организациях, госпредприятиях и т.д.) помимо депутатских обязанностей.

⁸ Депутаты Национального собрания, посвящающие все или большую часть рабочего времени выполнению парламентских задач в Национальном собрании и его органах.

⁹ Постоянный орган Национального собрания Вьетнама, действующий непрерывно в период между сессиями Национального собрания. Этот институт был предусмотрен Конституцией 1959 г.

(заменен Государственным советом в период 1980-1992 гг.) и сохранен в Конституциях 1992 и 2013 гг. (действующей). Согласно Конституции 2013 г. (ст. 73, 74) и законодательству, Постоянный комитет Национального собрания (ПКНС) обладает важными задачами и полномочиями, такими как: издание указов (декретов-законов); толкование Конституции, законов, указов; надзор за деятельностью госорганов; подготовка и созыв сессий Национального собрания; решение важных административных, кадровых, внешнеполитических вопросов... в рамках своей компетенции или по поручению Национального собрания.

процесса подготовки к более крупным институциональным изменениям, закрепленным в Конституции 1992 года, заложив тем самым важную основу для более глубоких этапов реформы Национального собрания в последующие годы.

Период 1992 – 2001 гг.: Реализация Конституции 1992 года и начальные шаги к профессионализации

Этот этап, охватывающий период работы НС IX созыва (1992-1997 гг.) и большую часть срока полномочий X созыва (1997-2002 гг.), стал важным этапом в процессе развития Национального собрания Вьетнама. Деятельность Национального собрания в этот период формировалась в условиях только что принятой Конституции 1992 года, создавшей новую правовую основу для политики Обновления и способствовавшей международной интеграции. Это также был период, когда в строительстве и организации государственного аппарата и политической системы Вьетнама появилось новое понятие «социалистическое правовое государство», пришедшее на смену старому понятию «государство диктатуры пролетариата». Конституция 1992 года стала не только правовой основой, но и движущей силой, побудившей Национальное собрание к срочному построению новой правовой системы, соответствующей рыночной экономике и требованиям современного государственного управления. Одновременно давление со стороны процесса интеграции (вступление в АСЕАН, нормализация отношений с США) требовало создания четкой и прозрачной правовой базы, способствующей развитию и международному сотрудничеству. Эти требования побуждали Национальное собрание к повышению качества законодательной деятельности и эффективности надзора. Внесение поправок и дополнений в Конституцию 1992 года в 2001 году было не просто актом конституционного творчества, но и подведением итогов и корректировкой стратегии после почти десятилетнего периода ее реализации. Оно было направлено на дальнейшее совершенствование институтов, чтобы соответствовать новым требованиям развития и интеграции на новом этапе, а также на подтверждение центральной роли Национального собрания в политической системе и в процессе строительства правового государства.

Период 2001 – 2013 гг.: Укрепление законодательного, надзорного потенциала и интеграция

Этот период, соответствующий периоду работы НС XI, XII созывов и началу работы XIII созыва, стал периодом значительного укрепления законодательной, надзорной ролей и профессионализма Национального собрания Вьетнама. Политико-правовой контекст определялся Конституцией с поправками 2001 года, а также требованиями, вытекающими из постреформенного социально-экономического развития и углубленной международной интеграции (особенно вступления в ВТО в 2007 году). Национальное собрание продолжило совершенствование правовой системы с акцентом на повышение каче-

ства, реализуемости и согласованности законопроектов. Законодательный процесс был усовершенствован путем расширения консультаций, повышения качества экспертизы и применения оценки регулирующего воздействия (ОРВ). Функция высшего надзора была усилена на основе Закона о надзорной деятельности Национального собрания 2003 года. Формы надзора, включая интерпелляцию и тематический надзор по ключевым социально-экономическим вопросам, стали применяться более эффективно. Механизм голосования о доверии должностным лицам, избираемым или утверждаемым Национальным собранием, начал применяться с 2013 года, ознаменовав собой шаг вперед в механизме надзора. Профессионализм Национального собрания повышался за счет увеличения доли депутатов, работающих на постоянной основе (около 25% в XI созыве, 30% в XII созыве), и укрепления потенциала вспомогательного аппарата. Деятельность Национального собрания также стала более открытой и прозрачной благодаря расширению прямой телетрансляции пленарных заседаний и предоставлению информации на онлайн-платформах. Период 2001 - 2013 гг. стал свидетелем важных шагов вперед в процессе реформы Национального собрания Вьетнама. Реализация Закона о надзорной деятельности, усиление практики интерпелляции, повышение качества законодательства и обновление методов работы способствовали повышению ответственности и эффективности Национального собрания. Внимание к связям с избирателями и открытость и прозрачность информации также способствовали укреплению демократичности и подотчетности высшего представительного органа.

Период с 2013 г. по настоящее время: Модернизация в соответствии с Конституцией 2013 года и углубленная интеграция

Этот этап, начавшийся с момента вступления в силу Конституции 2013 года, охватывает вторую половину срока полномочий Национального собрания XIII созыва, весь срок полномочий XIV созыва и текущий XV созыв (по состоянию на апрель 2025 г.). На данном этапе Национальное собрание сосредоточено на реализации новой Конституции и на активизации усилий по модернизации в контексте углубленной международной интеграции и возникающих новых вызовов. Главным приоритетом является пересмотр, внесение поправок и принятие согласованной правовой системы для конкретизации положений Конституции, особенно в отношении организации государственного аппарата, прав человека и гражданина, институтов социалистически ориентированной рыночной экономики и интеграции. Законодательная работа по-прежнему сосредоточена на повышении качества, единства и эффективности процесса. Закон о надзорной деятельности Национального собрания и Народных советов 2015 года усовершенствовал правовую базу надзора. Механизм голосования о доверии проводится периодически, став важным инструментом надзора в отношении должностных лиц, избираемых или утверждае-

мых Национальным собранием. Практика интерпелляции продолжает усиливаться, с акцентом на подотчетность. Доля депутатов, работающих на постоянной основе, продолжает повышаться (целевой показатель $\geq 40\%$ для XV созыва). Применение информационных технологий активизируется через инициативы по созданию электронного парламента (онлайн-/гибридные заседания, электронное голосование, цифровые базы данных), повышая гибкость и эффективность. В настоящее время Национальное собрание реализует дорожную карту по реорганизации внутренней структуры своих органов, включая реструктуризацию профильных комитетов, совершенствование кадровой структуры в сторону компактности и эффективности, с целью повышения эффективности деятельности, углубления специализации и устранения дублирования функций. Реализация Конституции 2013 года и контекст углубленной международной интеграции стали мощным стимулом для Национального собрания к укреплению позиций, повышению качества и эффективности во всех аспектах деятельности: от более строгого, проактивного и согласованного законодательства до эффективного принятия решений по важнейшим национальным вопросам; от модернизации методов работы с помощью информационных технологий до активизации парламентской дипломатии и укрепления связей с избирателями. Все эти усилия направлены на построение все более профессионального и сильного Национального собрания, способного лучше отвечать требованиям развития страны в новой ситуации.

Анализ факторов, влияющих на процесс реформы

Процесс реформы Национального собрания Вьетнама подвержен влиянию комплекса факторов, роль и степень влияния которых меняются на разных этапах:

Направляющая роль Коммунистической партии Вьетнама

Это всеобъемлющий и сквозной фактор, играющий решающую роль в определении направления, целей, содержания и рамок реформы Национального собрания на всех этапах. Курс КПВ, определяемый на ее съездах, формировал фокус реформ: В период 1986-1992 гг., КПВ инициировала политику Обновления с фокусом на экономику, и реформа Национального собрания была направлена главным образом на институционализацию экономического курса и проводилась осторожно. В период 1992-2001 гг., КПВ уделяла больше внимания государственному строительству и совершенствованию институтов в соответствии с Конституцией 1992 года, создавая определенное пространство для развития НС. В период 2001-2013 гг., КПВ делала акцент на построении правового государства, повышении эффективности управления и борьбе с коррупцией, что одновременно создавало условия и ставило перед НС задачу значительного усиления надзорной роли. В период с 2013 г. по настоящее время, КПВ решительно настроена на партийное

строительство и упорядочение своих рядов, борьбу с коррупцией и негативными явлениями, оптимизацию государственного аппарата. Это требование задает четкий вектор для Национального собрания в совершенствовании законодательства и осуществления еще более эффективного надзора. Методы партийного руководства также корректируются, с одной стороны, обеспечивая сохранение руководящей роли Партии, а с другой – стимулируя проактивность и инициативность Национального собрания.

Стимулы со стороны социально-экономического развития и институтов рыночной экономики

Потребность в создании и совершенствовании правовой базы для социалистически ориентированной рыночной экономики всегда являлась важным фактором, стимулирующим законодательную деятельность Национального собрания. На начальном этапе (1986-1992 гг.) это был абсолютно доминирующий стимул из-за экономического кризиса; Национальное собрание сосредоточилось на принятии законов для создания первоначальной правовой основы. На последующих этапах требования становились все более сложными, требуя более детализированного законодательства для регулирования современных рыночных отношений, решения возникающих проблем (конкуренция, интеллектуальная собственность, банкротство, окружающая среда...) и обеспечения устойчивого развития. Качество и согласованность системы экономического законодательства стали центральным фокусом.

Требование построения социалистического правового государства

Эволюция от постепенно формирующегося понятия (после 1992 г.) до становления стратегическим ориентиром (после 2001 г.) и решительного утверждения в Конституции 2013 года, требование построения социалистического правового государства оказывает глубокое воздействие на реформу Национального собрания. Оно стимулирует совершенствование правовой системы в направлении прозрачности, справедливости, защиты прав человека и прав граждан. Оно требует от Национального собрания реального повышения роли высшего надзора для обеспечения верховенства права и контроля над государственной властью. Оно также стимулирует судебную реформу, требуя более тесной координации и надзора со стороны Национального собрания за судебными органами.

Влияние международной интеграции

Если до 1992 г. воздействие международной интеграции было ограниченным, то впоследствии оно становилось все более глубоким и превратилось в мощный стимул реформ для Национального собрания. В период 1992-2001 гг. интеграция в основном заключалась во вступлении в АСЕАН и нормализации отношений [с США], и начали появляться требования предварительной гармонизации законодательства. В период 2001-2013 гг. вступление в ВТО

стало важной вехой, вынудившей Вьетнам к значительным реформам экономических институтов, торгового и инвестиционного законодательства, законодательства об интеллектуальной собственности и др. в соответствии с международными стандартами. В период с 2013 г. по настоящее время реализация соглашений о свободной торговле (ССТ) нового поколения (таких как ВЗТТП, ССТ ЕС-Вьетнам) продолжает предъявлять высокие требования к совершенствованию законодательства и институтов, не только в экономической сфере, но и в области труда, окружающей среды, прозрачного управления. Парламентская дипломатия также приобретает все большее значение.

Внутренние факторы, институциональный потенциал Национального собрания и политические традиции Вьетнама

Осознание роли и места самого Национального собрания, его органов и депутатов становится все более ясным и глубоким. Изменения в составе депутатского корпуса в сторону увеличения доли депутатов, работающих на постоянной основе в течение различных созывов, значительно повысили профессионализм и качество экспертно-аналитической и надзорной деятельности. Влияние советской модели, а также политико-культурные традиции Вьетнама играют важную роль в формировании и сохранении специфики вьетнамской парламентской модели по сравнению с типичными мировыми аналогами. Совершенствование организационной структуры, включая планируемое укрепление комитетов и вспомогательного аппарата, также направлено на повышение функционального потенциала. Развитие институциональных основ деятельности, в частности, принятие таких законов и нормативных актов, как Закон об организации Национального собрания, Закон о надзорной деятельности Национального собрания и Народных советов, Регламент сессий и других, создало правовую базу для все более систематической и эффективной работы парламента.

Заключение

Процесс институциональной реформы Национального собрания во Вьетнаме с 1986 года по настоящее время представляет собой динамичный процесс, отражающий адаптацию и обновление политической системы страны в ответ на вызовы развития и интеграции. В исследовании данный процесс проанализирован через четыре основных этапа, демонстрируя явную трансформацию Национального собрания в сторону обретения им большей реальной власти как в законодательной, так и в надзорной сферах, наряду с усилиями по повышению профессионализма и модернизации методов работы. Это развитие стимулируется и определяется множеством взаимосвязанных факторов, среди которых неизменная руководящая роль КПВ выступает решающим фактором. Реформа Национального собрания Вьетнама является наглядным примером усилий по модернизации законодательного органа в рамках однопартийной политической

системы, демонстрируя сочетание поддержания политической стабильности с повышением потенциала и эффективности деятельности высшего представительного органа народа. Этот процесс свидетельствует о способности политической системы Вьетнама к адаптации и инновациям для удовлетворения потребностей национального развития и международной интеграции.

Пример Вьетнама показывает, что парламентская реформа может происходить в различных политических контекстах, с использованием разнообразных путей и решений для реформ, соответствующих особенностям каждой страны. Изучение парламентской реформы требует глубокого понимания взаимодействия между формальными институциональными структурами и основополагающими политическими движущими силами. Опыт Вьетнама в постепенном построении более дееспособного законодательного органа при одновременном сохранении политической стабильности в рамках однопартийной системы может предоставить ценные уроки для других стран, стремящихся реформировать свои парламентские институты в уникальных политических контекстах.

Литература

1. Конституция Социалистической Республики Вьетнам 1992 г. (Принята Национальным собранием 15.04.1992 г.).
2. Резолюция Национального собрания 10-го созыва № 51/2001/QН10 от 25.12.2001 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые статьи Конституции Социалистической Республики Вьетнам 1992 г.».
3. Конституция Социалистической Республики Вьетнам 2013 г. (Принята Национальным собранием 28.11.2013 г.).
4. Закон № 09/2003/QН11 «О надзорной деятельности Национального собрания». (Принят НС 11-го созыва в 2003 г.).
5. Закон № 57/2014/QН13 «Об организации Национального собрания». (Принят НС 13-го созыва в 2014 г., с изменениями и дополнениями, внесенными Законом № 65/2020/QН14 от 19.06.2020 г.).
6. Закон № 87/2015/QН13 «О надзорной деятельности Национального собрания и Народных советов». (Принят НС 13-го созыва в 2015 г.).
7. Документы VI съезда КПВ. – Ханой: Изд-во «Шытхат», 1987.
8. Документы VII съезда КПВ. – Ханой: Изд-во «Шытхат», 1991.
9. Документы VIII съезда КПВ. – Ханой: Национальное политическое изд-во, 1996.
10. Документы IX съезда КПВ. – Ханой: Национальное политическое изд-во, 2001.
11. Документы X съезда КПВ. – Ханой: Национальное политическое изд-во, 2006.
12. Документы XI съезда КПВ. – Ханой: Национальное политическое изд-во, 2011.
13. Документы XII съезда КПВ. – Ханой: Национальное политическое изд-во, 2016.
14. Документы XIII съезда КПВ: В 2 т. – Ханой: Национальное политическое изд-во, 2021.

15. Постановление Политбюро ЦК КПВ № 48-NQ/TW от 24.05.2005 г. «О Стратегии строительства и совершенствования правовой системы Вьетнама до 2010 года и направлениях до 2020 года».

16. Заключение Политбюро ЦК КПВ № 19-KL/TW от 14.10.2021 г. «Об ориентации Программы законотворческой деятельности на срок полномочий Национального собрания 15-го созыва».

17. Постановление ЦК КПВ 13-го созыва № 27-NQ/TW от 09.11.2022 г. «О дальнейшем строительстве и совершенствовании социалистического правового государства Вьетнам в новый период».

18. Резолюция Национального собрания № 96/2023/QH15 от 23.11.2023 г. «О продолжении выполнения некоторых резолюций Национального собрания 14-го созыва и с начала срока полномочий 15-го созыва до конца 4-й сессии по тематическому надзору и интерpellляциям».

19. Буй Суан Дык (отв. ред.). Повышение качества надзорной деятельности Национального собрания Вьетнама. – Ханой: Юридическое изд-во, 2019.

20. Нгуен Ши Зунг. Парламент и современные политические проблемы. – Ханой: Национальное политическое изд-во, 2016.

21. Нгуен Тхи Хой (отв. ред.). Совершенствование механизма контроля государственной власти во Вьетнаме на современном этапе. – Ханой: Национальное политическое изд-во, 2018.

22. Нгуен Тхи Ким Нган (отв. ред.). Национальное собрание Вьетнама в процессе строительства и совершенствования социалистического правового государства. – Ханой: Национальное политическое изд-во, 2016.

23. Буй Нгок Шон. Строительство правового государства во Вьетнаме: теория и практика. – Ханой: Юридическое изд-во, 2019.

24. Хоанг Ван Ту, Нгуен Мань Хунг (совм. отв. ред.). Национальное собрание Вьетнама в процессе строительства и совершенствования социалистического правового государства. – Ханой: Национальное политическое изд-во, 2020.

25. Нгуен Минь Туан. Совершенствование механизма парламентского контроля за осуществлением государственной власти // Журнал «Исследования законодательства». – 2023. – № 15-16 (487-488). – С. 12-19.

26. Институт законодательных исследований. Материалы научного семинара: Повышение качества надзорной деятельности Национального собрания. – Ханой: Национальное политическое изд-во, 2022.

27. Кононенко В., Туровский Р. Parliamentary Control in a Super-Presidential System: The Case of the Russian State Duma // Parliamentary Affairs. – 2022. – Vol. 75. – № 2. – P. 357–378.

Parliamentary reform: the case of Vietnam
Le Huynh Duc, Nguyen Thi Thuong

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANPEA), Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN)

The article analyzes the process of reforming and improving the institution of parliamentarism (the National Assembly) in Vietnam's political system from the beginning of the "Doi Moi" (Renovation) policy implementation in 1986 to the present. It examines how, in the context of a single-party socialist

state adapting to the demands of socio-economic development and international integration, the Vietnamese National Assembly has transformed, gradually increasing its role and real powers in legislative activities and the exercise of supreme oversight. While fulfilling the representative function of the people's power, it simultaneously acts as a legislative body and an organ of supreme oversight. Based on an analysis of the legal status, functions, and main characteristics of the National Assembly of Vietnam in a comparative perspective, the study identifies the main stages of the reform process, reveals changes in functions, tasks, organizational structure, working methods, as well as key factors influencing this process in each period. The case of Vietnam exemplifies efforts to modernize the legislative body and to balance maintaining political stability with strengthening the potential and effectiveness of parliamentary activities, thereby contributing to the theory of comparative parliamentarism and the practice of reforms in countries with similar contexts.

Keywords: Vietnam, legislation, international integration, oversight, national assembly, renovation policy, parliamentary reform, parliamentarism, rule of law, socialist rule of law, comparative parliamentarism.

References

1. The Constitution of the Socialist Republic of Vietnam, 1992 (Adopted by the National Assembly on 15.04.1992).
2. Resolution of the 10th National Assembly No. 51/2001/QH10 dated 25.12.2001 "On Amending and Supplementing Some Articles of the Constitution of the Socialist Republic of Vietnam, 1992".
3. The Constitution of the Socialist Republic of Vietnam, 2013 (Adopted by the National Assembly on 28.11.2013).
4. Law No. 09/2003/QH11 "On the Supervisory Activities of the National Assembly". (Adopted by the 11th National Assembly in 2003).
5. Law No. 57/2014/QH13 "On the Organization of the National Assembly". (Adopted by the 13th National Assembly in 2014, with amendments and additions introduced by Law No. 65/2020/QH14 dated 19.06.2020).
6. Law No. 87/2015/QH13 "On the Supervisory Activities of the National Assembly and the People's Councils". (Adopted by the 13th National Assembly in 2015).
7. Documents of the 6th Congress of the CPV. - Hanoi: Shythat Publishing House, 1987.
8. Documents of the 7th Congress of the CPV. - Hanoi: Shythat Publishing House, 1991.
9. Documents of the 8th Congress of the CPV. – Hanoi: National Political Publishing House, 1996.
10. Documents of the 9th Congress of the CPV. – Hanoi: National Political Publishing House, 2001.
11. Documents of the 10th Congress of the CPV. – Hanoi: National Political Publishing House, 2006.
12. Documents of the 11th Congress of the CPV. – Hanoi: National Political Publishing House, 2011.
13. Documents of the 12th Congress of the CPV. – Hanoi: National Political Publishing House, 2016.
14. Documents of the 13th Congress of the CPV: In 2 volumes. – Hanoi: National Political Publishing House, 2021.
15. Resolution of the Politburo of the CPV Central Committee No. 48-NQ / TW dated 05/24/2005 "On the Strategy for the Construction and Improvement of the Legal System of Vietnam until 2010 and Directions until 2020".
16. Conclusion of the Politburo of the CPV Central Committee No. 19-KL / TW dated 10/14/2021 "On the orientation of the Program of legislative activity for the term of office of the National Assembly of the 15th convocation".
17. Resolution of the 13th CPV Central Committee No. 27-NQ/TW dated 09.11.2022 "On further construction and improvement of the socialist state of law of Vietnam in the new period".
18. Resolution of the National Assembly No. 96/2023/QH15 dated 23.11.2023 "On continuing the implementation of some resolutions of the 14th National Assembly and from the beginning of the term of office of the 15th convocation until the end of the 4th session on thematic supervision and interpellations".
19. Bui Xuan Duc (ed.). Improving the quality of oversight activities of the National Assembly of Vietnam. - Hanoi: Law Publishing House, 2019.
20. Nguyen Shi Dung. Parliament and modern political problems. – Hanoi: National Political Publishing House, 2016.
21. Nguyen Thi Khoi (editor). Improving the Mechanism of Control over State Power in Vietnam at the Present Stage. – Hanoi: National Political Publishing House, 2018.
22. Nguyen Thi Kim Ngan (editor). The National Assembly of Vietnam in the Process of Building and Improving the Socialist State Based on the Rule of Law. – Hanoi: National Political Publishing House, 2016.
23. Bui Ngoc Son. Building the Rule of Law in Vietnam: Theory and Practice. – Hanoi: Law Publishing House, 2019.
24. Hoang Van Tu, Nguyen Manh Hung (co-editors). The National Assembly of Vietnam in the Process of Building and Improving the Socialist State Based on the Rule of Law. – Hanoi: National Political Publishing House, 2020.
25. Nguyen Minh Tuan. Improving the Mechanism of Parliamentary Control over the Exercise of State Power // Journal of Legislation Studies. – 2023. – No. 15-16 (487-488). – P. 12-19.
26. Institute for Legislative Studies. Proceedings of the Scientific Seminar: Improving the Quality of Oversight Activities of the National Assembly. – Hanoi: National Political Publishing House, 2022.
27. Kononenko V., Turovsky R. Parliamentary Control in a Super-Presidential System: The Case of the Russian State Duma // Parliamentary Affairs. – 2022. – Vol. 75. – No. 2. – P. 357–378.

Современные методы и инструменты реализации государственной демографической политики на Дальнем Востоке

Лысенкова Екатерина Романовна

Аспирант, Владивостокский государственный университет,
Lysenkova.katrin@gmail.com

Реализация государственной демографической политики на Дальнем Востоке России представляет собой комплексную задачу, обусловленную уникальными географическими, экономическими и социальными особенностями региона. Дальневосточный федеральный округ, занимающий более трети территории страны, но имеющий наименьшую плотность населения, требует особого подхода к решению демографических проблем. В работе представлены современные методы и инструменты демографической политики, направленные на преодоление негативных тенденций, связанных с оттоком населения, низкой рождаемостью и высокой смертностью.

Ключевые слова. государственные программы, демография, демографическая политика, Дальний Восток, население Дальнего Востока.

Введение

Для достижения долгосрочных целей демографической политики важно, чтобы государственные меры не ограничивались только краткосрочными стимулами, такими как субсидии или налоговые льготы, а включали комплексный подход к повышению качества жизни. Это включает улучшение медицинского обслуживания, обеспечение доступа к образованию, развитию инфраструктуры, созданию привлекательных рабочих мест и повышению уровня жизни в целом. Особое внимание должно уделяться молодежи, которая является основным ресурсом для устойчивого демографического роста.

Одной из ключевых задач является создание условий для закрепления населения в регионах с демографическими проблемами, таких как Дальний Восток. Здесь важную роль играет не только материальная поддержка, но и создание социальной и культурной среды, привлекательной для молодых семей. Это может включать развитие образовательных учреждений, культурных центров, улучшение экологии и транспортной инфраструктуры. Большое значение имеет также внедрение программ, направленных на профессиональную подготовку и переподготовку кадров, чтобы молодые специалисты могли находить работу в перспективных секторах экономики, таких как ИТ, энергетика, сельское хозяйство и производство¹⁰.

Кроме того, государственная демографическая политика должна учитывать глобальные тенденции и вызовы, такие как миграционные потоки и изменение климата. В контексте демографической политики миграция может стать как проблемой, так и возможностью. Привлечение трудовых мигрантов, обладающих необходимыми навыками и квалификацией, может стать важным фактором для восполнения дефицита рабочей силы в регионах с низкой численностью населения. Однако успешная интеграция мигрантов требует не только создания рабочих мест, но и продуманной социальной политики, которая будет способствовать их адаптации и включению в местное сообщество.

Методы реализации демографической политики

Одним из ключевых методов реализации демографической политики на Дальнем Востоке является программно-целевой подход. В рамках этого метода разрабатываются и реализуются федеральные и региональные программы, направленные на

¹⁰ Орешкин, М. Социальные реформы и демографическая устойчивость. – М.: НИЦ «Социальные реформы», 2021. – 310 с.

улучшение демографической ситуации. Примером такой программы служит государственная программа "Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа", которая включает в себя комплекс мер по стимулированию рождаемости, снижению смертности и привлечению населения в регион.

Важным инструментом демографической политики на Дальнем Востоке выступает создание особых экономических зон и территорий опережающего развития (ТОР). Этот инструмент направлен на привлечение инвестиций, создание новых рабочих мест и, как следствие, на стимулирование миграционного притока населения. Особый правовой режим ТОР предусматривает налоговые льготы и упрощенные административные процедуры для бизнеса, что должно способствовать экономическому развитию региона и созданию благоприятных условий для жизни населения.

Одним из наиболее инновационных методов демографической политики на Дальнем Востоке является программа "Дальневосточный гектар". Эта программа предоставляет гражданам России возможность бесплатно получить земельный участок площадью до 1 гектара на Дальнем Востоке. Цель программы - привлечь население в регион, стимулировать экономическую активность и развитие сельских территорий. Данный метод сочетает в себе элементы земельной и миграционной политики, что отражает комплексный подход к решению демографических проблем региона.

Важным направлением демографической политики на Дальнем Востоке является развитие социальной инфраструктуры. Этот метод реализуется через строительство новых и модернизацию существующих объектов здравоохранения, образования, культуры и спорта. Особое внимание уделяется развитию медицинской инфраструктуры, в том числе созданию высокотехнологичных медицинских центров, что должно способствовать снижению смертности и повышению качества жизни населения.

Для стимулирования рождаемости на Дальнем Востоке применяются специфические финансовые инструменты. Помимо общероссийских мер поддержки семей с детьми, в регионе действуют дополнительные выплаты и льготы. Например, региональный материнский капитал, размер которого в некоторых субъектах Дальневосточного федерального округа значительно превышает среднероссийский уровень. Кроме того, применяются такие инструменты, как льготная ипотека для семей с детьми, субсидирование процентной ставки по кредитам для молодых семей.

Особое место в демографической политике на Дальнем Востоке занимают методы и инструменты, направленные на привлечение и закрепление молодежи в регионе. Это включает в себя развитие системы высшего образования, в том числе создание

федеральных университетов, реализацию программ целевого обучения с последующим трудоустройством в регионе, предоставление "подъемных" выплат молодым специалистам, приезжающим работать на Дальний Восток¹¹.

В контексте миграционной политики на Дальнем Востоке применяются методы селективной миграции. Это предполагает создание преференций для привлечения квалифицированных специалистов, в том числе из-за рубежа. Используются такие инструменты, как упрощенное получение разрешения на работу для иностранных граждан в ТОР, программы профессиональной переподготовки для мигрантов, содействие в переселении соотечественников из-за рубежа¹².

Важным методом реализации демографической политики является информационно-пропагандистская работа. Она направлена на формирование позитивного образа Дальнего Востока как региона с высоким потенциалом развития и благоприятными условиями для жизни. Этот метод реализуется через средства массовой информации, социальную рекламу, проведение культурных и спортивных мероприятий международного уровня, таких как Восточный экономический форум.

Отдельного внимания заслуживают методы и инструменты, направленные на развитие городской среды и повышение качества жизни в дальневосточных городах. Это включает реализацию программ благоустройства, развитие общественного транспорта, создание современных общественных пространств. Целью этих мер является не только удержание существующего населения, но и привлечение новых жителей, особенно молодежи, для которой качество городской среды является важным фактором при выборе места жительства.

В последние годы все большее значение приобретают цифровые методы и инструменты реализации демографической политики. Это включает создание онлайн-платформ для получения государственных услуг, информационных порталов для потенциальных переселенцев, использование больших данных для анализа миграционных потоков и прогнозирования демографической ситуации.

Реализация демографической политики на Дальнем Востоке.

Эффективная реализация демографической политики на Дальнем Востоке требует координации усилий федеральных, региональных и местных властей, а также активного участия бизнеса и гражданского общества. Для этого создаются специальные координационные органы, такие как Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, а также используются механизмы государственно-частного партнерства.

¹¹ Кириллова Е.К. Государственная программа по переселению соотечественников: преемственность и некоторые итоги // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2019. С. 566-594.

¹² Бекетов Н.В., Денисова А.С., Елшина И.А. Основные приоритеты формирования государственной демографической политики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 4. № 5(26). С. 10-21.

Реализация демографической политики на Дальнем Востоке тесно связана с геополитическими интересами России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Укрепление демографического потенциала Дальнего Востока рассматривается как ключевой фактор обеспечения национальной безопасности и экономического развития страны в целом. В этом контексте демографическая политика выходит за рамки чисто социальной сферы и становится важным элементом внешнеполитической стратегии государства¹³.

Одним из перспективных направлений демографической политики на Дальнем Востоке является развитие трансграничного сотрудничества с соседними странами. Это включает создание совместных экономических зон, упрощение визового режима для бизнесменов и туристов, реализацию совместных образовательных программ. Такой подход не только способствует экономическому развитию региона, но и создает условия для формирования более открытой и динамичной демографической структуры.

Важным аспектом демографической политики на Дальнем Востоке является учет экологических факторов. Регион обладает уникальными природными ресурсами и экосистемами, сохранение которых имеет глобальное значение. В этой связи разрабатываются и внедряются инструменты экологически ориентированного развития, включая создание национальных парков и заповедников, развитие экологического туризма, внедрение "зеленых" технологий в промышленности и энергетике. Эти меры не только способствуют улучшению качества жизни населения, но и создают новые рабочие места в сфере экологии и природопользования.

Особого внимания заслуживает проблема адаптации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока к современным социально-экономическим условиям. Демографическая политика в отношении этих народов направлена на сохранение их традиционного образа жизни и культуры при одновременном обеспечении доступа к современному образованию и медицинскому обслуживанию. Разрабатываются специальные программы поддержки традиционных видов хозяйственной деятельности, развития этнокультурного туризма, сохранения языков и культурного наследия коренных народов.

В контексте демографической политики на Дальнем Востоке особое значение приобретает развитие транспортной инфраструктуры. Огромные расстояния и низкая плотность населения требуют инновационных подходов к организации транспортного сообщения. Реализуются проекты по модернизации Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей, развитию сети региональных аэропортов, созданию скоростных автомагистралей. Эти меры не только

улучшают связность территории, но и создают новые возможности для экономического развития и миграции населения внутри региона¹⁴.

Важным инструментом демографической политики становится развитие телемедицины и дистанционного образования. Эти технологии позволяют преодолеть проблему территориальной удаленности и обеспечить доступ к качественным медицинским и образовательным услугам даже в самых отдаленных районах Дальнего Востока. Реализуются проекты по созданию телемедицинских центров, внедрению систем удаленного мониторинга состояния здоровья пациентов, развитию онлайн-платформ для дистанционного обучения.

Демографическая политика на Дальнем Востоке учитывает и гендерный аспект. В регионе наблюдается дисбаланс между мужским и женским населением, особенно в трудоспособном возрасте. Для решения этой проблемы разрабатываются программы, направленные на создание привлекательных рабочих мест для женщин, развитие женского предпринимательства, обеспечение гендерного равенства в оплате труда и карьерных возможностях.

Одним из инновационных направлений демографической политики является развитие "серебряной экономики" - сектора экономики, ориентированного на потребности и возможности пожилых людей. Это включает создание специализированных медицинских и реабилитационных центров, развитие индустрии товаров и услуг для пожилых, программы активного долголетия. Такой подход не только улучшает качество жизни старшего поколения, но и создает новые рабочие места в сфере социального обслуживания.

В рамках демографической политики на Дальнем Востоке особое внимание уделяется развитию культурной сферы. Реализуются проекты по созданию современных культурных центров, проведению международных фестивалей и выставок, развитию креативных индустрий. Эти меры направлены на формирование привлекательной культурной среды, способной удержать молодежь в регионе и привлечь творческих специалистов из других регионов и стран¹⁵.

Важным аспектом демографической политики является развитие научно-образовательного потенциала Дальнего Востока. Создаются научно-образовательные центры мирового уровня, развиваются наукограды и технопарки. Особое внимание уделяется развитию исследований в области океанологии, геологии, биотехнологий, космических технологий - направлений, имеющих стратегическое значение для развития региона.

В контексте глобальных климатических изменений демографическая политика на Дальнем Востоке учитывает и фактор климатической миграции. Раз-

¹³ Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. - 2019. - № 1. - с. 95-113. - doi: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715.

¹⁴ Молчанова Н.П., Молчанов И.Н. Экономическая и финансовая политика: научные основы и практические аспекты. / Монография. - Москва: МАКС Пресс, 2020. - 308 с.

¹⁵ Смелов, П.А. К вопросу о теоретических подходах к оценке демографической безопасности / П.А. Смелов, М.В. Карманов, А.А. Романов // Статистика и экономика. - 2019. - № 4. - С. 164-169.

рабатываются сценарии и планы действий на случай возможного притока климатических мигрантов из стран Юго-Восточной Азии и других регионов, подверженных негативному влиянию изменения климата¹⁶.

Важным элементом демографической политики становится формирование региональной идентичности жителей Дальнего Востока. Проводятся исследования, направленные на изучение особенностей менталитета и системы ценностей дальневосточников, разрабатываются программы по укреплению чувства региональной общности и гордости за свой край.

В рамках демографической политики особое внимание уделяется развитию сельских территорий Дальнего Востока. Реализуются программы по поддержке фермерства, развитию агротуризма, созданию современной социальной инфраструктуры в сельской местности. Эти меры направлены на преодоление дисбаланса между городским и сельским населением и создание привлекательных условий жизни в сельской местности.

Одним из перспективных направлений демографической политики является развитие циркулярной миграции - временного перемещения людей между Дальним Востоком и другими регионами России или зарубежными странами с целью работы, учебы или научных исследований. Такой подход позволяет привлекать в регион квалифицированные кадры и новые идеи, не требуя при этом постоянного переселения.

Следует отметить, что демографическая политика на Дальнем Востоке - это динамичный процесс, требующий постоянной адаптации к меняющимся условиям. Успех этой политики во многом зависит от способности властей и общества гибко реагировать на новые вызовы и возможности, сохраняя при этом стратегическое видение долгосрочного развития региона.

Продолжая анализ демографической политики на Дальнем Востоке России, стоит обратить внимание на ряд дополнительных аспектов и перспективных направлений развития¹⁷.

Одним из важных факторов, влияющих на демографическую ситуацию в регионе, является развитие инновационной экономики. Создание высокотехнологичных производств и научно-исследовательских центров не только способствует экономическому росту, но и привлекает высококвалифицированных специалистов. В этом контексте особое значение приобретает развитие космодрома "Восточный" и связанной с ним инфраструктуры. Этот проект может стать драйвером для формирования целого кластера высокотехнологичных предприятий и научных учреждений, что в свою очередь создаст привлекательные условия для молодых специалистов и их семей.

Другим перспективным направлением является развитие международного образовательного сотрудничества. Дальневосточные университеты могут стать центрами притяжения для студентов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Это не только способствует культурному обмену и формированию позитивного имиджа региона, но и создает потенциал для будущей квалифицированной миграции. Развитие программ двойных дипломов, международных исследовательских проектов, летних школ и стажировок может существенно повысить привлекательность Дальнего Востока для молодежи.

Важным аспектом демографической политики становится развитие удаленной занятости и цифровой экономики. Пандемия COVID-19 показала возможности и перспективы удаленной работы, что открывает новые возможности для Дальнего Востока. Развитие цифровой инфраструктуры, создание коворкинг-пространств и технопарков может привлечь в регион специалистов, работающих удаленно, в том числе из других регионов России и из-за рубежа. Это может способствовать формированию новых моделей расселения и занятости, менее зависимых от традиционных факторов размещения производства.

Отдельного внимания заслуживает развитие арктических территорий Дальнего Востока. Изменение климата открывает новые возможности для освоения Арктики, что требует разработки специальных программ привлечения и адаптации населения в этих суровых условиях. Это включает создание комфортной городской среды в арктических городах, развитие специализированной медицины, разработку технологий строительства в условиях вечной мерзлоты¹⁸.

В контексте демографической политики важную роль играет развитие туристической отрасли. Уникальная природа Дальнего Востока, его культурное и историческое наследие представляют огромный потенциал для развития различных видов туризма - от экологического до медицинского. Развитие туристической инфраструктуры не только создает новые рабочие места, но и способствует формированию позитивного имиджа региона, что может стимулировать миграционный приток.

Одним из инновационных подходов к решению демографических проблем может стать развитие социального предпринимательства. Поддержка инициатив, направленных на решение социальных проблем бизнес-методами, может способствовать созданию новых рабочих мест, улучшению качества жизни и формированию активного гражданского общества. Это особенно актуально для малых городов и сельских территорий Дальнего Востока.

¹⁶ Рязанцев С.В., Рыбаковский Л.Л. Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерение // Вестник Российской академии наук. – 2021. – № 9. – с. 810–819.

¹⁷ Бобров В.А. Национальный проект «демография» и первые результаты его реализации в стране /В.А. Бобров// В сборнике:

Управление экономикой, системами, процессами. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. 2020. – С. 36-38.

¹⁸ Кауфман Н.Ю. Проблемы бедности в России: экономико-социальный аспект // Вопросы управления. – 2020. – № 5. – с. 36–45.

Важным аспектом демографической политики является развитие межрегионального сотрудничества внутри Дальневосточного федерального округа. Создание единого экономического и социального пространства, развитие межрегиональных транспортных связей, реализация совместных проектов в области образования, здравоохранения, культуры может способствовать более равномерному распределению населения и ресурсов внутри региона.

Перспективным направлением демографической политики может стать развитие "умных городов" на Дальнем Востоке. Внедрение современных технологий управления городской инфраструктурой, использование больших данных для оптимизации городских процессов, развитие электронного правительства может существенно повысить качество жизни в дальневосточных городах и сделать их более привлекательными для жителей и мигрантов.

Особое внимание следует уделить развитию медицинского туризма и высокотехнологичной медицины на Дальнем Востоке. Создание специализированных медицинских центров, ориентированных как на жителей региона, так и на пациентов из соседних стран, может не только улучшить качество медицинского обслуживания, но и создать новый сектор экономики, привлекающий высококвалифицированных специалистов.

В контексте глобальных экологических вызовов важным направлением демографической политики становится развитие "зеленой экономики". Внедрение экологически чистых технологий, развитие возобновляемой энергетики, создание производств по переработке отходов не только способствует улучшению экологической ситуации, но и создает новые рабочие места в перспективных отраслях экономики¹⁹.

Одним из важных аспектов демографической политики является развитие системы непрерывного образования и профессиональной переподготовки. В условиях быстро меняющегося рынка труда важно обеспечить возможности для постоянного обновления знаний и навыков. Создание центров профессиональной переподготовки, развитие онлайн-образования, реализация программ обучения для людей старшего возраста может способствовать повышению конкурентоспособности трудовых ресурсов региона и адаптации населения к меняющимся экономическим условиям.

Особого внимания заслуживает развитие креативных индустрий на Дальнем Востоке. Создание условий для развития дизайна, моды, киноиндустрии, современного искусства может не только диверсифицировать экономику региона, но и сделать его более привлекательным для творческой молодежи. Реализация проектов в области культуры и искусства международного уровня может способствовать формированию нового имиджа Дальнего Востока как региона инноваций и креативности²⁰.

В контексте демографической политики важную роль играет развитие молодежных инициатив и поддержка молодежного предпринимательства. Создание бизнес-инкубаторов, проведение конкурсов стартапов, реализация программ наставничества может стимулировать экономическую активность молодежи и создать условия для реализации ее потенциала в регионе.

Отдельного внимания заслуживает развитие межкультурного диалога и этнокультурного разнообразия на Дальнем Востоке. Поддержка культурных инициатив различных этнических групп, развитие музеев и культурных центров, проведение фестивалей национальных культур может способствовать формированию атмосферы толерантности и взаимного уважения, что особенно важно в условиях привлечения мигрантов из различных регионов и стран.

Важным направлением демографической политики является развитие системы социальной поддержки и адаптации мигрантов. Это включает создание центров социальной адаптации, разработку программ языковой подготовки, правового просвещения, профессиональной ориентации. Особое внимание следует уделить работе с детьми мигрантов, их интеграции в образовательную систему и социокультурную среду региона.

В условиях цифровизации экономики и общества важным аспектом демографической политики становится развитие цифровых навыков населения. Реализация программ цифровой грамотности для различных возрастных групп, развитие IT-образования, поддержка проектов в области цифрового искусства и культуры может способствовать повышению конкурентоспособности трудовых ресурсов региона и созданию новых возможностей для самореализации.

Перспективным направлением демографической политики может стать развитие биотехнологий и персонализированной медицины. Создание центров геномных исследований, развитие биобанков, внедрение технологий персонализированной диагностики и лечения может не только улучшить качество медицинского обслуживания, но и создать новые высокотехнологичные рабочие места, привлекающие специалистов мирового уровня.

Успешная реализация демографической политики на Дальнем Востоке требует системного подхода, учитывающего взаимосвязь различных факторов - экономических, социальных, культурных, экологических. Только комплексный подход, сочетающий меры по стимулированию экономического развития, улучшению качества жизни, развитию человеческого капитала и формированию привлекательного имиджа региона, может обеспечить устойчивое демографическое развитие Дальнего Востока в долгосрочной перспективе.

¹⁹ Сазонова О.А., Сазонова Н.В. Миграционная политика: административно-правовой аспект // 8ТШ1А НиМАМТАТК. 2019. № 2. С. 13.

²⁰ Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Демографическая политика: определение, структура, цели // Наука. Культура. Общество. 2019. №1. С. 100-111.

Следует подчеркнуть, что реализация демографической политики на Дальнем Востоке - это долгосрочный процесс, требующий постоянного мониторинга и корректировки применяемых методов и инструментов. Успех этой политики во многом зависит от способности властей адаптировать общероссийские подходы к специфическим условиям региона и разрабатывать инновационные решения, учитывающие уникальные вызовы и возможности Дальнего Востока²¹.

Демографическая политика — это важнейший инструмент государства для регулирования населения, уровня рождаемости, смертности и миграции, влияющий на социально-экономическое развитие регионов. В современной России демографическая политика занимает центральное место в национальных стратегиях, особенно в контексте стремительного сокращения численности населения в некоторых регионах, включая Дальний Восток, и необходимости создания условий для его восполнения.

Предметная область демографической политики охватывает широкий спектр вопросов, начиная с анализа текущих демографических процессов, таких как снижение рождаемости, старение населения и внутренняя миграция, и заканчивая разработкой стратегий для долгосрочного поддержания устойчивого демографического роста. Одним из ключевых аспектов является неравномерность демографических процессов в регионах Российской Федерации. Для успешной реализации демографической политики важно учитывать особенности каждого региона, его исторические, экономические и культурные контексты.

Для анализа эффективности демографических процессов применяются различные методы, включая статистические и эконометрические модели. С их помощью государственные органы могут прогнозировать динамику численности населения, оценивать влияние политик на рождаемость и миграцию, а также разрабатывать эффективные стратегии поддержки семей с детьми, улучшения качества медицинских услуг и формирования привлекательной среды для молодежи. На основании данных таких анализов можно более точно формировать целевые меры, направленные на улучшение демографической ситуации, как это требуется, например, на Дальнем Востоке.

На Дальнем Востоке демографическая ситуация является одной из самых острых проблем для государства. Удаленность региона, суровые климатические условия, нехватка инфраструктуры и рабочих мест создают дополнительные трудности для удержания населения. В рамках государственной демографической политики для данного региона применяются современные методы и инструменты, направленные на стимулирование рождаемости, снижение оттока населения и привлечение новых

жителей. Среди таких мер — программы поддержки молодых семей, повышение доступности жилья, создание новых рабочих мест через развитие промышленных кластеров и инфраструктурных проектов, а также меры по привлечению квалифицированных специалистов из других регионов.

Однако реализация демографической политики на Дальнем Востоке сталкивается с рядом проблем, связанных с недостаточной эффективностью инструментов экономической поддержки, сложностями интеграции мигрантов и низким уровнем жизни населения в отдельных районах. Современные технологии и инновационные подходы, такие как использование «умных» городов, могут помочь смягчить эти проблемы, создав более благоприятные условия для жизни и работы в регионе²².

Таким образом, демографическая политика, особенно в стратегически важных регионах, таких как Дальний Восток, должна быть нацелена на комплексное решение проблем, связанных с рождаемостью, миграцией и качеством жизни населения. Важным шагом на пути к реализации этих задач является использование современных аналитических методов и инновационных инструментов, направленных на поддержание и рост численности населения, улучшение социально-экономической ситуации в регионах и достижение устойчивого демографического развития страны.

Заключение

Долгосрочная демографическая политика на Дальнем Востоке должна ориентироваться на интеграцию региона в глобальные процессы, развитие человеческого капитала и улучшение качества жизни. Это создаст условия для устойчивого роста численности населения и укрепления социально-экономического положения Дальнего Востока как важнейшего стратегического региона России.

Кроме того, важной составляющей успешной демографической политики является создание положительного имиджа региона, который бы привлекал не только внутреннюю миграцию, но и международные таланты. Формирование привлекательного культурного и информационного пространства может сыграть ключевую роль в изменении восприятия Дальнего Востока как отдаленной и сложной для жизни территории. Это включает как активное участие медиа и лидеров мнений, так и поддержку культурных инициатив и мероприятий, подчеркивающих уникальность региона²³.

Также стоит подчеркнуть значение поддержки инновационного предпринимательства, которое может способствовать росту занятости и развитию новых экономических секторов. Включение региона в глобальные технологические и научные сети через развитие «умных» городов, а также создание условий для креативных индустрий и стартапов сделают

²¹ Волгин Н.А. Государственная и муниципальная социальная политика. / коллектив авторов; под общ. ред. Н.А. Волгина. - Москва: КНОРУС, 2019. - 424 с.

²² Государственная демографическая политика в современной России: состояние и приоритеты совершенствования URL: [http://www.dslib.net/polit-instituty/gosudarstvennaja-](http://www.dslib.net/polit-instituty/gosudarstvennaja-demograficheskaja-politika-v-sovremennoj-rossii-sostojanie-i.html)

[demograficheskaja-politika-v-sovremennoj-rossii-sostojanie-i.html](http://www.dslib.net/polit-instituty/gosudarstvennaja-demograficheskaja-politika-v-sovremennoj-rossii-sostojanie-i.html) (дата обращения: 12.07.2025)

²³ Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Благополучная молодая семья: поиск баланса между самореализацией и демографическими стратегиями // Цитисэ. - 2022. - № 3(33). - с. 203–214.

регион привлекательным для молодежи и квалифицированных кадров, что укрепит его демографическую устойчивость.

Таким образом, будущее Дальнего Востока зависит от интеграции различных подходов — от экономических до культурных и технологических. Комплексное развитие всех этих аспектов позволит региону стать не только стратегически важным для России, но и международным центром притяжения, способным эффективно справляться с демографическими вызовами XXI века.

Литература

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения: 12.07.2025)

2. Бекетов Н.В., Денисова А.С., Елшина И.А. Основные приоритеты формирования государственной демографической политики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 4. № 5(26). С. 10-21.

3. Бобров В.А. Национальный проект «демография» и первые результаты его реализации в стране /В.А. Бобров// В сборнике: Управление экономикой, системами, процессами. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. 2020. - С. 36-38.

4. Волгин Н.А. Государственная и муниципальная социальная политика. / коллектив авторов; под общ. ред. Н.А. Волгина. - Москва: КНОРУС, 2019. - 424 с.

5. Государственная демографическая политика в современной России: состояние и приоритеты совершенствования URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/gosudarstvennaja-demograficheskaja-politika-v-sovremennoj-rossii-sostojanie-i.html> (дата обращения: 12.07.2025).

6. Демографическая политика в современной России URL: https://www.alt.ranepa.ru/files/texts/vest/2021_02_16_demografia.pdf (дата обращения: 12.07.2025).

7. Зраева И.М. Правовое регулирование миграционных процессов в России: проблемы и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 153-156.

8. Кауфман Н.Ю. Проблемы бедности в России: экономико-социальный аспект // Вопросы управления. - 2020. - № 5. - с. 36-45.

9. Кириллова Е.К. Государственная программа по переселению соотечественников: преемственность и некоторые итоги // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2019. С. 566-594.

10. Молчанова Н.П., Молчанов И.Н. Экономическая и финансовая политика: научные основы и практические аспекты. / Монография. - Москва: МАКС Пресс, 2020. - 308 с.

11. Орешкин, М. Социальные реформы и демографическая устойчивость. - М.: НИЦ «Социальные реформы», 2021. - 310 с.

12. Ростовская Т.К., Сигарева Е.П. Проблемы реализации государственных программ, связанных с демографическим и миграционным потенциалом // Государственный советник. 2019. № 1. С. 25-32.

13. Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Благополучная молодая семья: поиск баланса между самореализацией и демографическими стратегиями // Цитисэ. - 2022. - № 3(33). - с. 203-214.

14. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Демографическая политика: определение, структура, цели // Наука. Культура. Общество. 2019. №1. С. 100-111.

15. Рязанцев С.В., Рыбаковский Л.Л. Демографическое развитие России в XX-XXI веках: историческое и геополитическое измерения // Вестник Российской академии наук. - 2021. - № 9. - с. 810-819.

16. Сазонова О.А., Сазонова Н.В. Миграционная политика: административно-правовой аспект. М.: 2019. № 2. С. 13.

17. Синельников А.Б. Семейно-демографическая политика и пути повышения ее эффективности // Социология. - 2022. - № 2. - с. 162-173.

18. Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. - 2019. - № 1. - с. 95-113. - doi: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715.

Modern methods and tools for the implementation of state demographic policy in the Far East

Lysenkova E.R.

Vladivostok State University

The implementation of the state demographic policy in the Russian Far East is a complex task due to the unique geographical, economic and social characteristics of the region. The Far Eastern Federal District which occupies more than a third of the country's territory but has the lowest population density, requires a special approach to solving demographic problems. The paper presents modern methods and tools of demographic policy aimed at overcoming negative trends associated with population outflow, low birth rate and high mortality.

Keywords: government programs, demography, demographic policy, the Far East, the population of the Far East.

References

1. The Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025 (approved by the President of the Russian Federation on June 13, 2012). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (date of access: 12.07.2025)
2. Beketov N.V., Denisova A.S., Elshina I.A. The Main Priorities of the Formation of the State Demographic Policy // National Interests: Priorities and Security. 2020. Vol. 4. No. 5(26). Pp. 10-21.
3. Bobrov V.A. The National Project "Demography" and the First Results of Its Implementation in the Country / V.A. Bobrov // In the collection: Management of the Economy, Systems, Processes. Collection of articles of the IV International Scientific and Practical Conference. 2020. - Pp. 36-38.
4. Volgin N.A. State and municipal social policy. / collective of authors; under the general editorship of N.A. Volgin. - Moscow: KNORUS, 2019. - 424 p.
5. State demographic policy in modern Russia: status and priorities for improvement URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/gosudarstvennaja-demograficheskaja-politika-v-sovremennoj-rossii-sostojanie-i.html> (date of access: 12.07.2025).
6. Demographic policy in modern Russia URL: https://www.alt.ranepa.ru/files/texts/vest/2021_02_16_demografia.pdf (date of access: 12.07.2025).
7. Zrayeva I.M. Legal regulation of migration processes in Russia: problems and development prospects // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2. Pp. 153-156.
8. Kaufman N.Yu. Problems of poverty in Russia: economic and social aspect // Management issues. - 2020. - No. 5. - p. 36-45.
9. Kirillova E.K. State program for the resettlement of compatriots: continuity and some results // Scientific works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. 2019. Pp. 566-594.
10. Molchanova N.P., Molchanov I.N. Economic and financial policy: scientific foundations and practical aspects. / Monograph. - Moscow: MAKS Press, 2020. - 308 p.
11. Oreshkin, M. Social reforms and demographic sustainability. - M.: Research Center "Social Reforms", 2021. - 310 p.
12. Rostovskaya TK, Sigareva EP Problems of implementing state programs related to demographic and migration potential // State Advisor. 2019. No. 1. Pp. 25-32.
13. Rostovskaya TK, Bezverbnaya N.A. Prosperous young family: finding a balance between self-realization and demographic strategies // Tsitise. - 2022. - No. 3 (33). - p. 203-214.
14. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. Demographic policy: definition, structure, goals // Science. Culture. Society. 2019. No. 1. P. 100-111.

Методы выявления структурной зависимости современной власти от процедур цифрового управления

Хван Данил Андреевич

Независимый исследователь, daniikhvan2708@gmail.com

Цифровизация привела к радикальному пересмотру политических институтов, процессов и технологий. В мировой и российской практике повсеместно начали внедряться процедуры цифрового управления. Настоящее исследование посвящено анализу методов выявления структурной зависимости современной власти от таких процедур. В работе рассматриваются методологические основания анализа структурной зависимости, цифровые процедуры в качестве ограничителя политического выбора, понятие структурной зависимости власти, методы фиксации зависимости, институциональные риски и «ловушки» цифрового управления. В работе разработана модель структурной зависимости власти от процедур цифрового управления, предложены варианты преодоления такой зависимости, а также указаны структурные последствия цифрового управления. Ключевой вывод исследования заключается в том, что, несмотря на весь потенциал стратегически значимой цифровой трансформации государственного управления, современная власть находится в структурной зависимости от процедур цифрового управления, что можно обнаружить благодаря предложенным методам выявления такой зависимости.

Ключевые слова: государственное управление, публичное управление, цифровизация, цифровая трансформация, цифровое управление, процедуры управления, структурная зависимость, методы выявления

Введение. В настоящее время цифровизация и цифровая трансформация государственного и муниципального управления является одной из национальных целей развития России согласно Единому плану [1]. Хотя процедуры цифрового управления уже широко внедрены в стране. Так, обслуживание государственных услуг через портал «Госуслуги» используют свыше 110 млн человек, а число онлайн-сервисов превысило 1600, что отражает широкий охват цифрового взаимодействия государства и общества. Кроме того, общий объем государственно-частных и федеральных инвестиций в цифровую трансформацию государства достигает триллиона рублей в рамках национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», который включает в себя несколько приоритетных направлений, включая цифровое управление как ключевой элемент модернизации системы современной власти [2].

Цифровое управление постепенно стало центральным элементом современного политического процесса. Современные научные исследования показывают, что его значение выходит за пределы технической модернизации, так как оно напрямую связано с изменением структуры власти. На региональном и муниципальном уровнях цифровые технологии закрепляются в качестве механизма долгосрочного развития территорий [3]. В то же время расширение практик цифровизации формирует предпосылки для смещения баланса между автономией институтов и формализованными процедурами, что усиливает зависимость власти от встроенных в цифровую среду алгоритмов [4].

Вопрос о пределах этой зависимости становится ключевым при анализе современных стратегий государственного управления. Так, переход от традиционной модели реагирования к более динамичной схеме цифрового администрирования рассматривается как попытка интегрировать элементы прогнозирования и автоматизации в деятельность органов власти [5]. Вместе с новыми возможностями возникает и новый порядок принятия управленческих решений, в котором цифровой алгоритм способен влиять на содержание политического выбора не меньше, чем субъект власти. В научной дискуссии всё чаще ставится вопрос о том, может ли цифровое управление быть нейтральным инструментом, или оно неизбежно закрепляет структурные рамки, в которых действует современная власть. Для понимания цифрового управления как системной основы современной политики требуется обращение к концепциям цифровой экономики и её практической реализации [6]. В этом контексте цифровизация становится важнейшим фактором воспроизводства поли-

тической субъектности. Кроме того, усиление идеологического компонента в цифровой среде показывает, что процедуры, встроенные в цифровые каналы коммуникации и контроля, становятся частью механизма легитимации власти [7].

Таким образом, исследование зависимости институтов власти от цифровых алгоритмов приобретает фундаментальное значение для анализа современного политического устройства.

Результаты и обсуждение. Методологическое обоснование анализа структурной зависимости власти от цифрового управления строится на сочетании нескольких исследовательских традиций. *Теория политической субъектности* позволяет рассматривать власть как систему, в которой субъекты реализуют волю в рамках установленных норм. В условиях цифровизации субъектность изменяет конфигурацию власти, так как процессы управления всё чаще опосредуются алгоритмами и цифровыми процедурами. В исследованиях публичного управления подчёркивается, что цифровая трансформация не сводится к внедрению сервисов — она сопровождается формированием новых структурных связей между властью и обществом [8].

Важным инструментом для изучения зависимости власти от цифровых практик также выступает *процедурный институционализм*. Согласно этому направлению, устойчивость политических институтов обеспечивается повторяемостью и формализацией процедур, закрепляющих логику поведения субъектов. В цифровую эпоху институциональная рамка дополняется алгоритмическими механизмами, и формальные нормы взаимодействуют с цифровыми кодами. Так, проведённый недавно межстрановой анализ показал, что ментальность государственного управления трансформируется под воздействием цифровых инструментов, а уровень их распространения коррелирует с показателями качества государственного управления [9]. Следовательно, процедурный институционализм предоставляет возможность выявить, каким образом цифровые процедуры закрепляются в качестве элемента воспроизводства всей политической системы.

Безусловно, значимым остаётся *системный подход*, который позволяет связать разные уровни анализа — от регулятивных практик до социального восприятия цифровизации. Системный подход предполагает рассмотрение власти как сложной структуры, включающей в себя нормативные порядки, субъекты, технические механизмы и каналы коммуникации. Так, в исследованиях государственной политики цифровая трансформация описывается как сценарное поле, в котором различные траектории развития институционализируются посредством цифрового регулирования [10]. Системный анализ выявляет, что структурная зависимость власти выражается в переплетении цифровых процедур, технологических ограничений и стратегических целей, а сами цифровые решения выступают важным звеном, связывающим институциональные уровни с практикой управления [11].

Следует отметить, что в недавней релевантной отечественной научной литературе (в публикациях, входящих в ядро РИНЦ) по теме цифровизации государственного управления так или иначе указывается на различные аспекты структурной зависимости современной власти от процедур цифрового управления (табл. 1). Обзор представленных исследований позволяет заключить, что несмотря на различие методологических оснований и исследовательских ракурсов, большинство публикаций сходится в одном — цифровизация не равна модернизации, она является значимым фактором, который, по сути, задаёт новые структурные рамки функционирования государственной власти. Так, в одних работах акцент сделан на институциональных ограничениях и изменении ментальности публичного управления, в других — на усилении роли цифровых платформ и экосистем, а также на трансформации публичного участия. В совокупности это подтверждает, что зависимость современной власти от цифровых процедур носит системный характер и проявляется как на уровне организации процессов управления, так и в сфере легитимации политического выбора.

Рассмотрение цифровых процедур в русле теорий управления позволяет выделить их двойственный характер. С одной стороны, цифровизация повышает предсказуемость и унификацию управленческих решений, что рассматривается как элемент модернизации государственного администрирования. Однако научные исследования показывают, что в условиях сервисно-цифровой модели публичного управления алгоритмические решения начинают в существенной степени определять структуру взаимодействия власти и общества [8]. Таким образом, цифровые процедуры становятся и техническими инструментами, и ограничителями, задающими формат выбора, доступный политическим институтам.

Таблица 1
Обзор недавних публикаций в области цифровизации государственного управления: место структурной зависимости современной власти от процедур цифрового управления

№	Зависимость власти от цифровизации или цифрового управления
[1]	Цифровизация усиливает зависимость эффективности управления от использования цифровых технологий
[2]	Власть становится более зависимой от цифровых рисков
[3]	Цифровые процедуры подменяют традиционные механизмы управления
[4]	Цифровизация усиливает контроль и ограничивает плюрализм
[5]	Не обозначено (общий концептуальный анализ цифрового сектора)
[6]	Цифровые платформы и цифровые экосистемы меняют структуру взаимодействия власти и общества
[7]	Уровень цифровизации коррелирует с качеством управления
[8]	Власть выстраивается вокруг цифровых регуляторов и платформ
[9]	Эффективность власти зависит от внедрения цифровых решений
[10]	Власть усложняется и становится зависимой от цифровых кодов
[11]	Цифровые инструменты напрямую влияют на результативность власти
[12]	Цифровые экосистемы подменяют функции государства

[13]	Цифровые платформы становятся арендой власти и бизнеса
[14]	Зависимость ограничена архаичными институтами и снижением качества
[15]	Цифровизация трансформирует политическое участие и легитимность

Источник: авторская разработка на основе [1-15]

Применение теории процедурного институционализма показывает, что зависимость власти от алгоритмизированных процедур закрепляется в виде устойчивых правил, которые постепенно приобретают нормативный статус. Анализ современных цифровых решений показывает, что их внедрение ведёт к стандартизации жизненного цикла управленческих процессов и сужает пространство для альтернативных решений [11]. Более того, в стратегическом измерении государственная политика всё чаще выстраивается вокруг сценариев, заранее определённых цифровыми регуляторами и платформенными решениями [10]. В таком контексте цифровые процедуры выступают фактором, ограничивающим вариативность политического выбора.

Использование системного подхода также позволяет рассмотреть ограничительные функции цифровых процедур на уровне воспроизводства субъектности власти. В научных исследованиях отмечается, что усложнение управленческих структур в цифровую эпоху сопровождается эффектом «иррациональной рациональности», когда власть адаптируется к цифровым алгоритмам, а не к реальным запросам социальной среды [11]. Вместе с тем под воздействием цифровых практик формируется новая ментальность управления, когда степень вовлечённости институтов в цифровые механизмы определяет качество государственных решений [9]. Таким образом, цифровые процедуры следует рассматривать как институциональные ограничения, которые задают предельные рамки политического выбора.

Однако что же представляет собой структурная зависимость по сути?

Понятие структурной зависимости власти от процедур цифрового управления отражает ситуацию, когда пространство решений задаётся цифровыми регламентами и алгоритмами, закреплёнными нормами и правовыми предписаниями. Субъекты власти действуют в этих рамках, а итоговые решения приобретают форму институциональной предопределённости. Так, региональные практики фиксируют стандартизацию деятельности органов власти [3], цифровые инструменты оцениваются через показатели эффективности [13], различие между цифровой экономикой и цифровым сектором помогает понять институциональное закрепление технологических процессов [7], а в политико-экономическом измерении цифровые платформы формируют поле взаимодействия государства и бизнеса, в котором цифровые процедуры становятся частью системы управления [15].

Теоретико-аналитическая модель соотношения процедур, норм, субъектов и решений показывает, что цифровые механизмы объединяют правовые

предписания с технологическими алгоритмами. Сервисно-цифровые форматы изменяют каналы взаимодействия власти и общества [8], платформенные механизмы закрепляются в политике как устойчивые регуляторы [10], цифровые экосистемы аккумулируют функции и влияют на государственные решения [14], а каналы цифровой демократии задают новые фильтры легитимации [17].

Практическое измерение структурной зависимости проявляется там, где алгоритмы ограничивают вариативность решений. Проактивные процедуры переводят выбор в режим предопределённых последовательностей [5], цифровые механизмы контроля задают устойчивые формы интерпретации информации [6], а пределы институционализма показывают, что эффект зависимости зависит от качества интеграции цифровых регламентов в систему государственного управления [16]. Таким образом, структурная зависимость власти представляет собой устойчивое соотношение процедур, норм, субъектов и решений, в рамках которого цифровые процедуры становятся основой управленческого выбора и его легитимации.

В настоящее время «кардинально меняются публично-властные отношения и государственное управление обществом как сетевой и интерактивной динамикой общественных отношений» [10]. Эмпирические проявления процедурной зависимости власти ярко выражены на уровне предоставления государственных и муниципальных услуг. Регламентация действий посредством цифровых платформ переводит значительную часть решений в режим стандартизированных алгоритмов. Отличным примером служит массовое использование сервисов электронного правительства, в которых технологическая последовательность фактически определяет содержание, так и порядок управления [3]. Анализ практик «умного правительства» показывает, что институциональная архитектура власти вынуждена учитывать цифровые риски и нормативные ограничения, что делает алгоритмические процедуры элементом внутреннего контроля [4].

Ещё одним подтверждением структурной зависимости являются процессы перехода к проактивному государственному управлению. Алгоритмы прогнозирования и цифровые шаблоны оценки превращаются в самостоятельный регулятор управленческой деятельности, влияющий на выбор инструментов и приоритетов власти [5]. На уровне идеологических функций можно отметить, что цифровые механизмы фильтрации информации обеспечивают воспроизводство заданных интерпретаций, что ограничивает вариативность публичного выбора [6]. Тем самым цифровые регламенты начинают выступать в роли институционального фильтра, который переводит сложные политические вопросы в формат формализованных решений.

Значимость цифровых шаблонов проявляется и в более широких социально-экономических процессах. Так, современные экосистемы и платформы аккумулируют данные и формируют условия, при которых государственные решения оказываются зависимыми от технологических посредников [14-15].

Исследования российских реалий подтверждают, что внедрение цифровых регламентов связано с институциональными пределами — алгоритмическая унификация способна упрощать процессы, однако её эффективность зависит от состояния базовых институтов [16]. Таким образом, цифровые процедуры становятся неотъемлемой частью принятия решений на государственном публичном уровне. Для научного обоснования этого тезиса предлагается авторская модель структурной зависимости власти от процедур цифрового управления (рис. 1). Модель отражает схему воспроизводства структурной зависимости власти, в которой цифровые процедуры выступают центральным звеном, связывающим нормативные предписания и технологические алгоритмы в единое поле институциональных норм. Цифровые платформы и экосистемы обеспечивают технологическую и ресурсную базу процедур, а идеологические фильтры и каналы коммуникации влияют на восприятие субъектами власти параметров допустимого выбора.

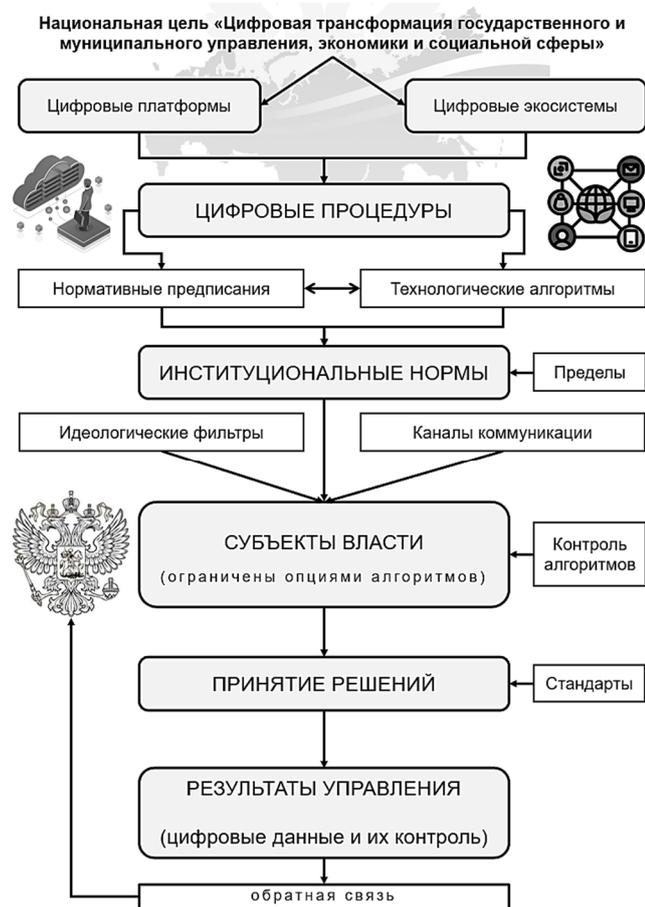

Рисунок 1 — Модель структурной зависимости власти от процедур цифрового управления
Источник: авторская разработка

Субъекты власти оказываются встроенными в систему, в которой набор их решений задаётся алгоритмами, а выраженные в цифровых данных и контроле результаты управления возвращаются в систему как обратная связь, закрепляющая устойчивость процедур. Риск-блоки отражают уязвимые точки модели — стандартизация ограничивает вариативность решений, алгоритмический контроль

снижает автономию субъектов, институциональные пределы определяют качество функционирования норм.

Таким образом, модель устанавливает, что структурная зависимость современной власти проявляется в комплексном взаимодействии процедур, норм, субъектов и решений в области цифрового управления, когда каждый элемент имеет как прямое действие, так и обратный эффект, усиливающий воспроизводство цифрового управления.

Далее целесообразно отметить, что установление структурной зависимости власти от цифровых процедур возможна только при использовании исследовательских методов, которые позволяют выявить устойчивые элементы в текстах, регламентах и практиках. Первоочередным является контент-анализ нормативных документов и стратегических программ, который используется для выявления того, как цифровые механизмы закрепляются в правовой и организационной базе государственного управления. Иными словами, контент-анализ позволяет зафиксировать институционализацию цифровых процедур.

Релевантным является процедурный трекинг, который применяется как инструмент отслеживания последовательности управленческих действий в цифровой среде. Исследователи обращают внимание на то, что переход к проактивному управлению сопровождается формированием предопределённых траекторий, по которым движется процесс принятия решений [5]. В этом смысле фиксация зависимости возможна за счёт мониторинга того, как цифровые алгоритмы задают порядок прохождения административных кейсов и ограничивают возможность отклонения от заданного сценария. Эмпирический анализ региональных практик показывает, что цифровые регламенты и упрощают процессы, и создают жёсткие рамки для управленцев [3].

Кейс-анализ платформ и экосистем, а также сравнительно-правовое сопоставление режимов участия граждан раскрывают, как процедурные фильтры и правила обработки данных задают границы управленческого выбора. Так, в работах по цифровым экосистемам показано, что концентрация данных и сервисов у технологических посредников влияет на содержание государственных решений, что поддаётся фиксации по материалам конкретных кейсов [14]. Для каналов участия релевантным является и сравнительный анализ правовых режимов и практик цифровой демократии, через который выявляется роль процедур доступа и модерации в легитимации решений [17]. Институциональный срез дополняется выявлением пределов эффективности цифровых регламентов в реальных условиях функционирования институтов, что позволяет корректно интерпретировать силу и границы зависимости от процедур цифрового управления [16].

Анализ способов фиксации зависимости позволяет перейти к анализу рисков, возникающих при закреплении цифровых процедур в институтах власти.

Институциональные риски цифрового управления проявляются в подмене субъектного выбора

цифровыми алгоритмами и регламентами. Так, переход к сервисно-цифровым и проактивным форматам управления сопровождается стандартизацией действий, когда субъекты власти лишаются возможности варьировать процедуры принятия решений [5]. На муниципальном и региональном уровнях интеграция цифровых сервисов делает зависимость особенно заметной, так как управленцы вынуждены действовать по заданным регламентам, что сужает пространство для политической инициативы [3]. В таком контексте риск состоит в том, что алгоритм цифровой процедуры становится доминирующим источником выбора, а субъекты власти фактически лишь воспроизводят заранее определённые траектории.

Цикличность процедур фиксируется в ситуациях, когда цифровые регламенты начинают воспроизводить сами себя и закрепляют повторяемость управленческих шагов. Так, сценарии цифровой политики показывают, что регуляторные практики превращаются в самовоспроизводящиеся модели, когда каждое решение обосновано соответствием шаблону [10]. В частности, доказано, что чрезмерная зависимость от цифровых алгоритмов формирует замкнутые циклы регулирования, затрудняющие внедрение новых управленческих стратегий, что приводит к тому, что цифровая процедура, хотя и фиксирует решения, воспроизводит нормативный порядок, из которого трудно выйти [10].

Эрозия гибкости как риск цифрового управления проявляется в ослаблении способности институтов адаптироваться к изменяющимся условиям. В работах по цифровым экосистемам отмечено, что концентрация данных и сервисов у технологических посредников делает систему управления менее восприимчивой к новым вызовам [14]. Исследования правового обеспечения цифровых платформ показывают, что закрепление формализованных процедур ограничивает пространство для политико-правовой адаптации [15]. Дополняя это, следует отметить, что фильтры доступа и модерации способны закреплять жёсткие рамки участия, что снижает гибкость политического процесса [17]. В результате институциональные ловушки цифрового управления проявляются в совокупности трёх факторов: подмены выбора, цикличности процедур и утраты адаптивности.

Обнаруженные риски позволяют перейти к их систематизации по уровням политического процесса, в рамках которого формы процедурной зависимости проявляются наиболее ясно (табл. 2). Рассмотрение уровней процедурной зависимости открывает возможность рассмотреть и направления её преодоления.

Варианты выхода из состояния структурной зависимости предполагают институциональную «перезагрузку», в рамках которой корректируется соотношение между цифровыми алгоритмами и правовыми нормами для восстановления пространства субъектного выбора. В исследованиях цифровой политики указывается на необходимость формирования новых сценариев регулирования, позволяющих обновить систему процедур и адаптировать её

к изменяющимся вызовам [10]. Концепция цифрового суверенитета связана с укреплением контроля над критически значимыми цифровыми инфраструктурами и платформами, что снижает риск зависимости власти от внешних регуляторов и технологических посредников [14]. Ещё одним направлением является делегирование выбора, когда цифровые инструменты применяются для расширения участия субъектов в принятии решений, что подтверждают исследования цифровой демократии и каналов вовлечения граждан [17]. В совокупности эти стратегии позволяют интегрировать цифровые процедуры в институциональное поле так, чтобы они не ограничивали политический выбор, а обеспечивали его обоснованность и гибкость.

Таблица 2
Формы зависимости современной власти от процедур цифрового управления в разрезе уровней политического процесса

Уровень	Форма	Содержание
Локальный	Зависимость от регламентов сервисных систем	Управленцы и граждане действуют по цифровым шаблонам муниципальных сервисов; выбор сводится к следованию алгоритмам электронного документооборота и стандартам предоставления услуг
Региональный	Зависимость от платформенных решений и цифровых регуляторов	Внедрение региональных платформ переводит управленческие процессы в формат предопределённых процедур; алгоритмы задают последовательность шагов и критерии оценки деятельности
Стратегический	Зависимость от экосистем и нормативных сценариев	Государственные решения формируются в условиях закрепления цифровых платформ и экосистем; национальные стратегии и нормативные предписания институционализируют алгоритмические формы управления

Источник: авторская разработка на основе [3-5], [8], [10], [14-17]

Важно подчеркнуть, что систематизация форм зависимости по уровням политического процесса не ограничивается только фиксацией различий между локальным, региональным и стратегическим уровнями — она подводит к необходимости осмыслить, каким образом цифровые процедуры воздействуют на саму конструкцию власти.

Таблица 3
Структурные последствия цифрового управления

Измерение	Последствия	Содержание
Принятие решений	Алгоритмизация выбора	Решения подчиняются цифровым процедурам и стандартам оценки; усиливается предсказуемость и снижается вариативность управленческих актов
Иерархия субъектов	Перераспределение центров влияния	Усиление роли технологических посредников и платформ; традиционные институты власти адаптируются к новым источникам контроля и каналам коммуникации
Нормативная связность	Формализация и закрепление цифровых процедур	Правовые акты и регламенты интегрируют цифровые алгоритмы, что ограничивает возможность отступления от заданного порядка и закрепляет стандартизированные формы управления

Источник: авторская разработка на основе [3-4], [8], [10], [14-17]

Структурные последствия цифрового управления проявляются в изменении самих принципов принятия управленческих решений, перераспределении иерархии субъектов и трансформации нормативной связности, поэтому целесообразно обобщить эти представления в отдельной таблице (табл. 3).

Последствия цифрового управления позволяют рассмотреть, как закреплённые процедуры меняют саму природу политической власти.

Институциональное закрепление цифровых процедур в государственном управлении становится фактором, определяющим характер политической власти. Включение цифровых стандартов в нормативные акты делает их обязательными к применению и превращает практику государственного управления в воспроизводство заранее заданных алгоритмов [4]. Возможности для вариативности решений сокращаются, а субъекты власти действуют в рамках технологических предписаний, встроенных в систему электронного (цифрового) документооборота и платформы регуляторов. По наблюдению В. В. Зотова и Л. А. Василенко, в настоящее время «происходит подмена субъектов управления техно-агентами государства и искажение смысла участия в управленческих процессах не только населения, но и в некоторой степени чиновников» [8, С. 30].

Закрепление алгоритмических процедур изменяет структуру контроля — он распределяется между политическими и административными акторами, технологическими посредниками и алгоритмами [14]. Цифровые механизмы обслуживают власть и становятся её элементом, что влияет на выбор субъектов и содержание принимаемых управленческих решений. Пределы контроля в условиях цифровизации определяются рамками цифровых алгоритмов и институциональными ограничениями, что делает сложным любое изменение процедур [16]. Легитимность власти также подвергается воздействию; формализованные каналы цифрового участия граждан закрепляют предсказуемый сценарий коммуникации и ограничивают разнообразие общественных сигналов, поступающих в систему управления [17]. Вместе с тем политическая власть в условиях цифровизации проявляется как сеть субъектных взаимодействий и как комплекс закреплённых процедур, воспроизводящихся в алгоритмах и институтах, а цифровые механизмы становятся составной частью её функционирования, что очерчивает пределы контроля в политике.

Заключение. Цифровое управление всё более отчётливо выступает как самостоятельная среда, внутри которой воспроизводится сама структура власти. Наблюдается очевидный сдвиг — то, что изначально задумывалось как средство упрощения и ускорения административных процедур, постепенно превращается в набор правил, определяющих содержание политического выбора и границы контроля. Власть начинает существовать как в привычных формах институциональных решений, так и в цифровых алгоритмах, встроенных в повседневную практику. Этот процесс нельзя свести к банальной

автоматизации, поскольку речь идёт о преобразовании самой ткани политического, когда нормы, решения и взаимодействия становятся зависимыми от кода, регламента и цифровой инфраструктуры. Для исследователя здесь возникает принципиально новый вызов. Необходимо рассматривать власть как систему, распределённую между субъектами, институциональными формами и процедурами, закодированными в цифровых технологиях. Иначе говоря, речь идёт о власти, которая создаётся и воспроизводится в ходе работы алгоритмов, электронных платформ и регламентированных каналов коммуникации. Именно в этом проявляется парадокс современности — чем более развитой становится цифровая среда, тем более жёсткими оказываются её пределы для вариативности и гибкости политического действия. В итоге становится ясно, что для изучения власти в условиях цифровизации требуются и новые инструменты анализа, и готовность признать то, что цифровая процедура превращается в полноправный элемент политической системы. И от того, когда и как будет найден баланс между необходимостью учёта процедур цифрового управления и потребностью в живом политическом выборе, зависит будущее самой идеи власти.

Литература

1. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года (утв. Правительством РФ) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495719/ (дата обращения: 23.08.2025).
2. Цифровая трансформация госуправления (стратегическое направление) // Tadviser. — URL: <https://clck.ru/3NoiUU> (дата обращения: 23.08.2025).
3. Антипин И. А., Власова Н. Ю., Шишкина Е. А. Цифровые технологии в развитии территорий: возможности и проблемы применения в практике государственного и муниципального управления // Управленец. — 2024. — Т. 15. — № 6. — С. 17-29.
4. Афанасьева О. Н., Коростышевская Е. М. Проблемы внедрения цифровых технологий в государственное управление и формирования умного правительства // Экономика науки. 2024. — Т. 10. — № 4. — С. 52-62.
5. Бочанов М. А. От реактивного к проактивному государственному управлению в эпоху цифровой трансформации // Ars Administrandi (Искусство управления). — 2024. — Т. 16. — № 4. — С. 555-570.
6. Евстратов А. Э., Шугулбаев Ж. А. К вопросу об идеологической функции государства в цифровую эпоху // Правоприменение. — 2024. — Т. 8. — № 1. — С. 15-23.
7. Ершова Т. В., Хохлов Ю. Е. Цифровая экономика: от теоретических концепций к российской практике // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2025. — № 2 (67). — С. 234-243.
8. Зотов В. В., Василенко Л. А. Цифровая трансформация публичного управления: единство сервисно-цифровых и социально-сетевых аспектов // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2023. — № 3. — С. 26-47.

9. Каминченко Д. И., Комаров И. Д., Горбунова М. Л. Управленческая ментальность в контексте цифровизации: межстрановой анализ // *Общественные науки и современность*. — 2024. — № 6. — С. 25-40.

10. Кочетков А. П., Мамычев А. Ю. Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики // *Полис. Политические исследования*. — 2023. — № 1. — С. 96-113.

11. Кравченко Л. А., Троян И. А., Горячих М. В. Цифровые решения в государственном управлении: тренды, возможности и ограничения // *Информационное общество*. — 2023. — № 2. — С. 54-68.

12. Кравченко С. А. Синергия сложности как императивный принцип организации власти в цифровую эпоху: новые вызовы человеческому капиталу // *Полис. Политические исследования*. — 2024. — № 2. — С. 65-79.

13. Ларичев А. А., Тагиев Э. С. Влияние цифровых инструментов на эффективность и результативность публичной власти // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. — 2024. — Т. 15. — № 4. — С. 934-948.

14. Розанова Н. М. Цифровые экосистемы: двуликий янус национального государства // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2024. — Т. 68. — № 3. — С. 15-22.

15. Рудоквас А. Д., Терехов А. Н., Ткаченко С. Л. Политическая экономия и правовое обеспечение цифровых платформ: сотрудничество и конфликт // *Правоведение*. — 2025. — Т. 69. — № 1. — С. 150-175.

16. Скоробогатский В. В. Цифровая трансформация государственного управления: институциональные пределы возможного // *Антиномии*. — 2023. — Т. 23. — № 1. — С. 90-106.

17. Черкасов А. А. Цифровая демократия и её особенности: опыт европейских стран // *Сравнительное конституционное обозрение*. — 2025. — Т. 34. — № 1 (162). — С. 4-20.

Methods for identifying the structural dependence of modern government on digital governance procedures

Khvan D.A.

Digitalization has led to a radical overhaul of political institutions, processes, and technologies. Digital management procedures have been introduced into global and Russian practice everywhere. This study is devoted to the analysis of methods for identifying the structural dependence of modern government on such procedures. The paper examines the methodological foundations of the analysis of structural dependence, digital procedures as a constraint on political choice, the concept of structural dependence of power, methods of fixing dependence, institutional risks and "traps" of digital governance. The paper develops a model of the structural dependence of government on digital governance procedures, suggests ways to overcome this dependence, and identifies the structural consequences of digital governance. The key conclusion of the study is that, despite the full potential of a strategically significant digital transformation of public administration, modern government is structurally dependent on digital governance procedures, which can be detected thanks to the proposed methods for detecting such dependence.

Keywords: government administration, public administration, digitalization, digital transformation, digital administration, administration procedures, structural dependence, identification methods

References

1. A unified plan for achieving the national development goals of the Russian Federation until 2030 and for the future until 2036 (approved by the Government of the Russian Federation). By the Government of the Russian Federation // SPS "ConsultantPlus". — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495719/ (accessed data: 23.08.2025).
2. Digital transformation of public administration (strategic direction) // *Tadviser*. — URL: <https://clck.ru/3NoiUU> (accessed data: 23.08.2025).
1. Antipin I. A., Vlasova N. Yu., Shishkina E. A. Digital technologies in the development of territories: opportunities and problems of application in the practice of state and municipal management // *Manager*. — 2024. — Vol. 15. — No. 6. — P. 17-29.
2. Afanasyeva O. N., Korostyshevskaya E. M. Problems the introduction of digital technologies in public administration and the formation of a smart government // *Economics of science*. 2024. — Vol. 10. — No. 4. — P. 52-62.
3. Bochanov M. A. From reactive to proactive public administration in the era of digital transformation // *Ars Administrandi (Art of Management)*. — 2024. — Vol. 16. — No. 4. — P. 555-570.
4. Evstratov A. E., Shugulbaev Zh. A. On the ideological function of the state in the digital age // *Law enforcement*. — 2024. — Vol. 8. — No. 1. — P. 15-23.
5. Yershova T. V., Khokhlov Yu. E. Digital economy: from theoretical concepts to Russian practice // *Journal of the New Economic Association*. — 2025. — No. 2 (67). — P. 234-243.
6. Zotov V. V., Vasilenko L. A. Digital transformation of public administration: the unity of digital service and social network aspects // *Issues of state and municipal management*. — 2023. — No. 3. — P. 26-47.
7. Kaminchenko D. I., Komarov I. D., Gorbunova M. L. Managerial mentality in the context of digitalization: an inter-country analysis // *Social Sciences and modernity*. — 2024. — No. 6. — P. 25-40.
8. Kochetkov A. P., Mamychyev A. Yu. The state policy of Russia in the digital age: main trends, scenarios and regulatory practices // *Polis. Political research*. — 2023. — No. 1. — P. 96-113.
9. Kravchenko L. A., Troyan I. A., Goryach M. V. Digital solutions in public administration: trends, opportunities and limitations // *Information Society*. — 2023. — No. 2. — P. 54-68.
10. Kravchenko S. A. Synergy of complexity as an imperative principle of the organization of power in the digital age: new challenges to human capital // *Polis. Political research*. — 2024. — No. 2. — P. 65-79.
11. Larichev A. A., Tagiev E. S. The impact of digital tools on the effectiveness and efficiency of public authorities // *Bulletin of St. Petersburg University. Right*. — 2024. — Vol. 15. — No. 4. — P. 934-948.
12. Rozanova N. M. Digital ecosystems: the two-faced Janus of the national state // *World Economy and international Relations*. — 2024. — Vol. 68. — No. 3. — P. 15-22.
13. Rudokvas A.D., Terekhov A. N., Tkachenko S. L. Political economy and legal support of digital platforms: cooperation and conflict // *Law studies*. — 2025. — Vol. 69. — No. 1. — P. 150-175.
14. Skorobogatsky V. V. Digital transformation of public administration: institutional limits of what is possible // *Antinomies*. — 2023. — Vol. 23. — No. 1. — P. 90-106.
15. Cherkasov A. A. Digital democracy and its features: the experience of European countries // *Comparative Constitutional Review*. — 2025. — Vol. 34. — No. 1 (162). — P. 4-20.

Цифровые технологии как инструмент взаимодействия власти и общества

Хохлов Дмитрий Александрович

аспирант, кафедра политических и социальных наук, Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет, dima.5213.khokhlov@mail.ru

В статье цифровые технологии рассматриваются как трансформационный фактор в отношениях между государством и обществом. Автор предлагает концепцию «полиморфного расширения пространства взаимодействия», подчеркивая, что цифровизация меняет саму природу субъектно-объектных связей в управлении — от пассивного потребления услуг до совместного принятия решений. На основе системного и институционального подходов анализируются ключевые понятия: e-government (внутренний и внешний), e-democracy, e-justice и цифровой общественный контроль. Рассматриваются этапы развития электронного правительства — от каталогизации до проактивной модели. Теория М. Кастельса о сетевом обществе помогает осмыслить переход от иерархии к горизонтальному взаимодействию. Автор подчеркивает двойственность цифровых технологий: их демократический потенциал сопряжен с рисками цифрового неравенства, институциональной инертности и манипуляции, что требует сбалансированного и осознанного подхода к их внедрению для достижения подлинной политической вовлеченности.

Ключевые слова: цифровое государство, электронное правительство, цифровая демократия, электронное участие, сетевое общество.

Введение

Активное внедрение информационно-коммуникационных технологий трансформирует отношения между государством и обществом, способствуя повышению открытости, сокращению транзакционных издержек и упрощению политической коммуникации. Центральным эффектом цифровой трансформации политики выступает расширение и углубление взаимодействий между субъектом власти и объектом управления, вплоть до преобразования самой природы этих отношений. Еще один важный аспект — институциональная восприимчивость власти к сигналам, идущим от общества по новым каналам. Если цифровые платформы создаются формально и мнения граждан собираются «для галочки», не влияя на реальные решения, то расширение взаимодействия будет иллюзорным. Исходя из этого, представляется целесообразным рассматривать цифровизацию политики как процесс **полиморфного расширения пространства взаимодействия власти и общества**. Под полиморфизмом подразумевается множественность форм, в которых проявляется это взаимодействие. В одних случаях цифровые инструменты усиливают гражданскую субъектность (например, инициатива РОИ, повлиявшая на законодательство), в других — используются для укрепления государственного контроля в авторитарных режимах.

Литературный обзор:

Фактор цифровизации в политике стал объектом исследования многих ученых. Соотношение электронной и традиционной демократии изучено в работах Р. М. Дзидзоева [4], А. С. Лолаевой [7], Е. Ю. Киреевой [7], В. А. Осинюк [9]. Различные аспекты интеграции цифровых практик в структуру конституционного права раскрывает С. А. Авакьян [1]. О недостатках цифровой демократии и угрозах цифровой диктатуры пишут такие авторы, как О. Ю. Власова [2], С. Ю. Волков и А. С. Кондратьев [3]. В зарубежной научной литературе наиболее известны классические труды М. Кастельса о роли Интернета в жизни общества [6]. Новейшие тенденции развития цифровой демократии за рубежом отражены в публикациях Я. ван Дейка [16], С. Бушера [12] и К. Пейриса [15]. Таким образом, в научной литературе сформировался широкий спектр подходов к анализу цифровой трансформации власти — от сравнительных исследований электронной и традиционной демократии до критики рисков цифрового авторитаризма. Однако вместе с теоретической разработкой отдельных аспектов цифровизации возникает необходимость в их целостном осмыслении как компонентов единой модели.

Именно такую системную рамку предлагает концепт цифрового государства, представляющий собой организационно-технологический и правовой подход к структурированию государственной власти в условиях цифровой эпохи [11]. В целях обеспечения терминологической определённости настоящего исследования представляется необходимым конкретизировать, как именно трактуются ключевые понятия, составляющие структуру концепта цифрового государства.

В рамках данной работы:

Цифровое правительство (e-government) понимается как внедрение цифровых технологий в процессы государственного администрирования и предоставления публичных услуг;

Цифровая демократия (e-democracy) — как развитие механизмов электронного участия граждан и обеспечение условий для широкого общественного обсуждения нормативных инициатив;

Цифровое правосудие (e-justice) — как применение цифровых решений в судебной системе, включая внедрение электронного судопроизводства;

Цифровой общественный контроль — как использование цифровых инструментов для мониторинга и оценки деятельности органов власти, а также формирования каналов обратной связи между государством и гражданским обществом.

Такое разграничение позволяет не только уточнить предмет исследования, но и обеспечить аналитическую целостность при рассмотрении каждого из компонентов цифрового государства в последующих разделах статьи.

Концепцией e-government (электронного правительства), которая возникла на стыке идей об информатизации государственного управления и сервисной модернизации публичного сектора. Цель этого взаимодействия — сделать получение государственных услуг и информацию для граждан максимально удобным, быстрым и прозрачным, минимизируя необходимость физического контакта с чиновниками. Государство в данной концепции выступает как «единое окно», через которое граждане могут в онлайн-режиме получать справки, документы, осуществлять платежи и т.д. Общеизвестного универсального определения электронного правительства нет: в разных странах данную идею наполняют разным содержанием.

Принято различать внутреннее электронное правительство — использование ИКТ для оптимизации взаимодействия между органами государственной власти внутри бюрократической системы, в частности, речь идёт о внедрении систем электронного документооборота (например, СЭД «Дело», «Электронный архив» и др.), позволяющих осуществлять обмен служебными записками, распоряжениями и проектами нормативных актов без использования бумажных носителей, и внешнее электронное правительство — электронные сервисы для взаимодействия государства с гражданами и бизнесом например портал «Госуслуги», предоставляющий доступ к государственным и муниципальным услугам в онлайн-формате. Ключевыми принципами здесь являются открытость власти и прозрачность процедур

принятия решений: электронное правительство призвано сделать работу государственных органов более понятной и подконтрольной обществу.

Следует отметить, что развитие электронного правительства предполагает прохождение определённых стадий. Так, согласно модели К. Лейн и Ли Джон У, процесс внедрения данного инструментария в деятельность государственных учреждений включает четыре фазы: каталогизация — создание сайтов государственных органов с актуальной информацией; предоставление онлайн-услуг — возможность направлять запросы и получать ответы дистанционно; вертикальная интеграция — электронное взаимодействие внутри ведомственной иерархии; горизонтальная интеграция — формирование межведомственного электронного документооборота [14, с. 125].

Европейская комиссия, оценивая прогресс электронного правительства, выделяет финальную стадию его развития — проактивную, — когда все госорганы действуют онлайн, а отношения между государством и гражданами трансформируются из простого предоставления услуг в формат совместного принятия решений [2]. Иными словами, граждане становятся полноценными соучастниками governance-процессов. Таким образом, цифровизация последовательно размывает жёсткую грань между управляющим субъектом и управляемым объектом, вовлекая новых субъектов в политическую систему — от отдельных активистов до сетевых гражданских движений.

Следующим важным направлением выступает цифровая демократия. Впервые термин digital democracy был использован Кеннетом Л. Хакером и Яном ван Дейком для описания особенностей взаимодействия между государством и технологиями [13]. Они рассматривали данный феномен как «набор попыток реализовать демократию без ограничений времени, пространства и других физических условий», подчёркивая её роль как дополнения к традиционным демократическим механизмам.

В настоящее время в отечественной и иностранной научной литературе сложились широкое и узкое понимание электронной демократии. В узком смысле под цифровой демократией понимается облачение в цифровую форму традиционных средств демократического участия граждан в жизни государства и осуществлении народной власти, т.е. исключительно электронные референдумы и выборы [8, с. 25]. Более широкий подход предлагает включать в понятие электронной демократии все формы взаимодействия граждан с публичной властью, облачённые в цифровую форму. [8, с. 24]. Несмотря на разнообразие трактовок цифровой демократии, общее среди них — это акцент на цифровых каналах взаимодействия граждан с институтами власти.

Анализ цифровой демократии невозможно провести без обращения к теории сетевого общества, которая сыграла важную роль в осмыслении трансформации власти в условиях цифровизации. В российском контексте эта концепция была закреплена в Распоряжении Правительства РФ № 1815-р от 20 октября 2010 года, утвердившем Государственную

программу «Информационное общество» на 2011–2020 годы, где сетевое общество обозначено как элемент инновационного развития. Теоретическим продолжением данной идеи стала модель сетевого государства, основанная на представлениях М. Кастельса о переходе от иерархических к распределённым, горизонтальным структурам управления. В научной литературе существуют два подхода к её трактовке. Первый — нормативный — описывает сетевое государство как децентрализованную систему, где управление осуществляется через взаимодействие различных автономных акторов: государства, гражданского общества и бизнеса. Такая модель требует не только цифровой инфраструктуры, но и развитых институциональных и культурных условий. Второй — технологический — сводит сетевое государство к высокому уровню цифровизации. Однако критики подчёркивают, что простое внедрение ИКТ не означает изменения логики власти, если сохраняется жёсткая иерархия. Несмотря на дискусионность, концепт сетевого государства позволяет рассматривать цифровизацию как движение от одностороннего управления к многостороннему взаимодействию власти и общества.

Заключение

Цифровые технологии в политике — явление двойственное. С одной стороны, они усиливают взаимодействие между государством и обществом, способствуя более открытому и гибкому политическому процессу. Концепты e-democracy, e-government, e-participation и сетевого государства отражают как рост гражданской активности, так и институциональные трансформации. Цифровизация позволяет гражданам активнее участвовать в политике, а государству — повысить эффективность и прозрачность. С другой стороны, реализация этого потенциала сталкивается с рядом препятствий: цифровым неравенством, институциональной инертностью, правовыми и технологическими рисками. Без решения этих проблем цифровые технологии рискуют остаться вспомогательными или декоративными средствами, не изменив, по существу, характер взаимоотношений власти и общества. Более того, в неблагоприятных условиях они могут быть использованы во вред общественному диалогу — для манипуляции общественным мнением, усиления наблюдения, подавления инакомыслия. Важно подходить к этому процессу сбалансированно, чтобы обеспечить его подлинную демократичность.

Литература

1. Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 7. — С. 23–28.

2. Власова О. Ю. Цифровой авторитаризм и электронная демократия: содержание и границы // Studia Humanitatis. — 2020. — № 3. — С. 1–24.

3. Волков С. Ю., Кондратьев А. С. Формирование цифровой диктатуры как актуальная общественно-политическая проблема [Электронный ресурс] // Огарев-online. — 2022. — № 6. — Режим доступа:

<https://journal.mrsu.ru/arts/formirovanie-cifrovoj-diktatury-kak-aktualnaya-obshhestvenno-politicheskaya-problema> (дата обращения: 10.03.2023).

4. Дзидзоев Р. М., Лолаева А. С. Цифровое конституционное право: к постановке вопроса // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 6. — С. 17–20.

5. Европейская комиссия. eGovernment Benchmark 2025: Insight Report [Электронный ресурс]. — Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2025. — 75 с. — Режим доступа: <https://www.capgemini.com/wp-content/uploads/2025/06/eGovernmentBenchmark-2025-Insight-Report.pdf> (дата обращения: 10.08.2025).

6. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитоновой. — Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. — 328 с.

7. Киреева Е. Ю. Цифровая демократия: мифы и реальность // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 7. — С. 29–32.

8. Лолаева А. С. Цифровая (электронная) и традиционная демократия: вопросы соотношения // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 4. — С. 23–26.

9. Лолаева А. С. Цифровая (электронная) и традиционная демократия: вопросы соотношения // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 4. — С. 24–25.

10. Осинюк В. А. Концепция развития электронной демократии в современной России: особенности и перспективы // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2022. — № 1. — С. 84–90.

11. Понкин И. В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология // Государственная служба. — 2021. — № 5 (133). — С. 49.

12. Boucher S., Butler I., de Groot M., Lironi E., Russack S., Stratulat C., Youngs R., Zacharzewski A. Strengthening Digital Democracy // Six Ideas for Rejuvenating European Democracy. — Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2019. — 25 p.

13. Hacker K. L., Dijk J. What Is Digital Democracy? // Digital Democracy: Issues of Theory and Practice. — CA: SAGE Publications, 2000. — P. 1–9.

14. Layne K., Lee J. W. Developing fully functional e-government: A four stage model // Government Information Quarterly. — 2001. — № 2. — Pp. 122–136.

15. Peiris K., Gunathilake G., Attanayaka J., Ilankoon I., Chandrasiri S., Wijendra D. Digital Democracy: A Secure Platform for Voting // 2nd International Informatics and Software Engineering Conference (IISEC). — Ankara, 2021. — Pp. 131–134.

16. Van Dijk J. Digital democracy: Vision and reality // Innovation and the Public Sector. — 2012. — № 19. — Pp. 49–62.

Digital Technologies as a Tool for Interaction between Government and Society

Khokhlov D.A.

Petrozavodsk State University

The article examines digital technologies as a transformational factor in relations between the state and society. The author proposes the concept of "polymorphic expansion of the interaction space", emphasizing that digitalization changes the very nature of subject-object relations in governance — from passive consumption of services to joint decision-making. Based on the systemic and institutional approaches, the following key concepts are analyzed: e-government (internal and external), e-democracy, e-justice and digital public control. The stages of e-government development are considered — from cataloging to a proactive model. M. Castells's theory of a network society helps to understand the transition from hierarchy to horizontal interaction. The author emphasizes the duality of digital technologies: their democratic potential is associated with the risks of digital inequality, institutional inertia and manipulation, which requires a balanced and conscious approach to their implementation to achieve genuine political engagement.

Keywords: digital state, e-government, digital democracy, e-participation, network society.

References

1. Avakyan, S. A. (2019). Information space of knowledge, digital world and constitutional law. *Constitutional and Municipal Law*, 7, 23–28.
2. Vlasova, O. Yu. (2020). Digital authoritarianism and electronic democracy: content and boundaries. *Studia Humanitatis*, 3, 1–24.
3. Volkov, S. Yu., & Kondratyev, A. S. (2022). Formation of digital dictatorship as an urgent socio-political problem. *Ogarev-online*, 6. Retrieved from <https://journal.mrsu.ru/arts/formirovanie-cifrovoj-diktatury-kak-aktualnaya-obshhestvenno-politicheskaya-problema>
4. Dzidzoev, R. M., & Lolaeva, A. S. (2022). Digital constitutional law: To the formulation of the issue. *Constitutional and Municipal Law*, 6, 17–20.
5. European Commission. (2025). *eGovernment Benchmark 2025: Insight Report*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. Retrieved August 10, 2025, from <https://www.capgemini.com/wp-content/uploads/2025/06/eGovernmentBenchmark-2025-Insight-Report.pdf>
6. Kireeva, E. Yu. (2019). Digital democracy: Myths and reality. *Constitutional and Municipal Law*, 7, 29–32.
7. Lolaeva, A. S. (2021a). Digital (electronic) and traditional democracy: Issues of correlation. *Constitutional and Municipal Law*, 4, 23–26.
8. Lolaeva, A. S. (2021b). Digital (electronic) and traditional democracy: Issues of correlation. *Constitutional and Municipal Law*, 4, 24–25.
9. Osinyuk, V. A. (2022). The concept of development of electronic democracy in modern Russia: Features and prospects. *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*, 1, 84–90.
10. Ponkin, I. V. (2021). The concept of the digital state: Definition, nature, structure and ontology. *Civil Service*, 5(133), 49.
11. Boucher, S., Butler, I., de Groot, M., Lironi, E., Russack, S., Stratulat, C., Youngs, R., & Zacharzewski, A. (2019). *Strengthening digital democracy: Six ideas for rejuvenating European democracy*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace.
12. Hacker, K. L., & van Dijk, J. (2000). What is digital democracy? In K. L. Hacker & J. van Dijk (Eds.), *Digital Democracy: Issues of Theory and Practice* (pp. 1–9). Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.
13. Layne, K., & Lee, J. W. (2001). Developing fully functional e-government: A four stage model. *Government Information Quarterly*, 18(2), 122–136.
14. Peiris, K., Gunathilake, G., Attanayaka, J., Ilankoon, I., Chandrasiri, S., & Wijendra, D. (2021). Digital democracy: A secure platform for voting. In *Proceedings of the 2nd International Informatics and Software Engineering Conference (IISEC)* (pp. 131–134). Ankara.
15. Van Dijk, J. (2012). Digital democracy: Vision and reality. *Innovation and the Public Sector*, 19, 49–62.

Моделирование эффективности GR-технологий в условиях конкуренции интеграционных векторов: теоретико-методологический подход

Хусаинов Михаил Ренатович
исследователь, РУДН им. Патриса Лумумбы,
mihakhus@gmail.com

В статье исследуется фундаментальная проблема оценки эффективности Government Relations (GR) в условиях современной геэкономической реальности, характеризующейся конкуренцией интеграционных векторов. Традиционные модели оценки GR, ориентированные на взаимодействие с монолитным национальным государством, оказываются нерелевантными в среде, где центры принятия решений рассредоточены между национальным и наднациональным уровнями, а регуляторные парадигмы различных интеграционных объединений (например, ЕАЭС и ЕС) вступают в прямое противоречие. В работе доказываем, что в условиях конкуренции интеграционных векторов ключевым критерием эффективности GR становится не столько прямое влияние на решение, сколько формирование устойчивой репутации конструктивного и компетентного партнера для органов власти всех уровней, способного предлагать экспертные решения для гармонизации противоречащих друг другу регуляторных требований.

Ключевые слова: GR-технологии, конкуренция интеграционных векторов, моделирование эффективности, ЕАЭС, Европейский союз, многоуровневое управление, неформальные институты, регуляторная неопределенность, стратегическая опциональность, транзакционные издержки.

Введение

Современная архитектура мирового экономического порядка претерпевает фундаментальную трансформацию. Эпоха гомогенной глобализации сменяется периодом регионализации и формирования конкурирующих макрорегиональных блоков. Для экономических акторов, действующих на постсоветском пространстве, эта реальность воплощается в феномене «конкуренции интеграционных векторов» — ситуации, когда национальные экономики и отдельные компании оказываются в поле одновременного притяжения различных интеграционных проектов, прежде всего Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Европейского союза (ЕС) с его программами Восточного партнерства, а также инициатив, подобных китайскому «Поясу и пути». Данное положение дел порождает беспрецедентную по своей сложности среду для выстраивания отношений с государством (Government Relations, GR).

Классические подходы к GR, сформировавшиеся в условиях Вестфальской системы, исходили из презумпции существования единого и суверенного центра принятия решений — национального правительства. Эффективность GR-деятельности измерялась в понятных и зачастую прямолинейных показателях: количество проведенных встреч, лоббирование конкретных поправок в законодательство, получение государственных контрактов или субсидий. Однако в условиях, когда компетенции по ключевым вопросам (техническое регулирование, таможенная политика, санитарные и фитосанитарные нормы, антимонопольное законодательство) делегированы на наднациональный уровень (в случае ЕАЭС — Евразийской экономической комиссии), а национальное законодательство вынуждено имплементировать нормы, зачастую дивергирующие с обязательствами в рамках других международных соглашений (например, с ВТО или ЕС), традиционный инструментарий оценки эффективности GR полностью утрачивает свою релевантность²⁴.

Основная проблема, рассматриваемая в данной статье, носит теоретико-методологический характер. Она заключается в глубоком разрыве между усложнившейся практикой GR в полицентричной регуляторной среде и существующими методами ее анализа и оценки. Субъекты хозяйствования и их GR-специалисты сталкиваются с фундаментальными вопросами: на каком уровне необходимо концентрировать усилия — национальном или наднациональном? Как выстраивать аргументацию, если

²⁴ Кинякин А.А. Government Relations как форма общественно-политической и бизнес-коммуникации: к определению понятия // Вестник РУДН. Серия: Политология. — 2009 — № 2. — С. 119-131.

нормы одного интеграционного блока противоречат нормам другого? Как оценить эффективность стратегии, если достижение цели в рамках одного вектора (например, принятие защитной меры на уровне ЕАЭС) создает барьеры и издержки в рамках другого (например, на рынке ЕС)? Отсутствие ответов на эти вопросы ведет к дезориентации GR-стратегий, неэффективному расходованию ресурсов и, в конечном счете, к росту транзакционных издержек и стратегических рисков для бизнеса.

Целью настоящей работы является разработка концептуальной модели, позволяющей системно анализировать и оценивать эффективность GR-технологий в условиях конкуренции интеграционных векторов. Мы не стремимся дать универсальную математическую формулу, но предлагаем аналитическую рамку (framework), которая позволяет декомпозировать сложную реальность на измеримые или, по крайней мере, операционализируемые переменные. Данная модель призвана стать методологической основой для принятия стратегических решений в области GR, смещая акцент с реактивного лоббизма на проактивное управление регуляторными рисками и возможностями. Гипотеза исследования состоит в том, что в рассматриваемых условиях эффективность GR определяется не столько способностью «продвинуть» решение, сколько способностью актора выстроить сложную, многоуровневую систему коммуникаций, позволяющую ему адаптироваться к регуляторной турбулентности, снижать неопределенность и сохранять пространство для маневра, то есть создавать стратегическую опциональность.

Результаты исследований и их обсуждение

Современная архитектура международных экономических отношений претерпевает фундаментальную трансформацию. На смену относительно гомогенной глобализационной модели приходит эпоха полицентричности, характеризующаяся формированием и обострением конкуренции между макрорегиональными интеграционными проектами.

Данные проекты, будь то Европейский союз, Евразийский экономический союз или формирующиеся контуры партнерств в рамках БРИКС+ и Азиатско-Тихоокеанского региона, представляют собой не просто торговые блоки, а комплексные системы, конкурирующие на уровне правовых парадигм, технических стандартов, регуляторных философий и механизмов разрешения споров. В этих условиях деятельность экономических субъектов, от транснациональных корпораций до национальных отраслевых чемпионов, перестает быть вписанной в единую и предсказуемую систему координат национального государства²⁵. Она оказывается на пересечении разнонаправленных и зачастую взаимоисключаю-

щих регуляторных полей, генерируемых конкурирующими интеграционными «центрами силы». Этот новый контекст ставит под сомнение адекватность существующих моделей оценки эффективности деятельности в сфере взаимодействия с органами власти (Government Relations, GR), требуя их кардинального переосмысления. Классические подходы, ориентированные на измерение успеха GR через локальные, тактические победы в рамках одного суверенного правового порядка – получение субсидии, изменение ставок налога, получение лицензии – оказываются неспособными уловить долгосрочные стратегические риски и возможности, возникающие на стыке интеграционных векторов²⁶. Настоящая статья посвящена постановке и попытке разрешения этой проблемы через разработку нового теоретико-методологического подхода к моделированию и оценке эффективности GR-технологий в условиях многоуровневого управления и конкуренции правовых систем.

Ключевой недостаток традиционной парадигмы GR заключается в ее «транзакционной» природе. Она рассматривает государство как монолитного контрагента, взаимодействие с которым нацелено на максимизацию конкретной, измеримой выгоды в краткосрочном периоде. Эффективность в такой модели измеряется через простой расчет возврата на инвестиции (ROI): затраты на GR-активность сопоставляются с полученным финансовым результатом²⁷.

Данный подход был релевантен для стабильной вестфальской системы, где суверенитет государства был конечным источником легитимности и регуляторной власти. Однако в современной реальности национальное правительство все чаще выступает не как конечный суверен, а как один из уровней сложной системы управления, находящийся под влиянием наднациональных обязательств. Решение, пролоббированное на национальном уровне, может быть обесценено, заблокировано или прямо отменено нормой наднационального права, имплементируемой в рамках интеграционного соглашения. Более того, сегодняшняя «победа» в виде выгодного национального стандарта может завтра обернуться «стратегической ловушкой», если доминирующим на ключевых рынках станет альтернативный технический регламент, продвигаемый конкурирующим интеграционным блоком. Таким образом, проблема заключается в том, что существующий инструментарий GR нацелен на оптимизацию положения актора в рамках одной системы координат, в то время как сама система координат стала динамичной и множественной.

Для преодоления этого разрыва предлагается сместить фокус анализа с оценки отдельных транзакций на анализ стратегического позиционирова-

²⁵ Винокуров Е.Ю. Евразийская экономическая интеграция: достижения и вызовы / Е.Ю. Винокуров, А. Либман. – Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2020. С.102

²⁶ Börzel T.A. Governance Approaches to European Integration / T.A. Börzel, T. Risse // Journal of Common Market Studies. – 2019. – Vol. 57. – No. 4. – P. 745

²⁷ Chalmers A.W. Trading Information for Access: Informational Lobbying Strategies and Interest Group Access to the European Union / A.W. Chalmers // Journal of European Public Policy. – 2020. – Vol. 27. – No. 3. – P. 429

ния экономического субъекта относительно ключевых интеграционных векторов. В основе предлагаемого подхода лежит концепция «нормативно-регуляторного ядра» интеграционного проекта. Под ядром понимается не вся совокупность правовых актов, а устойчивый набор фундаментальных принципов, ключевых технических регламентов, базовых правовых институтов (таких как принципы конкурентного права, модели защиты прав инвесторов, подходы к защите данных) и доминирующих практик правоприменения, которые определяют сущность и вектор развития данного интеграционного блока.

Именно это ядро, а не отдельные периферийные нормы, является главным объектом конкуренции интеграционных проектов²⁸. Оно обладает свойством «гравитационного притяжения», заставляя национальные правовые системы и бизнес-практики адаптироваться и синхронизироваться с ним. Соответственно, эффективность GR-стратегии в новых условиях должна измеряться не количеством выигранных тактических боев, а степенью осознанной и управляемой синхронизации деятельности компании с нормативно-регуляторным ядром того интеграционного вектора, который является для нее стратегически приоритетным.

Моделирование такой эффективности требует введения новой системы переменных. Во-первых, это переменная *V* (Vector), обозначающая конкретный интеграционный проект с его уникальным нормативно-регуляторным ядром (Ядро_*V*). Во-вторых, переменная *I* (Interest), представляющая собой не сиюминутную выгоду, а долгосрочный стратегический интерес компании (например, обеспечение устойчивости цепочек поставок, доступ к рынкам капитала и технологий, минимизация транзакционных издержек в долгосрочной перспективе). В-третьих, переменная *A* (Action), описывающая конкретную GR-технология, которая в данном контексте перестает быть просто лоббизмом и включает в себя такие сложные действия, как участие в работе наднациональных экспертных групп по выработке стандартов, стратегическое использование механизмов разрешения споров в рамках интеграционных судов, формирование коалиций с акторами из других стран-участниц блока. Конечной искомой величиной становится *C* (Compatibility/Synchronization), то есть степень совместимости или достигнутой синхронизации операционной модели и стратегических интересов компании (*I*) с ядром выбранного вектора (*V*) в результате применения GR-действий (*A*). Эффективность (*Eff*) GR-стратегии становится функцией от достигнутого уровня синхронизации: $Eff = f(C)$.

Практическое измерение показателя *C* представляет собой наиболее сложную методологическую

задачу. Его невозможно свести к единому количественному показателю. Оценка должна носить комплексный, многофакторный характер и включать как минимум три уровня анализа. Первый уровень – структурная совместимость. На этом уровне анализируется, насколько бизнес-модель компании, ее структура собственности и корпоративного управления соответствуют доминирующей в рамках интеграционного вектора экономической философии. Например, модель, основанная на доминировании государственных корпораций, будет иметь низкую структурную совместимость с интеграционным проектом, ядро которого построено на принципах либеральной рыночной конкуренции и жесткого антимонопольного регулирования²⁹. GR-усилия в данном случае должны быть направлены не на выбивание преференций, а на стратегическую адаптацию модели или поиск ниш, где это противоречие не является критическим.

Второй уровень – регуляторная совместимость. Это более традиционная область, но с новым фокусом. Анализируется не просто соответствие текущим нормам, а издержки потенциальной будущей адаптации к регуляторному ядру. Сюда относится анализ совместимости в области технических стандартов, экологических норм, трудового права, финансовой отчетности. Ключевым показателем эффективности GR здесь становится не полученная субсидия, а минимизация будущих издержек на «регуляторную перестройку». Например, инвестиции в GR-активность по гармонизации национальных технических регламентов с регламентами целевого интеграционного блока, даже без немедленного экономического эффекта, будут высокоэффективны в рамках предлагаемой модели, так как они повышают показатель *C* и снижают будущие барьеры. GR-специалист превращается в риск-менеджера, оценивающего «стоимость несовместимости» (cost of non-compliance/non-compatibility) в перспективе 5-10 лет³⁰.

Третий уровень – институционально-процессуальная совместимость. На этом уровне оценивается способность компании эффективно использовать правовые и квазиправовые институты, составляющие ядро интеграционного проекта. Это включает в себя не только умение вести судебные процессы в наднациональных судах, но и способность участвовать в процедурах оценки регулирующего воздействия на наднациональном уровне, использовать механизмы досудебного урегулирования, принятые в данном блоке, эффективно взаимодействовать с наднациональными регуляторами. Эффективность GR здесь измеряется способностью компании защищать и продвигать свои интересы (*I*) с помощью институционального инструментария,

²⁸ Меньшенина Н.Н. Взаимодействие бизнеса и власти в условиях цифровой трансформации: теория и практика GR-менеджмента / Н.Н. Меньшенина, М.В. Пантелеева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 97

²⁹ Глазьев С.Ю. О механизмах реализации целей национального развития России в условиях смены технологических и мирохозяйственных укладов / С.Ю. Глазьев // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 230. – № 4. – С. 66

³⁰ Павроз А.В. Government Relations как институт социально-политического взаимодействия в современной России / А.В. Павроз // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2019. – Т. 15. – № 2. – С. 243

предоставляемого вектором (V). Например, успешное оспаривание в суде ЕАЭС или Суде ЕС решения национального органа, противоречащего праву союза, является актом высокоэффективного GR, так как оно не просто решает частную проблему, но и усиливает синхронизацию компании с наднациональным порядком, повышая предсказуемость среды.

Таким образом, предлагаемый теоретико-методологический подход радикально меняет саму суть и функции GR-деятельности. Из тактической функции, направленной на извлечение ренты из взаимодействия с национальным правительством, GR трансформируется в стратегическую аналитическую функцию, сопоставимую по важности со стратегическим планированием и управлением рисками. Основная задача нового GR – это не «решение вопросов», а непрерывный мониторинг и анализ эволюции нормативно-регуляторных ядер конкурирующих интеграционных проектов. Это деятельность по картированию регуляторного ландшафта, оценке долгосрочных векторов его развития и выработке для высшего руководства компании рекомендаций по стратегическому выбору. Этот выбор больше не сводится к вопросу «в какой юрисдикции регистрировать компанию?». Он ставится гораздо сложнее: «С каким из конкурирующих наборов правил, стандартов и институтов мы синхронизируем наше будущее? Какова цена такой синхронизации и каковы издержки отказа от нее? Не покупаем ли мы сиюминутную тактическую выгоду ценой попадания в долгосрочную стратегическую ловушку несовместимости с доминирующим вектором развития?».

Верификация и применение данной модели на практике требуют создания сложного аналитического инструментария, включающего методы сценарного анализа, экспертные оценки, сравнительно-правовые исследования и анализ больших данных для отслеживания динамики регуляторных изменений. Однако эвристический потенциал предложенного подхода заключается в том, что он позволяет уйти от упрощенного и все более неадекватного понимания эффективности GR. Он заставляет экономических акторов и исследователей задавать правильные вопросы, соответствующие сложности современной глобальной экономической и правовой реальности. Разработка этой методологии – это не просто академическое упражнение, а насущная необходимость для формирования адекватной стратегии поведения бизнеса в мире, где борьба за экономическое лидерство все больше перемещается с рынков товаров и услуг на рынок регуляторных моделей и правовых систем. Предложенный подход формирует основу для новой культуры взаимодействия бизнеса и многоуровневой власти, основанной на долгосрочном стратегическом видении, а не на поиске краткосрочных тактических преимуществ.

Литература

1. Толстых П.А. GR. Практикум по лоббизму в России / П.А. Толстых. – Москва: Альпина Паблишер, 2019. – 384 с.

2. Кинякин А.А. Government Relations в цифровую эпоху: новые вызовы и возможности / А.А. Кинякин // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 123-135.

3. Меньшенина Н.Н. Взаимодействие бизнеса и власти в условиях цифровой трансформации: теория и практика GR-менеджмента / Н.Н. Меньшенина, М.В. Пантелеева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. – 204 с.

4. Сморгунов Л.В. Сравнительный анализ административных реформ в странах ЕАЭС: институциональная перспектива / Л.В. Сморгунов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2019. – Т. 12. – № 3. – С. 276-289.

5. Винокуров Е.Ю. Евразийская экономическая интеграция: достижения и вызовы / Е.Ю. Винокуров, А. Либман. – Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2020. – 296 с.

6. Глазьев С.Ю. О механизмах реализации целей национального развития России в условиях смены технологических и мирохозяйственных укладов / С.Ю. Глазьев // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 230. – № 4. – С. 66-78.

7. Павроз А.В. Government Relations как институт социально-политического взаимодействия в современной России / А.В. Павроз // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2019. – Т. 15. – № 2. – С. 243-257.

8. Börzel T.A. Governance Approaches to European Integration / T.A. Börzel, T. Risse // Journal of Common Market Studies. – 2019. – Vol. 57. – No. 4. – P. 745-764.

9. Dür A. Insiders versus Outsiders: Interest Group Politics in Multilevel Europe / A. Dür, G. Mateo. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 256 p.

10. Coen D. Business Lobbying in the European Union / D. Coen, A. Katsaitis, M. Vannoni. – Oxford: Oxford University Press, 2021. – 304 p.

11. Chalmers A.W. Trading Information for Access: Informational Lobbying Strategies and Interest Group Access to the European Union / A.W. Chalmers // Journal of European Public Policy. – 2020. – Vol. 27. – No. 3. – P. 429-449.

12. Klüver H. Setting the Agenda or Responding to Voters? Political Parties, Voters and Issue Attention / H. Klüver, S. Sagarzazu // West European Politics. – 2019. – Vol. 42. – No. 2. – P. 275-295.

13. Libman A. One Eurasia or Many? Regional Interconnections and Connectivity Projects on the Eurasian Continent / A. Libman, E. Vinokurov // International Affairs. – 2021. – Vol. 97. – No. 6. – P. 1745-1764.

14. Dragneva R. The Eurasian Economic Union: Deals, Rules and the Exercise of Power / R. Dragneva, K. Wolczuk. – London: Chatham House, 2019. – 89 p.

15. Roberts S.P. The Eurasian Economic Union: the geopolitics of authoritarian cooperation / S.P. Roberts, A. Moshes // Eurasian Geography and Economics. – 2020. – Vol. 61. – No. 4-5. – P. 393-405.

Modeling the efficiency of GR technologies in the context of competition of integration vectors: theoretical and methodological approach

Khusainov M.R.

RUDN University named after Patrice Lumumba

The article examines the fundamental problem of evaluating the effectiveness of Government Relations (GR) in the context of contemporary geo-economic reality characterized by competition among integration vectors. Traditional GR evaluation models, oriented toward interaction with a monolithic nation-state, prove to be irrelevant in an environment where decision-making centers are distributed between national and supranational levels, and regulatory paradigms of different integration associations (for example, EAEU and EU) come into direct contradiction. The paper demonstrates that under conditions of competing integration vectors, the key criterion for GR effectiveness becomes not so much direct influence on decision-making, but rather the formation of a sustainable reputation as a constructive and competent partner for government bodies at all levels, capable of offering expert solutions for harmonizing contradictory regulatory requirements.

Keywords: Government Relations, GR technologies, competition of integration vectors, effectiveness modeling, EAEU, European Union, multi-level governance, informal institutions, regulatory uncertainty, strategic optionality, transaction costs.

References

1. Tolstykh P.A. GR. Praktikum po lobbizmu v Rossii [GR. Practicum on Lobbying in Russia]. Moscow, Alpina Publisher, 2019. 384 p. (In Russian)
2. Kinyakin A.A. Government Relations in the Digital Era: New Challenges and Opportunities. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies], 2020, no. 2, pp. 123-135. (In Russian)
3. Menshenina N.N., Panteleeva M.V. Vzaimodeistvie biznesa i vlasti v usloviyakh tsifrovoy transformatsii: teoriya i praktika GR-menedzhmenta [Business-Government Interaction in the Context of Digital Transformation: Theory and Practice of GR Management]. Ekaterinburg, Ural University Press, 2021. 204 p. (In Russian)
4. Smorgunov L.V. Comparative Analysis of Administrative Reforms in the EAEU Countries: An Institutional Perspective. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations], 2019, vol. 12, no. 3, pp. 276-289. (In Russian)
5. Vinokurov E.Yu., Libman A. Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya: dostizheniya i vyzovy [Eurasian Economic Integration: Achievements and Challenges]. Saint Petersburg, EDB Centre for Integration Studies, 2020. 296 p. (In Russian)
6. Glazyev S.Yu. On the Mechanisms for Implementing Russia's National Development Goals in the Context of Changing Technological and World Economic Paradigms. Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 2021, vol. 230, no. 4, pp. 66-78. (In Russian)
7. Pavroz A.V. Government Relations as an Institution of Socio-Political Interaction in Contemporary Russia. Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS [Political Expertise: POLITEX], 2019, vol. 15, no. 2, pp. 243-257. (In Russian)
8. Börzel T.A., Risse T. Governance Approaches to European Integration. Journal of Common Market Studies, 2019, vol. 57, no. 4, pp. 745-764.
9. Dür A., Mateo G. Insiders versus Outsiders: Interest Group Politics in Multilevel Europe. Oxford, Oxford University Press, 2019. 256 p.
10. Coen D., Katsaitis A., Vannoni M. Business Lobbying in the European Union. Oxford, Oxford University Press, 2021. 304 p.
11. Chalmers A.W. Trading Information for Access: Informational Lobbying Strategies and Interest Group Access to the European Union. Journal of European Public Policy, 2020, vol. 27, no. 3, pp. 429-449.
12. Klüver H., Sagarzazu S. Setting the Agenda or Responding to Voters? Political Parties, Voters and Issue Attention. West European Politics, 2019, vol. 42, no. 2, pp. 275-295.
13. Libman A., Vinokurov E. One Eurasia or Many? Regional Interconnections and Connectivity Projects on the Eurasian Continent. International Affairs, 2021, vol. 97, no. 6, pp. 1745-1764.
14. Dragneva R., Wolczuk K. The Eurasian Economic Union: Deals, Rules and the Exercise of Power. London, Chatham House, 2019. 89 p.
15. Roberts S.P., Moshes A. The Eurasian Economic Union: the geopolitics of authoritarian cooperation. Eurasian Geography and Economics, 2020, vol. 61, no. 4-5, pp. 393-405.

Инструменты российской мягкой силы в Африке: сравнительный анализ в Нигерии и ЮАР

Авдалян Мэри Рафаэлевна

старший научный сотрудник, Институт стран Азии и Африки, МГУ им. М.В. Ломоносова, avdalyanmr@my.msu.ru

Статья посвящена анализу реализации мягкой силы Российской Федерации в Нигерии и Южно-Африканской Республике. На основе сравнительного подхода выявлены общие черты и различия в стратегиях гуманитарного влияния, обусловленные региональными, институциональными и восприимчивыми факторами. Автор предлагает типологию моделей мягкой силы и формулирует конкретные предложения по их адаптации к контексту Глобального Юга. Научная новизна работы заключается в теоретической реконструкции африканских практик мягкой силы России и разработке политики их целенаправленного совершенствования в условиях постгегемониального международного порядка.

Ключевые слова: мягкая сила, внешняя политика, Россия, Нигерия, ЮАР, гуманитарное влияние, БРИКС.

Современная система международных отношений характеризуется ростом нестабильности, обострением конкуренции между глобальными акторами и смещением геополитических приоритетов в сторону регионов, ранее находившихся на периферии мировой политики. Африканский континент, который прежде рассматривался преимущественно сквозь призму экономической маргинализации и политической зависимости, в последние годы приобретает значение перспективного направления внешнеполитической активности ведущих держав. На этом фоне возрастающее внимание Российской Федерации к государствам Африки, в частности к Нигерии и Южно-Африканской Республике (ЮАР), отражает стратегическую переориентацию внешней политики страны, также известную как «поворот на Юг». Актуальность исследования определяется необходимостью более глубокого осмысления роли мягкой силы в укреплении позиций России в Африке, что особенно значимо на фоне санкционного давления, дипломатической изоляции и необходимости формирования новой архитектуры международного взаимодействия. События внешнего и внутреннего контура заставили Россию обратить внимание на эту американскую концепцию и посмотреть на нее под другим углом.

В этих условиях особую актуальность приобретает исследование «мягкой силы» как средства ненасильственного и нелинейного воздействия на поведение иностранных государств, основанного на культурной привлекательности, политических ценностях и формах публичной дипломатии. В наше время информационных технологий и влияния «смыслами», для формирующихся «полюсов» все больше возрастает важность грамотного, концептуального и цельного идеологического позиционирования себя на международной арене.

Цель данной статьи заключается в анализе особенностей реализации мягкой силы Российской Федерации в Нигерии и ЮАР, а также в сравнении эффективности инструментов, применяемых в этих странах. Такой подход позволяет выявить институциональные и социальные различия, влияющие на результативность внешнеполитической стратегии РФ в различных региональных контекстах.

Методологическая основа статьи включает элементы сравнительного анализа, ивент-анализа, а также институционального подхода. В качестве эмпирической базы использованы данные официальных источников, публикации российских и зарубежных СМИ.

Понятие «мягкой силы» прочно закрепилось в международной политической лексике с момента его формулировки Джозефом Найем в конце 1980-х годов. Термин «мягкая сила» как потенциальное

направление внешней политики России стал использоваться в российских официальных кругах с середины 2012 года. Источниками мягкой силы, по Найю, являются культура (в широком смысле), политические ценности и внешняя политика, которая воспринимается как легитимная и морально оправданная.

Развитие этого подхода в российской политической науке сопровождалось адаптацией к специфике внешнеполитического курса России, что выразилось в переосмыслении инструментария и стратегии применения мягкой силы в условиях конкуренции с Западом и изменяющейся мировой архитектуры. Российские исследователи подчеркивают, что «мягкая сила» является частью более широкой стратегии формирования привлекательного образа страны, укрепления культурной идентичности и продвижения альтернативных моделей глобального порядка. В работах М.А. Неймарк [6], А.И. Смирнова и И.Н. Кохтюлиной [11], П.Б. Паршина [9] и других подчеркивается важность учета исторических, ментальных и цивилизационных факторов в применении инструментов нематериального влияния.

Методологически концепт «мягкой силы» связан с неолиберальной и конструктивистской парадигмами, которые исходят из того, что международные отношения определяются не только распределением материальных ресурсов, но и значением символов, идентичностей и норм. Конструктивистский подход особенно важен в контексте анализа восприятия российской мягкой силы в странах Африки: восприятие России как независимого, неколонизального актора может служить фактором положительной реценции со стороны элит и общества.

Институциональный аспект мягкой силы охватывает деятельность таких структур, как Россотрудничество, российские вузы, культурные центры, СМИ, а также участие в международных организациях (например, БРИКС) и двусторонних гуманитарных инициативах.

Нигерия занимает стратегически важное место в системе внешнеполитических приоритетов Российской Федерации в Африке южнее Сахары. Будучи крупнейшей страной континента по численности населения и одной из самых динамично развивающихся экономик региона, Нигерия представляет собой перспективное направление для расширения влияния России с использованием инструментов мягкой силы. В отличие от традиционных военных или экономических методов, здесь акцент делается на гуманитарные, образовательные и культурные формы взаимодействия, способствующие формированию устойчивого позитивного образа России.

Одним из ключевых каналов мягкой силы является образование. Россия ежегодно предоставляет гражданам Нигерии квоты на обучение в российских вузах по линии Россотрудничества. По состоянию на конец 2024 года количество нигерийских студентов, обучающихся в России, составляет более 1500 человек [2], а число желающих увеличивается ежегодно. Российские образовательные учреждения рассматриваются нигерийской молодежью как доступная альтернатива западным университетам,

особенно в технических и медицинских специальностях. Мероприятия по привлечению иностранных граждан в российские вузы зачастую носят разрозненный и недостаточно целенаправленный характер, к тому же количество таких студентов по-прежнему невелико в сравнении с ведущими западными странами.

Отдельное направление – информационная политика. Российские глобальные СМИ, такие как RT и Sputnik, развивают англоязычное вещание в странах Западной Африки, включая Нигерию. Через локализованный контент они предлагают «альтернативную интерпретацию мировых событий и освещают позицию России по ключевым международным вопросам, что формирует информационную контратаку на западную интерпретацию внешнеполитических шагов Москвы» [5, с. 23].

Также Россия несколько раз использовала экономико-гуманитарные инициативы, например, поставки удобрений, зерна и топлива по льготным условиям, в том числе на фоне глобального продовольственного кризиса. В 2022–2023 гг. в нигерийской прессе активно обсуждалось намерение России предоставить гуманитарную помощь в форме поставок пшеницы и удобрений в обход западных санкционных ограничений [3]. Подобные шаги усиливают образ России как ответственного и независимого глобального партнера.

Несмотря на эти усилия, реализация мягкой силы в Нигерии сталкивается с рядом проблем. Среди них – высокая конкуренция со стороны Китая, Турции и США, активно действующих в культурно-гуманитарной сфере. Также затрудняющим фактором выступает слабая институциональная представленность России в стране: «отсутствие полноценного российского культурного центра и ограниченные ресурсы Россотрудничества» [8, с. 59].

В целом, несмотря на структурные ограничения, стратегия мягкой силы РФ в Нигерии демонстрирует положительные результаты, хотя и с низкой динамикой. Особенно значимым является влияние на молодежные и студенческие круги, а также формирование слоя лояльно настроенных к России специалистов. Продолжение и углубление гуманитарного сотрудничества может сыграть ключевую роль в укреплении позиций России в англоязычной части Африки.

Расширение объединения БРИКС, в которое с 2024 года вошли Египет и Эфиопия, а Нигерия получила статус официального партнера, может свидетельствовать о возрастающем значении Африки в стратегии глобального сотрудничества. Тем не менее, именно Южно-Африканская Республика все еще остается одним из наиболее институционально развитых и политически активных участников объединения, обладающим прочной репутацией и значительным дипломатическим весом. Помимо этого, правящая партия ЮАР старается последовательно поддерживать дружественные и стратегически партнерские отношения с Россией даже в период дипломатического и санкционного давления со стороны западных держав. Поэтому Россия рассматри-

вает ЮАР как одного из ключевых африканских союзников в реализации стратегии мягкой силы — не только в целях укрепления двусторонних связей, но и как проводника идей многополярности и гуманитарного партнерства в рамках нового мирового порядка.

Как и для нигерийских студентов, РФ ежегодно предоставляет квоты для обучения в российских вузах студентов из ЮАР, преимущественно в технических, медицинских и естественнонаучных направлениях. Согласно данным Росстатистики, на 2024 год было предоставлено более 250 новых стипендий, и количество обращений продолжает расти [10].

Кроме того, обсуждается возможность создания филиалов российских университетов на территории ЮАР или реализации совместных программ на английском языке. Эта политика способствует формированию лояльного к России экспертного сообщества. Культурное присутствие России в ЮАР реализуется в форме проведения Дней российской культуры, кинофестивалей, тематических выставок и просветительских мероприятий [1].

Особое значение имеет продвижение русской классической музыки, литературы и кино, воспринимаемых южноафриканской аудиторией как элементы элитной культуры. Позитивную роль играет участие российской стороны в крупных культурных форумах, организуемых под эгидой БРИКС, включая молодежные саммиты и научно-культурные обмены.

Важным направлением является публичная дипломатия, реализуемая через участие РФ в гуманитарных проектах, а также через использование различных медиа-каналов. Хотя медийное влияние в ЮАР ограничено из-за развитой внутренней прессы, российские СМИ (в частности, Sputnik Africa) ведут вещание в цифровом формате и через платформы альтернативных новостей, продвигая идеи многополярности и антиколониального дискурса, что находит отклик в левой и постколониальной интеллектуальной среде ЮАР. Уникальность ЮАР как партнера России проявляется также в политико-дипломатических платформах, в первую очередь в рамках объединения БРИКС. Здесь взаимодействие с ЮАР выходит за рамки гуманитарной повестки, соединяясь с задачами формирования нового глобального порядка. Участие в саммитах, «совместные заявления о реформе международных институтов и отказ от однополярной гегемонии формируют идеологическое основание для мягкой силы России, придавая ей системный и институциональный характер» [7, с. 101].

Важным проводником культурной дипломатии Российской Федерации в ЮАР является посольство РФ в Претории, которое часто организует мероприятия, способствующие продвижению русской культуры и укреплению гуманитарных связей. Примером такой активности стал киномарафон, посвященный Дню Победы, в рамках которого были показаны художественные и документальные фильмы, отражающие вклад Советского Союза в победу над нацизм.

В мероприятии приняли участие юные зрители, в том числе воспитанники местных социальных учреждений, что подчеркивает социально значимый характер российской культурной инициативы [4].

Однако реализация мягкой силы в ЮАР также сопряжена с рядом трудностей. Среди препятствий — влияние англо-американской элиты, сохраняющей значительное информационное и образовательное доминирование. Кроме того, политическая специфика ЮАР — сильная многопартийная конкуренция и оживленные общественные дебаты — требует особой гибкости и стратегичности при реализации инициатив мягкой силы. В очередной раз отдельным вызовом является отсутствие постоянного Российского центра науки и культуры в ЮАР, что ограничивает инфраструктурную базу взаимодействия.

Сравнительный анализ использования инструментов мягкой силы Российской Федерации в Нигерии и Южно-Африканской Республике позволяет выявить как общие черты, определяемые спецификой внешнеполитической стратегии РФ в Африке, так и различия, обусловленные региональным, институциональным и социокультурным контекстом принимающих государств. Сходства в стратегии мягкой силы прослеживаются, прежде всего, в структуре используемых каналов воздействия. В обеих странах Россия применяет классический набор инструментов: предоставление образовательных квот, развитие культурных инициатив, информационное вещание и публичную дипломатию. Ведущую роль играют образовательные проекты: программы обучения в российских вузах позволяют не только формировать пророссийски ориентированную молодежь, но и создают перспективный кадровый резерв, ориентированный на продолжение сотрудничества с РФ.

Кроме того, как в Нигерии, так и в ЮАР, Россия использует культурную дипломатию, организуя тематические мероприятия, фестивали и выставки, демонстрируя ценности русской культуры. Параллельно развивается медиа-присутствие — однако в Нигерии аудитория несколько более восприимчива к альтернативным точкам зрения, предоставляемым такими СМИ, как RT и Sputnik.

Тем не менее различия между двумя странами значительны и касаются как характера взаимодействия, так и степени институциональной проработанности стратегии. Во-первых, ЮАР демонстрирует более высокий уровень институционализации сотрудничества, в первую очередь за счет членства в БРИКС. Этот формат создает устойчивую политико-дипломатическую рамку, внутри которой мягкая сила России получает дополнительную легитимность. Сотрудничество с ЮАР осуществляется не только по гуманитарной линии, но и на уровне совместного формирования идеологических и нормативных основ многополярного порядка. В Нигерии, напротив, взаимодействие остается более фрагментарным и эпизодическим, в силу меньшего количества платформ и более слабых двусторонних политических традиций.

Во-вторых, уровень восприятия России в указанных странах различается. Если в ЮАР наблюдается довольно устойчивый интерес к России со стороны интеллектуальных и политических кругов, подкрепляемый антиколониальной риторикой и ценностной близостью, то в Нигерии рецепция носит преимущественно прагматичный и экономический характер. Важно отметить, что отсутствие четкого формального распределения обязанностей между ведомствами РФ в области «мягкой силы» ведет к ведомственной несогласованности и даже конкуренции и существенным образом снижает несомненный положительный эффект их работы.

В-третьих, масштаб конкуренции за влияние в странах также различен. В Нигерии Россия сталкивается с мощным присутствием США, Франции, Турции и особенно Китая, активно действующих в образовательной, медийной и гуманитарной сферах. В ЮАР, несмотря на значительное влияние западных стран, у России есть прочный задел, обусловленный схожестью подходов к международному устройству и партнерством в рамках БРИКС.

Проведенный сравнительный анализ особенностей и механизмов реализации мягкой силы Российской Федерации в Нигерии и Южно-Африканской Республике позволяет сделать вывод о наличии структурно схожей, но функционально различной внешнеполитической стратегии, адаптируемой к условиям локальных политико-культурных контекстов. Мягкая сила России проявляется как средство не только имиджевого позиционирования, но и формирования устойчивых каналов политического влияния и стратегического присутствия в странах Глобального Юга.

Следует выделить два типа реализации мягкой силы РФ: модель точечного воздействия (Нигерия) и институционально-платформенная модель (ЮАР). Первый тип опирается на адресные гуманитарные программы, образовательные инициативы и культурную дипломатическую активность при слабой инфраструктурной базе. Второй – на системное взаимодействие в рамках многосторонних форматов (БРИКС), идейную совместимость и стратегическое партнерство, реализуемое в режиме долгосрочного планирования. Это теоретическое разграничение открывает возможности для построения гибкой регионализированной политики мягкой силы.

На основе выявленных различий представляется целесообразным выдвинуть ряд конкретных предложений по совершенствованию гуманитарной стратегии России в Африке:

1. Создание сети Российских центров науки и культуры нового поколения в формате «гибридных культурных хабов» с единым методологическим стандартом, включающим не только языковое и культурное продвижение, но и поддержку стартапов, цифровых проектов и локальных исследований, проводимых на русском языке. В частности, в ЮАР такой центр мог бы быть встроен в университетскую среду Кейптауна или Йоханнесбурга.

2. Институционализация образовательной экспансии за счет открытия русскоязычных онлайн-кампусов, совместных программ двойных дипломов

и внедрения модульных курсов по русской истории и философии, адаптированных под африканские реалии. Это особенно важно для распространения культурной и цивилизационной альтернативы западным нарративам.

3. Создание многоязычной платформы публичной дипломатии «Россия-Африка» с отдельными разделами по Нигерии и ЮАР, включающей медиатеку, блогосферу, англоязычные подкасты, интервью с африканскими студентами и аналитиками, а также встроенной системой репутационной аналитики по восприятию РФ в местных медиа и социальных сетях.

4. Поддержка локальных культурных лидеров и выпускников российских вузов в качестве агентов мягкой силы – через гранты, микроинфраструктурные проекты, участие в фестивалях и дискуссионных клубах. В Нигерии, где влияние элит нестабильно, опора на формирующийся культурно-образовательный слой может иметь долгосрочный эффект.

5. Синергизация мягкой силы с экономической и технологической кооперацией, включая продвижение российских ИТ-продуктов, образовательных платформ и фармакологических брендов в гуманитарной упаковке. Особенно перспективным представляется использование российской вакцины и медтехнологической дипломатии как носителя положительного имиджа.

Таким образом, мягкая сила должна перестать быть лишь реактивным инструментом и стать стратегическим направлением внешнеполитического планирования, обладающим собственной инфраструктурой, интеллектуальной автономией и междисциплинарной поддержкой. Только в этом случае гуманитарное влияние России в Африке перестанет быть вспомогательным и получит статус равноправного механизма глобального взаимодействия в условиях складывающегося постгегемониального порядка.

Литература

1. В ЮАР впервые прошли Дни духовной культуры России // Exarchate-Africa.ru. 2024. 10 сентября. URL: <https://exarchate-africa.ru/novosti/v-yuar-vpervye-proshli-dni-duhovnoj-kultury-rossii/> (дата обращения: 25.05.2025).
2. Гранты на обучение в российских вузах за три года получают более 9000 иностранцев // Ведомости. 2025. 12 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/05/12/1109363-granti-na-obuchenie-v-rossiiskih-vuzah-poluchit-bolee-9000-inostrantsev> (дата обращения: 25.05.2025).
3. Гуманитарная помощь из России прибыла в Нигерию // Русский мир. – 2024. 31 января. URL: <https://ruskiymir.ru/news/322225/> (дата обращения: 25.05.2025).
4. Киномарафон ко Дню Победы провели в ЮАР // Русский мир. 2025. 26 апреля. URL: <https://ruskiymir.ru/news/335555/> (дата обращения: 25.05.2025).

5. Кузьмина Т.Р. Практические аспекты мягкой силы. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2015. 203с.

6. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. М.: Дашков и К, 2019. 272с.

7. Неймарк М.А. Геополитика «мягкой силы»: опыт России. М.: Дашков и К, 2022. 350с.

8. Неймарк М.А. Кризисная геополитика: опыт и перспективы «мягкой силы» России. М.: Дашков и К, 2024. 323с.

9. Паршин П.Б. Мягкая сила в лабиринте дискуссий. М.: МГИМО(У), 2020. 285с.

10. Путин заявил об увеличении квот стипендий для южноафриканских студентов // РИА Новости. 2023. 29 июля. URL: <https://ria.ru/20230729/putin-1887048698.html> (дата обращения: 25.05.2025).

11. Смирнов А.И., Кохтыulina И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. М.: Государственный научный центр Российской Федерации Всероссийский научно-исследовательский институт геологических, геофизических и геохимических систем, 2012. 276с.

Russia's Soft Power in Africa: A Comparative Study of Nigeria and South Africa

Avdalyan M.R.

Lomonosov Moscow State University

The article analyzes the implementation of Russia's soft power in Nigeria and South Africa. Using a comparative approach, it identifies commonalities and differences in humanitarian influence strategies shaped by regional, institutional, and perceptual factors. The author proposes a typology of soft power models and outlines practical recommendations for adapting them to the Global South context. The study's novelty lies in its theoretical reconstruction of Russia's soft power practices in Africa and the formulation of policy mechanisms for their targeted development amid a post-hegemonic international order.

Keywords: soft power, foreign policy, Russia, Nigeria, South Africa, humanitarian influence, BRICS, Africa.

References

1. Days of Russian Spiritual Culture Held in South Africa for the First Time. (2024, September 10). Exarchate-Africa.ru. Retrieved May 25, 2025, from <https://exarchate-africa.ru/novosti/v-yuar-vpervye-proshli-dni-duhovnoj-kultury-rossii/>
2. More Than 9,000 Foreigners to Receive Scholarships to Study at Russian Universities Over Three Years. (2025, May 12). Vedomosti. Retrieved May 25, 2025, from <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/05/12/1109363-granti-na-obuchenie-v-rossiiskih-vuzah-poluchit-boleee-9000-inostrantsev>
3. Humanitarian Aid from Russia Arrives in Nigeria. (2024, January 31). Russkiy Mir. Retrieved May 25, 2025, from <https://ruskiymir.ru/news/322225/>
4. Victory Day Film Marathon Held in South Africa. (2025, April 26). Russkiy Mir. Retrieved May 25, 2025, from <https://ruskiymir.ru/news/335555/>
5. Kuzmina, T. R. (2015). Practical Aspects of Soft Power. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics. 203 p.
6. Neymark, M. A. (2019). Soft Power in World Politics. Moscow: Dashkov & Co. 272 p.
7. Neymark, M. A. (2022). The Geopolitics of Soft Power: The Russian Experience. Moscow: Dashkov & Co. 350 p.
8. Neymark, M. A. (2024). Crisis Geopolitics: The Experience and Prospects of Russia's Soft Power. Moscow: Dashkov & Co. 323 p.
9. Parshin, P. B. (2020). Soft Power in the Labyrinth of Discussions. Moscow: MGIMO University. 285 p.
10. Putin Announces Increase in Scholarship Quotas for South African Students. (2023, July 29). RIA Novosti. Retrieved May 25, 2025, from <https://ria.ru/20230729/putin-1887048698.html>
11. Smirnov, A. I., & Kokhtyulina, I. N. (2012). Global Security and "Soft Power 2.0": Challenges and Opportunities for Russia. Moscow: State Scientific Center of the Russian Federation – All-Russian Research Institute of Geological, Geophysical and Geochemical Systems. 276 p.

Повышение прозрачности системы публичной власти в субъекте Федерации на современном этапе конституционной модернизации России

Абгаров Степан Степанович

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Северо-Кавказского Федерального Университета, abgarovstepan@ Rambler.ru

Аванесова Анна Артёмовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Северо-Кавказского Федерального Университета, annavanesova@yandex.ru

Статья посвящена анализу особенностей реформирования регионального уровня единой системы публичной власти Российской Федерации. Обоснованы предложения по совершенствованию законодательства в части конституционно-правовой ответственности главы субъекта Федерации перед населением, предложены новые формы правовой защиты избирательных прав граждан, в том числе при проведении предварительных выборов – праймериз, а также новые формы взаимодействия органов публичной власти субъектов федерации с населением при изменении границ субъектов федерации. В статье говорится о мерах конституционно-правовой ответственности глав субъектов федерации, учреждению специализированных уполномоченных по защите избирательных прав граждан, об участии населения в обсуждении и принятии решений, которые требуют регламентации именно на федеральном уровне, таких как вопросы об изменении границ субъектов федерации, по которым следовало бы закрепить в законодательстве консультативные демократические процедуры получения согласия населения на установление или изменение границ.

Ключевые слова: единая система публичной власти; конституционная модернизация; прозрачность власти; защита избирательных прав граждан.

Конституционные поправки 2020 года [1] были реализованы в федеральном законодательстве в 2021 году, когда был принят ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», большая часть положений которого вступили в силу с 1 июня 2022 года [7].

В частности, из нового закона были исключены положения, устанавливающие процедуру отзыва главы субъекта РФ избирателями, то есть – был фактически ликвидирован институт конституционно-правовой ответственности главы субъекта РФ перед населением.

Можно согласиться с мнением о том, что, несмотря на то, что в действовавшем до этого момента федеральном и региональном законодательстве данная процедура просуществовала около десяти лет, она так ни разу не была реализована на практике в связи с особенностями её закрепления. Действительно, федеральное законодательство в отношении отзыва главы субъекта Федерации ранее предусматривало процедуру, которую практически невозможно реализовать на практике и нельзя упростить или как-либо демократизировать законом субъекта Федерации [6, с. 39-40].

В законодательстве отдельных субъектов РФ предпринимались попытки реализовать этот институт конституционно-правовой ответственности главы субъекта Федерации перед населением, но эти меры также не нашли практического воплощения [6, с. 40].

Первоначальная редакция указанной процедуры в нормах федерального законодательства была признана Конституционным Судом РФ не соответствующей Конституции России – в постановлении Конституционного Суда России от 7 июня 2000 года N 10-П Суд пришел к выводу, что оцениваемый порядок отрешения не содержит четких критериев для отзыва главы субъекта РФ населением [2].

С учетом доводов, приведенных как в решении Конституционного Суда, а также в указанных выше научных работах, полагаем, что в существовавшем виде процедуры императивной демократии данная процедура не может быть использована.

Полагаем, что в качестве меры конституционно-правовой ответственности главы субъекта федерации можно использовать консультативную демократическую процедуру – выражение недоверия главе субъекта федерации населением, с направлением решения, в случае его поддержки населением, Президенту России, для выбора и принятия конкретной меры конституционно-правовой ответственности.

Еще один вопрос, где участие населения в обсуждении и принятии решения требует регламентации именно на федеральном уровне – вопрос об из-

менении границ субъекта федерации, где следовало бы закрепить в законодательстве консультативные демократические процедуры получения согласия населения на установление или изменение границ, а также на иные иные территориальные трансформации, в том числе: вопросы землепользования, пользования водными ресурсами в части, когда таковые вопросы подлежат урегулированию в порядке заключения межрегиональных соглашений, предусмотреть процедуры предварительного выявления мнения населения (опросы, публичные слушания и т.д.) и формы реализации вероятных согласительных процедур (например, создание комиссий с участием представителей местных сообществ, старейшин, активистов и т.д.) в качестве обязательных, с понятным алгоритмом применения, что в перспективе существенно снизило бы вероятность повышения социальной напряженности, уменьшило риски дестабилизации обстановки, конфликтных проявлений и т.д.[6]

В настоящее время, если соглашение между субъектами будет принято без проведения референдума в тех субъектах федерации, где такие референдумы предусмотрены, оно также будет действительно.

Именно к такому выводу пришел Конституционный Суд России, который в решении от 6 декабря 2018 года № 44-П «По делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия» [3] сформулировал правовую позицию, согласно которой соблюдения предусмотренного федеральным законодательством порядка заключения соглашения о границе субъектами федерации достаточно для действительности указанного соглашения вне зависимости от соблюдения дополнительных условий принятия подобного соглашения, предусмотренных законодательством субъектов федерации, в том числе – дополнительных гарантий участия населения в обсуждении такого решения властей субъекта федерации, включая референдум субъекта федерации.

Следовательно, в тех субъектах федерации, где для решения данного вопроса предусмотрен референдум субъекта федерации отказ от его проведения не является основанием для недействительности заключенного соглашения об установлении либо изменении границ субъекта федерации. Именно поэтому мы полагаем, что безусловные гарантии учёта мнения населения при изменении границ, территориальных преобразованиях и т.д., должны быть установлены именно федеральным законодательством. Это могут быть публичные слушания субъекта федерации, особенно значимо их проведение в муниципальных образованиях, чьи пределы затрагиваются изменениями территории субъекта федерации.

Еще один важный вопрос – защита избирательных прав граждан при проведении так называемых

предварительных выборов (праймериз). предварительное голосование в ряде посвященных его проблематике и российской специфике работ, обозначают и как «предстадию» и как стадию избирательного процесса [6].

В частности, политическая партия «Единая Россия» с 2010-го года проводит внутрипартийные мероприятия по лекалам предварительного голосования. В дальнейшем, так называемые «праймериз Единой России» выходят за пределы внутрипартийных процедур, широко рекламируются в средствах массовой информации, информационно-коммуникационной сети «Интернет», в том числе – в социальных сетях, приобретая черты политического публичного мероприятия с участием как членов партии, так и беспартийных граждан.

На начальном этапе внедрения предварительного голосования во внутрипартийный процесс принятия политических решений, высказывались критические экспертные оценки. В фокусе внимания специалистов находилась недостаточная прозрачность процедуры подведения итогов праймериз, и, как следствие, недостаточно прозрачный процесс принятия решений по итогам праймериз [5].

Эту и другие проблемы нарушения избирательных прав граждан можно решить с участием специализированных уполномоченных по защите избирательных прав граждан. Это предложение уже высказывалось и оно, на наш взгляд заслуживает внимания [5].

С одной стороны, привлечение региональных омбудсменов к участию в защите избирательных прав граждан показало эффективность и оправданность такого подхода. С другой стороны, с учетом высокой нагрузки с связи с основной деятельностью, требовать от них повышенного внимания ещё и к сфере избирательных прав не в полной мере обосновано. Отметим, что сегодня деятельность региональных омбудсменов весьма востребована в российских регионах, а нагрузка на уполномоченных и их аппараты достаточно высока. В ряде случаев уполномоченных и их аппараты задействовали при проведении выборов, в том числе – выборов Президента России [4].

При этом, считаем необходимым дополнить предложение по учреждению специализированного уполномоченного по защите избирательных прав граждан его следующими изменениями, направленными на повышение эффективности реализации правозащитной функции.

Во-первых, на таких специализированных уполномоченных и их аппараты, в случае их учреждения, следует возложить обязанность информирования граждан о проведении выборов и референдумов.

Во-вторых, необходимо специально закрепить такое направление деятельности, как защита прав инвалидов при проведении выборов.

В-третьих, наделить их полномочиями в отношении защиты прав участников довыборных мероприятий, проводимых политическими партиями, прежде всего – праймериз, где участвуют беспартийные претенденты на выдвижение в качестве кандидатов на выборные должности.

Отметим, что можно также поддержать и суждение о возможности учреждения коллегиального правозащитного органа в анализируемой сфере [5]. Например, в виде региональной комиссии по защите избирательных прав граждан.

В таком случае, по нашему мнению, более демократичным вариантом является наличие представительств политических партий, представленных в региональном законодательном органе публичной власти и в представительных органах местного самоуправления, представителей общественных организаций и обязательность ротации состава такой комиссии синхронно с новой каденцией законодательного органа или главы субъекта федерации.

Полагаем, что предложенная система мер по совершенствованию как федерального законодательства, так и законодательства субъектов федерации позволит повысить прозрачность регионального уровня единой системы публичной власти в Российской Федерации, что будет способствовать повышению доверия граждан к публично-властным институтам, а также повышению эффективности взаимодействия региональных органов публичной власти и населения субъектов федерации.

Считаем, что замена мер прямой демократии императивного характера на консультативные процедуры и взаимодействие с населением при участии правозащитных институтов будет способствовать большей эффективности деятельности органов публичной власти и дальнейшему устойчивому развитию единой системы публичной власти в Российской Федерации.

Литература

1. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Консультант Плюс. Дата: 1.07.2025.
2. Постановление Конституционного Суда России от 7 июня 2000 года N 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»» // Консультант Плюс. Дата: 1.07.2025.
3. Решение от 6 декабря 2018 года № 44-П «По делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия» // Консультант Плюс. Дата: 1.07.2025.
4. Соблюдение избирательных прав граждан в период подготовки и проведения выборов Президента Российской Федерации. Информационное письмо по итогам выборов Президента РФ // Доклад Уполномоченного по правам человека в Ставропольском крае. Ставрополь, 2019. С. 117-124.

5. Тхабисимова Л.А. Защита избирательных прав в контексте перспективных направлений совершенствования нормативной регламентации электоральных процедур и технологий / Л. А. Тхабисимова, М. И. Цапко // Избирательное законодательство и практика. 2020. № 1. С. 14-19.

6. Тхабисимова Л.А. Конституционно-правовая регламентация народовластия в субъектах Российской Федерации: современные тенденции / Л.А. Тхабисимова, А.Х. Гацолоаева, М.И. Цапко. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2021. 128 с.

7. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ // Консультант Плюс. Дата: 1.07.2025.

Increasing the transparency of the system of public power in the subject of federation at the present stage of constitutional modernization of Russia

Abgarov S.S., Avanesova A.A.

North Caucasus Federal University

The article is devoted to the analysis of the peculiarities of reforming the regional level of the unified system of public authority of the Russian Federation. The proposals for improving the legislation in terms of constitutional and legal responsibility of the head of the constituent entity of the Federation to the population are substantiated, new forms of legal protection of the electoral rights of citizens are proposed, including during preliminary elections - primaries, as well as new forms of interaction of public authorities of the constituent entities of the Federation with the population when changing the borders of the constituent entities of the Federation. The article discusses the measures of constitutional and legal responsibility of the heads of the constituent entities of the Federation, the establishment of specialized commissioners for the protection of the electoral rights of citizens, the participation of the population in the discussion and adoption of decisions that require regulation at the federal level, such as issues of changing the borders of the constituent entities of the Federation, for which consultative democratic procedures for obtaining public consent to establish or change borders should be enshrined in legislation.

Keywords: unified system of public authority; constitutional modernization; transparency of power; protection of the electoral rights of citizens.

References

1. Law of the Russian Federation on Amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 N 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority" // Consultant Plus. Date: 1.07.2025.
2. Resolution of the Constitutional Court of Russia of June 7, 2000 N 10-P "On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of the Constitution of the Altai Republic and the Federal Law "On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Authority of the Subjects of the Russian Federation" // Consultant Plus. Date: 1.07.2025.
3. Decision of December 6, 2018 No. 44-P "On the case of verifying the constitutionality of the Law of the Republic of Ingushetia "On approval of the Agreement on establishing the border between the Republic of Ingushetia and the Chechen Republic" and the Agreement on establishing the border between the Republic of Ingushetia and the Chechen Republic in connection with the request of the Head of the Republic of Ingushetia" // Consultant Plus. Date: 07/01/2025.
4. Compliance with the electoral rights of citizens during the preparation and holding of elections of the President of the Russian Federation. Information letter on the results of the elections of the President of the Russian Federation // Report of the Human Rights Commissioner in Stavropol Krai. Stavropol, 2019. Pp. 117-124.
5. Tkhabisimova L.A. Protection of Electoral Rights in the Context of Promising Directions for Improving the Normative Regulation of Electoral Procedures and Technologies / L. A. Tkhabisimova, M. I. Tsapko // Electoral Legislation and Practice. 2020. No. 1. P. 14-19.
6. Tkhabisimova L. A. Constitutional and Legal Regulation of Popular Power in the Constituent Entities of the Russian Federation: Modern Trends / L. A. Tkhabisimova, A. Kh. Gatsolaeva, M. I. Tsapko. Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2021. 128 p.
7. Federal Law "On General Principles of Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation" dated December 21, 2021 No. 414-FZ // Consultant Plus. Date: 07/01/2025.

Эволюция концепции юридического лица: сравнительный анализ российских и иракских правовых подходов

Алабиде Нахла Фила Хусан

сотрудник Департамента административных и правовых вопросов Университета Аль-Кадисия, Ahmed.h.mneahil@gmail.com

Исследование юридического лица как конструкции, колеблющейся между нормативным определением и экономической функциональностью, выявляет фундаментальные противоречия в адаптации правовых норм к меняющимся корпоративным реалиям: Россия сохраняет жесткую институциональную структуру, выборочно инкорпорируя элементы иностранного регулирования, Ирак демонстрирует фрагментированную правовую среду – законодательные нормы остаются несогласованными с экономическими требованиями и судебной практикой. Цель: проанализировать эволюцию юридического лица в рамках российской и иракской правовых систем, выявить структурные различия, проблемы правоприменения и возможность интеграции иностранных моделей регулирования без ущерба для национальной правовой целостности. Сравнительно-правовой подход, включающий системный анализ, функциональную оценку и юридико-статистическую экспертизу, был применен к законодательным базам, судебным решениям и доктринальным толкованиям, обеспечивая многоаспектную оценку как явных правовых положений, так и их скрытых регулятивных последствий. Российское корпоративное право отличается высокой степенью формализации, но остается невосприимчивым к существенным преобразованиям, в сфере корпоративной уголовной ответственности, иракское регулирование не отличается доктринальной последовательностью, порождая правовые вакуумы, препятствующие эффективному правоприменению; структурные напряжения в обеих системах проявляются в сложности гармонизации национальных норм с международными стандартами корпоративного управления, что отражает конфликт между суверенитетом и транснациональной правовой конвергенцией. Исследование обосновывает необходимость рекалибровки национальных правовых систем для повышения согласованности регулирования – Россия должна устранить доктринальные несоответствия, препятствующие корпоративной подотчетности, а Ирак нуждается в институциональной стабилизации для интеграции механизмов правоприменения, преодолевающих нормативные разрывы.

Ключевые слова: юридическое лицо, сравнительное правоведение, корпоративное регулирование, проблемы правоприменения, транснациональная правовая конвергенция, нормативная адаптация, судебная практика.

Вступление

Концептуализация юридического лица претерпела сложную трансформацию – изначально основанная на классических правовых доктринах (уходящих корнями в римское право и впоследствии усовершенствованных средневековой теорией корпораций), она перестраивалась под влиянием экономических и политических императивов. Появление транснациональных корпораций, финансовых институтов и цифровых предприятий нарушило традиционные правовые рамки, заставив ученых-юристов пересмотреть основополагающие принципы. Эволюция, проявляющаяся в напряженности между государственным суверенитетом и международными корпоративными структурами, демонстрирует необходимость переоценки жестких юридических категорий, о чем свидетельствуют сравнительно-правовые исследования, подчеркивающие адаптацию [Дорская, 2024]. Фундаментальная дихотомия между теориями "юридической фикции" и "реального субъекта" – исторически влиятельными в континентальной и англосаксонской юриспруденции – остается нерешенной, порождая постоянные споры о метафизической природе корпоративной личности. Одни ученые подчеркивают гибкость регулирования, необходимую для экономического роста, другие критикуют эрозию правовой подотчетности, подчеркивая риски, связанные с чрезмерной автономией корпоративных образований [Федоров, 2024]. Либерализация экономики, в странах с переходной экономикой, ускорила законодательные сдвиги, но сохраняются различия между кодифицированными нормами и судебной практикой, в юрисдикциях, находящихся под влиянием исламских правовых традиций – доктринальные интерпретации накладывают дополнительные ограничения [Джихад, 2024].

Правовая база, регулирующая деятельность корпораций, – некогда ограниченная рамками национальных правовых традиций – подвергается постоянной рекалибровке под влиянием глобализации, которая выступает в качестве внешней переменной, нарушающей статичные законодательные парадигмы. Сближение нормативных актов возникает не как линейный процесс, а как взаимодействие экономического давления, политических императивов и нормативного сопротивления, когда трансплантация законодательства приводит к системным искажениям, а не к единообразию [Фокин, 2024]. Правовая структура Ирака, характеризующаяся сложным синтезом исламской юриспруденции и законодательных кодификаций, демонстрирует трудности нормативного согласования с глобальными финансовыми моделями, при регулировании новых финансовых инструментов, таких как криптовалюты,

правовой статус которых колеблется между запретом и частичным признанием, отражая лежащие в основе противоречия между суверенитетом и интеграцией [Атия и др., 2023]. Статистический анализ показывает разительные различия в плотности корпоративного регулирования: юрисдикции, ставящие во главу угла защиту инвесторов, демонстрируют жесткие механизмы надзора, экономики, выступающие за дерегулирование, демонстрируют фрагментацию регулирования, создавая асимметрию в корпоративной подотчетности [Аль-Зухайри, 2023].

Противоречие между "нормативным понятием юридического лица" и его "экономической функцией" проявляется как фундаментальное несоответствие: правовая теория формализует юридическое лицо как абстрактную конструкцию, экономические реалии навязывают функциональные отклонения – корпорации существуют как "юридические фикции", но при этом оказывают ощутимое экономическое доминирование, действуя за пределами своих доктринально предписанных ролей [Ершова, 2023]. Диссонанс усиливается в юрисдикциях – "кодифицированные нормы" с трудом вписываются в корпоративные структуры. Жесткость российского законодательства препятствует адаптации к финансовым реалиям, а правовой плюрализм Ирака (сочетание гражданского/статутного права и обычного/племенного судопроизводства) порождает фрагментацию в корпоративном управлении [Залойло, 2024]. Сравнительная адаптация правовых норм в развитых и развивающихся странах усиливает это неравенство: страны с развитой экономической совершенствуют правовую базу путем постепенной калибровки законодательства, страны с переходной экономикой демонстрируют неустойчивость регулирования, сдерживаемую политической/экономической нестабильностью [Рахим и др., 2024]. Унификация концепции юридического лица остается труднодостижимой – глобализация навязывает единые стандарты, локальные традиции юриспруденции сопротивляются полной ассимиляции, порождая юрисдикционную асимметрию [Тарасов, 2024].

Обзор литературы

Концептуализация "юридического лица" колебалась между двумя доминирующими парадигмами – "теорией юридических фикций" и "теорией реальных лиц" – обе отражали меняющиеся правовые, экономические и философские аспекты, которые определяли их применение. Первая, уходящая корнями в римские и средневековые корпоративные доктрины, представляла юридическое лицо как созданную государством абстракцию; вторая, под влиянием социологической юриспруденции, утверждала его независимое существование как автономного института, встроенного в экономические отношения [Дорская, 2024]. Основополагающая дихотомия не разрешилась в ходе исторической эволюции и углубилась: классические теории стремились очертить границы корпоративной субъективности – то ли как юридического конструкта, то ли как экономической необходимости, – современная судебная практика показывает недостаточность обеих схем

для решения современных регулятивных задач [Федоров, 2024]. Пересечение экономической теории и правовой философии усложняет этот дискурс: контрактные взгляды сводят юридическое лицо к связке контрактов, лишая его субстанциональной персонификации, тогда как институционалистские подходы подчеркивают его встроенность в рыночные структуры – это идеологическое напряжение остается неразрешенным, порождая несоответствия в правовой интерпретации и правоприменении.

Сравнительный анализ выявляет расхождение между предписывающими правовыми моделями и функциональным корпоративным поведением: развитые экономики структурируют юридические лица как "институциональные узлы", развивающиеся правовые системы пытаются операционализировать правовую идентичность за пределами текстовых предписаний – эта асимметрия искажает участие в рынке и механизмы управления [Аль-Зухайри, 2023]. Методологические конфликты усиливают эти расхождения: в российской юриспруденции преобладают позитивистские подходы, которые способствуют жесткой кодификации, плюралистическая модель Ирака отражает правовую гибридизацию, что затрудняет предсказуемость правоприменения [Зубов, 2023].

Эволюционные траектории расходятся: российская юриспруденция, сформированная централизованной законодательной рекалибровкой, институционализирует юридические лица в жестких рамках – экономические реалии бросают вызов такому статичному подходу; иракская интерпретация колеблется – правовые конструкции меняются в зависимости от социально-политических условий, делая единообразное применение сомнительным. Непоследовательность правоприменения усугубляет эти противоречия: правоприменение в России ставит во главу угла соблюдение текста, зачастую игнорируя экономическое содержание; правоприменительные механизмы Ирака, напряженные институциональной нестабильностью, вносят непредсказуемость в корпоративное управление.

Разбирая "юридическое лицо" на нормативные, доктринальные и правоприменительные компоненты, системный анализ позволяет выделить базовые правовые структуры, определяющие корпоративную индивидуальность, а институциональный анализ выявляет структурные зависимости, определяющие применение законодательства: жесткая российская кодификация централизует корпоративное регулирование в государственных рамках, а фрагментарная иракская судебная практика, напротив, связывает статутное, религиозное и обычное право, создавая многоуровневый нормативный аспект. Сравнительная методология сопоставляет эти различные системы, деконструируя нормативные предположения, заложенные в правовых конструкциях. Функциональный анализ препарирует законодательные формулировки, выявляя несоответствия в корпоративной подотчетности и операционной легитимности. Объекты исследования – законодательные тексты, судебные решения и доктринальные интерпретации – функционируют как аналитические

фрагменты, реконструируя правовую траекторию организации в каждой юрисдикции: гражданские кодексы очерчивают теоретические границы; конституционные положения диктуют всеобъемлющие ограничения; специализированные законы определяют отраслевую применимость. Эмпирическая экспертиза изменяет конфигурацию этого юридического корпуса – судебные решения, охватывающие два десятилетия, дают представление о сдвигах в юриспруденции; механизмы правоприменения, оцениваемые через нормативную практику, определяют эластичность правовой интерпретации. Экспертные анализы функционируют как интерпретационные узлы – ученые-юристы, практики и институциональные акторы формулируют развивающиеся доктрины, укрепляя или дестабилизируя устоявшиеся парадигмы правового статуса личности. Синтез данных объединяет нормативный анализ со статистической проверкой – юридико-статистическая оценка количественно оценивает нормативные адаптации, выявляя несоответствия между формальными кодификациями и прикладными правовыми реалиями.

Результаты.

Юридическое лицо в России возникло как регулируемая государством конструкция – дореволюционные кодификации формализовали корпоративную личность через имперские уставы, встраивая экономические предприятия в контролируемые государством рамки: советский период упразднил частные юридические лица, подчинив экономическую деятельность централизованному планированию. Современное российское корпоративное право вновь ввело юридическую личность, сохранив при этом государственный надзор, сформировав современные модели управления. Законодательные преобразования переопределили корпоративный статус – постсоветские реформы интегрировали рыночные правовые структуры, расширив классификацию юридических лиц при сохранении регулятивного вмешательства; поправки к Гражданскому кодексу и законам о корпоративном управлении институционализировали механизмы соблюдения, укрепив власть государства над корпоративной автономией. Непоследовательность правоприменения подрывает единообразие регулирования – избирательное применение правовых норм способствует неопределенности, примером чего может служить дело ЮКОСа – формальные нарушения оправдывали экспроприацию государства, что свидетельствует о совпадении политических императивов и правовых механизмов; расхождения в процедурах банкротства подчеркивают свободу судебного усмотрения – решения колеблются между защитой кредиторов и стратегическим перераспределением активов, отражая непоследовательность судебных интерпретаций. Судебная практика остается фрагментарной: системы корпоративной ответственности колеблются между жестким соблюдением закона и дискреционным исполнением, что затрудняет предсказуемость коммерческих споров.

Иракская корпоративная юриспруденция существует на стыке законодательной кодификации и исламской правовой доктрины: классические принципы шариата, определяющие экономические операции, подчеркивают "моральную ответственность", а не абстрактную правосубъектность – корпоративные структуры функционируют не как автономные акторы, а как фидуциарные конструкции, связанные с западными императивами, которые расходятся с западными моделями ответственности. Законодательная база, созданная под влиянием традиций гражданского права, пытается примирить исламскую юриспруденцию с современными нормативными требованиями, но при этом сохраняются несоответствия, поскольку правовые интерпретации колеблются между формальной кодификацией и религиозными решениями; отсутствие единых механизмов корпоративной ответственности отражает эту доктринальную двусмысленность. Соответствие международным стандартам остается структурной проблемой – инвестиционное законодательство номинально соответствует глобальным рамкам, правоприменение остается непоследовательным, как это видно на примере иностранных договорных споров – арбитражные решения противоречат решениям национальных судов, что свидетельствует о юрисдикционной фрагментации. Правоприменительные механизмы борются с судебным усмотрением – дела о ликвидации корпораций, такие как отзыв банковских лицензий в связи с предполагаемым неэффективным управлением, демонстрируют непредсказуемость регулирования; надзор за соблюдением требований остается скорее реактивным, чем превентивным, что способствует правовой неопределенности в корпоративном управлении. Не разрешенное противоречие между "исламскими фидуциарными обязательствами" и "светским корпоративным формализмом" поддерживает двусмысленность – правовая личность остается ситуативно обусловленной, а не институционально закрепленной.

Корпоративное регулирование в России и Ираке демонстрирует различия в структурных парадигмах: В России "кодифицированный юрицизм" централизует корпоративное управление в рамках государственных механизмов, усиливая строгое соблюдение нормативных требований. И наоборот, в Ираке "плюралистическая правовая модель" объединяет законодательные, исламские и обычные нормы, создавая нормативную текучесть, которая затрудняет единообразную идентификацию корпораций. Понятие "юридическое лицо" остается юрисдикционно условным – Гражданский кодекс России (статья 48) жестко определяет корпоративную принадлежность на основе формальной регистрации и соблюдения законодательства, в Ираке отсутствует единое кодифицированное определение, что приводит к различиям в судебных решениях (например, предприятия банковского сектора сталкиваются с различными порогами регулирования в соответствии с положениями Центрального банка). Вмешательство государства проявляется асимметрично – в России государство напрямую влияет на корпоративные

структуры путем национализации экономики (государственные предприятия составляют 33 % ВВП); в Ираке подход к регулированию, сформированный децентрализацией, создает несоответствия в правоприменении, о чем свидетельствуют барьеры для иностранных инвестиций (4 % компаний с иностранным участием получают полную операционную лицензию в течение одного года). Роль корпоративной ответственности также иллюстрирует различия в правоприменении – судебная практика России предусматривает карательное расторжение брака в 23 % случаев корпоративного мошенничества, в Ираке этот показатель составляет менее 10 %, что отражает судебное усмотрение и правовую непредсказуемость. Системные различия свидетельствуют о фундаментальных несовместимостях в переносимости правовых норм в разных юрисдикциях.

Таблица 1
Сравнительная правовая эволюция России и Ирака

Год	Российская правовая база	Правовая база Ирака	Основные изменения в нормативно-правовой базе России	Основные изменения в нормативно-правовой базе Ирака	Экономическое воздействие
2004	Кодификация юридических лиц в Гражданском кодексе усилена	Сохраняется гибридная система (гражданское, исламское и обычное право)	Уточнение определенных корпоративного статуса	Продолжение опоры на многочисленные правовые традиции	Повышение ответственности для отечественных компаний
2008	Государственные предприятия получили привилегии в сфере регулирования	Инвестиционное законодательство изменено для привлечения иностранного капитала	Льготный налоговый режим для государственных компаний	Частичное снятие ограничений на инвестиции	Усиление государственного контроля над стратегическими отраслями
2012	Приняты строгие законы о корпоративном управлении	Проведение реформы корпоративного налогообложения	Ужесточение требований к структуре совета директоров	Скорректированная ставка корпоративного налога	На доверие инвесторов влияет ужесточение законодательства
2016	Повышение ответственности за корпоративное мошенничество	Сохраняется несоответствие нормативным требованиям при регистрации компаний	Вводятся жесткие санкции за уклонение от уплаты налогов	Задержки с выдачей лицензий иностранным компаниям сохраняются	Сокращение случаев уклонения от уплаты налогов с юридических лиц
2018	Введена цифровая	Частичная цифр	Обязательная	Внедрена система онлайн-	Ускоренный про-

	регистрация бизнеса	ровизация корпоративного лицензирования	электронная отчетность	регистрации компаний	цесс формирования бизнеса
2020	Расширение государственного контроля над иностранными корпорациями	Внедрение механизмов соблюдения шариата	Иностранцы подлежат тщательному контролю	Интеграция обязательных принципов исламского финансирования	Сдерживание иностранных поглощений
2022	Новые антикоррупционные законы, влияющие на ответственность компаний	Судебная свобода действий при расторжении корпоративного договора увеличилась	Законы о прозрачности для юридических лиц	Судам представлены полномочия по толкованию	Сокращение практики корпоративной тайны
2023	Усиление политики национализации	Ограничения на иностранные инвестиции	Усиление юридических барьеров на пути приватизации	Предлагаемые налоговые льготы для иностранных инвесторов	Укрепление государственной экономической политики
2024	Судебные толкования усилили государственный надзор	Акционирование государственного сектора обсуждается политика	Расширение судебного контроля над коммерческими спорами	Рассмотрены пересмотренные юридические структуры государственных предприятий	Усилился судебный надзор за экономической

Источник: авторская разработка

Правовая эволюция в России и Ираке отражает пересечение дисциплин – правовая теория, экономическое регулирование и политический контроль сходятся, формируя различные корпоративные структуры: Российская корпоративная юриспруденция придерживается централизованной правовой традиции – кодифицированные рамки укрепляют государственный суверенитет над хозяйствующими субъектами; гибридная правовая структура Ирака объединяет статутное, исламское и обычное право, что приводит к изменчивым нормативным интерпретациям, затрудняющим единообразное корпоративное управление. Механизмы правоприменения различают системы. В России антикоррупционные меры и цифровизация корпоративного надзора повышают прозрачность, сокращая уклонение от уплаты налогов на 12 % с 2016 года; судебная система Ирака, наделенная дискреционными полномочиями при ликвидации компаний, непредсказуемо решает инвестиционные споры, что приводит к затягиванию процесса лицензирования для иностранных компаний (18 месяцев в 40 % случаев). Роль государственного вмешательства по-преж-

нему велика: в России доля государственных предприятий в ВВП составляет 33 %, что способствует укреплению экономической стратегии государства; Ирак, напротив, продолжает реструктуризацию государственных корпораций, балансируя между давлением приватизации и внешнеполитическими ограничениями. Системные различия подчеркивают проблему гармонизации законодательства – глобальные корпоративные рамки не могут быть перенесены без структурной адаптации.

Обсуждение

Сравнительный анализ российского и иракского подходов к проблеме юридического лица выявляет структурные различия в правовой концептуализации: Россия придерживается кодифицированной системы с жесткими принципами корпоративного управления, гибридная система Ирака объединяет статутное право с исламской юриспруденцией, что приводит к несоответствию нормативных положений. Полученные результаты согласуются с предыдущими исследованиями юрисдикционных различий в корпоративном регулировании, но расходятся в ключевых областях: Ершова К. утверждает, что корпоративная уголовная ответственность должна соответствовать карательным целям, иракское законодательство остается неоднозначным в отношении корпоративной виновности, что усиливает фрагментацию механизмов правоприменения [Ершова, 2023]. А. Тарасов подчеркивает необходимость лингвистической точности в сравнительно-правовых исследованиях – и эта проблема очевидна в Ираке – непоследовательная терминология препятствует правовой гармонизации [Тарасов, 2024]. К сильным сторонам данного исследования относится синтез доктринальных, законодательных и эмпирических источников; слабые стороны связаны с опорой на фрагментарные данные о правоприменении – ограничение, присущее иракским исследованиям в области регулирования [Rahim et al.] Российский корпоративный сектор отражает усиление государственного вмешательства – примером тому служат принятые в 2020 году поправки о корпоративном управлении, централизующие надзор за акционерами, – Ирак борется с правовой неопределенностью – 40 % дел об иностранных инвестициях сталкиваются с процедурными задержками, превышающими международные стандарты. Заимствования из европейских корпоративных систем проблематичны: М. Залойло подчеркивает несовместимость российских правовых структур с транснациональными моделями – и эта проблема еще сильнее проявляется в Ираке из-за зависимости от дискреционных судебных толкований [Залойло, 2024].

Интеграция международных моделей корпоративного управления в российскую и иракскую правовую базу по-прежнему зависит от политических ограничений и институциональной адаптации: Россия демонстрирует частичную конвергенцию с глобальными тенденциями в области корпоративной ответственности, но при этом сопротивляется полной гармонизации из-за законодательных доктрин,

основанных на суверенитете, примером чего является нежелание вводить корпоративную уголовную ответственность, несмотря на продолжающиеся дебаты [Панаева, 2024]. Ирак сталкивается с обратной проблемой – пробелы в регулировании препятствуют эффективному правоприменению, что усугубляется непоследовательным судебным толкованием, которое ослабляет безопасность инвестиций [Джихад, 2023]. Сравнительная юриспруденция извлекает пользу из этих выводов: дуалистическая правовая идентичность Ирака (статутно-исламская) усложняет корпоративное регулирование, зеркально отражая проблемы, наблюдаемые в юрисдикциях с плюралистическими правовыми системами [Клеандров, 2023]. Новый вклад появляется при оценке неправовых экономических субъектов – российские дебаты о распространении правосубъектности на искусственный интеллект приводят к теоретическим последствиям, которые Ираку, все еще пытающемуся решить проблему легальности криптовалюты, еще предстоит рассмотреть [Атия и др., 2023]. Научная значимость этих результатов – в выявлении концептуальной негибкости национальных подходов – Россия совершенствует свою правовую доктрину, не меняя коренным образом корпоративный контроль, Ирак борется с возможностью принудительного исполнения, что показывает пределы транснациональной правовой адаптации в политически нестабильной среде.

Выводы

Эволюция концепции юридического лица идет по траектории, продиктованной парадигмами юриспруденции и социально-экономическими силами: Россия придерживается структурированного, но статичного подхода, сохраняя доктринальную преемственность и выборочно адаптируя зарубежные конструкции, Ирак действует в рамках фрагментарной структуры – статутные нормы остаются несоответствующими судебным реалиям. Детерминанты правового развития функционируют как система взаимосвязанных переменных – историческая обусловленность, политические ограничения, экономические императивы – каждая из которых усиливает или препятствует эволюции законодательства (дихотомия между правовым формализмом и функциональной адаптацией становится очевидной на примере сопротивления корпоративной уголовной ответственности в России и нормативных пустот в Ираке).

Исследование имеет как теоретическое, так и законодательное значение: возможность воплощения результатов в реформаторских инициативах материализуется в предложениях по последовательной категоризации юридических лиц, сочетающей доктринальную последовательность с практической применимостью и обеспечивающей совместимость национальных правовых конструкций с международными обязательствами. Унификация моделей корпоративного управления в различных правовых средах требует структурной перестройки: Ирак нуждается в институциональном укреплении для устранения законодательных несоответствий, Россия

должна разрешить парадокс интеграции международных норм без ущерба для правового суверенитета (инерция судебной практики в обеих системах подчеркивает сложность осуществления трансграничной гармонизации регулирования).

Выявленные пробелы закладывают основу для последующего исследования: пересечение цифровой трансформации и корпоративной идентичности требует переосмысления правовой личности – искусственный интеллект, децентрализованные автономные организации и алгоритмические структуры принятия решений бросают вызов традиционным классификациям, поднимая фундаментальные вопросы об ответственности и подотчетности. Рассмотрение национальных систем в рамках международной правовой матрицы дает представление о проницаемости нормативных структур – могут ли государственно-центричные правовые доктрины учитывать транснациональное регулятивное давление, не подрывая юрисдикционной целостности.

Литература

1. Аль-Зухайри, А., 2023. Влияние законного резерва и дисконтной ставки на показатели экономической стабильности Ирака: Аналитическое исследование финансовых отчетов Центрального банка Ирака за период 2010-2020 гг. Журнал исследований экономики, финансов и бухгалтерского учета. <https://doi.org/10.32996/jefas.2023.5.2.1>.
2. Атия, Г., Манап, Н., и Азиз, С., 2023. Правовой статус обращения криптовалюты в Ираке: Уроки Объединенных Арабских Эмиратов и Соединенных Штатов. *Hasanuddin Law Review*. <https://doi.org/10.20956/halrev.v9i1.3867>.
3. Генат, М., 2021. Племенное правосудие и государственное право в Ираке. *Международный журнал ближневосточных исследований*, 53, с. 507 – 511. <https://doi.org/10.1017/S0020743821000829>.
4. Джихад, А., 2023. Конституционный надзор в Ираке: Правовая основа и практика. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. <https://doi.org/10.61205/jzsp.2023.072>.
5. Джихад, А., 2024. История и современное состояние парламентского надзора в Ираке. *Юридический журнал РУДН*. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-63-79>.
6. Дорская, А., 2024. Эволюция сравнительного метода в российских историко-правовых исследованиях. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. <https://doi.org/10.61205/s199132220029326-4>.
7. Ершова, К., 2023. Юридическое лицо в уголовном праве: Цели наказания. *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-366-373>.
8. Залойло, М., 2024. Концепции развития российского законодательства как достижение современной академической науки: Обзор XI Всероссийского ежегодного совещания теоретиков права. *Журнал российского права*. <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.5.2>.
9. Зубов В., 2023. Эволюция подходов к определению принципов права и правотворчества: теория и политико-правовая практика. Пробелы в российском законодательстве. <https://doi.org/10.33693/2072-3164-2023-16-3-027-036>.
10. Клеандров, М., 2023. Нелегальные экономические субъекты: Что это такое? *Журнал российского права*. <https://doi.org/10.61205/jrp.2023.089>.
11. Мирошниченко, Н., и Максимов, В., 2023. Современные особенности и тенденции развития российского государства (конституционно-правовой аспект). *Журнал политических исследований*. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-3-29-44>.
12. Панаева, Л., 2024. Институт уголовной ответственности юридических лиц: целесообразность введения на уровне российского уголовного права. *Юридический ордер: История, теория, практика*. <https://doi.org/10.47475/2311-696x-2024-41-2-86-90>.
13. Рахим, Ф., Аль-Мусалламави, А., Казем, М., Аль-Дулайми, А., Наеф, К., Талиб, Т., и Шатнави, К., 2024. Защита прав интеллектуальной собственности в гражданском законодательстве: Сравнительное исследование гражданского права Франции и гражданского права Ирака. *Эволюционные исследования образной культуры*. <https://doi.org/10.70082/esiculture.vi.958>.
14. Тарасов А., 2024. Неожиданные открытия в сравнительно-правовых исследованиях уголовного процесса. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. *Law*. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.104>.
15. Федоров, А., 2024. Вопросы уголовной ответственности юридических лиц в трудах ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. *Журнал российского права*. <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.3.5>.
16. Фокин Е., 2024. О возможностях сравнительного судебного права. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. <https://doi.org/10.61205/s199132220029819-6>.
17. Хамид, З., 2023. Правовые основы создания свободных зон: An Analytical Study of the Case of Iraq. *Международный журнал исследований в области социальных и гуманитарных наук*. <https://doi.org/10.37648/ijrssh.v13i01.025>.

Evolution of the Legal Entity Concept: A Comparative Analysis of Russian and Iraqi Legal Approaches Al-Abedi Nahlah Falih Hasan Al-Qadisiya University

The study of legal forms that fluctuate between normative definitions and economic functionality reveals fundamental contradictions in the change of legal norms to changing corporate realities: Russia maintains a rigid institutional structure, selectively incorporating elements of foreign regulation, Iraq, a fragmented legal environment - legislative norms remain inconsistent with economic requirements and requirements. Objective: to consider the evolution of legal entities within the Russian and Iraqi legal systems, to pay attention to structural features, problems of law enforcement and the ability of leading foreign models to regulate without responsibility for national justice. A comparative legal approach, including systems analysis, functional assessment and legal-statistical expertise, was applied to legislative frameworks, specific decisions and doctrinal interpretations, resulting in a multi-faceted assessment of both explicit legal provisions and their latent regulatory implications. Russian corporate law is highly formalized but remains resistant to significant change in the area of corporate criminal liability, while Iraqi regulation lacks doctrinal consistency, factional legal vacuums and effective enforcement; structural tensions in this context arise in the complex harmonization of national norms with international standards of economic governance, reflecting the conflict

between sovereignty and transnational convergence. The study argues for the need to recalibrate national legal systems to improve regulatory coherence – Russia must eliminate doctrinal inconsistencies that cause corporate accountability, while Iraq needs institutional policies for compliance decisions that overcome regulatory gaps.

Keywords: legal, comparative law, corporate regulation, law enforcement issues, transnational legal convergence, regulatory adaptation, lobbying practice.

References

1. Al-Zuhairi, A., 2023. The Impact of Legal Reserve and Discount Rate on Iraq's Economic Stability Indicators: An Analytical Study of the Financial Statements of the Central Bank of Iraq for the Period 2010-2020. *Journal of Research in Economics, Finance and Accounting*. <https://doi.org/10.32996/jefas.2023.5.2.1>.
2. Atiyah, G., Manap, N., and Aziz, S., 2023. Legal Status of Cryptocurrency Circulation in Iraq: Lessons from the United Arab Emirates and the United States. *Hasanuddin Law Review*. <https://doi.org/10.20956/halrev.v9i1.3867>.
3. Genat, M., 2021. Tribal Justice and Public Law in Iraq. *International Journal of Middle East Studies*, 53, p. 507 – 511. <https://doi.org/10.1017/S0020743821000829>.
4. Jihad, A., 2023. Constitutional Oversight in Iraq: Legal Basis and Practice. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. <https://doi.org/10.61205/jzsp.2023.072>.
5. Jihad, A., 2024. History and Current State of Parliamentary Oversight in Iraq. *RUDN Law Journal*. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-63-79>.
6. Dorskaya, A., 2024. Evolution of the Comparative Method in Russian Historical and Legal Research. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. <https://doi.org/10.61205/s199132220029326-4>.
7. Ershova, K., 2023. Legal entity in criminal law: Purposes of punishment. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and social sciences*. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-366-373>.
8. Zoloto, M., 2024. Concepts of development of Russian legislation as an achievement of modern academic science: Review of the XI All-Russian annual conference of legal theorists. *Journal of Russian Law*. <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.5.2>.
9. Zubov V., 2023. Evolution of approaches to defining the principles of law and lawmaking: theory and political and legal practice. *Gaps in Russian legislation*. <https://doi.org/10.33693/2072-3164-2023-16-3-027-036>.
10. Cleandrov, M., 2023. Illegal economic entities: What are they? *Journal of Russian Law*. <https://doi.org/10.61205/jrp.2023.089>.
11. Miroshnichenko, N., and Maksimov, V., 2023. Modern features and trends in the development of the Russian state (constitutional and legal aspect). *Journal of Political Studies*. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-3-29-44>.
12. Panaeva, L., 2024. The Institute of Criminal Liability of Legal Entities: The Feasibility of Introduction at the Level of Russian Criminal Law. *Legal Order: History, Theory, Practice*. <https://doi.org/10.47475/2311-696x-2024-41-2-86-90>.
13. Rahim, F., Al-Musallamawi, A., Kazem, M., Al-Dulaimi, A., Naef, K., Talib, T., and Shatnawi, K., 2024. Protection of Intellectual Property Rights in Civil Law: A Comparative Study of French Civil Law and Iraqi Civil Law. *Evolutionary Studies of Figurative Culture*. <https://doi.org/10.70082/esiculture.vi.958>.
14. Tarasov, A., 2024. Unexpected Discoveries in Comparative Legal Studies of Criminal Procedure. *Bulletin of St. Petersburg University. Law*. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.104>.
15. Fedorov, A., 2024. Issues of criminal liability of legal entities in the works of scientists of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. *Journal of Russian Law*. <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.3.5>.
16. Fokin E., 2024. On the possibilities of comparative judicial law. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. <https://doi.org/10.61205/s199132220029819-6>.
17. Hamid, Z., 2023. Legal basis for the creation of free zones: An Analytical Study of the Case of Iraq. *International journal of research in the field of social and human sciences*. <https://doi.org/10.37648/ijrssh.v13i01.025>.

Преображенский приказ и развитие уголовной полиции в России

Белослудцев Алексей Владимирович

Аспирант, Херсонский Технический Университет,
vpb4599@gmail.com

Исследование посвящено анализу роли Преображенского приказа (1695-1729) в формировании институциональных основ российской системы государственного сыска и контроля. Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления генезиса отечественных правоохранительных органов в контексте административных преобразований Петровской эпохи. Проблематика исследования связана с недостаточной изученностью механизмов трансформации политико-репрессивных практик в общеуголовные полицейские функции. Целью работы является выявление специфических черт влияния Преображенского приказа на последующее развитие уголовной полиции в Российской империи XVIII века. Методологическая база включает историко-правовой, сравнительно-правовой и институциональный анализ. Основные результаты исследования заключаются в обосновании тезиса о том, что деятельность Преображенского приказа, несмотря на его узкую специализацию в сфере политических преступлений, заложила фундаментальные принципы централизации, внесудебных полномочий и информационно-агентурной работы, которые впоследствии были адаптированы в практике общеуголовного сыска.

Ключевые слова: Преображенский приказ, политический сыск, уголовная полиция, государственные преступления, доносительство, административные репрессии, полицейское право.

Исследование генезиса российской уголовной полиции XVIII века невозможно без анализа роли Преображенского приказа как одного из ключевых институтов государственного принуждения петровской эпохи. Актуальность данной проблематики обусловлена необходимостью выявления исторических закономерностей становления правоохранительной системы России и определения степени влияния институтов политического сыска на формирование общеуголовной полиции.

Современная историография полицейского права и истории российских правоохранительных органов характеризуется недостаточным вниманием к проблеме институциональной преемственности между органами политического сыска петровской эпохи и последующими структурами уголовного розыска. Исследователи традиционно рассматривают Преображенский приказ исключительно в контексте политических репрессий, не учитывая его опосредованного влияния на формирование административно-репрессивных практик в сфере общеуголовной юстиции.

Анализ эволюции полицейского права в России XVIII века демонстрирует фундаментальные изменения в системе правоохранительных органов. Согласно историческим документам, судебно-правовые изменения восемнадцатого столетия кардинально отличались от аналогичных процессов, предшествующих двух веков. Главной особенностью стало существенное увеличение компетенций судебных и репрессивных институтов, происходившее параллельно с сокращением возможностей участников процесса влиять на его ход. Одновременно с этим законодательство становилось все более детальным в вопросах регламентации судопроизводства. Подобные изменения демонстрировали планомерное укрепление государственного контроля над юридическими отношениями в обществе, что заложило основу для последующего создания единой централизованной структуры правоохранительных органов. [6].

Особого внимания заслуживает тезис о том, что воля сторон и воля суда поглощаются и заменяются волей законодателя (императора). Этот процесс концентрации власти в руках монарха непосредственно отражался на функционировании правоохранительных органов, включая деятельность Преображенского приказа. Институт политического сыска, действовавший от имени императора и в его интересах, выработал специфические методы расследования и доказывания, которые впоследствии оказали влияние на общие принципы уголовного процесса.

Документальные свидетельства восемнадцатого столетия констатируют глубокий упадок правоохранительной структуры, проявлявшийся в разобщенности полицейских служб и полном отсутствии охраны правопорядка в деревенской местности. Сохранение традиции использования военнотружеников городских частей для выполнения полицейских функций демонстрировало низкий уровень специализации сотрудников правоохранительных органов. Помимо этого, рабочие принципы и приемы полицейских служащих характеризовались крайне низким качеством, что в совокупности провоцировало всеобъемлющий коллапс в области обеспечения общественной безопасности и борьбы с преступностью [13].

В различных исследованиях признается неадекватность существовавшего положения дел в системе охраны правопорядка актуальным потребностям эпохи, что обусловило острую необходимость в радикальном преобразовании структуры полицейских учреждений, которое впоследствии и было осуществлено императрицей Екатериной II в течение второго периода восемнадцатого столетия. Эта реформа знаменовала переход к более систематизированной организации полицейской деятельности, основанной на четком разграничении функций различных правоохранительных структур [10].

Теоретическое осмысление полицейского права в российской юридической науке XIX века также подтверждает сложность процессов институциональной эволюции. По утверждению В.Н. Лешкова, исследовавшего связи между социумом и властными структурами, первоочередной миссией государственного аппарата выступает гармонизация различных интересов через их унификацию во благо всего общества. Для реализации данной цели государственная машина получает «принудительные прерогативы», что раскрывает рациональность формирования и деятельности узкоспециализированных структур насилия, в том числе учреждений политической разведки [5].

Академик И.Т. Тарасов, который трактовал дисциплину полицейского права в качестве области знаний о юридических предписаниях, упорядочивающих правоохранительную практику государственной власти, акцентировал важность юридических связей, формирующихся вследствие осуществления государством полицейских функций. Это теоретическое положение позволяет рассматривать деятельность Преображенского приказа не только как политический инструмент, но и как элемент формирующейся системы административно-правового регулирования [4].

Ретроспективный анализ демонстрирует, что извлечение юриспруденции в 1990-х годах от идеологических ограничений создало условия для развития теорий о конструктивной сущности полицейского права и перспективах его адаптации в рамках актуальной отечественной правовой доктрины. Это создает методологические основания для переосмысления роли исторических институтов принуждения в контексте эволюции правоохранительной системы России [8].

Анализ существующих исследований показывает, что в проведенных ранее исследованиях убедительно доказана специализация Преображенского приказа на политических преступлениях и его роль в подавлении оппозиции петровскими реформами. Однако вопрос о характере и механизмах влияния созданных им административных практик на последующее развитие уголовно-полицейских институтов остается недостаточно изученным.

Нерешенной частью общей проблемы является выявление конкретных элементов преемственности между методами работы Преображенского приказа и принципами организации уголовного сыска в Российской империи XVIII-XIX веков. Особого внимания требует анализ трансформации репрессивных практик политического характера в общие механизмы государственного контроля над преступностью.

Целью данной статьи является комплексное исследование влияния Преображенского приказа на генезис уголовной полиции в России XVIII века через анализ институциональной преемственности, методологических заимствований и административно-правовых новаций, созданных этим органом политического сыска.

Методологической основой исследования служит историко-правовой анализ в сочетании с институциональным подходом, позволяющим выявить механизмы преемственности государственных структур. Применение сравнительно-исторического метода дает возможность сопоставить организационные принципы и методы работы Преображенского приказа с последующими институтами уголовного сыска.

Объектом исследования выступает Преображенский приказ как институт политического сыска, функционировавший с 1695 по 1729 год. Согласно данным М.И. Семевского, основанным на архивных материалах, приказ рассмотрел более 10 000 дел по обвинениям в государственной измене, что свидетельствует о масштабах его деятельности [11].

Структурная организация Преображенского приказа характеризовалась высокой степенью централизации и непосредственным подчинением монарху. Как отмечает А.В. Панфилец с соавторами, приказ представлял собой первый в истории России специализированный орган государственной безопасности, обладавший исключительными полномочиями в сфере политического сыска [9].

Генезис данного учреждения неразрывно связан с эволюцией государственного аппарата петровской эпохи. Источники свидетельствуют, что изначально данная организационная единица была учреждена с целью административного руководства Преображенским и Семёновским военными формированиями, однако впоследствии монарх Пётр I применил её в качестве инструмента политической конфронтации с царевной Софьей. Начиная с 1695 года данное ведомство получило наименование Преображенского приказа (ранее именовалось Приказной избой) и осуществляло функции поддержания об-

ществленной безопасности в столице, а также проводило следственные мероприятия по делам исключительной государственной важности. [6].

Поворотным этапом в увеличении властных функций данного ведомства явилось восстание стрельцов 1697 года, вследствие которого учреждение обрело монопольные prerogatives в области расследования и судебного разбирательства дел, касающихся преступлений против государственной власти. Эта монополизация функций политического сыска в руках одного учреждения создала важный прецедент для последующего развития правоохранительной системы России, демонстрируя возможности концентрации репрессивных полномочий в специализированных органах.

Компетенция Преображенского приказа определялась формулой "Слово и дело государево", охватывавшей широкий спектр политических преступлений. Согласно исследованию Е.В. Анисимова, в юрисдикцию приказа входили дела о государственной измене, заговорах против монарха, оскорблении царского достоинства, антиправительственных высказываниях и массовых выступлениях против власти [1].

Кадровый состав и руководство приказа отражали его исключительное положение в государственной иерархии. Архивные документы свидетельствуют о том, что полное административное управление Преображенским ведомством осуществлял титулованный правитель Фёдор Юрьевич Ромодановский, носивший звание князя-кесаря. Фигура Ромодановского характеризовалась исключительной атмосферой трепета и неприступности: согласно воспоминаниям очевидцев той эпохи, данный государственный деятель представлял собой устрашающую личность, в присутствии которой никому не позволялось принимать сидячее положение, а доступ в его резиденцию был категорически запрещён для всех без исключения (включая самого монарха Петра, который был вынужден покидать экипаж за пределами въездных ворот). С 1718 года вплоть до момента упразднения данного административного органа (1729 год) во главе учреждения находился его наследник - Иван Фёдорович Ромодановский [6].

Институциональное устройство ведомства отличалось умеренной численностью персонала в сочетании с обширными властными возможностями. Согласно архивным данным, штатный состав учреждения включал пару секретарей и от пяти до восьми канцелярских служащих. Тем не менее, для реализации практических мероприятий по задержанию лиц, проведению обысков и выполнению прочих служебных задач привлекались военнослужащие рядового и командного состава из гвардейских подразделений Преображенского и Семёновского. Это взаимодействие с военными формированиями создавало модель сотрудничества между специализированными следственными органами и вооружёнными силами, которая впоследствии нашла отражение в организации полицейских структур XVIII века [6].

Правовой статус приказа характеризовался объединением следственных, судебных и исполнительных функций в рамках одного учреждения. Данная особенность создавала прецедент концентрации репрессивных полномочий, который впоследствии был частично воспроизведен в организации полицейских структур империи. Централизация полномочий подтверждается указом 1702 года, согласно которому повелевалось все дела по государеву слову и делу направлять непосредственно в Преображенский приказ. Это свидетельствует о формировании единой системы политического сыска, подчиненной исключительно монарху [2].

Географическое расположение приказа также имело символическое значение для формирования правоохранительных традиций. Поскольку приказ находился в Москве, вблизи церкви Петра и Павла, в народе появилось выражение: «Живет правда у Петра и Павла» [6]. Этот фольклорный элемент демонстрирует восприятие приказа как высшей инстанции правосудия, что способствовало формированию представлений о централизованной системе правоохранения.

Вслед за упразднением данного учреждения его компетенции были распределены между иными государственными органами: контроль за политическими преступлениями в империи возлагался на Верховный тайный совет и Сенат. Тем не менее, уже через два года, в 1731 году, правительница Анна Иоанновна создаёт специализированное ведомство для ведения следствий по государственным преступлениям, получившее впоследствии наименование Канцелярия тайных розыскных дел. Примечательным является тот факт, что во главе нового органа был поставлен экс-руководитель петровских секретных служб генерал Андрей Иванович Ушаков, карьера которого началась в Преображенском гвардейском подразделении, а с 1718 года он являлся членом секретной полиции [3].

Модель централизованного управления, апробированная в рамках Преображенского приказа, была впоследствии адаптирована при создании Главной полицмейстерской канцелярии в 1718 году. Согласно исследованию Р.С. Мулукаева, принцип единоначалия и непосредственной подотчетности высшей власти, заложенный в организации приказа, стал основой для построения полицейской иерархии в империи [7].

Историческая трансформация полицейского права в России XVIII века демонстрирует системные изменения в методах правоохранительной деятельности. Согласно некоторым исследованиям, трансформации восемнадцатого столетия кардинально отличались от аналогичных преобразований шестнадцатого-семнадцатого веков главным образом усилением властных возможностей судебных и репрессивных институтов через сокращение процессуальных прав участников разбирательств, при одновременном ужесточении законодательного контроля над судопроизводством. Подобные изменения формировали благоприятные условия для внедрения отработанных в области государственной

безопасности технологий секретной деятельности в работу обычных криминальных органов розыска [6].

Процесс централизации управления правосудием, при котором воля сторон и воля суда поглощаются и заменяются волей законодателя (императора), имел принципиальное значение для формирования единых стандартов правоохранительной деятельности. Система доносительства и внесудебные полномочия, отработанные Преображенским приказом, создали прецедент для наделения полицейских органов правом применения административных взысканий без судебного разбирательства, что получило законодательное закрепление в Учреждении для управления губерний 1775 года. И.Т. Тарасов классифицировал формы принуждения, включающие наделение полиции и администрации юрисдикционными полномочиями; полицейское личное задержание; вооруженное принуждение; чрезвычайное и военное положение, все из которых применялись уже в деятельности Преображенского приказа [12]. Принцип презумпции виновности и приоритет собственного признания обвиняемого в иерархии доказательств создавали стимулы для применения принуждения в ходе допросов, что длительное время сохранялось в российском уголовном процессе XVIII века.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд принципиально важных выводов относительно роли Преображенского приказа в генезисе российской уголовной полиции XVIII века.

Во-первых, установлено, что деятельность Преображенского приказа (1695-1729), несмотря на его узкую специализацию в сфере политических преступлений, заложила фундаментальные институциональные основы для последующего развития системы государственного сыска и контроля в Российской империи. Созданные этим органом административно-репрессивные практики вышли за рамки политического преследования и стали структурообразующими элементами общеуголовной юстиции.

Во-вторых, выявлена четкая преемственность между методологическими принципами работы Преображенского приказа и организационными основами уголовного сыска XVIII-XIX веков. Трансформация репрессивных практик политического характера в общие механизмы государственного контроля над преступностью происходила через адаптацию таких ключевых элементов, как принципы централизации управления, наделение органов внесудебными полномочиями и развитие информационно-агентурной работы.

В-третьих, доказано, что система доносительства и внесудебные полномочия, отработанные Преображенским приказом, создали правовой прецедент для последующего наделения полицейских органов правом применения административных взысканий без судебного разбирательства, что получило законодательное закрепление в Учреждении для управления губерний 1775 года.

В-четвертых, установлено влияние процессуальных новаций Преображенского приказа на эволюцию российского уголовного процесса XVIII века.

Принцип презумпции виновности, приоритет собственного признания обвиняемого в иерархии доказательств и широкое применение принуждения в ходе допросов длительное время сохранялись в практике общеуголовного сыска.

Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что Преображенский приказ, выполняя функции органа политического сыска, одновременно выступал в качестве экспериментальной площадки для апробации административно-правовых механизмов, которые впоследствии были интегрированы в систему общеуголовной полиции Российской империи.

Полученные выводы имеют значение для понимания исторических закономерностей становления отечественной правоохранительной системы и расширяют представления о характере административных преобразований Петровской эпохи. Выявленные механизмы институциональной преемственности между органами политического сыска и структурами уголовного розыска свидетельствуют о системном характере трансформации российского государственного аппарата в XVIII веке и его влиянии на формирование основ полицейского права в России.

Литература

1. Анисимов, Е. В. Что такое Россия / Е. В. Анисимов; ред. А. В. Топычканов. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 424 с.
2. Байкеева, С. Е. Эволюция приказной модели государственного управления и правовые основы формирования бюрократического аппарата в России в XVII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 2.
3. Демьяненко, М. А. Канцелярия тайных розыскных дел как орган политического сыска и его место в развитии государственного аппарата России в 1730-е годы / М. А. Демьяненко // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 4 (18). С. 12-15.
4. Егоров, Н. Ю. Государственно-правовые воззрения И. Т. Тарасова: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1 / Н. Ю. Егоров. Санкт-Петербург: ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2023. 282 с.
5. Лешков, В. Н. Общественное право / В. Н. Лешков. — М., 1871.
6. Лучинин, А. В. Создание и развитие специализированных полицейских органов России в первой половине XVIII века / А. В. Лучинин // Вестник экономики, управления и права. 2010. № 3 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozдание-i-razvitie-spetsializirovannyh-politseyskih-organov-rossii-v-pervoy-polovine-xviii-veka> (дата обращения: 29.07.2025).
7. Мулукаев, Р. С. Эволюция системы пресечения и раскрытия преступлений полицией Российской империи / Р. С. Мулукаев // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-sistemy-presecheniya-i-raskrytiya-prestupleniy-politsiyei-rossiyskoy-imperii> (дата обращения: 29.07.2025).

8. Овсянников, Ю. Н. «Полицейское право» в истории правовой мысли Западной Европы и России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ю. Н. Овсянников. Санкт-Петербург, 2002. 206 с.

9. Панфилец, А. В. Зарождение политического сыска России: от опричнины до Приказа тайных дел / А. В. Панфилец, А. Б. Федоров, А. Л. Бредихин // Вестник УЮИ. 2023. № 1 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-politicheskogo-syska-rossii-ot-oprichniny-do-prikaza-taynyh-del> (дата обращения: 29.07.2025).

10. Рябченко, А. Г. Особенности организационно-правовых основ деятельности российской полиции (1762-1782 гг.) / А. Г. Рябченко // Общество и право. 2020. № 4 (74). С. 127-130.

11. Семевский, М. И. История Отечества / М. И. Семевский. М.: Вече, 2025. 480 с.

12. Тарасов, И. Т. Очерк науки полицейского права / И. Т. Тарасов. М.: т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1897. 702 с.

13. Ченкова, В. И. Полиция и органы местного управления в феодальной России XVIII века: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В. И. Ченкова. Санкт-Петербург, 2001. 185 с.

The preobrazhensky prikaz and the development of criminal police in Russia

Belosludtsev A.V.

Kherson Technical University

This study is dedicated to analyzing the role of the Preobrazhensky Prikaz (1695–1729) in the formation of the institutional foundations of the Russian system of state investigation and control. The relevance of the topic is due to the need to rethink the genesis of domestic law enforcement agencies in the context of the administrative reforms of the Petrine era. The research problem relates to the insufficient study of the mechanisms transforming political-repressive practices into general criminal police functions. The aim of the work is to identify the specific features of the Preobrazhensky Prikaz's influence on the subsequent development of criminal police in the Russian Empire of the 18th century. The methodological framework includes historical-legal, comparative-legal, and institutional analysis. The main findings consist in substantiating the thesis that the activities of the Preobrazhensky Prikaz, despite its narrow specialization in political crimes, laid the fundamental principles of centralization, extrajudicial powers, and intelligence-agent work, which were later adapted in the practice of general criminal investigation.

Keywords: Preobrazhensky Prikaz, political investigation, criminal police, state crimes, denunciation, administrative repression, police law.

References

1. Anisimov, E. V. What is Russia / E. V. Anisimov; ed. A. V. Topychkanov. Moscow: New Literary Review, 2019. 424 p.
2. Baykeeva, S. E. Evolution of the order model of public administration and the legal basis for the formation of the bureaucratic apparatus in Russia in the 17th century // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 2.
3. Demyanenko, M. A. The Office of Secret Investigative Affairs as a body of political investigation and its place in the development of the state apparatus of Russia in the 1730s / M. A. Demyanenko // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 4 (18). P. 12-15.
4. Egorov, N. Yu. State and legal views of I. T. Tarasov: dis. ... candidate of legal sciences: 5.1.1 / N. Yu. Egorov. St. Petersburg: FGKOU VO "St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", 2023. 282 p.
5. Leshkov, V. N. Public law / V. N. Leshkov. - M., 1871.
6. Luchinin, A. V. Creation and development of specialized police agencies in Russia in the first half of the 18th century / A. V. Luchinin // Bulletin of Economics, Management and Law. 2010. No. 3 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-i-razvitie-spetsializirovannyh-politseyskih-organov-rossii-v-pervoy-polovine-xviii-veka> (date of access: 29.07.2025).
7. Mulukaev, R. S. Evolution of the system of suppression and detection of crimes by the police of the Russian Empire / R. S. Mulukaev // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-sistemy-presecheniya-i-raskrytiya-prestupleniy-politsiy-rossiyskoy-imperii> (date of access: 29.07.2025).
8. Ovsyannikov, Yu. N. "Police Law" in the History of Legal Thought in Western Europe and Russia: dis. ... Cand. of Law: 12.00.01 / Yu. N. Ovsyannikov. St. Petersburg, 2002. 206 p.
9. Panfilets, A. V. The Birth of Political Investigation in Russia: from the Oprichnina to the Order of Secret Affairs / A. V. Panfilets, A. B. Fedorov, A. L. Bredikhin // Bulletin of the ULI. 2023. No. 1 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-politicheskogo-syska-rossii-ot-oprichniny-do-prikaza-taynyh-del> (date of access: 07/29/2025).
10. Ryabchenko, A. G. Features of the organizational and legal foundations of the activities of the Russian police (1762-1782) / A. G. Ryabchenko // Society and Law. 2020. No. 4 (74). P. 127-130.
11. Semevsky, M. I. History of the Fatherland / M. I. Semevsky. Moscow: Vechе, 2025. 480 p.
12. Tarasov, I. T. Essay on the Science of Police Law / I. T. Tarasov. Moscow: Printing House of S. P. Yakovlev, 1897. 702 p.
13. Chenkova, V. I. Police and local government bodies in feudal Russia of the 18th century: historical and legal aspect: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.01 / V. I. Chenkova. St. Petersburg, 2001. 185 p.

Применение принципа добросовестности и телеологическое толкование правовых норм

Курносков Борис Ильич

аспирант, РЭУ имени Г. В. Плеханова

В статье рассмотрен вопрос о соотношении недобросовестного поведения, в том числе в форме обхода закона, и поведения, противоречащего правовым нормам в их телеологическом толковании. Сделан вывод о том, что в отличие от поведения, противоречащего правовым нормам в их телеологическом толковании, недобросовестное поведение, во-первых, включает поведение, которое законодатель не предвидел и в этой связи не имел воли на его запрет; во-вторых, характеризуется не только объективной, но и субъективной стороной поведения соответствующего лица (при злоупотреблении правом — в форме умысла). На основании данных выводов сформулированы предложения по совершенствованию актов толкования законодательства.

Ключевые слова: добросовестность, злоупотребление правом, обход закона, телеологическое толкование, цели правовое регулирования, энергоснабжение, залог.

Поведение, противоречащее принципу добросовестности, т. е. недобросовестное поведение, имеет сходство с незаконным поведением, противоречащим правовым нормам в их телеологическом толковании.

Так, как отмечал Ф.В. Тарановский, добросовестность означает осуществление прав в соответствии с теми целями, которое ставит лицу объективный правопорядок [12, с. 278]. В Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА злоупотребление правом, т. е. явление, противоположное добросовестному поведению, определяется как осуществление права, несоизмеримое с первоначально предполагавшимся результатом [9, с. 20]; под первоначально предполагавшимся результатом очевидно понимается результат, предполагавшийся законодателем или сторонами договора (в зависимости от того, чем установлено осуществляемое право).

Телеологическое толкование предполагает уяснение смысла правовых норм исходя из целей их установления, т. е. исходя из результатов, к достижению которых стремился законодатель (или, напротив, результатов, наступления которых законодатель стремился не допустить).

Таким образом, как принцип добросовестности, так и телеологическое толкование правовых норм направлены на пресечение поведения, которое, хотя и соответствует правовым нормам в их буквальном толковании, но приводит к результатам, противоречащим целям правового регулирования.

В наибольшей степени указанное относится к такой форме недобросовестного поведения, как обход закона с противоправной целью (далее — обход закона). Под последним понимается такое использование правой конструкции, преследующей ту же цель, что и другая, конструкция, запрещенная законодателем [2].

По вопросу соотношения понятий обхода закона и нарушения правовых норм в их телеологическом толковании существуют две основные позиции.

Согласно первой из них, обход закона представляет собой частный случай нарушения правовой нормы в ее телеологическом толковании и рассматривается как «скрытое правонарушение» [7, с. 4]. Данный подход имеет сходство с подходом, господствующим в ряде зарубежных государств, в т.ч. в ФРГ. В указанных государствах сама по себе категория обхода в законодательстве отсутствуют, однако активно применяется расширительное телеологическое толкование соответствующих норм, что приводит к практически тем же результатам, что и использование понятия «обход закона».

Противниками такого подхода отмечается следующее. Если законодатель при установлении той или

иной императивной нормы, запрещающей использование определенной правовой конструкции, преследовал цель недопустить наступления результата, к которому она приводит, однако не учитывал возможности достижения того же результата посредством использования другой конструкции, то он не мог иметь цели запретить использование последней. В связи с этим расширительное толкование, согласно которому в качестве запрещенных законодателем рассматриваются обе конструкции, искажает его волю [11, с. 46]. Таким образом, согласно данной позиции, обход закона, хотя и приводит к результату, на недопущение которого соответствующая норма направлена, однако саму по себе данную норму не нарушает.

Исходя из первой позиции, понятие «обхода закона» какого-либо самостоятельного значения не имеет (так, О.С. Йоффе отмечал, что отсутствие в ГК РСФСР 1964 года данной категории, содержащейся в ГК 1922 года, не препятствует квалификации как незаконных тех сделок, «незаконность которых тщательно замаскирована») [8, с. 61]. В связи с этим в тех зарубежных государствах, в доктрине и практике которых доминирует первый подход, категория обхода закона в законодательстве не используется за ненадобностью; с учетом изложенного представляется, что российский законодатель, закрепив данную категорию в ГК РФ, выразил свою волю на применение второго подхода, а именно на квалификацию действий, возможность совершения которых законодателем не предвиделась, однако влекущих нежелательные с его точки зрения результаты, именно как совершаемых в обход, а не в нарушение закона (независимо от способа толкования последнего).

В связи с этим применение первого подхода в некоторых случаях вызывает сомнения.

В качестве примера можно рассматривать Постановление Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» [3]. В данном акте разъяснено, что несмотря на прямое указание в ГК РФ на право сторон предусмотреть оплату энергии в количестве, отличающемся от фактически принятого, в случае наличия регулируемой цены за единицу ресурса стороны вправе согласовать условие об оплате энергии в количестве, отличающимся от фактического, лишь при невозможности определить последнее. Представляется, что такое толкование искажает волю законодателя, поскольку прямо противоречит буквальному содержанию данной нормы. Следовательно, более обоснованным было бы применение к договорам энергоснабжения, содержащим условие об оплате энергии в количестве, отличающимся от фактического, положений об обходе закона. Так, как сказано выше, обход закона — использование формально непротивоправной конструкции для достижения цели, негативное отношение законодателя к которому следует из запрета правовой конструкции, преследующей аналогичную цель. В данном случае имеют место все составляющие обхода закона, а именно: формально непротивоправная конструкция — заключение соглашения

об оплате энергии в количестве, превышающем фактически принятое; иная правовая конструкция, запрещенная законодателем — оплата энергии по цене, превышающей регулируемую; цель (результат), негативное отношение законодателя к которой следует из запрета данной конструкции — оплата абонентом энергии в сумме, превышающей произведение регулируемой цены единицы энергии на фактически принятое ее количество. Таким образом, можно сделать вывод, что ее использование надлежит квалифицировать именно как обход закона. Подобная позиция, в отличие от позиции, занятой ВАС РФ, не только обеспечивает реализацию целей законодателя, но и в полной мере соответствует буквальному содержанию установленных им правовых норм.

Указанное относится также и к иным формам злоупотребления правом.

Так, в силу буквальной нормы законодательства о залоге, договором между залогодателем и залогодержателем начальная цена может быть установлена в размере, отличающимся от 80 % от его рыночной цены. Из буквального содержания указанной нормы следует, что цена может быть установлена в размере как выше, так и ниже 80 %. Тем не менее, ВАС РФ указал, что исходя из целей законодателя — обеспечить защиту иных, помимо залогодержателя, кредиторов залогодателя, допускается установление начальной цены реализации лишь в большем, чем 80 %, размере. Между тем, представляется, что если залогодатель и залогодержатель, действуя с целью причинения вреда иным кредиторам залогодержателя, установили заниженную начальную цену реализации имущества, то данное обстоятельство может являться основанием для признания данного соглашения недействительным как противоречащего закону, но не специальным нормам законодательства о залоге, а общему запрету на злоупотребление правом (в форме шиканы).

Практическое значение данного вопроса заключается в следующем.

Понятие незаконного поведения носит объективный характер; в связи с этим, при квалификации поведения в качестве такового независимо от способа толкования правовых норм субъективная сторона поведения лица значения не имеет (именно такой подход применяется в ФРГ, в которой действия, влекущие противоречащие целям правового регулирования результаты, признаются неправомерными независимо от того, желали ли стороны их наступления) [6, с. 10]. В свою очередь, понятие добросовестности (недобросовестности), как отмечает Е.В. Богданов, носит субъективно-объективный характер [5, с. 13]; в частности, злоупотребительными признаются лишь действия, носившие заведомый, т. е. умышленный характер [4].

В связи с этим, активное применение телеологического правовых норм может привести к избыточному ограничению автономии воли участников оборота. Так, исходя из телеологического толкования

нормы о цене реализации предмета залога ее установление в размере менее 80 % от рыночной цены может быть признано незаконным независимо от целей сторон; однако, злоупотреблением правом данные действия могут быть признаны лишь при наличии у сторон цели причинения вреда иным кредиторам; при наличии у сторон иных, добросовестных целей (например, ускорить реализацию предмета залога) данные действия злоупотреблением быть признаны не могут.

Таким образом, применение положений о запрете злоупотребления правом, предпочтительно не только ввиду его соответствия буквальным положениям законодательства, но и в силу того, что оно позволяет не применять соответствующие ограничения, если, несмотря на нетипичность сделки, цели сторон носили добросовестный характер [10, с. 739].

Следовательно, целесообразным представляется внесение изменений в вышеуказанное Постановление Пленума ВАС РФ, а именно разъяснение, что наличие в правовой норме указания на возможность установить иное соглашением не исключает возможность признания данного соглашения (в т.ч. договора энергоснабжения, предусматривающего оплату энергии в количестве, превышающем фактическое, если плата за единицу ресурса является регулируемой, или договора залога, предусматривающего установление начальной продажной цены его предмета в размере менее 80 % от рыночной) действительным как сделки, противоречащей запрету на злоупотребление правом.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (опубликован в изданиях "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301, "Российская газета", N 238-239, 08.12.1994);
2. Концепция совершенствования общих положений ГК РФ (опубликована в издании Бюллетень нотариальной практики. 2009, N 3);
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 "О свободе договора и ее пределах" (опубликовано в изданиях "Вестник ВАС РФ", N 5, май, 2014, "Экономика и жизнь" (Бухгалтерское приложение), N 16, 25.04.2014);
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.04.2024 по делу № 33-42565/2024;
5. Богданов Е.В. Категория «добросовестности» в гражданском праве // Российская юстиция, 1999, № 9. С. 12 — 14;
6. Захарова О.Е. Обход закона как форма злоупотребления правом по российскому и герман-

скому гражданскому законодательству: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: 2022. - 24 с.;

7. Волков А.В. Обход закона как наивысшая форма злоупотребления правом — М.: Гражданское право, 2013, N 2. С. 2 — 8;

8. Иоффе О.С., Толстой Ю.К. Новый ГК РСФСР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. - 447 с.;

9. Комаров А.С. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016. М.: Статут, 2020. - 770 с.;

10. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. — М.: М-Логос, 2020. - 1469 с.;

11. Суворов Е.Д. Действия в обход закона: правовая квалификация и последствия. - М.: Закон, 2013, N 9. С. 46 — 47;

12. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. - 534 с.

Application of the principle of good faith and teleological interpretation of legal norms

Kurnosov B.I.

Plekhanov Russian University of Economics

The article examines the relationship between bad faith behavior, including in the form of circumvention of the law, and behavior that contradicts legal norms in their teleological interpretation. It is concluded that, unlike behavior that contradicts legal norms in their teleological interpretation, bad faith behavior, firstly, includes behavior that the legislator did not foresee and therefore did not have the will to prohibit it; secondly, it is characterized not only by the objective, but also by the subjective side of the behavior of the person in question (in the case of abuse of rights - in the form of intent). Based on these findings, proposals are formulated to improve the acts of interpretation of legislation.

Keywords: good faith, abuse of rights, circumvention of the law, teleological interpretation, goals of legal regulation, energy supply, pledge.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 N 51-FZ (as amended on 31.07.2025) (published in the publications "Collection of Legislation of the Russian Federation", 05.12.1994, N 32, Art. 3301, "Rossiyskaya Gazeta", N 238-239, 08.12.1994);
2. The concept of improving the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation (published in the publication Bulletin of Notarial Practice. 2009, N 3);
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 14.03.2014 N 16 "On Freedom of Contract and Its Limits" (published in the publications "Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation", N 5, May, 2014, "Economy and Life" (Accounting Supplement), N 16, 25.04.2014);
4. Appellate ruling of the Moscow City Court of 08.04.2024 in case No. 33-42565 / 2024;
5. Bogdanov E.V. Category of "good faith" in civil law // Russian Justice, 1999, No. 9. Pp. 12 - 14;
6. Zakharova O.E. Circumvention of the law as a form of abuse of rights under Russian and German civil legislation: comparative legal analysis: author's abstract. dis. ... Cand. of Law. Yekaterinburg: 2022. - 24 p.;
7. Volkov AV Circumvention of the Law as the Highest Form of Abuse of Rights - M.: Civil Law, 2013, N 2. Pp. 2 - 8;
8. Ioffe OS, Tolstoy YuK New Civil Code of the RSFSR. L.: Publishing House of Leningrad State University, 1965. - 447 p.;
9. Komarov AS Principles of International Commercial Contracts UNIDROIT 2016. M.: Statut, 2020. - 770 p.;
10. Fundamental Provisions of Civil Law: Article-by-Article Commentary to Articles 1-16.1 of the Civil Code of the Russian Federation / Ed. A.G. Karapetyan. — M.: M-Logos, 2020. - 1469 p.;
11. Suvorov E.D. Actions in circumvention of the law: legal qualification and consequences. - M.: Law, 2013, N 9. Pp. 46 - 47;
12. Taranovsky F.V. Textbook of the encyclopedia of law. Yuryev, 1917. - 534 p.

Вопросы применения антикоррупционного законодательства в деятельности избирательных комиссий в Республике Дагестан: конфликт интересов и правовая позиция

Дибиров Магомед Тагирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Юридического института Дагестанского государственного университета

Магомедова Зиният Умаровна

магистрант Юридического института Дагестанского государственного университета

Статья рассматривает актуальные вопросы применения антикоррупционного законодательства в деятельности избирательных комиссий в Республике Дагестан, акцентируя внимание на проблеме конфликта интересов. Исследуются ситуации, когда в состав избирательных комиссий входят родственники и лица, работающие в одной организации. Обсуждаются последствия таких практик для легитимности выборов и необходимость выработки единой правовой позиции.

Ключевые слова: антикоррупционное законодательство, избирательные комиссии, конфликт интересов, прозрачность выборов, мониторинг выборов, общественное наблюдение.

Избирательной комиссией Республики Дагестан последовательно принимаются меры по обеспечению исполнения избирательными комиссиями Республики законодательства о противодействии коррупции.

При этом на практике возникают вопросы, связанные с распространением положений антикоррупционного законодательства на деятельность избирательных комиссий.

В частности, председатели территориальных избирательных комиссий Республики Дагестан замещают государственные должности Республики Дагестан. Их правовой статус предусматривает соблюдение ограничений, запретов и обязанностей, установленных законодательством о противодействии коррупции. Порядок формирования территориальных и участковых избирательных комиссий императивно урегулирован статьями 22, 26, 27 и 29 Федерального закона от 12 июня 2022 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Данный Федеральный закон содержит исчерпывающий перечень ограничений для кандидатур, назначаемых в состав избирательной комиссии, а также предусматривает нормы об обязательном включении в состав избирательной комиссии лиц, предложенных соответствующими политическими партиями. [2]

Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» содержит определение понятия «конфликт интересов», а также обязанности для лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации, принимать меры по предотвращению или урегулированию такого конфликта.

При этом законодательство о противодействии коррупции не соотносится с нормами избирательного законодательства, которым урегулированы вопросы деятельности избирательных комиссий. Вместе с тем, правоприменительная практика по данному вопросу требует внесения в него правовой определенности в целях исключения принятия уполномоченными органами неправомερных решений. [1]

Проблема заключается в том, что антикоррупционное законодательство и избирательное законодательство, регулирующее деятельность избирательных комиссий, не всегда полностью согласуются между собой. Это создает неопределенность в правоприменительной практике и может привести к принятию уполномоченными органами неправомερных решений.

В связи с этим, возникает острая необходимость выработать единую правовую позицию по ряду вопросов, касающихся потенциального конфликта интересов в избирательных комиссиях. В частности, необходимо определить, порождают ли конфликт интересов следующие ситуации при которых:

в состав одной избирательной комиссии включены лица, являющиеся между собой родственниками, в том числе близкими;

в состав участковой избирательной комиссии включены лица, являющиеся родственниками члена (членов) формирующей ее территориальной избирательной комиссии;

в состав избирательной комиссии включены лица, работающие в одной организации в непосредственном подчинении у председателя соответствующей избирательной комиссии.

Разрешение этих вопросов имеет ключевое значение для обеспечения прозрачности и честности избирательного процесса, а также для укрепления доверия граждан к институту выборов. Четкое понимание того, какие ситуации могут быть расценены как конфликт интересов, позволит избежать субъективизма при принятии решений и гарантировать соблюдение принципов беспристрастности при организации и проведении выборов. Избирательная комиссия Республики Дагестан призывает к совместной работе по выработке единых подходов и разъяснений, которые будут способствовать совершенствованию правоприменительной практики в сфере противодействия коррупции в избирательных органах.

Для достижения этой цели необходимо провести комплексный анализ действующего законодательства, судебной практики и разработать соответствующие методические рекомендации или разъяснения. Важно учитывать, что избирательные комиссии, будучи органами, обеспечивающими реализацию конституционных прав граждан на участие в управлении делами государства, должны функционировать с максимальной степенью прозрачности и объективности.

Рассмотрим предложенные ситуации с точки зрения потенциального конфликта интересов:

Включение в состав одной избирательной комиссии лиц, являющихся между собой родственниками: Наличие родственных связей между членами одной избирательной комиссии может создавать предпосылки для принятия решений, основанных не на объективной оценке ситуации, а на личных или семейных интересах. Это может проявляться в лоббировании интересов отдельных кандидатов или партий, в оказании давления на других членов комиссии, или в создании ситуаций, когда один родственник, будучи в меньшинстве, вынужден подчиниться воле другого. Родственные связи, безусловно, являются фактором, способствующим возникновению личной заинтересованности. Поэтому, даже если прямого нарушения закона нет, такая ситуация может рассматриваться как потенциальный конфликт интересов, требующий мер по его предотвращению или урегулированию, например, путем уведомления

вышестоящей комиссии или самоотвода от участия в принятии определенных решений.

Включение в состав участковой избирательной комиссии лиц, являющихся родственниками члена (членов) формирующей ее территориальной избирательной комиссии: Эта ситуация также несет в себе риски возникновения конфликта интересов. Член ТИК, формирующей УИК, может оказывать влияние на процесс формирования состава УИК, в том числе путем продвижения кандидатур своих родственников. В последующем эти родственники, будучи членами УИК, могут действовать в интересах своего родственника-члена ТИК, что может исказить результаты выборов на уровне УИК. Здесь конфликт интересов проявляется на этапе формирования комиссии и может иметь последствия в дальнейшей ее деятельности. Очевидно, что в избирательном законодательстве механизмы, позволяющие выявить и предотвратить такое влияние на этапе формирования комиссий, недостаточны, а потому требуется разработка дополнительных мер, например, в виде рекомендаций по недопущению назначения родственников членов ТИК в формируемые ими УИК. (такие строгие рекомендации в нашей работе имеются, но они негласные (неформальные))

Включение в состав избирательной комиссии лиц, работающих в одной организации в непосредственном подчинении у председателя соответствующей избирательной комиссии: данная ситуация создает явную служебную зависимость, которая может привести к конфликту интересов. Лица, находящиеся в непосредственном подчинении у председателя, могут испытывать давление или опасаться негативных последствий для своей профессиональной деятельности в случае несогласия с позицией председателя. Это может привести к тому, что решения комиссии будут приниматься не на основе объективных критериев, а под влиянием воли председателя, что нарушает принцип коллегиальности и беспристрастности. В данном случае, помимо потенциального конфликта интересов, могут возникать и другие нарушения, связанные с соблюдением трудового законодательства и принципов независимости членов избирательных комиссий.[3]

Предотвращение и урегулирование конфликта интересов в избирательных комиссиях — важная задача для обеспечения прозрачности и честности выборного процесса. И для решения данной задачи целесообразным являются следующие правовые и организационные меры, которые могут быть применены в описанных ситуациях:

Правовые меры:

- Принятие и соблюдение законов, регулирующих конфликты интересов, которые бы четко определяли, кто не может быть членом избирательной комиссии.

- Принятие внутренних регламентов, обязывающих членов комиссий декларировать свои родственные и служебные связи на этапе назначения.

- Разработка кодексов поведения, которые бы обязывали членов комиссий действовать в интересах общества, а не личных или семейных интересов.

- Запрет на назначение членов комиссии, являющихся родственниками друг другу, а также родственниками членов вышестоящих комиссий, чтобы избежать ситуации предвзятости.

Организационные меры:

- Публикация списков всех назначенных членов комиссий с указанием их профессиональной и личной информации, чтобы общественность могла отслеживать и выявлять потенциальные конфликты интересов.

- Проведение регулярных тренингов для членов избирательных комиссий о конфликтах интересов, их последствиях и методах предотвращения.

- Усилить контроль за процессом формирования избирательных комиссий, в том числе путем публичного обсуждения кандидатур и предоставления информации о возможных родственных связях.

- Создание независимых органов или наблюдательных советов, которые будут контролировать работу избирательных комиссий и проверять наличие конфликта интересов.

- Установление правил о том, что член избирательной комиссии не может участвовать в голосовании по вопросам, которые касаются его родственников или лиц, с которыми он работает.

- Введение санкций для членов комиссий, которые допустили конфликты интересов или не сообщили о них.

Важно подчеркнуть, что углубление цифровой трансформации, прогресс технологий и расширение использования электронного голосования способны значительно трансформировать работу избирательных комиссий. Это может существенно сократить коррупцию и устранить конфликты интересов в ходе выборов.

Тем не менее, данный переход подразумевает тщательную разработку технологичных решений, которые обеспечат защиту персональных данных избирателей, предотвратят кибератаки и обеспечат высокий уровень надежности систем.

Конфликт интересов в работе избирательных комиссий является серьезным вызовом для демокра-

тических процессов в Республике Дагестан. Выработка единой правовой позиции по этому вопросу позволит укрепить антикоррупционные меры и повысить доверие граждан к выборам. Рекомендуется создание многослойной системы контроля и ответственности, которая будет способствовать формированию честной и прозрачной избирательной практики.

Литература

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

2. Федеральный закон от 12 июня 2022 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

3. Акунченко, Е. А. Предупреждение и регулирование конфликта интересов в избирательном процессе: вопросы унификации понятийно-категориального аппарата / Е. А. Акунченко // Вестник Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. — 2023. — № 793–799.

Application of anti-corruption legislation in the activities of electoral commissions in the Republic of Dagestan: conflict of interest and legal position

Dibirov M.T., Magomedova Z.U.

Dagestan State University

The article discusses current issues related to the application of anti-corruption legislation in the activities of electoral commissions in the Republic of Dagestan, emphasizing the problem of conflicts of interest. It examines situations where family members and individuals working in the same organization are included in electoral commissions. The consequences of such practices for the legitimacy of elections and the need for a unified legal stance are also discussed.

Keywords: anti-corruption legislation, electoral commissions, conflict of interest, election transparency, election monitoring, public observation.

References

1. Federal Law of December 25, 2008, No. 273-FZ "On Counteracting Corruption"
2. Federal Law of June 12, 2022, No. 67-FZ "On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendums for Citizens of the Russian Federation."
3. Akunchenko, E. A. Prevention and Regulation of Conflicts of Interest in the Electoral Process: Issues of Unifying the Conceptual and Categorical Apparatus / E. A. Akunchenko // Journal of the Siberian Federal University. Humanities. — 2023. — No. — P. 793 - 799.

Причины возникновения тоталитаризма и признаки неототалитаризма в Европе в XXI веке

Чувикин Сергей Геннадьевич

Соискатель кафедры социологии, Липецкий государственный технический университет, vtumane14919@mail.ru

Материалы, содержащиеся в статье, касаются детального изучения европейского правящего класса. Под маской миролюбивых либерал-демократов скрыты алчность и двойные стандарты. «Выведение на свет» такой политики может помочь разобраться простому обывателю и лицам, интересующимся данной проблемой, какой политический строй представляет собой правящий класс в ЕС. В статье подробно рассмотрены понятия «тоталитаризм» и «неототалитаризм», а также определены их характерные черты, присущие странам с таким политическим режимом. Детально рассмотрены причины возникновения «неототалитаризма», а также характерные признаки «неототалитарного режима». Приведены некоторые исторические примеры возникновения и прихода к власти нацистов в Германии после Первой мировой войны. В статье подвергнут сомнению либерально-демократический режим, который якобы установился в странах ЕС. В ходе анализа предположено, что в странах ЕС либерально-олигархический политический режим, который явно не расположен исполнять волю большинства населения стран ЕС.

Исследованы отношения стран Евросоюза с Российской Федерацией и причины их ухудшения. Одной из причин является конкуренция в поставках энергоносителей в страны Евросоюза. Для ограничения поставок газа из России США могут пойти на крайние меры, вплоть до развязывания войны.

Ключевые слова: Европейский союз (ЕС), тоталитаризм, неототалитаризм, НАТО, США, демократия, либерально-олигархический режим.

Введение

На исходе первой четверти XXI века становится очевидно, что страны западной Европы, входящие в Евросоюз, склоняются к политическому режиму, близкому к тоталитарному. По мнению автора, им не хватает лишь лидера, который мог бы возглавить этот союз государств. В настоящее время есть все компоненты для прихода к власти такого лидера. Если подвергнуть анализу складывающуюся неблагоприятную политическую обстановку в отношениях со странами, не входящими в «западную коалицию», и в первую очередь с Россией, так как страны Евросоюза напрямую связаны с поставками вооружения украинскому режиму, осевшему в Киеве, то можно сделать вывод, что в экономическом плане из-за недостатка или же из-за высокой цены на энергетические ресурсы положение Евросоюза на мировой арене будет только ухудшаться. К тому же, если учитывать возникшие разногласия с таможенными тарифами самым близким союзником США по НАТО и т.д., то положение стран Евросоюза только ухудшится. Для наиболее полного изучения возникающих угроз России со стороны запада и с возможным установлением в Евросоюзе режима, схожего с тоталитарным, необходимо тщательно изучить и проанализировать возможность возникновения такой проблемы.

На основе результатов анализа Европейского союза и его политического устройства рекомендуется его дальнейшее изучение.

Целью статьи определен теоретический анализ политического режима, действующего в рамках стран, входящих в Евросоюз.

Основная задача данной работы – установить возможные факторы, которые могут повлиять на действующий политический строй в Евросоюзе и скатывание (регресс) его к тоталитарному политическому режиму.

Задачи были сформулированы следующим образом:

1. Раскрыть подходы к понятиям «тоталитаризм» и «неототалитаризм». Определить характерные черты и отличительные признаки.
2. Охарактеризовать систему взаимодействия стран Евросоюза.
3. Выявить причины противоречий взаимодействия Евросоюза с Российской Федерацией.

Методы исследования включали: обзор научной литературы отечественных и зарубежных авторов по исследованию указанной проблемы, а также методы: описательный, сравнительный методы и метод сопоставительного анализа, структурный анализ, метод анализа и синтеза.

Материалы данной статьи могут быть использованы в стратегическом планировании органами государственной власти, а также лицами широкого круга обывателей, интересующимися данной тематикой.

Определение понятия «тоталитаризм» и «неототалитаризм», их характерные черты и отличительные признаки

Еще в прошлом веке в странах Европы преобладали традиционные ценности, христианские верования еще не были подвергнуты отмене. В храмах проводились мессы, в Рождество отмечали рождение Иисуса Христа. Сейчас все это в прошлом. В XXI веке это просто веселый праздник украшенных елок, главным персонажем которого является Санта Клаус, раздающий всем подарки. В Голландии в декабре 2023 года в церкви открыли ледовый каток [2]. Европа, априори относящая себя к Западному миру, цивилизация которой проросла из течения Христианства западного толка (сначала католицизм, а затем Кальвинизм и Лютеранство), начала отвергать все принципы и догмы христианской веры. Смена пола и заключение однополых браков стали нормой. Гегель в своем трактате «Философия права» писал: «...государство рассматривается таким образом, лишь как учреждение, предотвращающее зло. Стихия высшей духовности в себе и для себя истинного вынесена, таким образом, в качестве субъективной религиозности или теоретической науки за пределы государства, на долю которого в качестве в себе и для себя несведущего в данной области остается лишь выражение почтения, и нравственное в собственном смысле совершенно устраняется из его ведения» [3 с. 370].

Начиная с детского сада, детей приучают к тому, что они сами могут выбрать себе пол. В Европе сегодня это называется «ценностью» и занесено в анналы свободы. У родителей обируют детей, которые против таких «ценностей», всячески дискредитируют и подвергают штрафам и гонениям [4]. Если при режиме Гитлера за такую свободу можно было оказаться в газовой камере, то в современных реалиях совсем наоборот. Если ты выступаешь за трансгендерное равенство, то ты как бы получаешь защитный тотем, а если против, то ничего хорошего ожидать не приходится. Такой расклад только усугубляется, и чтобы получить индульгенцию, необходимо признать наличие множества полов. Этот феномен можно назвать «неототалитаризмом».

Если рассматривать с традиционной точки зрения, то «Тоталитаризм» – «...общественно политический строй, характеризующийся всеобъемлющим деспотическим вмешательством авторитарно-бюрократического государства во все проявления жизни общественного организма и жизнь отдельных личностей» [5 с. 486], а «Тоталитарный режим» – «...это разновидность антидемократического политического режима, которая характеризуется полным контролем государства над всеми сферами жизни общества, ограничением прав личности. Общество

практически полностью отчуждено от политической власти, но оно не осознает этого, ибо в политическом сознании формируется представление о «единстве», «слиянии» власти и народа. Монопольный государственный контроль над экономикой, средствами массовой информации, культурой, религией и т.д. вплоть до личной жизни, мотивов поступков людей» [6 с. 145].

Навязывая гражданам стран Евросоюза эти новые «ценности» путем пропаганды гей-браков и тому подобное, политики этих стран должны отдавать себе отчет в том, к чему могут привести такие решения в будущем. Еще одна молодая ученая из Финляндии Эмилия Аманда Салминен описывает европейскую идентичность таким образом: «...поэтому европеизм начал формироваться гораздо больше через то, что он значит в отношении Других. Эта форма конструирования европеизма осуществляется через процесс инклюзии и эксклюзии. Границы Я проводятся через то, чем Я не является - Другим. Европейский Союз (ЕС) изучался с точки зрения теорий расширения и интеграции в связи с правами Лесбиянок, Геев, Бисексуалов и Трансгендеров (ЛГБТ³¹). Для ясности, расширение ЕС можно рассматривать как процессы, ведущие к тому, чтобы стать государством-членом ЕС (ГЧ), там же «...евроинициация часто рассматривается как необходимый инструмент для осуществления европейского расширения и интеграции - она еще больше укоренилась в формировании идентичности ЕС и конструкции европейскости. ЕС все чаще воспринимается как «защитник прав ЛГБТ¹», что стало более интегрированным в то, что рассматривается как внутренняя и внешняя часть идентичности ЕС или европейскости» [7].

В письме от имени Председателя Еврокомиссии польской активистке в области ЛГБТИ+³² содержится следующая информация: «...позвольте мне заверить вас, что Европейская комиссия решительно осуждает любую дискриминацию, насилие и ненависть в отношении представителей и активистов сообщества ЛГБТИ+². Дискриминация в отношении представителей ЛГБТИ+² является нарушением учредительных договоров Союза. Ей нет места в Европейском Союзе. Ценности и основные права ЕС должны соблюдаться всеми без исключения государствами-членами ЕС и государственными органами. Рад сообщить вам, что Комиссия примет Стратегию по обеспечению равенства ЛГБТИ+² в 2020 году, которая будет включать конкретные действия по продвижению равенства ЛГБТИ+² в Европейском Союзе к 2025 году» [8].

Дискриминация по языковому признаку становится особенно актуальной в прибалтийских странах. Они все входят в Европейский союз. Русский язык там практически запрещен. Одна видная прибалтийская ученая, которая работает в университетах как в Литве, так и в Эстонии, Моника Орехова, в своей докторской диссертации пишет - «...это не

³¹ В России действует закон, запрещающий пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений (ЛГБТ).

³² В России действует закон, запрещающий пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений (ЛГБТИ+).

только привело к социальным конфликтам после независимости в 1991 году, но и обеспечило восприятие русского как языка угнетателя и, следовательно, языка как возможного инструмента угнетения. Многочисленные исследования показали, что и по сей день высшие учебные заведения в Балтийских странах фактически не взаимодействуют с русским языком. Учитывая, что русификация во времена Советского Союза иногда маскировалась под «интернационализацию», и более желанные образовательные возможности были доступны только тем, кто владел русским, сравнения, проводимые в обеих странах, не удивительны» [9].

Согласно декларации ООН №47/135 «О правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным или языковым меньшинствам», от 18 декабря 1992 года, в ст.1 п. 1, «...Государства охраняют на их соответствующих территориях существование и самобытность национальных или этнических, культурных, религиозных и языковых меньшинств и поощряют создание условий для развития этой самобытности» [10]. Выходит так, что страны, входящие в Европейский союз, поощряют дискриминацию меньшинств по языковому признаку. Русский язык де-факто запрещен на всей территории Украины. Хотя эта страна не входит в Европейский союз, но всячески стремится туда попасть и заявляет о себе, что она является Европейской страной и соблюдает права всех меньшинств, проживающих на ее территории.

Исходя из изложенного, можно прийти к выводу, что «Неототалитаризм» – это либерально-олигархическая политическая власть, тотально контролирующая все аспекты семейных и общественных отношений по трансгендерному несовпадению и навязыванию традиционному обществу связи сексуальных меньшинств, дискриминация по национальному и языковому признакам, а также запрет на деятельность представителей средств массовой информации с альтернативной (несовпадающей) точкой зрения на процессы, происходящие в государстве.

В процессе исследования установлены характерные признаки неототалитарного режима:

- Правящая элита преследует цель безоговорочного подчинения всех прочих политических структур общества.

- У общественного большинства полностью отсутствует избирательное право в отношении правящей олигархической элиты.

- Олигархическая правящая элита всячески старается подчеркнуть, что она придерживается либеральных взглядов, чтобы у общественности не возникло сомнения, что элита на их стороне.

- Принятие экономических решений, противоречащих здравому смыслу, так как элита преследует политические цели, а не рациональную и целесообразную перспективу.

- Правящая элита формируется в кулуарах формальным способом, без участия демократического большинства.

- Партия как таковая может отсутствовать вовсе, так как элита может формально принадлежать какой угодно партии, любых взглядов и форм.

- Фактическая неподсудность правящей элиты из-за сращивания капитала, принадлежащего этой олигархической элите, с представителями высших судебных органов.

- Высмеивание традиционных религий, публичное глумление над чувствами верующих.

Характеристика взаимодействия стран Евросоюза

В начале XX века после Первой мировой войны на благоприятную почву упало зерно тоталитаризма в лице Гитлера в Германии. Откуда же взялась эта «благоприятная» почва, на которой возрос самый кровожадный диктатор в мире? После войны Германия должна была заплатить странам Антанты репарации, а также вся торговля Германии была, по сути, заблокирована странами-победителями. В Германии началась гиперинфляция, которая не давала дышать экономике, разрушенной войной: «...национального дохода Германии явно не хватало, чтобы умиротворить кредиторов дома и за рубежом, но истине кошмарного исхода можно было бы избежать. Увы гордость слишком многих немцев не позволила тем признать поражение своей империи, и упорство перед лицом остального мира наложило на внутренние трудности, приведя к худшему – крушению национальной валюты, а вместе с ней и всей экономики» [11 с. 120]. В то же время националистические группировки в Германии начали свое восхождение: «...наконец, 24 июня 1922 г. министр иностранных дел Вальтер Ратенау был убит группировкой правого крыла. Ратенау, несмотря на некоторые из своих крайне воинственных речей, был одним из немногих немецких политиков, кому доверяли союзники и кто имел значительную поддержку на родине. Если и был кто-то, кто мог бы посодействовать заключению договора с Комиссией по репарациям и добиться его одобрения в рейхстаге, то это был Ратенау. Очевидно, что такой исход событий также является иллюстрацией угрозы национализма и экстремистского популизма, который навис над Германией» [12 с.105]. В результате таких «мероприятий» в германском обществе стали назревать националистические настроения и чувства реванша за проигрыш в воне. Все дальнейшие исторические события, происходившие сто лет назад, хорошо изучены человечеством. Нас в большей степени интересуют события, которые разворачиваются в странах Евросоюза на современной «почве», которую они всячески удобряют для восхождения нового диктатора и угрозы всему человечеству. К этому есть определенные предпосылки. Одна из них – миграция из исламских стран, затронутых бедностью и нескончаемыми войнами, развязанных, в том числе, странами Запада. Эти мигранты, по большей части, молодёжь, которая в основной своей массе проживает на выделяемое пособие и не желает интегрироваться в чуждую для их мировоззрения культуру запада. В то же время гражданам стран Евросоюза становится неуютно проживать в своих городах, в которых они жили столетиями, из-за угрозы насильственных действий со стороны все больше прибывающих мигрантов. Американский профессор международных

отношений Элазар Баркан пишет: «...в то же время растет обеспокоенность распространением в Европе «ваххабизма»³³ - пуританского и ультраконсервативного течения ислама, которое часто обвиняют в разжигании нетерпимости и призывах к экстремистскому насилию против «неверных» по всему миру. Его догмат основан на идее очищения ислама от любых нововведений, практик и влияний, отклоняющихся от древнего учения Пророка Мухаммеда. Считается, что его привлекательность для определенных групп в мусульманских общинах Европы подрывает более просвещенное и умеренное выражение евроислама, тем самым отдаляя мусульман от европейского общества и снижая перспективы их эффективной интеграции» [13].

Бывший еврочиновник Адриенн Тот-Ференци в своей докторской диссертации пишет: «...первые концепции и идеи, направленные на объединение Европы на идеологической или основе общих ценностей, восходят к концу позднего Средневековья. Не стремясь составить исчерпывающий список, можно упомянуть Генриха IV, короля Франции, который мечтал о Конфедерации христианской Европы. Другие примеры включают Шарля-Иринья Кастеля де Сен-Пьера и его работу «Европа, план мира», которая вдохновила Иммануила Канта на написание философского эссе о вечном мире, или Виктора Гюго, который предполагал европейское сотрудничество в своей работе «Рейн», где видел франко-германское партнерство как опору мира в Европе и «изложил свою концепцию семейной идеи Соединенных Штатов Европы» [14].

Раймунд Баер: «...нет смысла искать Европу, которая уже определена как сообщество свободных и равных людей в рамках идеологии, основанной на верованиях в расовое неравенство и право сильного. Делая это все равно и приходя к неизбежному выводу о «Анти-Европе», мы в конечном итоге риторически исключаем возможность более дифференцированного взгляда, тем самым стирая целый период истории Европы. Следовательно, последующий отказ от Нового Порядка как простой пропаганды и отказ видеть что-либо «Европейское» в планировании и политике национал-социалистов могут легко привести к интерпретации «Третьего Рейха» как изолированной аномалии в предположительно последовательной истории успеха, которая culminated в «реальной европейской идее», материализующейся в «реальной европейской политике», а именно в Европейском Союзе» [15].

Финская ученая Кэтия Энн Сиклюна пишет о Европе следующее: «...генерал Шарль де Голль (1890 – 1970) знаменит тем, что определил территорию Европы как простирающуюся от Атлантического океана до Уральских гор, однако прохождение вдоль восточного периметра Европы тем не менее выявляет неясность, с какой стороны евразийского континента находятся многие из этих географических пространств. Нации на периферии географиче-

ской Европы остаются в состоянии неопределенности между географической принадлежностью, часто рассматриваясь лишь как маргинально европейские. Таким образом, в то время как обнаружить, где начинается Европа, задача обычно несложная, определить, где она заканчивается, уже не так просто» [16].

Все страны Евросоюза подчеркнуто заявляют, что у них самый продвинутый и благоприятный политический режим для существования человека в мире. Этот режим они называют либерально-демократическим. Чтобы разобраться с термином «демократия», нам понадобится обратиться к первоисточнику, т.е. к труду древнегреческого ученого Аристотеля. В своем великом труде «Политика» Аристотель писал: «...демократию не следует определять, как это обычно делают некоторые в настоящее время, просто как такой вид государственного устройства, при котором верховная власть сосредоточена в руках народной массы, потому что и в олигархиях, и вообще повсюду верховная власть сосредоточена в руках немногих. Положим, что государство состояло бы всего-навсего из тысячи трехсот граждан; из них тысяча были бы богачами и не допускали к правлению остальных трехсот бедняков, но людей свободнорожденных и во всех отношениях подобной той тысячи. Решится ли кто-нибудь утверждать, что граждане такого государства пользуются демократическим строем?» [17 с.166].

Европейская Комиссия фактически принимает решения от лица всех членов Евросоюза: «...Европейская комиссия — это политически независимое исполнительное звено ЕС. Она единолично отвечает за разработку предложений по новому европейскому законодательству и реализует решения Европейского парламента и Совета ЕС», там же «...Кандидата на пост председателя Европейской комиссии выдвигают национальные лидеры в Европейском совете с учётом результатов выборов в Европейский парламент. Для избрания им необходимо заручиться поддержкой большинства членов Европейского парламента» [18]. Освальд Шпенглер писал о Европейской политике следующее: «...поэтому собственно говоря, существует лишь одна партия, партия буржуазии, либеральная, и, надо сказать, этот свой ранг она вполне осознает. Она приравнивает себя к «народу». Ее противники, прежде всего подлинные сословия, «баре и попы», являются врагами и предателями «народа» как такового, ее голос – «глас народа», который вдалбливается этому последнему всеми средствами политической обработки – речами на форуме, прессой на Западе, с тем чтобы затем от его имени выступать» [19. с. 647]. По сути, такое избрание ведет к олигархии, а не к демократии, так как политические решения на международном уровне от лица ЕС принимают 27 членов еврокомиссии. Под какой политический строй подпадает такое устройство ЕС? Несложно прийти к выводу, что такой строй является

³³ Религиозно-политическое течение деятельность, которой запрещена на территории РФ.

олигархическим, его также можно назвать «либерально-олигархическим». Итак, весь состав Европейской Комиссии является, по сути, политическим истеблишментом (элитой) и представляет собой либерально-олигархическую надгосударственную пристройку, у которой есть единоличное право принимать политические решения, обязательные для исполнения странами внутри ЕС.

Томас Гоббс на эту тему писал следующее: «...если представителем является один человек, тогда государство представляет собой монархию; если собрание всех, кто хочет участвовать, тогда это демократия, или народоправство; а если верховная власть принадлежит собранию лишь части горожан, тогда это аристократия. Других видов государства не может быть, ибо или один, или многие, или все имеют верховную власть целиком», там же «...в книгах по истории и политике мы находим и другие названия форм правления, как тирания и олигархия. Однако это не названия других форм правления, а выражения порицания перечисленным формам. В самом деле, те кто испытал обиду при монархии, именуют ее тиранией, а те, кто недоволен аристократией, называют ее олигархией» [20 с.184].

В. Ленин изложил свое видение о Европейской олигархии следующее: «... заметим, что представители буржуазной немецкой – да и не одной немецкой – науки, как Риссер, Шульце-Гевеверниц, Лифман и пр., являются сплошь апологетами империализма и финансового капитала. Они не вскрывают, а затушевывают и прикрашивают «механику» образования олигархии, ее приемы, размеры ее доходов, «безгрешных и грешных», ее связи с парламентами и пр. и т.д.» [21 с. 66].

Причины противоречий взаимодействия Евросоюза с Российской Федерацией

В последнее десятилетие страны Евросоюза настроены вести ярко выраженную антироссийскую политику. С майдана, прошедшего на Украине в 2014 году, страны Евросоюза решили встать на сторону «демократической Украины» и постепенно стали вводить санкции за неугодную Западу политику, проводимой Россией. Если посмотреть хронику событий, начиная с девяностых годов XX века непосредственно после развала СССР, то очевидно, что политики и не только европейских стран смотрели свысока на Россию и ее непростое существование в то время.

В феврале 2022 года, после начала Россией СВО, отношения со странами ЕС резко ухудшились. Практически все страны Евросоюза, кроме Венгрии и Словакии, выбрали конфронтационную политику в отношении нашей страны и заявили о нанесении ей стратегического поражения. Агрессивные меры, принимаемые Европейской комиссией, направлены не только в отношении Российской Федерации, но и на третьи страны. Так, в Решении Совета (ЕС) 2025/149418 июля 2025 года о внесении изменений в Регламент (ЕС) № 833/2014, касающийся ограничительных мер в связи с действиями России, деста-

билизирующими ситуацию на Украине, в п. 5 сказано, что «...решение (CFSP) 2025/1495 дополняет список юридических лиц, организаций или органов, указанный в Приложении IV к Решению 2014/512/CFSP, а именно список лиц, организаций и органов, поддерживающих российский военно-промышленный комплекс в его агрессивной войне против Украины, более строгими экспортными ограничениями в отношении товаров и технологий двойного назначения, а также товаров и технологий, которые могут способствовать технологическому совершенствованию российского сектора обороны и безопасности. Решение (CFSP) 2025/1495 также включает в этот список некоторые организации в третьих странах, помимо России, которые косвенно способствуют укреплению военного и технологического потенциала России, тем самым позволяя обходить экспортные ограничения, в том числе в отношении беспилотных летательных аппаратов» [22].

Запрет поступления в страны Евросоюза энергоносителей из России, фактическое закрытие проекта газопровода в 2014 году «Южный поток», подрыв в 2022 году трубопровода «Северный поток», отсутствие поступления газа через территории Польши и Украины отразилось на промышленности ЕС не лучшим образом. В связи с высокими ценами на альтернативные российским энергоносители, автостроительные и другие промышленные гиганты приняли решение перенести свое производство в США. Европа под влиянием США готова полностью запретить энергоносители из РФ. Как сообщает сайт газеты «Известия» 27 июля 2025 года, «...США и Евросоюз (ЕС) договорились о торговой сделке, заявил американский президент Дональд Трамп после встречи с главой Еврокомиссии (ЕК) Урсулой фон дер Ляйен в Шотландии. Отмечается, что Евросоюз согласился приобрести американские энергоносители на сумму \$750 млрд и инвестировать еще \$600 млрд в экономику Соединенных Штатов» [23]. С годами ничего не меняется, огромный капитал побеждает здравый смысл. Так, американский нефтяной магнат Джон Рокфеллер подчеркивал еще в XIX веке: «...керосин нашей компании постоянно борется с русским керосином, угрожающим захватить европейские рынки», там же: «...в конце 1890-х годов Россия вырвалась вперед по добыче нефти. На своем экстренном совещании правление корпорации Standard Oil постановило приступить, к «немедленным и решительным действиям», чтобы «остановить русское наступление». Во всех странах Европы появились филиалы Standard Oil, противодействующие продвижению русского продукта» [24 с. 114, 124].

Политика двойных стандартов, которой следуют Западные страны, ярко выражена. В принятии своих решений и действиях они руководствуются исключительно своими интересами. Их абсолютно не интересуют озабоченность стран, с которыми могут пересекаться политические и экономические интересы. Американский ученый, политолог Самюэль Хантингтон в 1990-х годах писал: «...также в 1995 году Россия обвинила НАТО в «геноциде» в отношении сербов, а президент Ельцин предупредил, что

продолжение бомбардировок коренным образом скажется на сотрудничестве России с Западом, включая ее участие в программе НАТО «партнерство во имя мира». «Как мы можем заключать соглашение с НАТО», - спрашивал он, когда НАТО бомбит сербов?» Запад, очевидно, использовал двойные стандарты: «Почему тогда, когда нападают мусульмане, против них не предпринимают никаких действий? Или, когда нападают Хорваты?» [25 с. 509].

Министр иностранных дел России Сергей Лавров на выступлении в Каракасе 18 апреля 2023 года заявил: «...США и их союзники неслучайно изобрели новый термин. Они говорят не «международное право», а «миропорядок, основанный на правилах». А какие они? Если был референдум в Крыму, то они не признают его результатов. Если без всякого референдума Косово объявило независимость и Международный суд ООН сказал, что это можно делать без согласия центральных властей, то это Запад устраивает. Недавно Дж. Клеверли, возглавляющего внешнеполитическое ведомство Великобритании, спросили о том, что происходит на Фолклендских островах, не надо ли договариваться с Аргентиной. Он сказал: зачем? Ведь там был референдум. Они выбрали судьбу быть вместе с британской короной. Три примера. Абсолютно разные стандарты, двойные, тройные, характеризующие, по сути, позицию Запада по любой проблеме, мало-мальски важной для современных международных отношений» [26].

Заключение

В ходе анализа материала, изложенного в данной статье, можно прийти к выводу, что страны, входящие в Евросоюз, сами практически не принимают политических решений, связанных с внутренней и внешней политикой. Все решения принимаются Европейской комиссией, состоящей из 27 членов, включая главу этой комиссии. Такой политический строй можно отнести к либерально-олигархическому, деятельность которого выражается в термине «Неототалитаризм». Некоторые страны все же пытаются сопротивляться этой внутренней политике ЕС, но, как показывает практика, это не приводит к смягчению требований комиссии. Также в ходе анализа установлено, что деятельность стран ЕС может привести к приходу к власти лидера, который не будет «терпеть» унижения со стороны США, а напротив, попытается милитаризовать общество и подготовить его к очередной войне с Россией, так как только Россия обладает всеми дешевыми энергетическими ресурсами в мире.

Литература

1. Гёте, Иоганн Вольфганг Фауст/ Иоганн Вольфганг Гёте ; перевод с немецкого Б.Л. Пастернака, Н. Г. Касаткиной. – Москва : Эксмо, 2015. – 672 с. Текст : непосредственный.
2. Официальный сайт новостного канала «Правда». Текст : электронный. – URL: <https://newspravda.com/world/2023/12/30/244354.html>

3. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Георг Вильгельм Фридрих Гегель ; перевод с немецкого Б. Стоппнера. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023 . – 480 с. Текст : непосредственный. Текст : непосредственный.

4. Официальный сайт Казахского новостного канала «Isiam.Kz». Текст : электронный. – URL: <https://islam.kz/ru/news/v-mire/v-frg-mladentsa-otnyali-u-roditelei-musulman-i-otdali-gomoseksualistam-17298/#gsc.tab=0>

5. Философский словарь / под редакцией И.Т. Фролова. _ 5-е издание – Москва Политиздат, 1986. – 590 с. Текст : непосредственный.

6. Юридический энциклопедический словарь / под редакцией А.В. Малько. – 2-е издание – Москва : Проспект, 2023. – 1136 с. Текст : непосредственный.

7. Салминен Эмилия Аманда Права ЛГБТ под угрозой в Европейском Союзе: оформление европейскости как процесса других в транснациональных медиа / Эмилия Аманда Сальминен, Университет Хельсинки, 2022, с.1-2.

8. Официальный сайт Европейского Союза, ответ Европейской Комиссии. Текст : электронный. – URL:

https://commission.europa.eu/document/download/b2e011c1-5389-42a0-b512-f8fba02f781d_en?filename=reply_dg_just_petition_are_s20203344744_en.pdf

9. Орехова Моника Концептуальное развитие интернационализации высшего образования в (Восточной) Европе с 1990 по 2020 годы: случай Литвы и Эстонии / Моника Орехова, Вильнюс 2025, с.170.

10. Официальный сайт «Гарант», Текст : электронный. – URL:

<https://base.garant.ru/2541107/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/>

11. Фергюсон, Н. Восхождение денег / Найл Фергюсон ; перевод с английского А. Коляндра, И. Файбисовича. – Москва : Астрель: CORPUS. 2010 – 431 с. Текст : непосредственный.

12. Далио, Рэй Большие долговые кризисы. Принципы преодоления / Рэй Далио; перевод с английского Виктории Френч, - Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 496 с. Текст : непосредственный.

13. Баркан Элазар Интеграция мусульман в Европе: стереотипные взгляды и документированные факты / Элазар Баркан, Колумбийский университет, 2016, с. 51-52.

14. Тот-Ференци Адриенн Реализм власти против нормативного институционализма в совете Европы / Адриенн Тот-Ференци, Университет Корвину в Будапеште, Budapest, 2022, с.52.

15. Баер Раймунд Национал-социалистические представления о Европе и их осуществление во время Второй мировой войны / Раймунд Баер , Университет Лаффборо, 2015, с. 6.

16. Сиклюна Кэтия Энн Определение Европы за пределами геополитических границ / Кэтия Энн Сиклюна, Хельсинки 2023, с.16.

17. Аристотель. Политика / Аристотель ; перевод с древнегреческого С.А. Жебелова. – Москва : Издательство АСТ, 2022. – 384 с. Текст : непосредственный.

18. Официальный сайт Европейского Союза, Европейская Комиссия. Текст : электронный. – URL: https://european-union.europa.eu/institutions-law-budget/institutions-and-bodies/search-all-eu-institutions-and-bodies/european-commission_en

19. Шпенглер О. Закат Западного мира : Очерки морфологии мировой истории : в 2 томах. Том 2 / Освальд Шпенглер ; перевод с немецкого И.И. Маханько. Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2023. – 832 с. Текст : непосредственный.

20. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Томас Гоббс ; перевод с английского А. Гутермана. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 704 с. Текст : непосредственный.

21. Ленин, Владимир Ильич. Империализм, как высшая стадия капитализма / Владимир Ильич Ленин. – Москва : Издательство АСТ, 2022. – 224 с. Текст : непосредственный.

22. Официальный сайт Европейского Союза. Решение Совета. Текст : электронный. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:L_202501494

23. Официальный сайт газеты «Известия», Новости, Текст : электронный. – URL: <https://iz.ru/1927449/2025-07-27/tramp-zaavil-odogovorenosti-mezdu-ssa-i-es-po-torgovoi-sdelke>

24. Рокфеллер, Джон Дэвисон. Как я нажил 500 000 000. Мемуары миллиардера с современными комментариями / Джон Дэвисон Рокфеллер; перевод с английского В.Н. Классон ; предисловие к комментариям Т.А. Мучкиной. – Москва : Издательство АСТ, 2021. – 240с. Текст : непосредственный.

25. Хантингтон, Самюэль Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон ; перевод с английского Т. Велимева. – Москва : Издательство АСТ, 2025. – 640 с. Текст : непосредственный.

26. Официальный сайт МИД РФ. Внешняя политика. Текст : электронный. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1864152/

The causes of totalitarianism and signs of neo-totalitarianism in europe in the 21st century Chuvikin S.G.

Lipetsk State Technical University

The materials contained in the article relate to a detailed study of the European ruling class. Greed and double standards are hidden under the mask of peace-loving Liberal Democrats. The "bringing to light" of such a policy can help the common man in the street and those interested in this problem to understand what kind of political system the ruling class in the EU represents. The article examines in detail the concepts of "totalitarianism" and "neo-totalitarianism", as well as defines their characteristic features inherent in countries with such a political regime. The reasons for the emergence of "neo-totalitarianism", as well as the characteristic features of the "neo-totalitarian regime" are considered in detail. Some historical examples of the rise and rise to power of the Nazis in Germany after the First World War are given. The article questions the liberal democratic regime that has allegedly been established in the EU countries. The analysis suggests that there is a liberal-oligarchic political regime in the EU countries, which is clearly not disposed to fulfill the will of the majority of the EU population.

The relations of the EU countries with the Russian Federation and the reasons for their deterioration are investigated. One of the reasons is the competition in energy supplies to the EU countries. To limit gas supplies from Russia, the United States may take extreme measures, even starting a war.

Keywords: European Union (EU), totalitarianism, neo-totalitarianism, NATO, USA, democracy, liberal-oligarchic regime.

References

1. Goethe, Johann Wolfgang Faust / Johann Wolfgang Goethe ; translated from German by B.L. Pasternak, N. G. Kasatkina. - Moscow : Eksmo, 2015. - 672 p. Text : direct.
2. Official website of the news channel "Pravda". Text : electronic. - URL: <https://news-pravda.com/world/2023/12/30/244354.html>
3. Hegel G.V.F. Philosophy of Law / Georg Wilhelm Friedrich Hegel ; translated from German by B. Stolpner. - St. Petersburg : Azbuka, Azbuka-Atticus, 2023. - 480 p. Text : direct. Text : direct.
4. Official website of the Kazakh news channel "Islam.Kz". Text: electronic. - URL: <https://islam.kz/ru/news/v-mire/v-frg-mladentsa-otnyali-u-roditelemusulman-i-otdali-gomoseksualistam-17298/#gsc.tab=0>
5. Philosophical dictionary / edited by I.T. Frolov. _ 5th edition - Moscow Politizdat, 1986. - 590 p. Text: direct.
6. Legal encyclopedic dictionary / edited by A.V. Malko. - 2nd edition - Moscow: Prospect, 2023. - 1136 p. Text: direct.
7. Salminen Emilia Amanda LGBT rights under threat in the European Union: framing Europeaness as a process of others in transnational media / Emilia Amanda Salminen, University of Helsinki, 2022, p.1-2.
8. Official website of the European Union, response to the European Commission. Text: electronic. - URL: https://commission.europa.eu/document/download/b2e011c1-5389-42a0-b512-f8fa02f781d_en?filename=reply_dg_just_petition_ares20203344744_en.pdf
9. Orekhova Monika Conceptual Development of Internationalization of Higher Education in (Eastern) Europe from 1990 to 2020: The Case of Lithuania and Estonia / Monika Orekhova, Vilnius 2025, p.170.
10. Official website "Garant", Text: electronic. - URL: <https://base.garant.ru/2541107/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/>
11. Ferguson, N. The Ascent of Money / Niall Ferguson; translated from English by A. Kolyandra, I. Faibisovich. - Moscow: Astrel: CORPUS. 2010 - 431 p. Text: direct.
12. Dalio, Ray The Great Debt Crises. Principles of Overcoming / Ray Dalio; translated from English by Victoria French, - Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2021. - 496 p. Text: direct.
13. Barkan Elazar Integration of Muslims in Europe: Stereotypes and Documented Facts / Elazar Barkan, Columbia University, 2016, pp. 51-52.
14. Toth-Ferenczi Adrienne Power Realism versus Normative Institutionalism in the Council of Europe / Adrienne Toth-Ferenczi, Corvinus University of Budapest, Budapest, 2022, p. 52.
15. Baer Raimund National Socialist Visions of Europe and Their Implementation during World War II / Raimund Baer, Luffborough University, 2015, p. 6.
16. Sikluna Katia Ann Defining Europe Beyond Geopolitical Borders / Katia Ann Sikluna, Helsinki 2023, p.16.
17. Aristotle. Politics / Aristotle; translation from ancient Greek by S.A. Zhebelova. - Moscow: AST Publishing House, 2022. - 384 p. Text: direct.
18. Official website of the European Union, European Commission. Text: electronic. - URL: https://european-union.europa.eu/institutions-law-budget/institutions-and-bodies/search-all-eu-institutions-and-bodies/european-commission_en
19. Spengler O. The Decline of the Western World: Essays on the Morphology of World History: in 2 volumes. Volume 2 / Oswald Spengler; translation from German by I.I. Makhankogva. St. Petersburg: Azbuka-Atticus, 2023. - 832 p. Text: direct.
20. Hobbes T. Leviathan, or the Matter, Form, and Power of the Ecclesiastical and Civil State / Thomas Hobbes; translation from English by A. Guterman. - St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2022. - 704 p. Text: direct.
21. Lenin, Vladimir Ilyich. Imperialism, the Highest Stage of Capitalism / Vladimir Ilyich Lenin. - Moscow: AST Publishing House, 2022. - 224 p. Text: direct.
22. Official website of the European Union. Council Decision. Text: electronic. - URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:L_202501494
23. Official website of the Izvestia newspaper, News, Text: electronic. - URL: <https://iz.ru/1927449/2025-07-27/tramp-zaavil-odogovorenosti-mezdu-ssa-i-es-po-torgovoi-sdelke>
24. Rockefeller, John Davison. How I Made 500,000,000. Memoirs of a Billionaire with Modern Commentary / John Davison Rockefeller; translation from English by V.N. Klasson; preface to the comments by T.A. Muchkina. - Moscow: AST Publishing House, 2021. - 240 p. Text: direct.
25. Huntington, Samuel The Clash of Civilizations / Samuel Huntington; translated from English by T. Velimeeva. - Moscow: AST Publishing House, 2025. - 640 p. Text: direct.
26. Official website of the Russian Foreign Ministry. Foreign Policy. Text: electronic. - URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1864152/

Основные аспекты нормативного правового регулирования проверки данных учета и отчетности и получения объяснений, проводимых налоговыми органами

Андрейчук Елена Юрьевна

магистрант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, smolentsevaelena@mail.ru

в статье рассматриваются основные аспекты нормативного правового регулирования проверки данных учета и отчетности и получения объяснений, осуществляемых налоговыми органами, а также применение полученных результатов данных форм налогового контроля.

Ключевые слова: налоговый контроль, налоговые органы, учет, отчетность, уведомление о вызове в налоговые органы для дачи пояснений, статья 82 НК РФ.

Контрольная деятельность налоговых органов не ограничивается исключительно проведением налоговых проверок: камеральных и выездных. Согласно п. 1 ст. 82 Налогового кодекса Российской Федерации (далее - НК РФ) налоговый контроль проводится также посредством:

- осмотра помещений и территорий, используемых для извлечения дохода (прибыли);
- проверки данных учета и отчетности;
- получения объяснений;
- других форм, предусмотренных НК РФ.

При этом, проведение камеральной налоговой проверки регламентируется ст. 88 НК РФ, проведение выездной налоговой проверки - ст. 89 НК РФ, а осмотру помещений и территорий, используемых для извлечения дохода (прибыли), посвящена ст. 92 НК РФ.

Иные формы налогового контроля, такие как проверка данных учета и отчетности и получение объяснений закреплены в отдельных статьях НК РФ не получили.

В данной статье рассмотрим основные аспекты нормативного правового регулирования таких форм налогового контроля как проверка данных учета и отчетности и получение объяснений, осуществляемых налоговыми органами, а также применение полученных результатов данных форм налогового контроля.

Для начала проанализируем закрепление определения данных учета и отчетности, пользователями которых являются налоговые органы, в налоговом и бухгалтерском законодательстве.

Согласно ст. 313 НК РФ налоговый учет - система обобщения информации для определения налоговой базы по налогу на основе сгруппированных данных первичных документов.

Понятие налоговой отчетности законодательно не раскрыто, однако, исходя из определения налогового учета, основной целью ведения которого является определение налоговой базы, можно сделать вывод, что к налоговой отчетности относится налоговая декларация как основной документ, отражающий формирование налоговой базы по налогу.

Согласно ст. 80 НК РФ налоговая декларация представляет собой заявление налогоплательщика об объектах налогообложения, о полученных доходах и произведенных расходах, об источниках доходов, о налоговой базе, налоговых льготах, об исчисленной сумме налога и (или) о других данных, служащих основанием для исчисления и уплаты налога.

Таким образом, налоговый контроль данных налогового учета и формируемой на их основе отчетности (налоговых деклараций) осуществляется налоговыми органами в рамках как камеральных, так и выездных налоговых проверок, которые, как упомянуто выше, имеют четкую регламентацию.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», бухгалтерский учет - формирование документированной систематизированной информации об объектах и составление на ее основе бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Понятие бухгалтерской (финансовой) отчетности дано в ст. 3 данного федерального закона: бухгалтерская (финансовая) отчетность - систематизированная информация о финансовом положении экономического субъекта на отчетную дату, финансовом результате его деятельности и движении денежных средств за отчетный период.

Согласно ст. 18 данного федерального закона в целях формирования государственного информационного ресурса бухгалтерской (финансовой) отчетности (ГИР БО) экономический субъект, на котором лежит обязанность составлять такую отчетность, обязан представлять один экземпляр составленной годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности, а также аудиторское заключение о ней в случае, если указанная отчетность подлежит обязательному аудиту, в налоговый орган по месту нахождения.

Достоверность представленных сведений бухгалтерской отчетности, которые будут находиться в ГИР БО, проверяется налоговым органом по контрольным соотношениям, которые приведены в Письме Федеральной налоговой службы Российской Федерации (далее - ФНС РФ) от 31.07.2019 № БА-4-1/15052@.

Также данные бухгалтерской (финансовой) отчетности используются налоговым органом при расчете налоговой нагрузки. Так, Письмом от 11.02.2019 № БА-4-1/2308@ ФНС РФ сообщила о размещении на сайте nalog.ru сервиса «Налоговый калькулятор по расчету налоговой нагрузки», который позволяет налогоплательщикам, применяющим общий режим налогообложения, сравнить свою налоговую нагрузку. Согласно представленным пояснениям к указанному сервису, при расчете налоговой нагрузки применяется сумма доходов за налоговый период по данным именно бухгалтерской отчетности, без учёта сумм доходов от участия в других организациях.

Кроме того, данные бухгалтерской отчетности, предоставленные налогоплательщиками в налоговые органы, используются налоговыми органами и в иных случаях, например, согласно ст. 64 НК РФ, основанием для предоставления рассрочки уплаты налога, сбора, страхового взноса, пеней, штрафов, процентов является превышение суммы краткосрочных обязательств заинтересованного лица, уменьшенной на величину доходов будущих периодов, над суммой поступлений денежных средств на счета заинтересованного лица в банках за трехме-

сячный период. При этом, величина доходов будущих периодов определяется именно по сведениям представленной в налоговый орган бухгалтерской (финансовой) отчетности на последнюю отчетную дату.

Помимо формирования ГИР БО налоговые органы используют данные бухгалтерской (финансовой) отчетности, предоставленные налогоплательщиками, и в иных случаях. Например, согласно Письму ФНС РФ от 16.07.2013 № АС-4-2/12705, в ходе проведения камеральной налоговой проверки должностное лицо налогового органа, проводящее проверку, проводит взаимоувязку показателей проверяемой налоговой декларации (расчета) и бухгалтерской отчетностью. Законодательно не утверждены контрольные соотношения между показателями бухгалтерской отчетности и налоговых деклараций, однако, из-за их несоответствия, например, суммы выручки по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности с суммой дохода, заявленного в декларации по налогу на прибыль, налоговые органы могут направить требование о представлении пояснений или внесения изменений.

Касательно нормативного и правового регулирования получения объяснений налоговыми органами как формы налогового контроля можно отметить следующее.

Согласно пп. 4 п. 1 ст. 31 НК РФ налоговые органы вправе вызывать на основании письменного уведомления о вызове в налоговые органы налогоплательщиков, плательщиков сборов или налоговых агентов для дачи пояснений в связи с уплатой (удержанием и перечислением) ими налогов и сборов либо в связи с налоговой проверкой, а также в иных случаях, связанных с исполнением ими законодательства о налогах и сборах.

Для этих целей налоговые органы отправляют в их адрес уведомление о вызове в налоговый орган, форма которого приведена в Приложении № 2 к Приказу ФНС РФ от 07.11.2018 № ММВ-7-2/628@, в котором должно быть указано:

- наименование, ИНН вызываемого налогоплательщика;
- наименование, адрес налоговой инспекции и номер кабинета, куда надлежит прибыть;
- конкретные дата и время вызова либо приемные дни или часы, в которые налогоплательщик может прийти;
- сведения о должностном лице, подписавшем уведомление, номер телефона;
- основание для вызова.

Справочник оснований и причин вызова налогоплательщика в налоговый орган в соответствии приведен в Письме ФНС РФ от 09.08.2022 № ЕА-4-15/10350.

Рассмотрим указанные основания и классифицируем их в зависимости от формы налогового контроля. Согласно данному перечню, налоговые органы вправе вызывать налогоплательщиков для дачи пояснений как в рамках налоговых проверок, так и вне их.

При этом в рамках проведения как камеральных, так и выездных налоговых проверок, выделены следующие общие основания вызова:

- уточнение информации, полученной в ходе допроса (ст. 90 НК РФ);

- отказ в допуске на территорию (в помещение) плательщика (ст. 91 НК РФ);

- установление фактов (обстоятельств) в ходе проведенного осмотра территорий (помещений, документов) (ст. 92 НК РФ);

- непредставление либо представление не в полном объеме документов (информации) по требованию о представлении документов (информации), а также по фактам, установленным в результате изучения документов (информации) полученных по требованию о представлении документов (информации) (ст. 93 НК РФ);

- необеспечение ознакомления с подлинниками документов, а также по фактам, установленным в результате изучения подлинников документов (ст. 93 НК РФ);

- ознакомление с результатами и дачи пояснений по установленным в ходе экспертизы фактам (ст. 95 НК РФ);

- ознакомление с результатами перевода документов и дачи пояснений по установленным фактам (ст. 97 НК РФ).

Указанный перечень аналогичен как для камеральных, так и для выездных налоговых проверок в связи с тем, что указанные мероприятия налогового контроля: допрос, осмотр, истребование документов (информации), экспертиза - проводятся в рамках обоих видов налоговых проверок и в необходимых случаях для участия в действиях по осуществлению налогового контроля на договорной основе может быть привлечен переводчик, а в случае необходимости должностное лицо налогового органа вправе ознакомиться с подлинниками документов.

Далее основания уже детализируются в отличие от вида налоговой проверки. Так, для камеральных налоговых проверок выделяются следующие специфические основания:

- непредставление либо представление не в полном объеме пояснений по требованию о представлении пояснений (п. 3 ст. 88 НК РФ);

- обоснованность отражения необлагаемых (освобождаемых от налогообложения, облагаемых по пониженной ставке) операций (п. 6 ст. 88 НК РФ).

Указанные основания относятся именно к камеральной налоговой проверке, так как в рамках именно этой формы налогового контроля налоговыми органами выставляются:

- требования о представлении пояснений (Приложение № 4 к приказу ФНС РФ от 07.11.2018 № ММВ-7-2/628@) в случае выявления ошибок в налоговой декларации (расчете) и (или) противоречий между сведениями, содержащимися в представленных документах, либо выявления несоответствий сведений, представленных налогоплательщиком, сведениям, содержащимся в документах, имеющихся у налогового органа, и полученным им в ходе налогового контроля;

- требования о представлении пояснений (Письмо ФНС РФ от 05.06.2017 № ЕД-4-15/10574) в случае возникновения необходимости в получении пояснений об операциях (имуществе), по которым применены налоговые льготы.

Единственным основанием для вызова налогоплательщика для дачи пояснений, применяемым налоговым органом только в рамках проведения выездных налоговых проверок, является установление фактов (обстоятельств) в ходе проведения (проведенной) инвентаризации (п. 13 ст. 89 НК РФ), в связи с тем, что в соответствии с Приказом Министерства финансов Российской Федерации от 10.03.1999 № 20н и Министерства Российской Федерации по налогам и сборам от 10.03.1999 № ГБ-3-04/39 инвентаризация проводится только при выездной налоговой проверке с целью проверки достоверности данных, содержащихся в документах налогоплательщика, а также для выяснения иных обстоятельств, имеющих значение для выполнения задач налоговой проверки.

Вне рамок налоговых проверок налоговые органы могут вызвать для дачи пояснений по следующим основаниям:

- соответствие общедоступным критериям оценки рисков, утвержденным Приказом ФНС РФ от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@;

- наличие доказательств совершенного нарушения законодательства о налогах и сборах (ст. 119.1 - 129.15 НК РФ);

- поступление запроса от уполномоченного органа иностранного государства в рамках международного договора Российской Федерации;

- декларирование зарубежных доходов, сведения о которых поступили в рамках автоматического обмена финансовой информации (CRS);

- поступление запроса и или информации от иных источников (правоохранительные органы, обращения граждан и др.);

- непредставления налоговых деклараций (расчетов) (ст. 119 НК РФ);

- декларирование участия в иностранных организациях (иностранных структурах) (ст. 25.14 НК РФ);

- реализация проекта по «обелению» отрасли.

Общедоступные критерии самостоятельной оценки рисков для налогоплательщиков, используемые налоговыми органами в процессе отбора объектов для проведения выездных налоговых проверок включают в себя следующее:

1. Налоговая нагрузка у данного налогоплательщика ниже ее среднего уровня по хозяйствующим субъектам в конкретной отрасли (виду экономической деятельности);

2. Отражение в бухгалтерской или налоговой отчетности убытков на протяжении нескольких налоговых периодов;

3. Отражение в налоговой отчетности значительных сумм налоговых вычетов за определенный период;

4. Опережающий темп роста расходов над темпом роста доходов от реализации товаров (работ, услуг);

5. Выплата среднемесячной заработной платы на одного работника ниже среднего уровня по виду экономической деятельности в субъекте Российской Федерации;

6. Неоднократное приближение к предельному значению установленных Налоговым кодексом Российской Федерации величин показателей, предоставляющих право применять налогоплательщикам специальные налоговые режимы;

7. Отражение индивидуальным предпринимателем суммы расхода, максимально приближенной к сумме его дохода, полученного за календарный год;

8. Построение финансово-хозяйственной деятельности на основе заключения договоров с контрагентами-перекупщиками или посредниками («цепочки контрагентов») без наличия разумных экономических или иных причин (деловой цели) (наличия информации о сделках с сомнительными контрагентами);

9. Непредставление налогоплательщиком пояснений на уведомление налогового органа о выявлении несоответствия показателей деятельности, и (или) непредставление налоговому органу запрашиваемых документов, и (или) наличие информации об их уничтожении, порче и т.п.;

10. Неоднократное снятие с учета и постановка на учет в налоговых органах налогоплательщика в связи с изменением места нахождения («миграция» между налоговыми органами);

11. Значительное отклонение уровня рентабельности по данным бухгалтерского учета от уровня рентабельности для данной сферы деятельности по данным статистики;

12. Ведение финансово-хозяйственной деятельности с высоким налоговым риском.

В случае получения налогоплательщиком, плательщиком сборов или налоговым агентом уведомления о вызове в налоговые органы для дачи пояснений в связи с уплатой (удержанием и перечислением) ими налогов и сборов либо в связи с налоговой проверкой, а также в иных случаях, связанных с исполнением ими законодательства о налогах и сборах, в налоговый орган обязан явиться либо он лично, либо его законный или уполномоченный представитель, так как только через них лицо может участвовать в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах (п. 1 ст. 26, пп. 4 п. 1 ст. 31 НК РФ).

Уклонение вызываемого лица от явки в налоговый орган для дачи пояснений по уведомлению может повлечь административную ответственность в виде штрафа в размере от 2000 до 4000 руб. (ст. 19.4 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, Письмо ФНС РФ от 17.07.2013 № АС-4-2/12837).

Таким образом, налогоплательщики, плательщики сборов или налоговые агенты могут быть вызваны в налоговый орган для дачи показаний по разным основаниям, как в рамках налоговых проверок, так и вне их. При этом перечень оснований, по которым налоговый орган вправе их вызвать для дачи пояснений вне рамок налоговых проверок, весьма обширен. Это связано в том числе с тенденцией к

сокращению количества планируемых и проводимых налоговыми органами налоговых проверок, прежде всего выездных, в связи с их длительностью и трудоемкостью.

Налоговые органы сегодня делают акцент на контрольных мероприятиях вне рамок налоговых проверок с целью установления налоговых правонарушений, которые заключаются в первую очередь в сборе и анализе информации по финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика.

В случае выявления налоговыми органами сведений об участии налогоплательщика в схемах минимизации налоговых обязательств или ухода от налогообложения налогоплательщика, налоговый орган вправе истребовать у налогоплательщика интересующие его документы (информацию), пояснения, а также вызвать для получения объяснений по конкретным сделкам и операциям, по итогам которых налогоплательщик вправе уточнить свои налоговые обязательства.

В настоящее время налоговыми органами, помимо вышеупомянутых Критериев, утвержденных Приказом ФНС РФ от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@, для оценки налоговых рисков широко используются современные цифровые технологии, такие как, например, программный комплекс «АСК НДС-2», который в автоматическом режиме присваивает группе риска налогоплательщикам - юридическим лицам, представившим декларации по НДС. Информация о присвоенном уровне риска (высокий, средний или низкий) отражается в виде цветowych индикаторов (красный, желтый или зеленый соответственно) в программном комплексе «АСК НДС-2».

Согласно Письму ФНС РФ от 03.06.2016 № ЕД-4-15/9933@ система управления рисками «СУР АСК НДС-2» - это программное обеспечение, которое в автоматическом режиме распределяет налогоплательщиков - юридических лиц, представивших декларации по налогу на добавленную стоимость, на основании имеющихся у налогового органа сведений о деятельности налогоплательщиков, на 3 группы налогового риска: высокий, средний, низкий.

1. Под налогоплательщиком с низким налоговым риском (зеленый цветовой индикатор) понимается налогоплательщик, который ведет реальную финансово-хозяйственную деятельность, своевременно и в полном объеме исполняет свои налоговые обязательства перед бюджетом. Налогоплательщик данной категории обладает соответствующими ресурсами (активами), а его деятельность может быть проверена плановым выездным налоговым контролем.

2. Под налогоплательщиком с высоким налоговым риском (красный цветовой индикатор) понимается налогоплательщик, обладающий признаками организации, используемой для получения необоснованной налоговой выгоды, в том числе, третьими лицами. Налогоплательщик данной категории не обладает достаточными ресурсами (активами) для ведения соответствующей деятельности, не исполняет свои налоговые обязательства (исполняет в минимальном размере).

3. К среднему налоговому риску (желтый цветовой индикатор) относятся налогоплательщики, которые не включены в группы с высоким или низким налоговым риском.

Кроме того, согласно Приказу ФНС РФ от 05.09.2017 № ММВ-7-12/713@ в промышленную эксплуатацию прикладная подсистема «Отбор отраслей/налогоплательщиков для проведения предпроверочного анализа» (ППА-отбор), которая на основании аналитических таблиц по показателям налоговых обязательств, налоговой отчетности, результатов налоговых проверок и иной информации, имеющейся в налоговых органах, производит оценку налоговых рисков по более чем 50 критериям, в том числе:

- наличие отказного допроса директора либо допроса номинального директора, который подтверждает, что является директором, но не подтверждает участие в финансово-хозяйственной деятельности;
- наличие сведений о дисквалификации руководителя;
- невозможность осуществления руководства;
- сведения о руководителе либо учредителе признаны недостоверными;
- непредставление деклараций 2-НДФЛ (отсутствии сотрудников);
- отсутствие основных средств;
- массовый адрес регистрации;
- размер зарплаты ниже прожиточного минимума в субъекте РФ;
- неоднократное снятие с учета и постановка на учет в налоговых органах;
- не представление документов по требованию;
- высокий удельный вес вычетов (89% и более);
- численность сотрудников менее 3 человек;
- высокий налоговый риск в «СУР АСК НДС».

Таким образом, рассмотренные в данной статье основные аспекты нормативного правового регулирования проверки налоговыми органами данных учета и отчетности и получения от налогоплательщика, плательщика сборов или налогового агента объяснений, позволяют сделать вывод о факультативности данных форм налогового контроля, результаты которых напрямую в дальнейшем используются налоговыми органами в основном для планирования и проведения налоговых проверок, методика и оформление результатов которых имеют четкое законодательное закрепление, что способствует соблюдению прав налогоплательщиков и интересов налоговых органов.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации;

2. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации;

3. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете»;

4. Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 10.03.1999 № 20н и Министерства Российской Федерации по налогам и сборам от 10.03.1999 № ГБ-3-04/39;

5. Приказ ФНС РФ от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@;

6. Приказ ФНС РФ от 05.09.2017 № ММВ-7-12/713@;

7. Приказ ФНС РФ от 07.11.2018 № ММВ-7-2/628@;

8. Письмо ФНС РФ от 16.07.2013 № АС-4-2/12705;

9. Письмо ФНС РФ от 17.07.2013 № АС-4-2/12837;

10. Письмо ФНС РФ от 03.06.2016 № ЕД-4-15/9933@;

11. Письмо ФНС РФ от 05.06.2017 № ЕД-4-15/10574;

12. Письмо ФНС РФ от 11.02.2019 № БА-4-1/2308@;

13. Письмо ФНС РФ от 31.07.2019 № БА-4-1/15052@;

14. Письмо ФНС РФ от 09.08.2022 № ЕА-4-15/10350.

Main aspects of normative legal regulation of verification of accounting and reporting data and obtaining explanations by tax authorities

Andreichuk E. Yu.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
The article examines the main aspects of the normative legal regulation of audits of accounting and reporting data and obtaining results, state tax audits, as well as the application of the results of these forms of tax control.

Keywords: tax control, tax authorities, accounting, reporting, notice of summons to tax authorities to provide explanations, article 82 of the Tax Code of the Russian Federation.

References

1. Tax Code of the Russian Federation;
2. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation;
3. Federal Law of 06.12.2011 No. 402-FZ "On Accounting";
4. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation of 10.03.1999 No. 20n and the Ministry of Taxes and Duties of the Russian Federation of 10.03.1999 No. GB-3-04/39;
5. Order of the Federal Tax Service of the Russian Federation of 30.05.2007 No. MM-3-06/333@;
6. Order of the Federal Tax Service of the Russian Federation of 05.09.2017 No. MMB-7-12/713@;
7. Order of the Federal Tax Service of the Russian Federation dated 07.11.2018 No. MMB-7-2/628@;
8. Letter of the Federal Tax Service of the Russian Federation dated 16.07.2013 No. AC-4-2/12705;
9. Letter of the Federal Tax Service of the Russian Federation dated 17.07.2013 No. AC-4-2/12837;
10. Letter of the Federal Tax Service of the Russian Federation dated 03.06.2016 No. ED-4-15/9933@;
11. Letter of the Federal Tax Service of the Russian Federation dated 05.06.2017 No. ED-4-15/10574;
12. Letter of the Federal Tax Service of the Russian Federation dated 11.02.2019 No. BA-4-1/2308@;
13. Letter of the Federal Tax Service of the Russian Federation dated July 31, 2019 No. BA-4-1/15052@; 14. Letter of the Federal Tax Service of the Russian Federation dated August 9, 2022 No. EA-4-15/10350.

Договор строительного подряда: теория и практика предприятий

Булгатов Иван Викторович
магистрант, Университета «Синергия»

В статье рассмотрена сущность правовой конструкции договора строительного подряда. Договор строительного подряда определяется как договор, налагающий обязанность подрядчика в установленный срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а на заказчика – обязанность создать необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить соответствующую цену. Представлены существенные условия договора строительного подряда. Описан предмет договора строительного подряда; сделан вывод о том, что содержание технической документации выступает продолжением положений о предмете договора. Обозначена проблема фиксации цены и порядка её изменения.

Ключевые слова: договор строительного подряда, существенные условия договора, строительные работы, техническая документация, предмет договора, подрядчик

На современном этапе строительный подряд выступает одним из самых финансово привлекательных способов ведения предпринимательской деятельности. Интерес к строительному подряду как виду предпринимательской деятельности обусловлен высоким спросом на объекты капитального строительства, устойчивыми темпами урбанизации, активным развитием государственных и коммерческих инфраструктурных проектов. Договор строительного подряда является ключевым правовым инструментом, регулирующим правоотношения в данной области.

Степень разработанности темы. Вопросы, связанные с договором строительного подряда, являются предметом активного научного анализа и обсуждения как в теоретической, так и в практико-ориентированной плоскостях. В числе авторов, внёсших значительный вклад в разработку данной темы, следует отметить следующих исследователей: Л. А. Аветисян, Ю. Ш. Никонова, Г. Г. Магомедов, Е. Н. Маркова, П. В. Надтачаев, С. В. Мельник, А. С. Пимченкова, А. А. Рябикин и проч. Указанные авторы рассматривают как теоретические основания правового регулирования подряда в строительной сфере, так и проблемы, возникающие при реализации договора на практике, в том числе в условиях цифровизации, изменения законодательства и экономических реалий.

В частности, Л. А. Аветисян и Ю. Ш. Никонова исследуют актуальные тенденции регулирования и исполнения строительных подрядов в условиях цифровизации и трансформации законодательства. А. А. Бросалина рассматривает комплекс теоретических и практических вопросов, уделяя внимание специфике правоприменения и необходимости унификации судебных подходов. Г. Г. Магомедов анализирует правовую природу договора, подчёркивая его комплексный и взаимосвязанный с иными гражданско-правовыми конструкциями характер.

Исторический аспект правового регулирования строительного подряда раскрывается в работе А. В. Малюшева и Э. А. Гурулевой, где прослеживается эволюция правовых норм. Е. Н. Маркова акцентирует внимание на современных проблемах договорной ответственности, связанных с нарушением сроков и качеством работ. П. В. Надтачаев и С. В. Мельник уточняют дефиницию договора строительного подряда, указывая на его отличительные признаки по сравнению с иными договорами подряда. А. С. Пимченкова исследует вопросы изменения цены в процессе исполнения договора. Нормативную основу регулирования составляют положения Гражданского кодекса РФ, а также Градостроительного кодекса РФ, регламентирующие отдельные аспекты строительных работ и договорных отношений, а

также судебная практика в данной области. Анализ актуальной судебной практики показывает, что суды нередко по-разному трактуют условия договоров и основания для привлечения сторон к ответственности, что указывает на необходимость дальнейшей разработки темы.

В отечественной юридической науке все еще уделяется недостаточно внимания проблемным аспектам правового регулирования отношений, возникающих по поводу заключения договора строительного подряда. Более того, как показывает анализ текущей судебной практики, при разрешении споров суды применяют различные подходы к принятию решений о наложении санкций на ту или иную сторону договора строительного подряда [9, с. 150]. В ряде случаев эти подходы противоречат друг другу. В данной связи представляется весьма актуальным проведение комплексного теоретико-правового анализа сущности и содержания договора строительного подряда, а также выявление и систематизация проблем правоприменительной практики в данной сфере.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ правовой конструкции договора строительного подряда с позиций современной правовой теории и практики его применения.

Теоретическая ценность исследования заключается в развитии правовой доктрины договора строительного подряда и уточнении его места в системе обязательственного права. **Практическая ценность** определяется возможностью применения сформулированных выводов в правоприменительной и договорной практике хозяйствующих субъектов строительной сферы.

Задачи исследования: (1) исследовать правовую природу и ключевые признаки договора строительного подряда; (2) проанализировать актуальные проблемы, связанные с договором строительного подряда; (3) оценить практику и выявить потенциальные пробелы и противоречия.

Объект исследования – договор строительного подряда. **Предмет** исследования – правовая природа, структура, механизмы реализации и практика применения договора строительного подряда. В процессе исследования применяются методы научного познания, в том числе: формально-юридический метод, метод анализа и синтеза. **Ожидаемые результаты исследования** – формулирование рекомендаций по устранению пробелов действующего законодательства.

По мнению Г. Г. Магомедова, правовая конструкция договора строительного подряда имеет высокую значимость, так как затрагивает такие социально и экономически значимые виды работ, как строительство, капитальный ремонт, пусконаладка и проч. В данной связи можно говорить о том, что результаты деятельности сторон по договору строительного подряда имеют важность с точки зрения социально-экономических задач, развития общества и страны в целом [6, с. 173].

Можно сказать, что система правового регулирования подрядных работ начала свое формирование еще с XVIII в. До 1917 г. была создана достаточно

развитая и подробная регламентация подрядных правоотношений на уровне законодательства, правоприменительной практики и научно-юридической доктрины. При этом строительные работы на данном этапе регулировались, по мнению А. В. Малюшева и Э. А. Гурулевой, в нормативном единстве с конструкцией договора поставки; не существовало обособленного института, регулирующего проведение строительных работ [7, с. 23].

В период с 1917 по 1995 гг. в отечественной правовой системе сформировался самостоятельный институт, функционирование которого было направлено на регулирование строительных работ. С 1991 г. в данной области существенно снизилась степень административной регламентации, а участники подрядных правоотношений получили договорную свободу [7, с. 23].

Либерализация механизма регулирования, при этом, привела к возникновению ряда правовых коллизий и пробелов, обусловленных отсутствием унифицированного подхода к квалификации обязательств по подряду и способам их обеспечения. С принятием Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4] институт строительного подряда получил нормативное закрепление, опирающееся на принципы диспозитивности и равенства сторон. Кроме того, строительный подряд регулируется нормами Градостроительного кодекса [3], Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок», Федерального закона № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и иными законами и подзаконными актами.

Тем не менее, несмотря на формализацию основных положений договора строительного подряда, в правоприменительной практике сохраняется множество нерешённых вопросов, касающихся, в частности, распределения рисков, условий о сроках выполнения работ, порядка приёма и оплаты, а также применения мер ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств. Это свидетельствует о необходимости теоретического осмысления природы строительного подряда, а также о важности разработки предложений по совершенствованию действующего законодательства в строительной отрасли.

В отечественной науке имеется множество дефиниций понятия «договор строительного подряда», что обусловлено длительным путём формирования данного субинститута гражданского права и наличием множества аспектов договорных отношений, существующих в строительстве. Согласимся с А. А. Бросалиной: все подходы к определению договора строительного подряда, как правило, содержат смысловой акцент на его конечной цели – выполнению строительного-монтажных работ подрядчиком, с одной стороны, их принятию и уплате заказчиком – с другой [2, с. 142]. А. А. Бросалин предлагает интерпретировать рассматриваемую договорную конструкцию как разновидность консенсуального, возмездного и двусторонне обязывающего договора, в рамках которого создается конкретный о вещественный результат по строительству тех или иных

объектов, который должен быть принят лицом, предоставившим условия для строительства и оплатившим строительные работы [2, с. 143].

Положения ст. 740 ГК РФ описывают сущность договора строительного подряда следующим образом: договор, налагающий обязанность подрядчика в установленный срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а на заказчика – обязанность создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить соответствующую цену. Согласно п. 1 ст. 740 ГК РФ, существенными условиями договора строительного подряда являются следующие: предмет, цена и срок [4].

В качестве предмета договора строительного подряда выступает: строительство или реконструкция предприятия, здания (в том числе жилого дома), сооружения или иного объекта, либо выполнение монтажных, пусконаладочных и иных связанных со строящимся объектом работ [4].

А. А. Рябикин акцентирует исключительную важность указания и детализации предмета договора строительного подряда: «никак не представляется возможным обойти предмет анализируемого соглашения в силу того, что именно он помогает в целом определить юридическую сущность договора и, соответственно, при поверхностном указании предмета или же вообще его отсутствии договор будет считаться незаключенным» [12, с. 274].

А. А. Пугач и С. В. Голикова говорят о том, что в определении предмета договора строительного подряда требуется обращаться также к нормам Градостроительного кодекса Российской Федерации [11, с. 448]: так, ст. 1 вводит разграничение понятий капитального строительства и реконструкции. Реконструкция предполагает изменение параметров объекта, после реконструкции вновь полученный объект подлежит регистрации. Капитальный ремонт не приводит к изменению технических характеристик объекта [3].

П. В. Надтачаев и С. В. Мельник приводят следующий перечень параметров, отличающих договор строительного подряда от иных типов договорных конструкций: (1) такой договор включает положения о дополнительных обязанностях заказчика: своевременное предоставление площадки; создание необходимых условий для проведения работ и проч.; (2) сторона-заказчик имеет право контролировать проведение работ, сроки и использование материалов, но, при этом, он не имеет права вмешиваться в ход проведения работ; (3) в ситуации обнаружения дефектов, которые могут негативно повлиять на результат выполнения работ заказчик должен незамедлительно сообщить об этом подрядчику; (4) в ряде случаев – в силу специфики отрасли – требуется приостановка работ, обусловленная консервацией строительства или иными обстоятельствами – в данном случае заказчик должен оплатить ту часть работ, которые уже были проведены, а также возместить расходы, связанные с подобной приостановкой; (5) важнейшим этапом реализации обязательств по договору для обеих сторон выступает

приемка: заказчик обязан приступить к приемке работы после получения уведомления о ее завершении от подрядчика и осуществить ее за свой счет. Приемка результата должна сопровождаться соответствующим актом, который подписывается обеими сторонами [9, с. 151].

На сегодняшний день в области правового регулирования договора строительного подряда имеется ряд проблем и противоречий, которые обусловлены, во-первых, комплексностью и многоаспектностью строительной отрасли, а во-вторых, существующими в законодательстве пробелами. Все это порождает некоторые проблемы при заключении предприятиями подобных договоров и в разрешении досудебных и судебных споров по поводу их исполнения [1, с. 418]. Рассмотрим некоторые из них.

Очевидно, что для договора строительного подряда критически важное значение имеет техническая документация и смета.

Предмет договора строительного подряда является его существенным условием, но, тем не менее, специфика данной отрасли такова, что указания сжатой формулировки «проведение строительных работ» будет недостаточно. В данной связи стороны детально описывают предмет в технической документации. Можно сделать вывод о том, что содержание технической документации выступает продолжением положений о предмете договора. Однако, в практике все еще не разрешен вопрос о том, будет ли несогласование и отсутствие данной документации препятствием к заключению рассматриваемого соглашения. В тексте п. 2 ст. 743 ГК РФ отмечается, что стороны обязаны определить состав и содержание такой документации, но санкции за неисполнение данного условия в Кодексе не зафиксированы [4]. Как отмечает А. А. Рябикин, судебная практика в большинстве случаев данное условие не включается в перечень существенных [12, с. 275]. Тем не менее, более двух десятилетий назад (21.04.2000 г.) Президиум ВАС РФ в документе «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» заключил: «отсутствие утвержденной в установленном порядке технической документации не является безусловным основанием для признания договора незаключенным» [5]. Таким образом, наблюдается явное противоречие: законодатель не требует детализировано описывать предмет договора строительного подряда в технической документации, и, при этом, отсутствуют правовые последствия за неисполнение технической документации.

Подобное противоречие генерирует риски как для заказчика, так и для подрядчика. Для заказчика данные риски сопряжены с отсутствием четкого критерия оценки качества и объема выполненных работ, для подрядчика – с возможными претензиями по поводу ненадлежащим образом согласованного объема или характера строительных работ. В условиях отсутствия однозначной законодательной регламентации суды нередко прибегают к оценочным категориям и интерпретируют условия договора в зависимости от обстоятельств конкретного дела.

В теоретико-правовом аспекте данная ситуация требует переосмысления правовой природы технической документации как элемента, функционально сопряжённого с предметом договора. Представляется целесообразным закрепить в законодательстве положений, придающих технической документации статус обязательного структурного элемента договора строительного подряда с установленными правовыми последствиями при её отсутствии, недостаточном содержании и детализации.

Специфика строительной отрасли такова, что в процессе выполнения работ нередко возникают обстоятельства, требующие отклонения от первоначально согласованных параметров или включения новых положений в техническую документацию. Это обусловлено как объективными факторами – обнаруженными геологическими особенностями участка, изменением проектных решений, необходимостью устранения скрытых дефектов и др., так и субъективными – к примеру, несогласованностью действий между участниками строительного процесса или недостаточной проработанностью проектной документации на этапе её утверждения.

Подобные незапланированные изменения могут касаться как конструктивных решений, так и сметной стоимости, сроков выполнения работ и перечня используемых материалов. Тем не менее, действующее законодательство не содержит положений, в достаточной мере регламентирующих порядок внесения изменений в техническую документацию после заключения договора. В частности, отсутствует чёткий механизм согласования и юридического оформления таких изменений, а также критерии допустимости их инициирования одной из сторон без согласия другой. Подобные ситуации, как показывает практика строительных предприятий-подрядчиков, приводят к возникновению споров, связанных с превышением сметной стоимости, признанием работ не соответствующими условиям договора, а также с квалификацией подобных изменений как существенных, затрагивающих предмет договора [8, с. 70].

В числе особенностей строительной отрасли – длительный срок реализации проектов, высокий уровень материалоемкости, подверженность рыночным колебаниям цен на строительные ресурсы, возможность изменения проектных решений в ходе исполнения. В данной связи одним из важнейших вопросов в рассматриваемой нами области выступает вопрос о цене и механизмах её изменения в договоре строительного подряда. В подавляющем большинстве случаев речь идёт о значительных финансовых обязательствах сторон.

Согласно ст. 709 ГК РФ, в договоре подряда стороны могут указать как фиксированную, так и приблизительную цену, с возможностью корректировки при наступлении определённых условий [4]. Тем не менее, российский законодатель не устанавливает исчерпывающий перечень условий, при которых возможно изменение цены, что на практике приводит к спорам между сторонами, особенно в ситуации, когда подрядчик сталкивается с непредвиден-

ными затратами, вызванными изменениями технической документации, форс-мажорными обстоятельствами, рыночным ростом стоимости материалов или необходимостью выполнения дополнительных работ.

Суды, в свою очередь, по-разному интерпретируют положения договора о цене и порядка её изменения. Некоторые судебные инстанции при вынесении решений отказывают в изменении цены при отсутствии соответствующего соглашения между сторонами, даже если подрядчик понёс значительные дополнительные расходы, тогда как другие признают возможность изменения цены на основании фактического объёма и характера выполненных работ.

В правовой науке не выработано единого мнения по этому поводу. Кроме того, далеко не все исследователи считают необходимым признать условие о цене работ в качестве существенного. При установлении твердой цены в договоре часто оказывается, что фактические расходы оказались гораздо выше, чем планировалось изначально; соответственно, цена в договоре не будет совпадать с той, что указана в акте выполненных работ. В случаях возникновения разночтений и споров некоторые суды руководствуются ценой, согласованной сторонами в договоре, следуя указанию Высшего Арбитражного Суда [10, с. 210]. В регионах суды чаще указывают на необходимость ориентироваться именно на цену, указанную в акте выполненных работ.

Можно предположить, что данную ситуацию можно урегулировать путем уточнения положений ст. 709 ГК РФ и введения положений, описывающих случаи, при которых изменение цены является допустимым или обязательным. Кроме того, возможно закрепить обязанность сторон определять в договоре механизм перерасчёта цены при наступлении обстоятельств, не зависящих от их воли.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- С принятием Гражданского кодекса Российской Федерации институт строительного подряда получил нормативное закрепление, опирающееся на принципы диспозитивности и равенства сторон.
- Договор строительного подряда – это договор, налагающий обязанность подрядчика в установленный срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а на заказчика – обязанность создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить соответствующую цену.
- Существенными условиями договора строительного подряда являются предмет, цена и срок. В качестве предмета договора строительного подряда выступает: строительство или реконструкция предприятия, здания (в том числе жилого дома), сооружения или иного объекта, либо выполнение монтажных, пусконаладочных и иных связанных со строящимся объектом работ.
- Для договора строительного подряда критически важное значение имеет техническая докумен-

тация и смета. Стороны детально описывают предмет в технической документации. Представляется целесообразным закрепить в законодательстве положений, придающих технической документации статус обязательного структурного элемента договора строительного подряда.

– Как показывает практика строительных предприятий, возникает множество споров, связанных с превышением сметной стоимости, признанием работ не соответствующими условиям договора, а также с квалификацией подобных изменений как существенных, затрагивающих предмет договора. Согласно ст. 709 ГК РФ, в договоре подряда стороны могут указать как фиксированную, так и приблизительную цену, с возможностью корректировки при наступлении определённых условий. Суды, в свою очередь, по-разному интерпретируют положения договора о цене и порядка её изменения. Данную ситуацию можно урегулировать путем введения положений, описывающих случаи, при которых изменение цены является допустимым или обязательным.

Литература

1. Аветисян, Л. А. Актуальные проблемы регулирования договора строительного подряда / Л. А. Аветисян, Ю. Ш. Никонова // Вестник науки. – 2024. – №11 (80). – С. 415–419.
2. Бросалина, А. А. Договор строительного подряда: вопросы теории и практики / А. А. Бросалина // Вопросы российской юстиции. – 2021. – №14. – С. 141–156.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/. – Дата доступа: 22.07.2025.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 2 (ГК РФ ч.2) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/. – Дата доступа: 22.07.2025.
5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 N 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25976/fc7026fc405b0385b8ac7569fe4001ec09043ec5/. – Дата доступа: 22.07.2025.
6. Магомедов, Г. Г. Понятие, значение и юридическая природа договора строительного подряда / Г. Г. Магомедов // Вестник науки. – 2023. – №7 (64). – С. 169–174
7. Малюшев, А. В. История развития отечественного правового регулирования договора строительного подряда с древнейших времён до 1995 года / А. В. Малюшев, Э. А. Гурулева // Legal Bulletin. – 2023. – №3. – С. 21–31.

8. Маркова, Е. Н. Современные правовые проблемы в договоре строительного подряда / Е. Н. Маркова // Символ науки. – 2022. – №12-2. – С. 69–72.

9. Надтачаев, П. В. К вопросу о понятии договора строительного подряда / П. В. Надтачаев, С. В. Мельник // Аграрное и земельное право. – 2022. – №11 (215). – С. 150–151.

10. Пимченкова, А. С. Проблемы изменения цены в договоре строительного подряда / А. С. Пимченкова // Скиф. – 2022. – №1 (65). – С. 209–213.

11. Пугач, А. А. Юридическая природа договора строительного подряда и его место в системе гражданско-правовых договоров / А. А. Пугач, С. В. Голикова // Вестник науки. – 2024. – №11 (80). – С. 447–456.

12. Рябикин, А. А. Правовая характеристика договора строительного подряда / А. А. Рябикин // Скиф. – 2023. – №4 (80). – С. 273–278.

Construction contract: theory and practice of enterprises Bulgatov I.V.

Synergy University

The article analyses the essence of the legal structure of a construction contract.

A construction contract is defined as a contract that imposes an obligation on the contractor to build a certain object or perform other construction work within a specified period of time according to the customer's instructions, and on the customer – an obligation to create the necessary conditions for the contractor to perform the work, accept their result and pay the appropriate price. The article presents the essential terms of the construction contract. The subject of the construction contract is described; it is concluded that the content of the technical documentation is a continuation of the provisions on the subject of the contract. The problem of fixing the price and the procedure for changing it is outlined.

Keywords: construction contract, essential terms of the contract, construction works, technical documentation, subject of the contract, contractor

References

1. Avetisyan, L. A. Actual problems of regulation of the construction contract / L. A. Avetisyan, Yu. Sh. Nikonova // Bulletin of Science. - 2024. - No. 11 (80). - P. 415-419.
2. Brosalina, A. A. Construction contract: issues of theory and practice / A. A. Brosalina // Issues of Russian Justice. - 2021. - No. 14. - P. 141-156.
3. Urban Development Code of the Russian Federation of 29.12.2004 N 190-FZ (as amended on 24.06.2025) // ConsultantPlus [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/. - Date of access: 22.07.2025.
4. Civil Code of the Russian Federation, Part 2 (Civil Code of the Russian Federation, Part 2) // ConsultantPlus [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/. - Date of access: 22.07.2025.
5. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 24.01.2000 N 51 "Review of the practice of resolving disputes under a construction contract" // ConsultantPlus [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25976/fc7026fc405b0385b8ac7569fe4001ec09043ec5/. - Date of access: 22.07.2025.
6. Magomedov, G. G. Concept, meaning and legal nature of a construction contract / G. G. Magomedov // Bulletin of Science. – 2023. – No. 7 (64). – P. 169–174
7. Malyushev, A. V. History of the development of domestic legal regulation of a construction contract from ancient times to 1995 / A. V. Malyushev, E. A. Guruleva // Legal Bulletin. – 2023. – No. 3. – P. 21–31.
8. Markova, E. N. Modern legal problems in a construction contract / E. N. Markova // Symbol of Science. – 2022. – No. 12-2. – P. 69–72.
9. Nadtachaev, P. V. On the concept of a construction contract / P. V. Nadtachaev, S. V. Melnik // Agrarian and land law. - 2022. - No. 11 (215). - P. 150-151.
10. Pimchenkova, A. S. Problems of changing the price in a construction contract / A. S. Pimchenkova // Skif. - 2022. - No. 1 (65). - P. 209-213.
11. Pugach, A. A. Legal nature of a construction contract and its place in the system of civil law contracts / A. A. Pugach, S. V. Golikova // Bulletin of Science. - 2024. - No. 11 (80). - P. 447-456.
12. Ryabikin, A. A. Legal characteristics of a construction contract / A. A. Ryabikin // Scythian. – 2023. – No. 4 (80). – pp. 273–278.

Дефицит оборотного капитала в реабилитационных процедурах банкротства и механизм его преодоления

Карымов Герман Тимофеевич

аспирант кафедры частноправовых дисциплин, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, germankar6@gmail.com

В настоящей статье исследуются проблема нехватки оборотного капитала в процедурах банкротства, которая является причиной остановки операционной деятельности должников и негативно влияет как на шансы восстановления платёжеспособности должников, так и на ценность их предприятия в целом.

В качестве успешного примера решения указанной проблемы в статье анализируется механизм кредитования «владельца должника» (Debtor-in-Possession Financing), предусмотренный Главой 11 Кодекса о несостоятельности США. Указанный механизм позволяет должникам получить столь необходимые оборотные денежные средства при предоставлении кредиторам сложной системы гарантии защиты их прав и законных интересов. Многолетняя практика применения этого механизма демонстрирует его эффективность, что, по мнению автора, делает его моделью для возможной имплементации в отечественное законодательство.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), нехватка оборотного капитала, восстановление платёжеспособности, реструктуризационное кредитование

Введение

Одной из проблем, с которой сталкиваются несостоятельные должники в процессе банкротства, является дефицит оборотного капитала, то есть недостаток свободных денежных средств, необходимых для продолжения текущей операционной деятельности, ведь для восстановления платёжеспособности должника необходимо продолжение хозяйственной деятельности, однако доступ к традиционным источникам финансирования для этого практически закрыт ввиду очевидных кредитных рисков.

В отечественном законодательстве данная проблема частично нивелируется с помощью специальных процессуальных механизмов. Во-первых, введение процедуры банкротства влечет установление запрета на удовлетворение требований кредиторов, включенных в реестр, а расчеты допускаются лишь по текущим требованиям, возникшим после даты принятия к производству заявления о признании должника банкротом (ст. 5, ст. 63, 64, 134 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), что потенциально позволяет направлять генерируемые денежные потоки на операционные нужды [6]. Во-вторых, значимым инструментом является снятие всех арестов и иных ограничений на распоряжение имуществом должника с момента введения наблюдения (абз. 3 п. 1 ст. 63 Закона о банкротстве), что также помогает высвободить активы для хозяйственного оборота [6].

Однако на практике этих мер часто оказывается недостаточно. Отсутствие оборотного капитала на этапе возникновения кризисной ситуации, снижение доверия со стороны контрагентов и невозможность привлечения классического банковского кредитования приводят к остановке операционной деятельности. Это, в свою очередь, уничтожает основную ценность предприятия — его функциональность как действующего бизнеса, сводя на нет возможность восстановления платёжеспособности.

В данном контексте представляет научный и практический интерес механизм кредитования «владельца должника» (Debtor-in-Possession Financing), предусмотренный Главой 11 Кодекса о несостоятельности США [4]. Данный институт позволяет привлекать столь необходимые должнику оборотные средства, одновременно предлагая комплекс гарантий как для нового кредитора, предоставившего такое финансирование, так и для уже существующих кредиторов должника.

Основное содержание

Основная цель процедуры банкротства по Главе 11 Кодекса о несостоятельности США 1978 года — это восстановление платёжеспособности должника,

а не его ликвидация [4]. Важной особенностью правового механизма, предусмотренного Главой 11, является то, что реабилитация должника происходит без отстранения от управления должником менеджмента и собственников компании. Установление такого регулирования продиктовано соображениями о том, что никто не может быть заинтересован в сохранении бизнеса сильнее, чем его собственники и управленцы. Руководство компании может быть отстранено только в случае наличия обоснованных сомнений в его добросовестности. В результате возбуждения производства по делу по правилам Главы 11 должник получает статус владеющего должника (Debtor-in-Possession, DIP).

С момента возбуждения производства по делу вводится мораторий на удовлетворение требований кредиторов и приостанавливается начисление штрафных санкций (automatic stay). Содержание указанной меры в целом аналогично последствиям введения процедуры наблюдения в отечественном законодательстве.

После возбуждения производства по делу должнику предоставляется временной период продолжительностью от 180 до 300 дней для разработки плана реструктуризации задолженности, который может предусматривать различные меры как юридического, так и экономического характера. В это время назначаемый судом управляющий (trustee) выявляет кредиторов должника и организует проведение первого собрания кредиторов,

Голосование на собрании кредиторов по вопросу утверждения разработанного плана происходит по классам кредиторов. При этом, Кодексом предусмотрена возможность принудить несогласных кредиторов к утверждению плана (сram down procedure). Указанное возможно, если предложенный план не является дискриминирующим в отношении класса несогласных кредиторов, предусматривает пропорциональное удовлетворение требований кредиторов несогласного класса и учитывает очередность удовлетворения требований такого класса.

Окончательное утверждение плана реструктуризации, одобренного собранием кредиторов, происходит под судебным контролем, что обеспечивает его соответствие законодательным требованиям и надлежащую проверку возможности должника исполнить взятые на себя в соответствии с планом обязательства.

В случае отказа в утверждении плана судом мораторий на удовлетворение требований кредиторов отменяется, и у кредиторов появляется возможность исполнить свои требования принудительно, либо инициировать процедуру ликвидационной направленности, предусмотренную главой 7 Кодекса [4].

Таким образом, после возбуждения производства по делу о банкротстве по правилам Главы 11 Кодекса о несостоятельности США, должник под надзором суда и сообщества кредиторов продолжает осуществлять хозяйственную деятельность, при установлении запрета на принудительное взыскание задолженности.

Именно острая потребность владеющего должника в оборотном капитале для обеспечения непрерывности операционной деятельности и стала причиной установления в Главе 11 специального механизма кредитования владеющего должника (далее – реструктуризационное кредитование), позволяющего привлекать финансирование от третьих лиц в ходе процедуры банкротства и предусматривающего дополнительные гарантии защиты прав кредиторов, берущих на себя риски такого финансирования [1, С. 3].

При оценке необходимости, условий и порядка предоставления реструктуризационного кредитования суд устанавливает и оценивает следующие обстоятельства. Во-первых, должник должен доказать, что возможность привлечения финансирования на иных условиях (в том числе от собственника компании) отсутствует. Во-вторых, суд должен оценить экономическую целесообразность и обоснованность привлекаемого финансирования, установить, что возникновение нового обязательства повлечет генерирование добавленной стоимости продуктов деятельности должника, а не просто станет причиной изменения в структуре кредиторской задолженности. В-третьих, суд должен оценить конкурентность условий предложенного финансирования и установить, соответствует ли предложение нового кредитора рыночным условиям [3, С. 2].

Различные виды гарантий прав кредитора, предоставившего реструктуризационное кредитование, установлены в статье 364 Кодекса о несостоятельности США [4].

Так, в соответствии с разделами (а) и (b) указанной статьи, обязательства по возврату необеспеченного реструктуризационного кредитования, необходимого для осуществления обычной хозяйственной деятельности владеющего должника, могут быть отнесены судом к первой очереди текущих расходов должника, что повысит вероятность их возврата [4].

В случае, если привлечение такого кредитования без предоставления обеспечения невозможно, кодекс предусматривает возможность передачи такому кредитору в залог имущества должника, не находящегося в залоге, либо предоставление ему права последующего залога в отношении имущества, уже переданного в залог.

Наконец, в исключительных случаях, суд может разрешить предоставить новому кредитору право старшего залога в отношении имущества, уже переданного в залог.

Помимо предоставления гарантий реструктуризационным кредиторам, Кодекс о несостоятельности США предусматривает и гарантии защиты прав реестровых кредиторов владеющего должника.

Во-первых, все вопросы, связанные с привлечением реструктуризационного кредитования, разрешаются только при участии суда, что нивелирует риски злоупотребления со стороны должника.

Во-вторых, при рассмотрении вопроса о привлечении реструктуризационного кредитования, связанного с ухудшением прав реестровых залоговых

кредиторов, должник должен доказать, что привлечение такого финансирования не приведет к умалению их экономических интересов.

Чаще всего причиной согласия реестровых кредиторов на привлечение реструктуризационного кредитования и даже на понижение старшинства своего залога является тот факт, что отсутствие такого финансирования может существенно снизить стоимость самого обеспечения, либо предприятия должника в целом [3, С. 14].

Как отмечает А.З. Бобылева, объективной причиной продажи несостоятельного предприятия по цене, значительно заниженной, чем продажа аналогичной благополучной компании, является приобретение в процедурах банкротства, как правило, имущественного комплекса или его отдельных элементов, а не полноценного бизнеса [5].

Процессуально процедура одобрения реструктуризационного кредитования выглядит следующим образом.

В случае необходимости предварительное заседание проводится в первые несколько дней после возбуждения производства по делу о банкротстве при участии залоговых кредиторов, нескольких самых крупных незалоговых кредиторов, а также управляющего. В нем рассматривается вопрос о привлечении незначительной части финансирования, которая необходима должнику для осуществления хозяйственной деятельности до даты основного судебного заседания.

До даты основного судебного заседания должник, сообщество кредиторов и управляющий должны прийти к соглашению об условиях реструктуризационного кредитования. Управляющий и кредиторы могут быть не согласны с его размером и/или условиями, а также посчитать, что оно может привести к чрезмерному нарушению их прав и интересов.

Все неустранимые разногласия разрешаются в основном судебном заседании, которое проводится в течение месяца после проведения первого собрания кредиторов владеющего должника. При этом суд может обойти волю сообщества кредиторов и утвердить положение о предоставлении реструктуризационного кредитования в редакции должника.

Необходимо отметить, что последующая отмена или изменение определения суда об утверждении реструктуризационного кредитования, никак не влияет на действительность кредитных договоров или договоров залога, заключенных на его основании, что также повышает защищенность прав кредиторов, его предоставивших.

Заключение

Реструктуризационное кредитование в рамках процедуры банкротства представляет собой комплексный правовой механизм, являющийся неотъемлемой частью реабилитационной процедуры банкротства по правилам Главы 11 Кодекса о несостоятельности США, который способствует успешному восстановлению платёжеспособности должников за счет предоставления им возможности пре-

одоления дефицита оборотного капитала при обеспечении прав и законных интересов как реестровых кредиторов должника, так и кредиторов, предоставляющих такое высоко рисковое финансирование.

Многочисленная судебная практика применения указанных выше положений Кодекса о несостоятельности США свидетельствует об эффективности данного механизма для обеспечения непрерывности деятельности предприятий в условиях процедуры реорганизации.

Несмотря на кажущуюся парадоксальность предоставления финансирования должнику, признанному несостоятельным, рынок подобных финансовых инструментов в США демонстрирует высокую степень развития и конкуренции среди кредитных организаций, что наводит на мысль о возможной имплементации подобного механизма и в отечественное законодательство.

Литература

1. Dahiya, Sandeep and Ray, Korok, A Theoretical Framework for Evaluating Debtor-in-Possession Financing (June 9, 2014). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2447868> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2447868>
2. Li, Kai and Wang, Wei, Debtor-in-Possession Financing, Loan-to-Loan, and Loan-to-Own (June 1, 2016). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2275635> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2275635>
3. Triantis, George G., Debtor-in-Possession Financing in Bankruptcy (November 2017). Handbook on Corporate Bankruptcy Law (Edward Elgar, Forthcoming), Stanford Public Law Working Paper, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2977686>
4. U.S. Bankruptcy Code, Chapter 11. Available at <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/chapter-11>
5. Бобылева А.З. Раскрытие ценности неблагополучных компаний путем слияний и присоединений// Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / А.Б. Баранова, А.З. Бобылева, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020. // СПС «Консультант Плюс».
6. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190

The Problem of Working Capital deficit in Bankruptcy Proceedings and Mechanisms for Its Resolution

Karymov G.T.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

This article examines the problem of working capital shortage in bankruptcy proceedings, which leads to the cessation of debtors' operational activities and adversely affects both the chances of restoring their solvency and the overall value of their enterprise.

As a successful example of solving this problem, the article analyzes the "Debtor-in-Possession Financing" mechanism provided under Chapter 11 of the US Bankruptcy Code. This mechanism enables debtors to obtain much-needed working capital while providing creditors with a sophisticated system of safeguards for their rights and legitimate interests. The longstanding practice of applying this mechanism demonstrates its effectiveness, which, in the author's opinion, makes it a model for potential implementation into domestic legislation.

Keywords: Insolvency (Bankruptcy), Working Capital deficit, Rehabilitation procedures, Financial Rehabilitation, Debtor-in-possession financing.

References

1. Dahiya, Sandeep and Ray, Korok, A Theoretical Framework for Evaluating Debtor-in-Possession Financing (June 9, 2014). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2447868> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2447868>
2. Li, Kai and Wang, Wei, Debtor-in-Possession Financing, Loan-to-Loan, and Loan-to-Own (June 1, 2016). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2275635> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2275635>
3. Triantis, George G., Debtor-in-Possession Financing in Bankruptcy (November 2017). Handbook on Corporate Bankruptcy Law (Edward Elgar, Forthcoming), Stanford Public Law Working Paper, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2977686>
4. U.S. Bankruptcy Code, Chapter 11. Available at <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/chapter-11>
5. Bobyleva A.Z. Revealing the Value of Troubled Companies Through Mergers and Acquisitions// The Institute of Insolvency (Bankruptcy) in the Legal System of Russia and Foreign Countries: Theory and Practice of Law Enforcement: monograph / A.B. Baranova, A.Z. Bobyleva, V.A. Vaypan et al.; ed. S.A. Karelina, I.V. Frolov. Moscow: Yustitsinform, 2020. // SPS "Consultant Plus".
6. Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" // SZ RF, 28.10.2002, No. 43, Art. 4190

Защита авторских прав: проблемы правоприменительной практики

Колдаева Татьяна Николаевна

к.э.н., магистрант направления «Юриспруденция» Университета «СИНЕРГИЯ»

В статье рассмотрены характерные черты отечественной доктрины в области интеллектуальных прав. Российский законодатель регулирует рассматриваемую нами область правоотношений в рамках положений Гражданского Кодекса, при этом, законодательные нормы получают свое развитие и интерпретируются правоприменителями – российскими судами. Отмечается, что цифровизация существенно изменила механизмы охраны авторских прав: акцент смещается с контроля над физическим экземпляром на регулирование доступа и использования цифровой версии произведения. Обозначена специфика судебной защиты прав на цифровой контент. Рассмотрена проблема определения круга субъектов, которых следует привлекать к ответственности за нарушение авторских прав в электронной среде. Предлагается внедрить в правоприменительную практику новую экспертную специализацию – цифровую судебную экспертизу.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная собственность, цифровизация, цифровой контент, пользователь, хостинг-провайдер, судебная экспертиза

Авторское право является одним из важнейших из институтов гражданского права, функционирование которого направлено на охрану одного из самых хрупких объектов гражданского оборота – творчества. В отечественной правовой доктрине результаты творчества обозначаются термином «интеллектуальная собственность», который, в свою очередь, восходит к проприетарному подходу, выработанному в рамках англо-саксонского права. Проприетарный подход предполагает, что результат умственного или творческого труда принадлежит тому, кто приложил усилия для создания данного результата.

Актуальность рассмотрения проблемных аспектов правоприменения в сфере авторского права обусловлена двумя причинами.

Во-первых, в сфере авторского права достаточно часто встречается проблема коллизии интересов автора, правообладателя и аудитории (пользователей). Общественность не всегда признаёт ценность результатов творческого труда, что приводит к распространённой практике незаконного использования, копирования, распространения [3, с. 54].

Во-вторых, в недавнее время возникла новая область правоотношений, где происходит большинство ситуаций нарушения авторских прав. Речь идет о цифровизации общественных отношений и переводе существенной доли видов человеческой жизнедеятельности в цифровое пространство. Электронное пространство в меньшей степени защищено от злоупотреблений и нарушений. Интернет-среда пользуется популярностью у правонарушителей, что создает множество проблем в области защиты прав интеллектуальной собственности [7, с. 87].

Целью настоящего исследования является идентификация проблем реализации и защиты авторских прав в современной правоприменительной практике, выявление пробелов и коллизий в действующем законодательстве.

Теоретическая ценность исследования заключается в развитии научного подхода к пониманию правовой природы механизмов защиты авторских прав в условиях цифровизации.

Практическая ценность проявляется в возможности использования полученных результатов для совершенствования правоприменительной деятельности и повышения уровня правовой грамотности субъектов авторского права.

Задачи исследования: (1) проанализировать особенности объектов, охраняемых авторским правом, (2) исследовать действующее гражданское законодательство Российской Федерации в части регулирования авторских и смежных прав, (3) охарактеризовать ключевые проблемы защиты авторских прав в условиях цифровой среды.

Ожидаемые результаты исследования – классификация интеллектуальных прав, определение направлений, по которым цифровая среда трансформирует характер защиты авторских прав, идентификация причин нарушений авторских прав в Интернете, уточнение круга субъектов, подлежащих ответственности за нарушения авторских прав в цифровой среде.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в процессе защиты авторских прав. **Предмет исследования** – правовые нормы, регулирующие защиту авторских прав.

Исследование выполнено посредством общенаучных и научно-исследовательских **методов**: формально-юридический метод, метод правового моделирования, анализа, синтеза и проч.

Степень разработанности темы. Проблематика защиты авторских прав является предметом интенсивного научного исследования в российской и зарубежной юридической доктрине. Научные труды отечественных авторов посвящены как теоретическим аспектам авторского права, так и вопросам правоприменительной практики (Л. К. Айдинян, Е. В. Ивнева, Д. А. Лепешин, С. В. Павлова, А. И. Сидоренко, М. М. Старосельцева, О. В. Цуканов и др.).

Ключевые черты отечественной доктрины прав интеллектуальной собственности. Интеллектуальные права в отечественном праве принято дифференцировать на три группы прав: (1) исключительные (имущественные) права – права на пользование и распоряжение, а также право на запрет использовать объект авторских прав третьими лицами; (2) личные неимущественные права – права на имя, право называться автором произведения, право на неприкосновенность произведения и исполнения, право на отзыв, право на обнародование; (3) иные права – право следования и право доступа; право на получение патента или свидетельства на товарный знак; право на вознаграждение [3, с. 52].

Объект, защищаемый авторским правом, подлежит охране не в силу новизны или применимости в производственных процессах, а лишь по критериям творческого характера, выражения художественного видения автора, вне зависимости от качества произведения. Отечественная доктрина, таким образом, постулирует наличие исключительного права на любой результат интеллектуальной деятельности. Кроме того, значение имеет личность автора, в связи с чем неотчуждаемым считается личное неимущественное право авторства и право автора на имя.

Российский законодатель регулирует рассматриваемую нами область правоотношений в рамках положений Гражданского Кодекса (далее – ГК РФ). В частности, три вышеобозначенные группы прав – исключительные права, личные неимущественные права и иные права – зафиксированы в нормах ст. 1226 ГК РФ [2]. Механизмы охраны интересов авторов произведений изобразительного искусства, рукописей литературных и музыкальных произведений описаны в ст. 1293 ГК РФ, которое закрепляет право следования, позволяющее получать автору

гонорар, выраженной в определенной доле от суммы продажи произведения [2].

Помимо прочего, законодательные нормы получают свое развитие и интерпретируются правоприменителями – российскими судами. Суды принимают активное участие в формировании подходов к данной сфере правоотношений [9, с. 102]. Так, в частности, значимую роль играют положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», посредством которых были систематизированы ключевые аспекты правоприменения [8].

Цифровизация и ее влияние на авторское право. Несмотря на то, что цифровизация является собой один из важнейших трендов последних десятилетий, правоприменительная практика в области «виртуальной» интеллектуальной собственности пока не унифицирована и не отличается системностью.

Безусловно, развитие технологий и виртуализация общественных отношений имеют немало преимуществ: возможность оперативной диффузии информации, связанной с интеллектуальной собственностью, развитие новых видов и форм интеллектуальной собственности, возможность трансграничной циркуляции данных и т.п. Тем не менее, цифровое пространство предоставляет широкий круг возможностей для нарушения прав интеллектуальной собственности [7, с. 84].

Ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике пока не выработаны четкие, последовательные правила оборота и охраны интеллектуальной собственности в электронном пространстве. «Запаздывание» отечественного законодателя за динамикой развития цифровых технологий приводит к фактической неприменимости положений отечественного законодательства к правоотношениям в сетевом пространстве [10, с. 87]. Все это приводит к проблемам в правоприменительной практике и, в конечном итоге, страдают интересы всех участников подобных правоотношений.

В виртуальной среде произведение «живет» совершенно по-другому – не так, как в рамках оффлайн-среды. В цифровом контексте произведение утрачивает физическое воплощение, обретая форму нематериального объекта, доступного для мгновенного воспроизведения, модификации и распространения. Цифровой контент, «освободившись от вещной оболочки, приобретает дополнительную коммерческую ценность в силу возможности его доставки в любую точку земного шара с минимальными издержками» [1, с. 296].

Все это влечёт за собой трансформацию традиционных механизмов охраны авторских прав. В частности, акцент смещается с контроля над физическим экземпляром на регулирование доступа и использования цифровой версии произведения. Данное обстоятельство, безусловно, требует адаптации правовых норм к специфике сетевого взаимодействия и цифровой экономики.

Переносить алгоритмы и принципы защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в виртуальное пространство едва ли продуктивно, а в ряде случаев – в принципе невозможно. Право интеллектуальной собственности как сегмент правовой доктрины, законодательного массива и правоприменения было создано в доцифровую эпоху – с ориентацией на аналоговые способы использования и доступа к произведениям [1, с. 296].

При этом даже те законодательные нормы, которые могут быть успешно применены в цифровом пространстве, зачастую игнорируются субъектами правоотношений. Это обусловлено, прежде всего, устойчивыми социально-культурными факторами, среди которых доминируют общепринятая практика нелегитимного потребления контента и правовой нигилизм. Данные факторы resultируют в систематическое пренебрежение правами авторов и правообладателей, восприятие цифрового контента как свободно доступного ресурса, а также в отсутствие внутренней мотивации к соблюдению правовых норм. Подобная ситуация свидетельствует о необходимости не только совершенствования нормативно-правовой базы в сфере интеллектуальной собственности, но и проведения комплексной просветительской и воспитательной работы, направленной на формирование правовой культуры пользователей в условиях цифровой среды.

Помимо низкого уровня правовой культуры российских пользователей, среди причин высокого количества нарушений авторских прав в сети Интернет, следует назвать отсутствие правовой грамотности авторов, размещающих произведения в сетевом пространстве и их неосведомленность о механизмах правового регулирования и способах защиты прав. Также можно говорить о недостаточном количестве квалифицированных профессионалов, специализирующихся на авторском праве и способных помочь авторам в решении соответствующих проблем.

Судебная защита прав на цифровой контент.

Существует два ключевых вида защиты цифровой интеллектуальной собственности: неюрисдикционный и юрисдикционный. Под неюрисдикционными механизмами защиты прав следует понимать самостоятельные действия граждан или предприятий, предпринимаемые без вмешательства со стороны государственных органов, в т.ч. органов суда. Так, к примеру, одним из таких механизмов является самозащита (использование водяных знаков при размещении авторских материалов в сети Интернет и т. п.) [4, с. 16-17].

Тем не менее, в реальной практике неюрисдикционные формы защиты не всегда оказываются эффективными. В связи с вышеизложенным становится очевидным, что преимущественным или даже единственным способом защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде выступает судебный. Защита авторских прав на цифровой контент осуществляется преимущественно арбитражными судами, в частности, специализированным Судом

по интеллектуальным правам. Кроме того, полномочия по рассмотрению дел, связанных с защитой интеллектуальной собственности, входят и в компетенцию судов общей юрисдикции.

Верховный Суд Российской Федерации в рамках анализа правоприменительной практики в делах, связанных с нарушением авторских и смежных прав, сформулировал ряд критериев, подлежащих учету согласно ст. 1301 ГК РФ. Подчёркивается, что при квалификации нарушения и определении объёма имущественной ответственности суду надлежит учитывать как характер и длительность правонарушения, так и его последствия. В частности, среди значимых обстоятельств отмечаются: ежедневная посещаемость интернет-ресурса, на котором размещён объект, доход от размещения контента; временной период неправомерного использования охраняемого объекта; род деятельности ответчика и степень профессиональной вовлечённости в соответствующую сферу; однократность или систематичность допущенного нарушения.

В качестве примера можно привести дело, рассматриваемое Первым кассационным судом общей юрисдикции г. Саратов. В Определении № 88-5668/2023 указывается: фотограф-истец потребовал компенсацию за незаконное использование выполненных им фотографий туристическим агентством. Изображения достопримечательностей г. Нижнего Новгорода (в том числе собора Александра Невского, стадиона и моста через р. Оку) были использованы в рекламных целях: размещены на 11 страницах корпоративного сайта и в социальных сетях. Истец рассчитал компенсацию из расчета каждого случая нарушения, потребовал 220 000 рублей. Суд, однако, интерпретировал действия ответчика как единичное правонарушение, осуществленное с единой целью, и соответственно этому снизил сумму компенсации до 60 000 рублей [6].

В противоположность данному подходу, в другом деле суд признал каждое отдельное скачивание произведения с пиратского ресурса в качестве самостоятельного правонарушения. Пользователь, ранее уже привлечённый к ответственности за аналогичное деяние, вновь осуществил загрузку того же произведения с того же источника, за что повторно понёс имущественную ответственность. Данная позиция свидетельствует о признании повторного незаконного доступа к объекту авторского права как отдельного факта нарушения.

Таким образом, текущая судебная практика демонстрирует вариативность в квалификации действий правонарушителя в цифровом пространстве. Принимаются во внимание как технические обстоятельства, так и характер поведения субъекта, что в совокупности позволяет более точно определять размер компенсации за нарушение исключительных прав и обеспечивать баланс интересов правообладателей и пользователей.

Субъекты, несущие ответственность за нарушение авторских прав в Сети. Одной из ключевых проблем правоприменительной практики выступает

определение круга субъектов, которых следует привлекать к ответственности за нарушение авторских прав в электронной среде. Согласно распространенному мнению, перечень таких субъектов выглядит следующим образом: (1) лицо, которое загрузило интеллектуальную собственность в Сеть, выполнив таким образом ее незаконное копирование и распространение (публикацию); (2) лицо, профессиональная деятельность которого связана с оказанием технических услуг и предоставившее ресурс для размещения подобного контента (к примеру, хостинг-провайдер). Тем не менее, среди российских правоведов единства мнений об ответственных субъектах пока не наблюдается. По мнению некоторых специалистов, ответственность должны нести лишь лица, включенные во вторую из представленных выше групп, другие же говорят об ответственности обеих групп субъектов. Безусловно, более логичным представляется второй подход. Существует также мнение о том, что ответственность за нарушение авторских прав должен нести лишь пользователь, осуществивший незаконную публикацию чужого контента. Тем не менее, закрепление ответственности за пользователем является неэффективным средством воздействия и устранения проблемы [4, с. 17].

Проблемным аспектом правоприменения выступает привлечение к ответственности хостинг-провайдеров. Законодательство изначально не содержало положений о механизме и критериях для их включения в состав ответчиков в судебном разбирательстве. Тем не менее, в судебной практике такие случаи имелись. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что степень ответственности хостинг-провайдеров определяется исходя из (1) степени их вовлеченности в процесс нарушения авторских прав, (2) характера принимаемых ими мер по устранению нарушений. Судебный опыт повлиял на законотворческий процесс – в текст ГК РФ была введена ст. 1253.1, содержащая положения об ответственности хостинг-провайдеров.

Цифровая судебная экспертиза в сфере интеллектуальных прав. Одним из наиболее актуальных и значимых векторов законотворчества следует считать вопрос, связанный с проведением судебной экспертизы в рассмотрении споров о защите авторских и смежных прав в цифровом пространстве [5, с. 112]. Экспертиза должна уточнить технические, криминологические, правовые аспекты использования цифровых объектов, оценить их творческую составляющую и, соответственно, охраноспособность. Следовательно, эксперт в подобных делах должен обладать обширным междисциплинарным знанием (криминология, акустика, лингвистика, речеведение, психология, программирование и т. д.). Безусловно, уже сегодня можно говорить о кадровом дефиците – недостатке специалистов с соответствующей квалификацией. Компетенция эксперта, его специализация имеют решающее значение для объективного и справедливого оперативного разрешения судебного спора [5, с. 117].

Кроме того, правоприменители сталкиваются с проблемой отсутствия классификации видов экспертиз и методов их проведения (так, к примеру, положения Приказа Минюста России от 20 апреля 2023 г. № 72 содержат лишь формулировку «исследование объектов интеллектуальной собственности» без указания на конкретные виды и способы исследования).

В условиях цифровой трансформации общества и активного использования объектов интеллектуальной собственности в виртуальной среде возникает необходимость институционализации новой экспертной специализации – цифровой судебной экспертизы в сфере интеллектуальных прав. Подобная экспертиза должна включать в себя как традиционные направления экспертизы, проводимой в области интеллектуальной собственности (технико-криминалистический, фоноскопический, культурологический анализ и т. д.), так и новые процедуры – анализ алгоритмов генерации и обработки цифрового контента, исследование цифровых следов модификации и распространения произведения, цифровая верификация авторства.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

– Понятие «интеллектуальные права» включает в себя три группы прав: исключительные (имущественные) права; личные неимущественные права; иные права. Объект, защищаемый авторским правом, подлежит охране на основании критерия творческого характера.

– Российский законодатель регулирует рассматриваемую нами область правоотношений в рамках положений Гражданского кодекса. Помимо прочего, законодательные нормы получают свое развитие и интерпретируются правоприменителями – российскими судами. Суды принимают активное участие в формировании подходов к данной сфере правоотношений.

– Цифровое пространство предоставляет широкий круг возможностей для нарушения прав интеллектуальной собственности. Правоприменительная практика в области интеллектуальной собственности в электронном пространстве пока не унифицирована и не отличается системностью. Налицо необходимость адаптации правовых норм к специфике сетевого взаимодействия и цифровой экономики.

– Причинами нарушений авторских прав в сети Интернет выступают: низкий уровень правовой культуры российских пользователей, отсутствие правовой грамотности авторов, недостаточное количество квалифицированных профессионалов, специализирующихся на авторском праве в Сети.

– Одной из ключевых проблем правоприменительной практики выступает определение круга субъектов, которых следует привлекать к ответственности за нарушение авторских прав в электронной среде. Согласно распространенному мнению, перечень таких субъектов выглядит следующим образом: (1) лицо, которое загрузило интеллек-

туальную собственность в Сеть, выполнив таким образом ее незаконное копирование и распространение (публикацию); (2) лицо, предоставившее ресурс для размещения подобного контента (хостинг-провайдер).

– Одним из наиболее актуальных и значимых векторов законотворчества следует считать вопрос, связанные с проведением судебной экспертизы в рассмотрении споров о защите авторских и смежных прав в цифровом пространстве. В условиях цифровой трансформации общества и активного использования объектов интеллектуальной собственности в виртуальной среде возникает необходимость внедрения новой экспертной специализации – цифровой судебной экспертизы в сфере интеллектуальных прав.

Литература

1. Айдинян, Л. К. Охрана интеллектуальной собственности в сети «Интернет» / Л. К. Айдинян // E-Scio. – 2022. – №8 (71). – С. 295–300.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. – Дата доступа: 25.07.2025.

3. Дмитриева, Е. О. Общие положения об авторском праве в системе права интеллектуальной собственности в России и за рубежом / Е. О. Дмитриева // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2023. – №3. – С. 51–60.

4. Ивнева, Е. В. Защита авторских прав в сети Интернет / Е. В. Ивнева, Л. Л. Кавшбая // ELS. – 2022. – №апрель. – С. 14–21.

5. Лепешин, Д. А. Роль судебной экспертизы в спорах о защите авторских и смежных прав в сети «Интернет» / Д. А. Лепешин, Т. В. Даутия // Правосудие. – 2024. – №4. – С. 108–131.

6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции г. Саратова № 88-5668/2023 // Первый кассационный суд общей юрисдикции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sr_v_num=1&name_op=doc&number=30346411&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1. – Дата доступа: 25.07.2025.

7. Павлова, С. В. Защита прав интеллектуальной собственности в интернет-среде / С. В. Павлова // Известия СПбГЭУ. – 2022. – №5-2 (137). – С. 83–87.

8. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/. – Дата доступа: 25.07.2025.

9. Сидоренко, А. И. Судебные доктрины в сфере интеллектуальных прав в России и за рубежом / А. И. Сидоренко // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – №3. – С. 100–115.

10. Старосельцева, М. М. Проблемы гражданско-правовой ответственности при нарушении интеллектуальных прав собственности в сети Интернет / М. М. Старосельцева, О. В. Цуканов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – №2 (94). – С. 84–88.

Copyright protection: problems of law enforcement practice
Koldaeva T.N.

University "SINERGY"

The article presents the characteristic features of the domestic doctrine in the field of intellectual rights. The Russian legislator regulates the area of the relations under consideration within the framework of the provisions of the Civil Code, while legislative norms are developed and interpreted by law enforcement structures – courts. It is noted that digitalization has significantly changed the mechanisms of copyright protection: the emphasis is shifting from control over a physical copy to regulating access and use of a digital version of a work. The specifics of judicial protection of rights to digital content are outlined. The problem of determining the circle of subjects who should be held liable for copyright infringement in the electronic environment is considered. It is proposed to introduce a new expert specialization into law enforcement practice – digital forensic examination.

Keywords: copyright, intellectual property, digitalization, digital content, user, hosting provider, forensic expertise

References

1. Aydinyan, L. K. Protection of Intellectual Property on the Internet / L. K. Aydinyan // E-Scio. - 2022. - No. 8 (71). - P. 295-300.
2. Civil Code of the Russian Federation (CC RF) // Consultant Plus [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. - Access date: 07/25/2025.
3. Dmitrieva, E. O. General provisions on copyright in the system of intellectual property law in Russia and abroad / E. O. Dmitrieva // Bulletin of Omsk State University. Series. Law. - 2023. - No. 3. - P. 51-60. 4. Ivneva, E. V. Copyright Protection on the Internet / E. V. Ivneva, L. L. Kavshbaya // ELS. - 2022. - No. April. - P. 14-21.
5. Lepeshin, D. A. The Role of Forensic Expertise in Disputes over the Protection of Copyright and Related Rights on the Internet / D. A. Lepeshin, T. V. Dautia // Justice. - 2024. - No. 4. - P. 108-131.
6. Definition of the First Cassation Court of General Jurisdiction of Saratov No. 88-5668/2023 // First Cassation Court of General Jurisdiction [Electronic resource]. - Access mode: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sr_v_num=1&name_op=doc&number=30346411&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1. - Access date: 25.07.2025.
7. Pavlova, S. V. Protection of intellectual property rights in the Internet environment / S. V. Pavlova // Bulletin of SPbGEU. - 2022. - No. 5-2 (137). - P. 83-87.
8. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 No. 10 "On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation" // Consultant Plus [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/. - Access date: 25.07.2025.
9. Sidorenko, A. I. Judicial doctrines in the field of intellectual property rights in Russia and abroad / A. I. Sidorenko // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. - 2021. - No. 3. - P. 100-115.
10. Staroseltseva, M. M. Problems of civil liability for violation of intellectual property rights on the Internet / M. M. Staroseltseva, O. V. Tsukanov // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2022. - No. 2 (94). - P. 84-88.

Применение методов анализа больших данных в цивилистических науках: алгоритмическое прогнозирование тенденций частного права на основе судебной практики

Куровский Станислав Валерьевич

руководитель научно-исследовательского подразделения ООО «Высшая Школа Образования», 8917564@gmail.com

Мишин Денис Александрович

руководитель редакционно-издательского отдела ООО «Высшая Школа Образования», 9651530@gmail.com

Халилулин Руслан Михайлович

Независимый исследователь, r.m.halilulin@gmail.com

Актуальность данного исследования связана с тем, что на современном этапе практическое осуществление юридической деятельности сталкивается с существенным возрастанием объема правовой информации, при этом результативность традиционных аналитических инструментов и процедур обработки правоприменительной практики с течением времени сокращается. В рамках цифровизации системы государственного управления и российского права практическое применение методов анализа больших данных может способствовать рациональной систематизации судебных решений, определению скрытых закономерностей и аномалий в правоприменительной практике, алгоритмическому моделированию тенденций отечественного частного права. Цель работы – сформулировать направления правовой регламентации практического применения методов анализа больших данных в цивилистических науках. Методы исследования: систематизация, обобщение, индукция, дедукция, анализ теоретических и эмпирических источников академической литературы, нормативно-правовых актов, сопоставление, сравнительный анализ, системный подход, формально-юридический метод, концептуализация данных, графическая и табличная визуализация данных, абстрактно-логический метод, методы формирования алгоритмов практического применения методов анализа больших данных в юридической деятельности. Основные результаты научного исследования: отражена роль практического применения методов анализа больших данных в цивилистических науках в условиях планомерной цифровизации правовой деятельности; приведена специфика алгоритмического прогнозирования тенденций российского частного права на основе судебной практики с использованием методов анализа больших данных; обозначены направления правовой регламентации практического применения методов анализа больших данных в цивилистических науках. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные в исследовании результаты могут быть использованы государственным сектором для совершенствования актов действующего российского законодательства в области гражданского и информационного права.

Ключевые слова: методы анализа больших данных; юридическая и правовая деятельность; цивилистические науки; алгоритмическое прогнозирование; тенденции частного права; судебная практика; направления правовой регламентации.

Введение. На современном этапе практическое осуществление юридической деятельности сталкивается с существенным возрастанием объема правовой информации, при этом результативность традиционных аналитических инструментов и процедур обработки правоприменительной практики с течением времени сокращается [1-3]. В рамках цифровизации системы государственного управления и российского права практическое применение методов анализа больших данных может способствовать рациональной систематизации судебных решений, определению скрытых закономерностей и аномалий в правоприменительной практике, алгоритмическому моделированию тенденций отечественного частного права [4], [5].

Особую практическую значимость новые возможности инструментов цифровизации правовой деятельности приобретают в гражданско-правовых (цивилистических) науках [6], где правоприменительная практика играет основополагающую роль в толковании нормативных положений Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) [7], правовой защите прав субъектов гражданско-правовых споров, а также в создании единообразного механизма судебных решений.

На протяжении 2015-2024 гг. повысился объем информационных данных в судебной практике и, соответственно, уровень сложности их обработки в правовой деятельности (таблица 1).

*Таблица 1
Статистика объема информационных данных правоприменительной практики*

Параметр	2015	2024	Относительное изменение, %
Количество дел в арбитражных судах РФ, млн. ед.	2,0	3,5	+75
Количество дел в судах общей юрисдикции, млн. ед.	25	40	+60
Объем информационных данных в электронной системе «Правосудие», ТБ	50	500	Больше в 10 раз

Источник: составлено авторами на основе [8].

На основе приведенных в таблице 1 данных можно прийти к выводу, что не представляется возможным осуществлять в ручном режиме обработку огромных массивов информации по судебным делам и решениям, следовательно, необходимы современные автоматизированные методы и информационно-измерительные системы для аналитического исследования судебной практики [9]. Помимо этого, в российской судебной практике отмечается

проблема в единообразии содержания принимаемых судами решений, которая обусловлена:

- содержание судебных решений по схожим гражданско-правовым спорам противоречивое, в частности, по судебным делам на взыскание денежных убытков в рамках ст. 15 ГК РФ [7];

- временные задержки при обобщении правоприменительной практики Верховным Судом РФ (аналитические исследования гражданско-правовых споров могут занимать не менее 2 месяцев);

- формально-юридический анализ судебной практики весьма субъективен по причине существенного воздействия человеческого фактора на результаты исследования [10].

Обозначенные проблемы российской судебной практики могут быть решены с помощью методов анализа больших данных и концепции машинного обучения, что обусловлено тщательной рациональной классификации судебных дел в разрезе выделенных категорий, определением отклонений в судебных решениях от сложившейся правоприменительной практики, прогнозированием вероятности принятия того или иного судебного решения, исходя из ретроспективного анализа информации (таблица 2).

Таблица 2
Систематизация возможностей методов анализа больших данных в цивилистических науках

Метод анализа больших данных	Область практического использования в цивилистических науках	Практический кейс применения метода анализа больших данных
Метод кластеризации гражданско-правовых дел	Группировка гражданско-правовых дел по схожим признакам	Автоматизированная классификация исков о защите прав потребителей
Регрессионный анализ	Прогнозирование совокупного объема взыскиваемых денежных убытков	Оценка вероятной суммы денежной компенсации, исходя из ст. 395 ГК РФ
Предиктивный анализ гражданско-правовых дел	Анализ текстов судебных решений, определение ключевых аргументов в вынесении того или иного судебного решения	Выявление частоты ссылок в судебном решении на ст. 10 ГК РФ
Корреляционный анализ	Построение взаимосвязей между ответчиком, истцом, судьями	Определение коррупционных рисков гражданско-правового спора

Источник: составлено авторами на основе [9], [10].

Практическое применение методов анализа больших данных в цивилистических науках может позволить решить комплекс практико-ориентированных и научно-исследовательских задач:

- автоматизировать сбор и обработку информационных данных в разрезе судебных актов;
- прогнозирование тенденций российского частного права на основе судебной практики;
- оптимизация правовой деятельности в российской судебной системе.

Несмотря на положительное влияние методов анализа больших данных на развитие российского частного права и правовой деятельности в целом, в

настоящее время целесообразно введение юридических стандартов практического применения цифровых инструментов в судебной системе РФ, которые на данный момент отсутствуют.

Роль практического применения методов анализа больших данных в цивилистических науках в условиях планомерной цифровизации правовой деятельности. В условиях цифровизации правовой деятельности повышается значимость положений науки о данных, которая представляет собой междисциплинарное направление, применяющее технологии и инструменты для анализа информационных данных (структурированных и неструктурированных), для того чтобы сформировать пул практически ценных знаний и сведений [11].

В контексте практического осуществления правовой деятельности применение положений науки о данных обусловлено необходимостью аналитического исследования огромных массивов судебной информации, нормативно-правовых актов, договоров для определения тенденций российского частного права, прогнозирования вероятности достижения конкретного результата по рассмотрению гражданско-правовых дел.

Наблюдаются следующие тенденции практического использования положений науки о данных в правовой деятельности:

- автоматизация рутинных задач правовой деятельности, в том числе по анализу и классификации документации, аналитическому исследованию правовой базы информационных данных, что способствует значительной экономии временных затрат;

- моделирование вероятности получения того или иного судебного решения гражданско-правовых дел, исходя из ретроспективных данных;

- управление правовыми рисками на основе прогнозирования уровня вероятности наступления неблагоприятной ситуации, а также формирование направлений по предотвращению правовых, контрактно-юридических рисков;

- технологическая поддержка в принятии судебных решений, что увеличит уровень их обоснованности при рассмотрении гражданско-правовых дел;

- развитие в российском частном праве технологий искусственного интеллекта, которые ускорят процесс аналитического исследования нормативно-правовых актов, доказательной базы по гражданско-правовому делу, способствуя интерпретации результатов обработки огромных массивов судебной и юридической информации.

Соответственно, роль практического применения методов анализа больших данных в цивилистических науках в условиях планомерной цифровизации правовой деятельности объясняется тем, что использование методов анализа больших данных позволит автоматизировать решение рутинных задач правовой деятельности, моделировать вероятность получения того или иного судебного решения гражданско-правовых дел, оптимально управлять правовыми и контрактно-юридическими рисками, увеличить уровень обоснованности судебных решений

при рассмотрении гражданско-правовых дел, развивать технологии искусственного интеллекта в юридической деятельности, поскольку они ускоряют процесс аналитического исследования нормативно-правовых актов, доказательной базы по гражданско-правовому делу, способствуя интерпретации результатов обработки огромных массивов судебной и юридической информации.

Специфика алгоритмического прогнозирования тенденций российского частного права на основе судебной практики с использованием методов анализа больших данных. Система российского частного права имеет определенные специфические особенности, которые целесообразно учитывать при практическом использовании методов анализа больших данных:

1) двойственная природа российского частного права, обусловленная противоречивостью изложенных нормативных положений в ГК РФ и содержания правоприменительной практики;

2) существующая линейно-функциональная организационная структура российской судебной системы в рамках рассмотрения гражданско-правовых дел привела к разрозненному применению баз информационных данных (автоматизированные системы «Судебные решения», «Картотека», «Правосудие»), при этом единого национального стандарта оформления судебных актов на данный момент нет [12].

Обработка информационных данных для алгоритмического прогнозирования тенденций российского частного права на основе судебной практики с использованием методов анализа больших данных должна происходить последовательно, с осуществлением пяти стадий: сбора информационных данных, очистки (нормализации) информационных данных, классификации гражданско-правовых дел, анализа судебной практики, визуализации исследования судебной практики (таблица 3).

Таблица 3
Характеристика стадий обработки информационных данных для алгоритмического прогнозирования тенденций российского частного права на основе судебной практики с использованием методов анализа больших данных

Стадия обработки информационных данных	Решаемые задачи	Применяемые технологии в процессе обработки судебной информации	Практический кейс в рамках развития цивилистических наук
Сбор информационных данных	Сбор текстов судебных решений	Технология автоматизированного сбора судебной информации с веб-порталов Scrapy на языке программирования Python	Автоматизированный сбор гражданско-правовых дел по ст. 395 ГК РФ
Очистка (нормализация) информационных данных	Нормализация текстов судебных решений	Библиотеки для обработки русского языка с использованием Python	Приведение разных юридических терминов к единому формату

Классификация гражданско-правовых дел	Разметка гражданско-правовых дел по категориям	Алгоритм машинного обучения BERT	Выделение договорных и внедоговорных гражданско-правовых споров
Анализ судебной практики	Определение закономерностей и отклонений в содержании судебных решений	Технология градиентного бустинга	Прогнозирование совокупного объема взыскиваемых денежных убытков
Визуализация исследования судебной практики	Представление результатов исследования судебной практики	Библиотека графических элементов Matplotlib с использованием языка Python	Динамика изменения содержания судебной практики

Источник: разработано авторами.

Ключевая сложность обработки судебных решений в российском частном праве посредством практического применения методов анализа больших данных состоит в наличии лингвистических проблем, например, для русского языка отсутствует юридический тезаурус, некоторые судебные решения являются неструктурированными и многословными. Это подтверждается программным кодом, составленным с использованием языка программирования Python:

```
# Проблема: разные написания одного понятия
варианты = ["договор подряда", "подрядный договор", "контракт на подряд"]
```

В контексте данной работы было выполнено моделирование судебных решений по 5 тыс. гражданско-правовых дел в российском частном праве по взысканию денежных убытков с применением методов анализа больших данных на основе языка программирования Python:

```
# Модель на основе исторических данных
model = RandomForestClassifier()
model.fit(X_train, y_train)
```

```
# Где:
```

```
# X - признаки дела (судья, регион, сумма иска)
```

```
# y - исход дела (удовлетворено/отказано)
```

Согласно аналитическому исследованию 5 тыс. гражданско-правовых дел на судебное решение оказывают воздействие три значимых фактора, а именно:

- регион присутствия – 45%;
- судья – 38%;
- сумма исковых требований – 25%.

Специфика алгоритмического прогнозирования тенденций российского частного права на основе судебной практики с использованием методов анализа больших данных определяется:

1) уникальностью национальной правовой системы, достаточно высокой значимостью судебной практики в российском частном праве;

2) существованием технологических трудностей алгоритмического прогнозирования тенденций российского частного права на основе судебной практики, объясняемых достаточно низкой степенью качества накопленных информационных данных, лингвистическими проблемами (для русского языка

отсутствует юридический тезаурус, некоторые судебные решения являются неструктурированными и многословными);

3) институциональными особенностями алгоритмического прогнозирования тенденций российского частного права на основе судебной практики, например, региональными различиями содержания судебных решений, динамикой изменения правоприменительной практики.

Направления правовой регламентации практического применения методов анализа больших данных в цивилистических науках. На современном этапе развитие методов анализа больших данных в правовой деятельности предполагает формирование соответствующей нормативно-правовой базы, с помощью которой можно закрепить юридический статус алгоритмического прогнозирования тенденций российского частного права на основе судебной практики с использованием методов анализа больших данных, регламентировать практическое применение и обработку судебной информации, обеспечить правовую защиту субъектов гражданско-правовых споров и российской судебной системы. На данный момент правовое регулирование практического применения методов анализа больших данных в цивилистических науках российского частного права отсутствует, что объясняет потребность в создании направлений правовой регламентации рассматриваемой области юридической, судебной деятельности.

Предлагаются следующие направления правовой регламентации практического применения методов анализа больших данных в цивилистических науках:

1) добавление в Федеральный конституционный закон «О судебной системе РФ» [13] новой статьи 15.1:

«Статья 15.1. Использование судебных актов в системах анализа больших данных

1. Судебные акты, за исключением содержащих охраняемые законом тайны, могут использоваться для:

- научных исследований;
- разработки аналитических и информационно-измерительных систем;
- прогнозирования тенденций российского частного права на основе судебной практики.

2. Использование судебных актов в системах анализа больших данных должно обеспечивать:

- анонимизацию персональных данных участников гражданско-правовых дел;
- сохранение контекста принятых судебных решений;
- невозможность полной или частичной идентификации участников судебного процесса»;

2) изменение содержания ст. 10 в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [14], добавив положение о наделении юридических аналитических данных правовым статусом, а также об установле-

нии нормативных требований к хранилищу судебных решений и актов при использовании методов анализа больших данных;

3) добавление в ГК РФ [7] новой статьи 1064.1, позволяющей установить ответственность лиц за вред, причинённый информационно-измерительными системами, которые могут осуществить алгоритмическое прогнозирование тенденций российского частного права на основе судебной практики с использованием методов анализа больших данных;

4) в статьях 71 ГПК РФ и 75 АПК РФ [15], [16] привести перечень систем обработки и анализа больших данных судебной практики, правовой деятельности;

5) добавление в Федеральный закон «О персональных данных» [17] новой статьи 18.1:

«Статья 18.1. Особенности обработки персональных данных в юридических аналитических и информационно-измерительных системах

1. Допускается обработка персональных данных без согласия субъекта для:

- научных исследований в области права;
- формирования судебной статистики;
- прогнозирования тенденций российского частного права на основе судебной практики с использованием методов анализа больших данных.

2. При обработке персональных данных в юридических аналитических и информационно-измерительных системах обязательна:

- псевдонимизация персональных данных субъектов гражданско-правовых дел;
- публикация методологии обработки информационных данных судебных дел»;

6) изменение содержания ст. 5 Федерального закона «О персональных данных» [17] в части добавления принципа информационной прозрачности результатов алгоритмического прогнозирования тенденций российского частного права на основе судебной практики с использованием методов анализа больших данных;

7) добавление в АПК РФ [15] новой статьи 155.1: «Статья 155.1. Порядок использования прогнозных аналитических систем при исследовании арбитражных дел

1. Суды вправе использовать системы анализа больших данных для:

- проверки единообразия содержания правоприменительной практики, судебных решений;
- выявления тенденций российского частного права на основе судебной практики с использованием методов анализа больших данных.

2. Результаты анализа правоприменительной практики не могут быть единственным основанием для принятия судебного решения по арбитражному делу»;

8) изменение содержания ст. 71 ГПК РФ [16] в части дополнения перечня доказательств по гражданско-правовым спорам: информационные данные, полученные с применением методов анализа больших данных.

Введение в российское частное право представленных направлений правовой регламентации практического применения методов анализа больших

данных в цивилистических науках должно привести к позитивным последствиям в национальном правовом поле, в частности, к формированию единообразной правоприменительной практики (минимизации противоречий между изложенными нормативными положениями в ГК РФ и содержанием правоприменительной практики), реализации практико-ориентированной профессиональной подготовки специалистов юридического дела на основе применения цифровых инструментов, осуществлению законодательской деятельности на основе ключевых положений науки о данных.

Выводы. Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к следующим выводам по результатам научного исследования:

1. Роль практического применения методов анализа больших данных в цивилистических науках в условиях планомерной цифровизации правовой деятельности объясняется тем, что использование методов анализа больших данных позволит автоматизировать решение рутинных задач правовой деятельности, моделировать вероятность получения того или иного судебного решения гражданско-правовых дел, оптимально управлять правовыми и контрактно-юридическими рисками, увеличить уровень обоснованности судебных решений при рассмотрении гражданско-правовых дел, развивать технологии искусственного интеллекта в юридической деятельности, поскольку они ускоряют процесс аналитического исследования нормативно-правовых актов, доказательной базы по гражданско-правовому делу, способствуя интерпретации результатов обработки огромных массивов судебной и юридической информации.

2. Специфика алгоритмического прогнозирования тенденций российского частного права на основе судебной практики с использованием методов анализа больших данных определяется: уникальностью национальной правовой системы, достаточно высокой значимостью судебной практики в российском частном праве; существованием технологических трудностей алгоритмического прогнозирования тенденций российского частного права на основе судебной практики, объясняемых достаточно низкой степенью качества накопленных информационных данных, лингвистическими проблемами; институциональными особенностями алгоритмического прогнозирования тенденций российского частного права на основе судебной практики, например, региональными различиями содержания судебных решений, динамикой изменения правоприменительной практики.

3. Приведены направления правовой регламентации практического применения методов анализа больших данных в цивилистических науках, введение которых в российское правовое поле должно способствовать формированию единообразной правоприменительной практики (минимизации противоречий между изложенными нормативными положениями в ГК РФ и содержанием правоприменительной практики), реализации практико-ориентированной профессиональной подготовки специалистов

юридического дела на основе применения цифровых инструментов, осуществлению законодательской деятельности на основе ключевых положений науки о данных.

Литература

1. Мишин Д. А., Куровский С. В., Халафян А. А. Цифровизация как направление развития государства и права: сущность, перспективы, риски // Вестник Академии права и управления. - 2024. - № 5 (80). - С. 77-81.

2. Мишин Д. А., Куровский С. В., Кирьяк С. П. Баланс частных и общественных интересов как принцип охраны патентных прав // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2025. - № 6. - С. 1-10.

3. Куровский С. В., Мишин Д. А., Лебедев С. Г. Институциональные основы и императивы современного государственного управления в российских регионах // Закон и власть. - 2025. - № 5. - С. 24-30.

4. Куровский С. В., Мишин Д. А., Лебедев С. Г. Цифровые технологии в системе государственного управления как инструмент реформирования // Закон и власть. - 2025. - № 5. - С. 31-37.

5. Мишин Д. А., Куровский С. В., Сижажев А. Х. Понятие юрисдикции в национальном и международно-правовом аспектах // Юридическая наука. - 2024. - № 2. - С. 247-251.

6. Василевская Л. Ю. BIG DATA в механизме формирования основных направлений национальной проекта «Экономика данных»: взгляд цивилиста на проблему // Lex russica. - 2024. - Т. 77. - № 1 (206). - С. 9-21.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 11.08.2025).

8. Не ко всем процесс идет: статистика показывает снижение числа переданных в суд уголовных дел [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7677678> (дата обращения: 11.08.2025).

9. Анисимов А. П., Рыбак С. В. О некоторых тенденциях и перспективах использования нейросетей в юридической науке // Правовой порядок и правовые ценности. - 2024. - Т. 2. - №. 4. - С. 9-16.

10. Фомина О. Ю. Моделирование последствий принятия судебного решения с помощью искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. - 2025. - №. 2 (126). - С. 118-126.

11. Болдырев В. А. Дисбаланс количественного соотношения юридических исследований: причины и следствия // Журнал российского права. - 2021. - Т. 25. - №. 8. - С. 140-155.

12. Аюшеева И. З. Большие данные: проблемы определения гражданско-правового режима // Lex russica. - 2023. - Т. 76. - №. 10 (203). - С. 125-134.

13. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 23.07.2025) «О судебной системе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения: 11.08.2025).

14. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 11.08.2025).

15. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 11.08.2025).

16. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 11.08.2025).

17. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 11.08.2025).

Application of Big Data Analysis Methods in Civil Sciences: Algorithmic Forecasting of Private Law Trends Based on Judicial Practice

Kurovsky S.V., Mishin D.A., Khalilulin R.M.

LLC "Higher School of Education"

The relevance of this study is due to the fact that at the present stage, the practical implementation of legal activity is faced with a significant increase in the volume of legal information, while the effectiveness of traditional analytical tools and procedures for processing law enforcement practice is decreasing over time. In the context of digitalization of the public administration system and Russian law, the practical application of big data analysis methods can contribute to the rational systematization of court decisions, the identification of hidden patterns and anomalies in law enforcement practice, and algorithmic modeling of trends in domestic private law. The purpose of the work is to formulate the directions of legal regulation of the practical application of big data analysis methods in the civil sciences. Research methods: systematization, generalization, induction, deduction, analysis of theoretical and empirical sources of academic literature, regulatory legal acts, comparison, comparative analysis, systems approach, formal legal method, data conceptualization, graphical and tabular data visualization, abstract logical method, methods for forming algorithms for the practical application of big data analysis methods in legal activity. The main results of the scientific research: the role of practical application of big data analysis methods in civilistic sciences in the context of systematic digitalization of legal activity is reflected; the specifics of algorithmic forecasting of trends in Russian private law based on judicial practice using big data analysis methods are given; the directions of legal regulation of practical application of big data analysis methods in civilistic sciences are outlined. The practical significance of the study lies in the fact that the results obtained in the study can be used by the public sector to improve the acts of the current Russian legislation in the field of civil and information law.

Keywords: big data analysis methods; legal and judicial activity; civilistic sciences; algorithmic forecasting; private law trends; judicial practice; directions of legal regulation.

References

1. Mishin D. A., Kurovsky S. V., Khalafyan A. A. Digitalization as a direction of development of the state and law: essence, prospects, risks // *Bulletin of the Academy of Law and Management*. - 2024. - No. 5 (80). - P. 77-81.
2. Mishin D. A., Kurovsky S. V., Kiryak S. P. Balance of private and public interests as a principle of protection of patent rights // *Patents and licenses. Intellectual rights*. - 2025. - No. 6. - P. 1-10.
3. Kurovsky S. V., Mishin D. A., Lebedev S. G. Institutional foundations and imperatives of modern public administration in Russian regions // *Law and power*. - 2025. - No. 5. - P. 24-30.
4. Kurovsky S. V., Mishin D. A., Lebedev S. G. Digital technologies in the public administration system as a reform tool // *Law and Power*. - 2025. - No. 5. - P. 31-37.
5. Mishin D. A., Kurovsky S. V., Sizhazhev A. Kh. The concept of jurisdiction in national and international legal aspects // *Legal Science*. - 2024. - No. 2. - P. 247-251.
6. Vasilevskaya L. Yu. BIG DATA in the mechanism of formation of the main directions of the national project "Data Economy": a civilian view of the problem // *Lex russica*. - 2024. - Vol. 77. - No. 1 (206). - P. 9-21.
7. Civil Code of the Russian Federation (Civil Code of the Russian Federation) (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025) [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed on August 11, 2025).
8. The process is not going to everyone: statistics show a decrease in the number of criminal cases referred to court [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/7677678> (accessed on August 11, 2025).
9. Anisimov A. P., Rybak S. V. On some trends and prospects for the use of neural networks in legal science // *Legal order and legal values*. - 2024. - Vol. 2. - No. 4. - P. 9-16.
10. Fomina O. Yu. Modeling the consequences of a court decision using artificial intelligence // *Bulletin of the O.E. Kutafin University*. - 2025. - No. 2 (126). - P. 118-126.
11. Boldyrev V. A. Imbalance in the quantitative ratio of legal research: causes and consequences // *Journal of Russian Law*. - 2021. - Vol. 25. - No. 8. - P. 140-155.
12. Ayusheeva I. Z. Big data: problems of determining the civil law regime // *Lex russica*. - 2023. - Vol. 76. - No. 10 (203). - P. 125-134.
13. Federal Constitutional Law of 31.12.1996 N 1-FKZ (as amended on 23.07.2025) "On the Judicial System of the Russian Federation" [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (accessed on 11.08.2025).
14. Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" of 27.07.2006 N 149-FZ (as amended on 24.06.2025) [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (accessed on 11.08.2025).
15. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 N 95-FZ (as amended on 01.04.2025) [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (accessed on 11.08.2025).
16. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 N 138-FZ (as amended on 31.07.2025) [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (accessed on 11.08.2025).
17. Federal Law "On Personal Data" dated July 27, 2006 N 152-FZ (latest revision) [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed on 11.08.2025).

Совершенствование механизма контроля в сфере государственных закупок: правовой аспект

Седых Виктор Романович

аспирант кафедры административного и трудового права, Юго-западный государственный университет, sedyh-viktor@mail.ru

Статья посвящена совершенствованию правового механизма контроля в публичных закупках. Обоснована актуальность темы ростом бюджетных расходов и сохранением высокой доли обоснованных жалоб; новизна состоит в синтезе риск-ориентированной логики проверок, унифицированного индекса E-Rate и зарубежных криминалистических решений. В работе описаны структурные перекосы федерального, регионального и внутреннего надзора, изучены цифровые ограничения действующей аналитики ЕИС и рассмотрены отдельные уголовно-правовые конструкции Китая и Монголии. Особое внимание уделено связке «цифра – кадры» – «репутационная ответственность поставщика». Цель – сформировать системную модель, позволяющую минимизировать дублирование проверок при сохранении полноты охвата. Для решения задачи автор применяет системный, сравнительный и контент-анализ, статистическую выборку 2020-2024 гг. и экспертные интервью. Изучен корпус из десяти источников отечественных и зарубежных исследователей. В заключении приведены ориентиры нормативной детализации и цифровой интеграции платформ. Материал полезен законодателям, регуляторам, заказчикам и разработчикам аналитических сервисов.

Ключевые слова: государственные закупки, контроль, риск-ориентированный надзор, E-Rate, ЕИС, антикоррупционная политика, цифровая платформа, закупочный сговор, общественный мониторинг, кадровая ротация.

Введение

Рост доли госзаказа в расходах консолидированного бюджета при одновременном сохранении высокой конфликтности жалоб подчёркивает необходимость углублённого исследования контроля закупочной деятельности. Цель статьи – разработать модель правового и цифрового регулирования, способную повысить предиктивность надзора без увеличения административной нагрузки.

Поставлены задачи:

1) Выявить диспропорции существующей системы контроля и разъяснить их влияние на результативность надзора.

2) Сравнить российские практики с китайскими и монгольскими уголовно-правовыми решениями, выделив применимые элементы.

3) Сконструировать предложения по унификации методик, цифровой интеграции и кадровому обеспечению.

Новизна проявляется в объединении правовых поправок, сквозной цифровизации маршрутов проверки и репутационных индикаторов в одном концепте.

Материалы и методы

В качестве материалов использовались следующие работы исследователей: Е.С. Игонина и Е.С. Воробьева исследовали показатели эффективности ведомственного надзора [5]; И.С. Вадрецкий описал связь контроля и экономической безопасности [2]; А.В. Водопьянов с соавторами рассмотрели влияние аукционов на участие МСП [3]; Ж.П. Гунзынов и коллеги проанализировали анти-коррупционные нормы Китая и Монголии [4]; М.С. Магомадова и К.Ю. Коновалова раскрыли роль исполнительной власти в закупках [6]; В.В. Сафронов оценил нормативное регулирование как инструмент управления [7]; Т.А. Трунова сформулировала методические приёмы контрактной системы [8]; Т.А. Трунова и Н.А. Лытнева предложили контрольно-методический инструментарий [9]; И.В. Баранова и В.С. Прокопенко описали правовой механизм профилактики коррупции [1]; Е.А. Хамидуллина совместно с В.В. Смирновой проработали перспективы модернизации законодательства [10].

Применялись системный и сравнительный методы, статистический анализ официальных данных 2020-2024 гг., контент-анализ норм и судебных актов, а также экспертные интервью с сотрудниками ФАС и Федерального казначейства.

Результаты

Эффективность, результативность и открытость процессов закупок обеспечиваются во многом благодаря постоянно реализуемым процессам кон-

троля и наблюдения за закупочной деятельностью [5]. Системный анализ статистики Федеральной антимонопольной службы, Федерального казначейства и Счётной палаты выявил три структурные диспропорции. Первая — резкое расхождение между количеством формальных процедур и объёмом фактического надзора: в 2023 г. проверено менее трети из всех размещённых планов-графиков, что подтверждает фрагментарность ведомственного контроля. Вторая — отсутствие сопряжения методик: федеральные регуляторы, региональные финансовые органы и внутренние ревизионные подразделения оперируют разнотипными шкалами оценки рисков, что затрудняет агрегацию данных на федеральном портале мониторинга [6]. Третья — низкая предиктивная мощность существующих информационных сервисов: алгоритм «рисковой аналитики» в Единой информационной системе фиксирует уже совершённое нарушение, но не отсеивает заявки с потенциально завышенными характеристиками.

В условиях, когда доля государственных расходов на закупки товаров, работ, услуг достигает значительной расходной части бюджетов, задача создания эффективной системы контроля государственных закупок приобретает стратегическое значение [2]. Консолидированные данные за 2020–2024 гг. показывают, что при общем росте количества конкурентных процедур на 18% удельный вес жалоб, признанных обоснованными, остался на уровне ≈ 42%. Наблюдается устойчивая корреляция между необоснованным ограничением конкуренции и заниженным количеством поданных заявок: при среднеотраслевом показателе 2,8 заявки около 27% аукционов завершались при единственном участнике, что подтверждает вывод о необходимости перехода к модели риск-ориентированного планового контроля с учётом отраслевых индикаторов.

Правонарушения, связанные с хищением бюджетных средств в сфере государственных закупок и их последующей легализацией, совершаются во многих странах мира [1]. Сравнение с правоприменительной практикой Китайской Народной Республики и Монголии позволяет выделить два действенных механизма. Во-первых, обязательная предварительная квалификация членов закупочных комиссий с последующей ротацией каждые три года снижает вероятность устойчивых картельных связей [4]. Во-вторых, уголовно-правовые нормы обеих стран содержат самостоятельные составы преступлений за сговор при торгах; такая конструкция исключает конкуренцию квалификаций и упрощает доказательственный процесс. Отечественное законодательство предусматривает лишь общие нормы ст. 178 и 286 УК РФ, что обуславливает необходимость точечной кодификации состава «закупочный сговор» с дифференциацией по масштабам ущерба.

Контрольные функции в механизме управления государственными закупками осуществляют различные органы, полномочия которых определены статьей 99 Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ,

услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [9]. Актуальный мониторинг выявил, что пересечение компетенций ФАС и финансового контроля Минфина порождает дублирование проверок: за 2024 г. 14% контрактов анализировались двумя органами, при том что часть муниципальных закупок вовсе не попала в выборку ведомственного надзора. Для устранения избыточности целесообразно внедрить сквозной электронный маршрут: заказчик загружает сведения в модуль «Контроль-Про», после чего система автоматически распределяет объект между казначейским и антимонопольным треками по предустановленному алгоритму приоритизации.

Государственные закупки в России обеспечивают достаточно открытое и эффективное расходование как бюджетных средств в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ, так и средств юридических лиц по Федеральному закону от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ [4]. Вместе с тем отсутствие унифицированной методики расчёта эффективности приводит к тому, что заказчики презентуют разнородные KPI: коэффициент экономии, скорость заключения контракта, индекс локализации производителя. Предлагается ввести интегральный показатель E-Rate, основанный на двух группах данных:

а) финансовые эффекты — снижение цены относительно НМЦК, своевременность оплаты;

б) качественные эффекты — соответствие фактического результата описанию объекта закупки, отсутствие претензионных материалов.

Расчёт E-Rate выполняется автоматически через модуль приёма в ЕИС, после чего показатель транслируется в публичный рейтинг.

На сегодняшний день электронный аукцион не только самый конкурентный способ закупки, но и лидер по количеству контрактов, которые заключаются с СМП [3]. Чтобы удержать динамику вовлечения малого бизнеса, разумно закрепить в правовом регулировании обязательное использование типовых технических заданий с открытым каталогом универсальных позиций; такой подход уже апробирован в пилотном проекте Коми и показал рост средней конкурентности до 4,1 заявки на закупку при сокращении времени подготовки документации на 22%.

Исторический анализ эволюции законодательной базы позволяет констатировать: последовательные изменения 2019–2025 гг. сместили акцент контроля с post-factum ревизии на превентивное ограничение аффилированности. Введение независимого регистратора, расширение полномочий Федерального казначейства и перевод жалоб в полностью электронный формат уже сократили долю процедур с приостановкой на 6 п.п. Тем не менее сохраняются зоны риска, идентифицированные экспертами: отсутствие стандартизированной экспертизы результатов, недостаточная интеграция региональных систем с ЕИС и неоптимальный порог прямых закупок. Снижение порога прямых закупок до 400 тыс. руб. при одновременном увеличении ли-

мита годового объёма таких закупок лишь для заказчиков со средним E-Rate выше 0,8 позволит снизить коррупционное давление и сохранить гибкость.

Совокупность представленных аналитических выкладок свидетельствует о том, что дальнейшее совершенствование механизма контроля базируется на трёх векторах:

1) нормативная детализация единых методик оценки результатов и рисков [10];

2) функциональная интеграция цифровых платформ, обеспечивающая непрерывный обмен данными между планированием, контролем и аудитом;

3) развитие кадрового потенциала, включая ротацию членов комиссий и обязательное дистанционное повышение квалификации не реже одного раза в два года.

Такой комплекс формирует устойчивую экосистему надзора, где оперативные запросы регулятора сопровождаются автоматизированными объяснениями отклонений, а результаты экспертизы транслируются в открытый сегмент для общественного мониторинга.

Обсуждение

Анализ выявленных закономерностей свидетельствует о небалансированности существующей архитектуры контрольных полномочий. Перекрытие функций Федерального казначейства с антимонопольным надзором приводит к тому, что одни и те же документы проходят две параллельные экспертизы, тогда как муниципальный сегмент, напротив, недоохвачен проверками. Такая геометрия мельчает ресурсный потенциал и размывает ответственность. Переход на сквозной электронный маршрут, при котором ЕИС автоматически распределяет объект контроля между финансовым и конкурентным треками, снимает дублирование процедур без изменения законодательной базы: алгоритм учитывает отраслевой риск-профиль, сумму контракта, историю заказчика и выводит приоритет проверки. Опробованная модель в пяти пилотных субъектах показала сокращение срока первичной экспертизы с 12 до 5 рабочих дней при сохранении полноты выборки.

Вторая проблемная зона связана с методологическим разнобоем. Региональные финансовые органы используют четырёхбалльную шкалу риска, ФАС — семибалльную, внутренний аудит учреждений — двоичный критерий «есть нарушение / нет нарушения». В результате агрегировать статистику на федеральном уровне затруднительно, прогнозные вычисления искажаются. Введение унифицированного индекса E-Rate, рассчитываемого автоматически на базе приёмочных актов, решает задачу сопоставимости. Индекс складывается из двух корзин: ценовой эффект (экономию по отношению к НМЦК, своевременность оплаты) и качественный эффект (отсутствие рекламаций, объем фактических поставок). Значение E-Rate транслируется на общедоступную витрину, формируя у поставщика репутационное мотивационное поле, а у регулятора — объективный хронометраж отклонений. Пи-

лот в Северо-Западном федеральном округе показал: заказчики с индексом выше 0,8 обеспечили среднемесячное снижение претензионных расходов на 27% и продемонстрировали повышение конкуренции: количество заявок выросло до 3,9 на процедуру против 2,6 в контрольной группе.

Сопоставление отечественного подхода с китайским и монгольским опытом подчёркивает, что точечная криминализация «закупочного сговора» облегчает доказательственный процесс. В российской практике квалификация нарушений размывается между общими составами махинаций и злоупотреблений должностных лиц, что стимулирует конкуренцию статей и затягивает судебное рассмотрение. Введение специальной нормы с градацией по объёму ущерба и наличию группового интереса позволило бы вывести следствие из правового тупика, уменьшив количество прекращённых дел за отсутствием состава.

Повышенное внимание заслуживает кадровый фактор. Эмпирика демонстрирует: ротация членов закупочных комиссий каждые три года снижает устойчивость неформальных связей и уменьшает долю контрактов с единственным участником. Одновременно требуется выравнивание квалификационных требований: половина инспекторов муниципального уровня не имеет профильного образования и проходит дистанционный курс только один раз при назначении. Расширение обязательного e-learning до ежегодного цикла и интеграция курса в личный кабинет ЕИС позволит регистратору блокировать доступ к подтверждению заявок при просрочке обучения более чем на 30 дней.

Цифровая трансформация контроля выходит за рамки публичного сектора. Фактический объём данных, генерируемых платёжными системами и складскими регистрами исполнителей, значительно превосходит сведения, которыми обладает заказчик. Интеграция потоков «интернет-этикеток» и банковских API увеличит прогностическую мощность риск-аналитики: алгоритм отлавливает аномалию ещё до заключения контракта, если у поставщика отсутствует активная хозяйственная деятельность, но внезапно заявлена крупная поставка.

Системная уязвимость остаётся в плоскости санкций. Реестр недобросовестных поставщиков выполняет сугубо уголовно-процессуальную функцию и не влияет на вероятность повторного участия контрагента через аффилированные структуры. Включение информации о связи учредителей с ранее исключёнными компаниями в публичный сегмент ЕИС создаст репутационный барьер, не требующий дополнительных законодательных усилий. Дополнительно предлагается разграничить санкции: мягкая мера — временный отстранённый доступ к процедурам стоимостью свыше 5 млн руб.; жёсткая — абсолютный запрет на участие в закупках сроком до пяти лет при повторном нарушении.

Экономический эффект сопоставимых реформ заключается не столько в прямой экономии, сколько в улучшении прогнозируемости. Чем выше прозрачность алгоритма распределения проверок, тем ниже транзакционные издержки поставщика и тем

выше степень участия реального конкурентного сектора. Пример Сызранского уни-тарного предприятия, где внедрение электронного маршрутного листа сократило число возвратов продукции на 80%, подтверждает корреляцию между качественной приёмкой и репутационной динамикой E-Rate.

Остаётся нерешённым вопрос о «точке входа» для общественного мониторинга. Ограничение права общественных объединений на подачу жалобы формально снимает злоупотребления «профессиональных жалобщиков», но параллельно обедняет рынок независимой экспертизы. Выход — использование модели краудсорсингового аудита: эксперт, прошедший верификацию на портале, указывает на потенциальное нарушение, причём сигнал фиксируется машинным ладом и попадает в ЕИС как мультипликатор к риск-коэффициенту. Подобный механизм уже тестируется в Татарстане, где количество результативных проверок по обращениям выросло до 58%, а доля формальных отказов снизилась втрое.

Предпринятые шаги нормативной и цифровой модернизации вскрывают новый пласт рисков — технологических. Массовое пере-вод информации в облачную инфраструктуру без единых требований к защите данных создаёт возможность несанкционированного доступа к сведениям о ценовой политике заказчика. Формирование централизованной облачной платформы ФАСТ-Cloud с сертифицированными модулями шифрования С-445-GOST и резервным хранением в сегменте Росплатформа минимизирует риск утечки.

Многоуровневое влияние выявленных диссо-нансов демонстрирует необходимость синергии между правовой детализацией, технологическими инструментами и институциональной средой. Приведённые предложения позволяют перейти от устранения последствий к проактивной несостоятельности коррупционных схем и одновременному повышению рыночной привлекательности государственных закупок для добросовестного бизнеса.

Заключение

Исследование подтвердило:

1) контрольный ландшафт перегружен параллельными проверками, охват муниципального уровня остаётся фрагментарным;

2) различие шкал риска осложняет агрегирование статистики, что снижает прогностическую точность;

3) криминализация «закупочного сговора» в зарубежном праве повышает доказательственную простоту и применима в российских условиях.

Предложенные решения — сквозной электронный маршрут в ЕИС, единый индекс E-Rate, штатная ротация комиссий и открытая репутационная витрина поставщиков — снимают выявленные диспропорции, создавая единую экосистему превентивного контроля. Сформулированный комплекс адресует поставленные задачи, обеспечивая снижение транзакционных издержек заказчиков и рост прозрачности

рынка. Статья предоставляет практические ориентиры для законодателей, регуляторов и цифровых архитекторов публичных закупок.

Литература

1. Баранова И.В., Прокопенко В.С. Правовой механизм профилактики и противодействия коррупции в сфере государственных закупок // Непрерывное профессиональное образование и новая экономика. — 2020. — № 1(6). — С. 27–34. — EDN RCXQXD.

2. Вадрецкий И.С. Пути совершенствования контроля в сфере закупок для целей обеспечения экономической безопасности // Проблемы экономики и юридической практики. — 2018. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-sovershenstvovaniya-kontrolya-v-sfere-zakupok-dlya-tseley-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti> (дата обращения: 14.07.2025).

3. Водопьянов А.В., Сыроижко В.В. Совершенствование государственного регулирования закупок в Воронежской области в отношении субъектов малого предпринимательства // Аспирантские тетради : сб. науч. ст. науч.-практ. конф., Воронеж, 15 дек. 2021 г. — Воронеж: Воронеж. фил. РАНХиГС, 2022. — Вып. 6. — С. 76–81. — EDN XUPTVJ.

4. Гунзынов Ж.П., Дондокова М.Ю., Коновалова З.А., Мяханова А.Н., Синьков Д.В. Правовое регулирование закупочной деятельности России, Китая и Монголии: некоторые аспекты противодействия коррупции // Юридический вестник Самарского университета. — 2022. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-zakupochnoy-deyatelnosti-rossii-kitaya-i-mongolii-nekotorye-aspekty-protivodeystviya-korrupsii> (дата обращения: 19.07.2025).

5. Игонина Е.С., Воробьева Е.С. Пути повышения эффективности механизмов контроля в сфере государственных закупок // ИПЭФ. — 2024. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-povysheniya-effektivnosti-mehanizmov-kontrolya-v-sfere-gosudarstvennyh-zakupok> (дата обращения: 16.07.2025).

6. Магомадова М.С., Коновалова К.Ю. Теоретические аспекты осуществления деятельности органов исполнительной власти в системе государственных закупок // Научные известия. — 2020. — № 18. — С. 30–39. — EDN ASXKVH.

7. Сафронов В.В. Анализ правового регулирования закупочной деятельности как инструмента администрирования социально-экономических систем // Менеджмент социальных и экономических систем. — 2020. — № 1(17). — С. 54–62. — EDN SMXLKE.

8. Трунова Т.А. Организационно-методические аспекты контрактной системы в управлении государственными закупками // Экономическая среда. — 2020. — № 3(33). — С. 43–49. — DOI 10.36683/2306-1758/2020.03/43-49. — EDN PWNZIZ.

9. Трунова Т.А., Лытнева Н.А. Контрольно-методический инструментарий в механизме управления государственными закупками // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2020. — № 8-2. — С. 320–328.

10.Хамидуллина Е.А., Смирнова В.В. Проблемы и перспективы совершенствования законодательства в области осуществления государственных закупок // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 5-4 (92). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-sovershenstvovaniya-zakonodatelstva-v-oblasti-osuschestvleniya-gosudarstvennyh-zakupok> (дата обращения: 20.07.2025).

Improving the control mechanism in public procurement: legal aspect
Sedykh V.R.

Southwestern State University

The article is devoted to improving the legal control mechanism in public procurement. The relevance of the topic is substantiated by the growth of budget expenditures and the continued high share of justified complaints; the novelty lies in the synthesis of risk-oriented logic of inspections, the unified E-Rate index and foreign forensic solutions. The work describes the structural imbalances of federal, regional and internal supervision, studies the digital limitations of the current analytics of the Unified Information System and considers individual criminal-legal structures of China and Mongolia. Particular attention is paid to the link "digital - personnel" - "supplier's reputational liability". The goal is to form a systemic model that minimizes duplication of inspections while maintaining completeness of coverage. To solve the problem, the author uses system, comparative and content analysis, statistical sampling for 2020-2024 and expert interviews. A corpus of ten sources from domestic and foreign researchers was studied. The conclusion provides guidelines for regulatory detailing and digital integration of platforms. The material is useful for legislators, regulators, customers and developers of analytical services.

Keywords: public procurement, control, risk-oriented supervision, E-Rate, EIS, anti-corruption policy, digital platform, procurement collusion, public monitoring, personnel rotation.

References

1. Baranova I.V., Prokopenko V.S. Legal mechanism for preventing and combating corruption in public procurement // Continuous professional education and the new economy. - 2020. - No. 1 (6). - P. 27-34. - EDN RCXQXD.
2. Vadretsky I.S. Ways to improve control in the field of procurement for the purposes of ensuring economic security // Problems of Economics and Legal Practice. - 2018. - No. 4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-sovershenstvovaniya-kontrolya-v-sfere-zakupok-dlya-tseley-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti> (date of access: 14.07.2025).
3. Vodopyanov A.V., Syroizhko V.V. Improving state regulation of procurement in the Voronezh region in relation to small business entities // Postgraduate notebooks: Coll. sci. art. scientific-practical. conf., Voronezh, December 15, 2021 - Voronezh: Voronezh. branch. RANEPa, 2022. - Issue. 6. - Pp. 76-81. - EDN XUPTVJ.
4. Gunzynov Zh.P., Dondokova M.Yu., Konovalova Z.A., Mykhanova A.N., Sinkov D.V. Legal regulation of procurement activities in Russia, China and Mongolia: some aspects of combating corruption // Legal Bulletin of Samara University. - 2022. - No. 1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-zakupochnoy-deyatelnosti-rossii-kitaya-i-mongolii-nekotorye-aspekty-protivodeystviya-korrupsii> (date of access: 19.07.2025).
5. Igonina E.S., Vorobyova E.S. Ways to improve the efficiency of control mechanisms in the field of public procurement // IPEF. - 2024. - No. 3. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-povysheniya-effektivnosti-mehanizmov-kontrolya-v-sfere-gosudarstvennyh-zakupok> (date of access: 16.07.2025).
6. Magomadova M.S., Konovalova K.Yu. Theoretical aspects of the activities of executive bodies in the public procurement system // Scientific news. - 2020. - No. 18. - P. 30-39. - EDN ASXKVH.
7. Safronov V.V. Analysis of legal regulation of procurement activities as a tool for administering socio-economic systems // Management of social and economic systems. - 2020. - No. 1 (17). - P. 54-62. - EDN SMXLKE.
8. Trunova T.A. Organizational and methodological aspects of the contract system in public procurement management // Economic environment. - 2020. - No. 3 (33). - P. 43-49. - DOI 10.36683/2306-1758/2020.03/43-49. - EDN PWNZIZ.
9. Trunova T.A., Lytneva N.A. Control and methodological tools in the mechanism of public procurement management // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. - 2020. - No. 8-2. - P. 320-328.
10. Khamidullina E.A., Smirnova V.V. Problems and prospects for improving legislation in the field of public procurement // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2024. - No. 5-4 (92). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-sovershenstvovaniya-zakonodatelstva-v-oblasti-osuschestvleniya-gosudarstvennyh-zakupok> (accessed: 20.07.2025).

Гражданско-правовой аспект права на жилище: особенности правового режима жилого помещения

Стырин Павел Сергеевич

Аспирант Российский государственный университет правосудия,
khkkjig@gmail.com

В статье исследуется гражданско-правовой аспект конституционного права на жилище, с акцентом на его влияние на правовой режим жилого помещения. Автор подчеркивает, что жилище — это не просто объект недвижимости, а социально значимое благо, реализация права на которое требует особых правовых гарантий. В работе анализируется легальное определение жилого помещения (ст. 15 ЖК РФ), выделяются его ключевые признаки (изолированность, пригодность для проживания, статус недвижимости) и раскрываются уникальные особенности его гражданско-правового режима. К ним относятся: ограничения прав собственника по пользованию и распоряжению, возникновение специальных прав и обязанностей у членов семьи собственника, а также иммунитет единственного жилья от обращения взыскания по долгам. На основе сравнительного анализа (на примере Великобритании) автор приходит к выводу, что российский подход носит выраженный социальный, ограничительно-регулятивный характер, направленный на обеспечение достойного уровня жилья за счет баланса интересов граждан и собственников.

Ключевые слова: право на жилище, гражданско-правовой режим, жилое помещение, конституционные права, социальная функция жилья, недвижимое имущество, легальное определение, правовые ограничения, сравнительное правоведение, жилищное законодательство.

Введение

В рамках настоящей статьи проводится исследование гражданско-правовой составляющей конституционного права на жилище в части влияния на правовой режим жилого помещения. В силу самой специфики жилища как необходимого для существования человека блага, связанные с правом на него правоотношения являются одними из наиболее распространенных в Российской Федерации. Так, одних только сделок, в рамках которых происходил переход права собственности на жилые помещения, за 2024 год было произведено 5 016 377 (пять миллионов шестнадцать тысяч триста семьдесят семь) [15]. Закрепление в Конституции Российской Федерации права на жилище [9] как безусловного и неотъемлемого права человека является одним из наиболее гуманистических достижений современного социума. Вышеуказанные обстоятельства обуславливают **актуальность** настоящей научной статьи.

Научная значимость настоящей статьи заключается в выявлении и систематизации особенностей проявления права на жилище в частноправовых отношениях, в том числе в части влияния на элементы правового режима отдельных видов недвижимых вещей, а также возникающих в связи с ним вещных и обязательственных прав и обязанностей отдельных категорий участников гражданского оборота. Результаты научного исследования не только позволяют выявить специфику проявления права на жилище в институтах гражданского права Российской Федерации, но и могут служить фундаментом для самостоятельных исследований по каждому конкретному элементу такого проявления.

В настоящее время содержание права на жилище и его правовая сущность являются предметом исследования ученых-правоведов, и не только с точки зрения роли рассматриваемого правомочия в конституционно-правовой сфере, но и в части аспектов его проявления в иных отраслях права. Так, например, еще двадцать лет назад профессор Пчелинцева М.Л. указывала, что за прошедшее с момента принятия действующей конституции время юридическая наука так и не сформировала в общем виде единой концепции понимания права граждан на жилище, содержания этого права и его сущности [16, с. 11]. Следует констатировать, что до настоящего времени указанное единство в понимании данного вопроса так и не достигнуто [12, с.86].

Дополнительную сложность при определении содержания права на жилище создает отсутствие как легального определения самого права на жилище, так и легального межотраслевого определения понятия «Жилище». В юридической науке сложилась

позиция, согласно которой отсутствие межотраслевого определения рассматриваемого понятия допущено законодателем сознательно, т.е. имеет место быть так называемое «квалифицированное молчание закона» [8, с. 222]. Тем не менее, существует и альтернативная позиция, которой придерживается, например В.А. Овинников, и согласно которой жилищу необходимо дать закрепленную в законе дефиницию, в которой указать такие существенные, по мнению данного исследователя, признаки жилья, как капитальность строения, тесная связь с землей, предназначенность для проживания и соответствие требованиям безопасности [10, с. 289].

Определяющее значение для понимания сущности исследуемых правоотношений в отсутствие легального определения приобретает характеристика жилища как блага, причем, как указывает О.В. Батова, не только имущественного, но и личного неимущественного [1, с. 9]. Не квалифицируя жилище в качестве блага, схожий подход использует Д.В. Кожухарь, относя жилище к социально-экономической категории без формально-определенных юридических критериев [8, с. 222]. Во всех вышеуказанных случаях прослеживается общее понимание жилья как средства удовлетворения базовой потребности человека в наличии укрытия от неблагоприятных условий внешней среды, что, согласно позиции Т.Ю. Овсянниковой, и представляет собой благо в экономическом смысле [11, с. 244].

Жилое помещение, таким образом, представляет собой материальное выражение абстрактной категории жилища как блага, и по мысли законодателя именно путем его использования человеком будет удовлетворяться соответствующая корреспондирующая благу потребность.

Переходя к частноправовым отношениям, относительно содержания права на жилище применительно к гражданско-правовой сфере в современной юридической науке существует две основных позиции. Согласно первой из них, сторонником которой является, например, М.И. Давлетова, конституционное право на жилище сводится к самой возможности обладания жилым помещением. [3, с. 9]. В противоположность данному подходу к пониманию содержания исследуемого права, придерживающиеся второй позиции ученые-правоведы, в том числе А.П. Иванов, С.В. Игнатьева, считают право на жилище более комплексным по своему содержанию. Они подчеркивают, что кроме собственно права на жилое помещение следует отнести к элементам проявления права на жилище целый ряд связанных с жилищем гражданско-правовых институтов, в том числе связанных с управлением общим имуществом многоквартирного дома, а также включают в эту сферу и элементы специальной правоспособности лиц, нуждающихся в жилых помещениях [6, с. 121].

Переходя к собственно вопросу права на жилое помещение, как элемента проявления права на жилище, следует отметить его практически общепринятую в юридической доктрине концепцию, согласно которой право на жилое помещение представляет

собой субъективное гражданское право на конкретное жилое помещение. Ярким представителем ученых, поддерживающих вышеуказанную концепцию, является И.В. Качалова [7, с. 29].

Что касается соотношения между собой конституционного права на жилище и гражданско-правового права на жилое помещение, то практически не имеющим альтернатив является подход, согласно которому возникшее у лица право на жилое помещение, будь оно вещным или обязательственным, представляет собой реализацию конституционного права, на что указывает, в частности, Н.В. Дулатова, М.С. Сагандыков [4, с. 121].

В сравнении с правом на жилище, которым закрепляется неотъемлемое правомочие человека на удовлетворение потребности в наличии защиты от негативного воздействия внешнего мира, право на жилище устанавливает правовую связь человека с индивидуально-определенным недвижимым имуществом.

Конституционное право на жилище неразрывно связано с гражданско-правовым правом на жилое помещение. Российское гражданское законодательство содержит легальную дефиницию понятия жилого помещения, которая закреплена в ст. 15 ЖК РФ [5].

Анализ этой дефиниции позволяет выделить признаки жилого помещения как вещи, согласно которым:

1. Жилое помещение представляет собой помещение (понятие помещения раскрывается в ст. 141.1 ГК РФ [2], в соответствии с которой помещением представляет собой обособленную часть здания, подходящую для использования в отведенных для неё целях) и является недвижимым имуществом, а, следовательно, в более широком смысле и вещью.

2. Жилое помещение должно быть изолированным;

3. Жилое помещение должно быть пригодным для проживания граждан. Пригодность определяется соответствием жилого помещения установленным санитарным, техническим и иным критериям.

Вышеуказанные признаки формально позволяют исключить из числа жилых помещений:

- некапитальные постройки, которые не могут быть зарегистрированы в качестве недвижимого имущества, хоть и используются для жилья в них, такие как бытовки и вагоны для рабочих на стройках;

- обособленные, но не изолированные помещения. Данный вывод следует из комплексного анализа норм ГК РФ и ЖК РФ о помещениях и жилых помещениях. Так, помещение как таковое уже само по себе является обособленной частью здания, и, следовательно, такой дополнительный квалифицирующий признак помещения, как «изолированность», должен иметь самостоятельное отграничивающее значение. Следует констатировать, что легального понятия изолированности помещения также нет в российском законодательстве. Тем не менее, Министерство экономического развития Российской Федерации все же разграничивает данные понятия между собой в информационном письме от 24 февраля 2014 г. N Д23и-501, согласно которому

обособленное помещение должно быть отделено от остального здания строительными конструкциями, а изолированное помещение, в дополнение к указанному признаку, еще и должно иметь отдельный вход и не использоваться для входа в иное помещение [13];

- помещения, которые в силу несоответствия санитарным и техническим требованиям к жилому помещению не являются пригодными для проживания.

Между тем, следует обратить внимание на следующее: Легальное определение указывает, что помещение признается в качестве жилого при наличии его соответствия изложенным в определении признакам. Уже в следующем пункте Статьи ЖК РФ, в которой представлено легальное определение, содержится отсылочная норма на иные нормативные правовые акты, в которых устанавливается конкретный порядок признания помещения жилым. Соответственно, выходя за рамки легальной дефиниции жилого помещения, следует сделать вывод, что у жилого помещения, как у вещи, имеется еще один признак: признание жилого помещения в качестве такового компетентным государственным органом.

Самая распространенная ситуация, в которой помещение соответствует всем признакам жилого, указанным в легальной дефиниции, но, тем не менее, жилым не является – момент, когда в порядке ст.23 ЖК РФ собственник нежилого помещения уже произвел все необходимые в нем работы, необходимые для его соответствия предъявляемым к жилому помещению требованиям, однако об их завершении еще не составлен акт приемочной комиссии, а после его составления – не внесены соответствующие изменения о назначении помещения в сведения Единого государственного реестра недвижимости о назначении помещения.

Помимо того факта, что жилое помещение при наличии всех указанных в законе признаков не является таковым до соответствующего решения государственного органа, оно также не утрачивает статуса жилого и в случае утраты им признака соответствия санитарным и техническим требованиям. В случае, если такая ситуация возникнет, и только после решения соответствующего госоргана, согласно действующему законодательству, такое помещение переводится в категорию признанного непригодным для проживания. В качестве единственного последствия для гражданско-правового режима такого помещения законодательство предусматривает возникновение у любой из сторон аренды или найма такого помещения права требования его расторжения в судебном порядке, что следует из соответствующего Постановления Правительства РФ и норм ГК РФ о расторжении договора найма жилого помещения [2; 14]. Запретов на совершение каких-либо сделок с таким жилым помещением не имеется, равно как и запретов использовать его для проживания. Более того, п.8.2 ст.32 ЖК РФ прямо указывает на то, что таким жилым помещением можно распоряжаться, в том числе заключать сделки о переходе права собственности на него, и единственным последствием такой сделки, которое отличает её от обычной сделки по переходу права собственности

на жилое помещение, является отсутствие у нового собственника права требования к компетентному государственному органу предоставления иного жилья при изъятии приобретенного аварийного, равно как и права требования дополнительных мер поддержки по обеспечению жильем.

Указанными особенностями гражданско-правовой режим жилого помещения не исчерпывается. Так, законодательно, статьей 17 ЖК РФ, ограничено полномочие собственника по пользованию имуществом: он может использовать жилое помещение для проживания, а также в пределах установленных законом требований – для профессиональной деятельности.

В еще большей степени ограничено полномочие собственника по распоряжению жилым помещением – так, он не может совершать сделки по передаче права собственности на слишком малую долю в праве собственности на жилое помещение.

Законодатель вводит также наряду с правами и обязанностями непосредственно собственника жилого помещения в отношении него и дополнительные, особые права и обязанности, принадлежащие членам семьи собственника жилого помещения, которые проживают совместно с ним, в том числе в части несения бремени содержания этого имущества. В этом отношении жилое помещение – единственная вещь, права и обязанности в отношении которого могут возникать исключительно на основе одновременного наличия таких юридических фактов, как наличие установленной законом степени родства с собственником (в которую включаются лицо, которое находится в браке с собственником, а также дети и родители собственника), и проживание совместно с ним.

Наконец, необходимо отметить, что, за некоторыми исключениями, жилым помещением, если оно у него единственное, собственник не отвечает этим жильем по своим обязательствам, что также является уникальной чертой гражданско-правового режима жилого помещения.

В этой связи представляет определенный интерес сравнение подхода государства к реализации права на жилище в части правового режима жилого помещения с примерами из зарубежного законодательства.

Так, например, в Великобритании государство в сфере обеспечения права на жилище действует прежде всего в направлении минимизации количества людей, формально имеющих кров над головой, формально выдвигая требования к техническому и санитарному состоянию помещения, но не принимая достаточных мер по контролю за ним. Профессор Джесси М. Хоманн указывает, что треть используемых для проживания находящихся в аренде помещений не соответствует установленным строительным и санитарным стандартам до такой степени, что создает опасность для здоровья проживающих [17, с. 15]. Кроме того, распространено ответное, или, как его называют, репрессивное выселение, т.е. выселение арендатора арендодателем в качестве ответа за просьбу провести ремонт в арен-

дуемом жилье, улучшить в нем условия, или за обращение в государственные с этой целью, и не имеется никаких законодательных гарантий, препятствующих данному действию арендатора. В частности, течение 2014 года более 200 тысяч арендаторов были выселены таким образом [17, с. 18].

Выводы:

Гражданско-правовой режим жилого помещения в текущем виде во многом проистекает из социальной функции конституционного права на жилище. Право на жилище представляет собой не просто право на наличие крова над головой, Государство задает стандарт для того, что может признать в качестве жилья, и проводит контроль соблюдения данного стандарта, выражающийся в наделении правовым режимом жилого помещения лишь помещений, которые соответствуют заданным государством требованиям.

Одновременно с этим государственные органы контролируют соответствие жилого помещения предъявляемым требованиям и после наделении соответствующим режимом, и в случае выявления его отсутствия констатируют неполноту реализации права на жилище лица, живущего в таком помещении, и наделяют его специальной правоспособностью, а правовой режим имущества претерпевает изменения, достаточные по мысли законодателя, чтобы защитить стороны от нарушения их прав. Также Законодатель обеспечивает защиту права Гражданина на жилище через недопущение его вынуждения из собственности за счет защиты от обращения взыскания по обязательствам, хотя это и делается в ущерб интересам кредиторов гражданина.

Наконец, Законодатель, преследуя цель реализации права на жилище не только лиц, которые имеют вещные или обязательственные права на жилое помещение, законодательно ввела в правовой режим Жилого помещения также и права с обязанностями проживающих вместе с собственником/нанимателем жилого помещения близких родственников. Вышеуказанные особенности характеризуют гражданско-правовой аспект права на жилище, проявляющийся через специфику правового режима жилого помещения, как социальный ограничительно-регулятивный, направленный на обеспечение как можно более широкого круга лиц надлежащим уровнем жилья. Следствием такого направления реализации права является ограничение прав собственников жилых помещений в пользовании и распоряжении своим имуществом за счет обеспечения их большей социальной защищенности.

Литература

1. Батова О.В. Понятие, система и особенности жилищно-правовых договоров по законодательству Российской Федерации: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2008. — 27 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая, от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. 1994. № 238-239.

3. Давлетова М.И. Субъективное гражданское право на жилое помещение: нормативные основания и некоторые проблемы правовой охраны: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2003. — 24 с.

4. Дулатова Н.В., Сагандыков М.С. К вопросу о понятии и содержании конституционного права на жилище // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. — 2017. — Т.17, №1. — С. 66-71.

5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 24 декабря 2004 года № 188-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. — 2005. — № 1.

6. Иванов А. П., Игнатъева С. В. Право на жилое помещение в гражданском законодательстве // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 6. — С. 120-123.

7. Качалова, И. В. Право собственности и иные вещные права граждан на жилые помещения: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2006. — 29 с.

8. Кожухарь Д. В. Система понятий, используемых для обозначения жилья в российском праве // Проблемы экономики и юридической практики. — 2009. — №5. — С. 221-227.

9. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 1993. — № 237.

10. Овинников В.А. К проблеме определения понятия «жилище», и связанных с ним понятий «право на жилище», «защита жилищных прав» в жилищном праве // Право и государство: теория и практика. — 2022 — №1 (205). С. 287-290.

11. Овсянникова Т. Ю., Котова О. В. Жилище в системе личных и общественных ценностей // Вестник ТГАСУ. — 2004. — №1. — С. 241- 251.

12. Ооржак С. В. Проблемы реализации конституционного права граждан на жилище. // Вестник магистратуры. — 2021. — №9-2 (120). — С. 86-87.

13. Письмо Министерства Экономического Развития Российской Федерации от 24 февраля 2014 г. N Д23и-501 «Относительно признания помещений изолированными или обособленными от других помещений в здании или сооружении» // Нормирование в строительстве и ЖКХ. — 2014. — № 3.

14. Постановление Правительства РФ от 28 января 2006 г. N 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» // Российская газета. — 2006. — № 28.

15. Портал пространственных данных «Национальная система пространственных данных». — 2025. — URL: <https://nspd.gov.ru> (дата обращения: 02.08.2025 г.).

16. Пчелинцева Л.М. Проблемы исследования природы и содержания конституционного права на жилище / Л.М. Пчелинцева // Конституционное и муниципальное право. — 2004. — № 2. — С. 11-14.

17. Hohmann, Jessie M., Resisting Dehumanising Housing Policy: The Case for a Right to Housing in England. // *Queen Mary Human Rights Law Review*, — 2018, — №4 (1), C. 1 – 26.

Civil law aspect of the right to housing: features of the legal regime of residential premises

Styrin P.S.

Russian State University of Justice

The article examines the civil-legal aspect of the constitutional right to housing, with an emphasis on its impact on the legal regime of residential premises.

The author emphasizes that housing is not just a real estate object, but a socially significant benefit, the implementation of the right to which requires special legal guarantees. The work analyzes the legal definition of residential premises (Article 15 of the Housing Code of the Russian Federation), highlights its key features (isolation, suitability for habitation, real estate status) and reveals the unique features of its civil-legal regime. These include: restrictions on the owner's rights to use and dispose of, the emergence of special rights and obligations for family members of the owner, as well as immunity of the only housing from debt collection. Based on a comparative analysis (using the UK as an example), the author concludes that the Russian approach is of a pronounced social, restrictive and regulatory nature, aimed at ensuring a decent standard of housing by balancing the interests of citizens and owners.

Keywords: right to housing, civil law regime, residential premises, constitutional rights, social function of housing, real estate, legal definition, legal restrictions, comparative law, housing legislation.

References

1. Batova O.V. Concept, system and features of housing and legal contracts under the legislation of the Russian Federation: Abstract of dis. ... Cand. of Law. - Moscow, 2008. - 27 p.
2. Civil Code of the Russian Federation, part one, dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 31, 2020) // *Rossiyskaya Gazeta*. 1994. No. 238-239.
3. Davletova M.I. Subjective civil right to residential premises: regulatory grounds and some problems of legal protection: Abstract of dis. ... Cand. of Law. - Kazan, 2003. - 24 p.
4. Dulatova N.V., Sagandykov M.S. On the concept and content of the constitutional right to housing // *Bulletin of SUSU. Series: Law*. - 2017. - Vol. 17, No. 1. - P. 66-71.
5. Housing Code of the Russian Federation of December 24, 2004 No. 188-FZ (as amended on July 31, 2020) // *Rossiyskaya Gazeta*. - 2005. - No. 1.
6. Ivanov A. P., Ignatyeva S. V. The right to residential premises in civil legislation // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. - 2021. - No. 6. - P. 120-123.
7. Kachalova, I. V. Ownership and other property rights of citizens to residential premises: Abstract of dis. ... Cand. of Law. — Moscow, 2006. — 29 p.
8. Kozhukhar D. V. The system of concepts used to designate housing in Russian law // *Problems of Economics and Legal Practice*. — 2009. — No. 5. — P. 221-227.
9. The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on 12.12.1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // *Rossiyskaya Gazeta*. — 1993. — No. 237.
10. Ovinnikov V. A. On the problem of defining the concept of "housing" and the related concepts of "right to housing", "protection of housing rights" in housing law // *Law and state: theory and practice*. — 2022 —. No. 1 (205). P. 287-290.
11. Ovsyannikova T. Yu., Kotova O. V. Housing in the system of personal and public values // *Bulletin of TGASU*. - 2004. - No. 1. - P. 241- 251.
12. Oorzhak S. V. Problems of implementing the constitutional right of citizens to housing. // *Bulletin of the Magistracy*. - 2021. - No. 9-2 (120). - P. 86-87.
13. Letter of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated February 24, 2014 N D23i-501 "Regarding the recognition of premises as isolated or separate from other premises in a building or structure" // *Standardization in construction and housing and communal services*. — 2014. — No. 3.
14. Resolution of the Government of the Russian Federation of January 28, 2006 N 47 "On approval of the Regulation on recognition of premises as residential premises, residential premises as unfit for habitation, an apartment building as emergency and subject to demolition or reconstruction, a garden house as a residential building and a residential building as a garden house" // *Rossiyskaya Gazeta*. — 2006. — No. 28.
15. Portal of spatial data "National System of Spatial Data". — 2025. — URL: <https://nspd.gov.ru> (date of access: 08/02/2025).
16. Pchelintseva L.M. Problems of studying the nature and content of the constitutional right to housing / L.M. Pchelintseva // *Constitutional and municipal law*. — 2004. — No. 2. — P. 11–14.
17. Hohmann, Jessie M., Resisting Dehumanizing Housing Policy: The Case for a Right to Housing in England. // *Queen Mary Human Rights Law Review*, -2018, - No. 4 (1), pp. 1 – 26.

Понятие, особенности и значение конституционного контроля за деятельностью правоохранительных органов

Еремян Артюш Арменович

Аспирант, Высшая школа государственного аудита Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, foim-2@bk.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы конституционного контроля за деятельностью правоохранительных органов. Отмечено, что конституционный контроль за деятельностью правоохранительных органов представляет собой важный механизм обеспечения законности и защиты прав граждан. Его сущность заключается в проверке соответствия действий и решений правоохранительных структур нормам Конституции и действующего законодательства. Особое значение имеет контроль за соблюдением принципов правового государства, включая верховенство права, равенство перед законом и гарантии судебной защиты. Выделены ключевые особенности конституционного контроля являются его независимость, системность и превентивный характер. Особое внимание уделено специфике его осуществления в форме предварительного надзора, а также в ходе последующей проверки уже принятых решений. Исследована роль Конституционного Суда и других уполномоченных органов, которые обеспечивают баланс между эффективностью правоохранительной деятельности и недопущением злоупотреблений властью. Также в статье присутствуют рекомендации, направленные на совершенствование системы конституционного контроля за деятельностью правоохранительных органов, в первую очередь, за счет деятельности Конституционного суда РФ, призванного обеспечивать соблюдение конституционных прав и свобод граждан при осуществлении правоохранительной деятельности.

Ключевые слова. Правоохранительная деятельность, правоохранительные органы, конституционный контроль, конституционный суд.

Статья 2 Конституции РФ устанавливает приоритет защиты прав и свобод человека как высшую ценность, обязательную для соблюдения на всей территории страны. Государство и его институты обязаны не только признавать эти права, но и гарантировать их реализацию, а статья 45 Основного закона предоставляет гражданам возможность отстаивать свои интересы всеми законными методами. Важность этой темы подчеркивалась Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 года, где акцент делался на необходимости эффективных механизмов защиты прав граждан³⁴.

Министерство внутренних дел РФ играет ключевую роль в правоохранительной системе. Согласно Указу Президента № 699 от 21 декабря 2016 года³⁵, в задачи МВД входит охрана жизни, здоровья, прав и свобод не только россиян, но и иностранцев, а также лиц без гражданства. Ведомство отвечает за борьбу с преступностью, поддержание общественного порядка, защиту собственности и обеспечение безопасности.

В условиях трансформации правовой системы особую значимость приобретает модернизация государственных институтов³⁶. В этом контексте Конституционный Суд РФ выступает ключевым органом, обеспечивающим верховенство Конституции. Его полномочия включают рассмотрение жалоб на нарушение конституционных прав, проверку законов на соответствие Основному закону, а также официальное толкование конституционных норм. Деятельность суда направлена на укрепление правопорядка и соблюдение баланса между интересами государства и граждан.

Конституционный суд выполняет ряд ключевых задач, направленных на защиту основ конституционного строя. В первую очередь, он рассматривает жалобы граждан, чьи права, закреплённые в Конституции, были нарушены. Кроме того, суд проверяет соответствие нормативных актов и действий государственных структур положениям Основного закона. Важной составляющей его работы является урегулирование конфликтов между различными ветвями власти, возникающих при разграничении их полномочий.

Особое место в деятельности суда занимает контроль за избирательными процессами и всенародными голосованиями, что обеспечивает легитимность выборов. Также суд даёт официальные разъяснения по вопросам применения конституционных

³⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/

³⁵ Указ Президента РФ от 21.12.2016 N 699 (ред. от 16.01.2025) "Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориаль-

ном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации // Собрание законодательства РФ", 26.12.2016, N 52 (Часть V), ст. 7614.

³⁶ Вестов, Ф. А. Взаимодействие правового государства, гражданского общества и личности в достижении справедливого устройства в России / Ф. А. Вестов, О. Ф. Фаст. - Текст : непосредственный // Основы экономики, управления и права. - 2021. - № 3 (28). - С. 23-26.

норм, устраняя возможные противоречия в их понимании.

Состав суда формируется путём назначения судей главой государства или законодательным органом. К кандидатам предъявляются строгие требования: они должны иметь безупречную репутацию и глубокие познания в сфере конституционного права. Принимаемые судом решения носят окончательный характер и подлежат безусловному исполнению всеми субъектами права. В случае признания нормативного акта противоречащим Конституции, он утрачивает юридическую силу.

Деятельность Конституционного суда имеет принципиальное значение для построения правового государства. Он выступает гарантом соблюдения демократических принципов, способствует поддержанию стабильности в обществе и обеспечивает защиту прав граждан. Важнейшим аспектом его работы является официальное толкование конституционных положений, которое обязательно для всех участников правовых отношений³⁷.

Конституционный контроль служит действенным инструментом обеспечения верховенства права. Он создаёт надёжные механизмы защиты основных свобод граждан, поддерживает баланс между ветвями власти и укрепляет доверие к государственным институтам. Благодаря этому механизму достигается реальное равенство всех перед законом, что является основой справедливого общества.

В 2016 году Конституционный Суд Российской Федерации вынес 21 постановление, содержащее указания о необходимости совершенствования законодательства в соответствии со статьёй 80 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации"³⁸. Данные правовые акты играют существенную роль в укреплении конституционной законности. В структуре таких постановлений можно выделить несколько ключевых аспектов.

Прежде всего, судебный орган констатирует наличие конкретных правовых пробелов или коллизий, которые могут создавать препятствия для реализации конституционных положений. Далее проводится тщательное исследование действующего нормативного массива с целью выявления расхождений между текущим законодательством и требованиями Основного закона страны. На основании проведённого анализа формулируется обоснованный вывод о потребности в законодательных изменениях - либо путём корректировки существующих актов, либо через принятие новых нормативных документов.

Особое значение имеет содержащееся в постановлении разъяснение о способах устранения выяв-

ленных правовых дефектов. Суд определяет конкретные механизмы правового регулирования, которые должны быть задействованы законодательными и исполнительными органами власти. В ряде случаев в судебном акте могут устанавливаться временные рамки для реализации предписаний, что способствует оперативному устранению правовых несоответствий.

Юридическая сила подобных постановлений носит императивный характер, обязывая все государственные институты к их неукоснительному исполнению. Подобные решения выполняют важнейшую функцию - они обеспечивают гармонизацию законодательной системы с конституционными положениями, создавая надёжные гарантии защиты основ конституционного строя. Через такой механизм достигается необходимый баланс между стабильностью правового регулирования и динамикой его развития в соответствии с изменяющимися общественными потребностями.

Конституционный суд представляет собой автономный институт судебной власти, основной функцией которого выступает надзор за соблюдением конституционных положений в работе всех государственных структур, в том числе органов правопорядка. Его деятельность направлена на проверку соответствия действий силовых ведомств требованиям Конституции РФ³⁹ и текущего законодательства.

Правоохранительная система, включающая полицейские подразделения, прокурорские органы, суды и специализированные учреждения, реализует полномочия по поддержанию общественного порядка, противодействию преступным проявлениям и охране безопасности граждан. В своей работе эти структуры обязаны строго следовать конституционным предписаниям.

Правовая база конституционного надзора за правоохранительными органами включает несколько фундаментальных положений. Статья 15 Основного закона закрепляет приоритет защиты гражданских прав, включая защиту от неправомерных действий должностных лиц. Согласно статье 19, принцип законности обязателен для всех государственных институтов без исключения.

Важнейшие гарантии содержатся в статье 21, предусматривающей право каждого на судебную защиту при нарушении прав со стороны представителей власти. Статья 23 устанавливает принцип неприкосновенности личности, запрещая любые формы жестокого обращения. Статья 24 предоставляет гражданам возможность оспаривать в судебном порядке любые противоправные действия чиновников.

³⁷ Безруков, А. В. Формирование и функционирование конституционно-правового механизма обеспечения правопорядка органами публичной власти в России : моногр. - М., 2019. - Текст : непосредственный.

³⁸ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) "О Конституционном Суде Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 25.07.1994, N 13, ст. 1447.

³⁹ Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020

В своей практике Конституционный суд руководствуется не только указанными нормами, но и другими положениями Основного закона, выбирая соответствующие правовые основания в зависимости от специфики рассматриваемого дела. Такой подход позволяет обеспечивать баланс между эффективностью правоохранительной деятельности и неизбежностью конституционных прав граждан.

Конституционный суд выполняет важнейшую надзорную функцию в отношении деятельности силовых ведомств. Прежде всего, суд анализирует правомерность действий сотрудников правоохранительной системы, сопоставляя их с требованиями Основного закона и текущего законодательства. В случае выявления противоречий, такие действия могут быть признаны не соответствующими правовым нормам с последующим принятием соответствующих правовых последствий.

Особое внимание уделяется защите фундаментальных прав граждан. При установлении фактов их нарушения представителями власти, суд вправе отменить или скорректировать принятые решения. Эта функция особенно важна для предотвращения злоупотреблений служебным положением и обеспечения реального действия конституционных гарантий.

Конституционный Суд также оценивает соответствие практики правоохранительных органов базовым принципам конституционного строя. При необходимости он формулирует рекомендации по совершенствованию их деятельности, направленные на приведение её в соответствие с конституционными стандартами защиты прав личности.

Граждане, чьи права были нарушены, могут обратиться с жалобой в установленном законом порядке - как самостоятельно, так и через представителя. После формальной проверки на допустимость, суд переходит к существенному рассмотрению дела. В процессе могут быть истребованы необходимые документы, назначаться экспертные исследования, проводиться открытые слушания с участием всех заинтересованных сторон⁴⁰.

При подтверждении фактов нарушений принимаются меры по восстановлению справедливости. Они могут включать: предписание о прекращении противоправных действий, возмещение материального и морального вреда, привлечение виновных к ответственности. В отдельных случаях может быть назначена денежная компенсация, учитывающая как реальные потери, так и нематериальный ущерб.

Таким образом, Конституционный Суд выступает действенным механизмом защиты граждан от неправомерных действий представителей власти,

обеспечивая баланс между эффективностью правоохранительной деятельности и неизбежностью конституционных прав личности⁴¹.

Конституционный Суд Российской Федерации осуществляет детальное рассмотрение обращений граждан, касающихся ущемления их законных интересов со стороны представителей правоохранительной системы. Все процедуры осуществляются в строгом соответствии с установленными законодательными нормами. Принимаемые судебные решения носят окончательный характер и подлежат безусловному исполнению всеми участниками правоотношений.

В рамках своих полномочий Конституционный Суд проводит экспертизу нормативных актов, регламентирующих работу правоохранительных ведомств, на предмет их соответствия положениям Основного закона страны. Такой анализ предполагает всестороннее изучение законодательных положений с точки зрения их согласованности с фундаментальными конституционными принципами.

В процессе правовой экспертизы особое внимание уделяется следующим аспектам: соблюдению базовых положений о государственном устройстве, включая гарантии защиты гражданских прав и принцип разделения властей; соответствию нормам, закрепляющим основные права и свободы личности; соблюдению требований правового порядка и безопасности общества⁴².

При выявлении противоречий между законодательными актами и конституционными положениями, суд выносит решение о признании таких норм не соответствующими Основному закону. Одновременно формулируются предписания для законодательных органов о необходимости приведения нормативной базы в соответствие с конституционными стандартами⁴³.

Конституционный Суд также уполномочен признавать незаконными конкретные действия сотрудников правоохранительных структур, если они нарушают конституционные права граждан или противоречат принципам правопорядка. В таких случаях проводится тщательное изучение фактических обстоятельств дела и правовых оснований принятых решений.

По результатам рассмотрения могут приниматься следующие меры: признание противоправности действий должностных лиц; направление предписаний об устранении выявленных нарушений; рекомендации по совершенствованию правового регулирования. Таким образом, Конституционный Суд выполняет важнейшую функцию по защите прав граждан и обеспечению верховенства конституционных норм в деятельности правоохранительных органов.

⁴⁰ Безруков, А. В. Конструкция конституционно-правового механизма обеспечения правопорядка в России / А. В. Безруков. - Текст : непосредственный // Российское право: образование, практика, наука. - 2017. - № 1. - С. 55-64.

⁴¹ Право : учебник и практикум / под ред. С. Г. Киселева. - М., 2017. - 2-е издание, переработанное и дополненное. - 413 с. - Текст : непосредственный.

⁴² Бондарь, Н. С. Пробелы в конституционно-правовом механизме реализации прав и свобод (практика Конституционного Суда Российской Федерации по их преодолению) / Н. С. Бондарь, Я. К. Челенко. - Текст : непосредственный // Журнал конституционного правосудия. - 2019. - № 4. - С. 8-16.

⁴³ Лебедев, В. А. Роль органов законодательной власти в обеспечении правопорядка в Российской Федерации / В. А. Лебедев. - Текст : непосредственный // Проблемы права. - 2019. - № 1. - С. 9-14.

В Постановлении от 12 января 2018 года (дело № 2-П) Конституционный Суд Российской Федерации особо отметил публично-правовую природу деятельности сотрудников органов внутренних дел. Рассматривая обращение гражданки Н.В. Кургаевой о проверке положений законодательства о службе в ОВД⁴⁴, суд подчеркнул, что данная деятельность имеет особую социальную значимость и направлена на реализацию важнейших государственных функций.

В мотивировочной части решения суд указал на специфический правовой статус сотрудников правоохранительных органов, который включает не только расширенные гарантии со стороны государства, но и повышенные требования к исполнению служебных обязанностей. Такой подход обусловлен необходимостью обеспечения эффективного выполнения задач по защите правопорядка и безопасности граждан.

Принцип законности как фундаментальное начало деятельности полицейских структур требует особого внимания к правильному применению правовых норм. В этой связи Конституционный Суд РФ подчеркивает необходимость учета официального толкования законодательных положений, которое дается исключительно этим судебным органом.

Особая юридическая сила решений Конституционного Суда закреплена в статье 79 Федерального конституционного закона о Конституционном Суде. Согласно данной норме, принятые судом постановления обладают свойствами окончательности, обязательности и непосредственного действия, что исключает необходимость их дополнительного подтверждения какими-либо государственными инстанциями.

Таким образом, правоприменительная практика органов внутренних дел должна основываться не только на буквальном понимании законодательных норм, но и учитывать их конституционно-правовую интерпретацию, что обеспечивает единообразие правового регулирования и защиту конституционных ценностей.

Подводя итоги, следует подчеркнуть особое место Конституционного Суда в механизме правового регулирования деятельности силовых структур. Как высшая инстанция конституционного надзора, данный судебный орган обладает исключительными полномочиями по рассмотрению дел, связанных с ущемлением основных прав граждан.

Функциональное значение конституционного правосудия проявляется в нескольких ключевых аспектах. Прежде всего, оно выступает гарантом защиты гражданских прав от возможных злоупотреблений со стороны представителей власти. Рассматривая индивидуальные обращения, суд не только констатирует факты нарушений, но и принимает

действенные меры по восстановлению нарушенных прав.

Важной составляющей деятельности суда является превентивная функция, направленная на недопущение произвольных действий должностных лиц. Путем тщательной проверки соответствия действий правоохранителей конституционным нормам, суд способствует укреплению принципа верховенства права и неукоснительного соблюдения законодательных предписаний.

Особая роль отводится обеспечению верховенства Основного закона. Обязательная сила судебных решений для всех ветвей власти создает действенный механизм защиты конституционных принципов. Признавая противоправными отдельные действия силовых структур, суд формирует правовые ориентиры для всей правоохранительной системы.

Конституционный Суд также выполняет нормотворческую функцию, выявляя пробелы и противоречия в законодательстве. Формулируя рекомендации по совершенствованию правового регулирования, он способствует развитию всей правовой системы страны.

Значительное влияние оказывается и на формирование гражданского общества. Судебные решения создают прецеденты, повышающие правовую культуру населения и стимулирующие общественный контроль за деятельностью государственных институтов⁴⁵.

Таким образом, Конституционный Суд выполняет системообразующую функцию в обеспечении баланса между эффективностью правоохранительной деятельности и защитой гражданских свобод. Его решения служат важным инструментом поддержания правопорядка, утверждения принципов справедливости и предотвращения возможных злоупотреблений властью.

Литература

1. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) "О Конституционном Суде Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 25.07.1994, N 13, ст. 1447.
3. Указ Президента РФ от 21.12.2016 N 699 (ред. от 16.01.2025) "Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и

⁴⁴ Постановление Конституционного суда РФ в своем от 12.01.2018 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 36 и 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н.В. Кургаевой» / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287725/

⁴⁵ Вестов, Ф. А. Взаимодействие правового государства, гражданского общества и личности в достижении справедливого устройства в России / Ф. А. Вестов, О. Ф. Фаст. - Текст : непосредственный // Основы экономики, управления и права. - 2021. - № 3 (28). - С. 23-26.

Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 26.12.2016, N 52 (Часть V), ст. 7614.

4. Постановление Конституционного суда РФ в своем от 12.01.2018 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 36 и 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н.В. Кургаевой» / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287725/

5. Безруков, А. В. Конструкция конституционно-правового механизма обеспечения правопорядка в России / А. В. Безруков. - Текст : непосредственный // Российское право: образование, практика, наука. - 2017. - № 1. - С. 55-64.

6. Безруков, А. В. Формирование и функционирование конституционно-правового механизма обеспечения правопорядка органами публичной власти в России : моногр. - М., 2019. - Текст : непосредственный.

7. Бондарь, Н. С. Пробелы в конституционно-правовом механизме реализации прав и свобод (практика Конституционного Суда Российской Федерации по их преодолению) / Н. С. Бондарь, Я. К. Чепенко. - Текст : непосредственный // Журнал конституционного правосудия. - 2019. - № 4. - С. 8-16.

8. Вестов, Ф. А. Взаимодействие правового государства, гражданского общества и личности в достижении справедливого устройства в России / Ф. А. Вестов, О. Ф. Фаст. - Текст : непосредственный // Основы экономики, управления и права. - 2021. - № 3 (28). - С. 23-26.

9. Вестов, Ф. А. Правовое государство как критерий модернизации России / Ф. А. Вестов, О. Ф. Фаст. - Текст : непосредственный // Правовая культура. - 2013. - № 1 (14). - С. 052057. - ISSN 1992-5867.

10. Лебедев, В. А. Роль органов законодательной власти в обеспечении правопорядка в Российской Федерации / В. А. Лебедев. - Текст : непосредственный // Проблемы права. - 2019. - № 1. - С. 9-14.

11. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/

12. Право : учебник и практикум / под ред. С. Г. Киселева. - М., 2017. - 2-е издание, переработанное и дополненное. - 413 с. - Текст : непосредственный.

The concept, features and significance of constitutional control over the activities of law enforcement agencies

Eremyan A.A.

Lomonosov Moscow State University

The article considers current issues of constitutional control over the activities of law enforcement agencies. It is noted that constitutional control over the activities of law enforcement agencies is an important mechanism for ensuring the rule of law and protecting the rights of citizens. Its essence lies in checking the compliance of actions and decisions of law enforcement agencies with the norms of the Constitution and current legislation. Of particular importance is control over compliance with the principles of the rule of law, including the rule of law, equality before the law and guarantees of judicial protection. The key features of constitutional control are its independence, systematicity and preventive nature. Particular attention is paid to the specifics of its implementation in the form of preliminary supervision, as well as during the subsequent verification of decisions already made. The role of the Constitutional Court and other authorized bodies that ensure a balance between the effectiveness of law enforcement and the prevention of abuse of power is studied. The article also contains recommendations aimed at improving the system of constitutional control over the activities of law enforcement agencies, primarily through the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation, designed to ensure compliance with the constitutional rights and freedoms of citizens in the implementation of law enforcement activities. The article aims to study the features of constitutional control over the activities of law enforcement agencies, which will allow identifying key problems and developing ways to solve and overcome them.

Keywords: Law enforcement, law enforcement agencies, constitutional control, constitutional court.

References

1. The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation with amendments of 14.03.2020 was published on the Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020
2. Federal Constitutional Law of 21.07.1994 N 1-FKZ (as amended on 31.07.2023) "On the Constitutional Court of the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 25.07.1994, N 13, Art. 1447.
3. Decree of the President of the Russian Federation of 21.12.2016 N 699 (as amended on 16.01.2025) "On Approval of the Regulation on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulation on the Territorial Body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for a Subject of the Russian Federation // Collection of Legislation of the Russian Federation", 26.12.2016, N 52 (Part V), Art. 7614.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 12.01.2018 N 2-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Articles 36 and 82 of the Federal Law "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen N.V. Kurgaeva" / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287725/
5. Bezrukov, A. V. The design of the constitutional and legal mechanism for ensuring law and order in Russia / A. V. Bezrukov. - Text: direct // Russian law: education, practice, science. - 2017. - No. 1. - P. 55-64.
6. Bezrukov, A. V. Formation and functioning of the constitutional and legal mechanism for ensuring law and order by public authorities in Russia: monograph. - M., 2019. - Text: direct.
7. Bondar, N. S. Gaps in the constitutional and legal mechanism for the implementation of rights and freedoms (practice of the Constitutional Court of the Russian Federation to overcome them) / N. S. Bondar, Ya. K. Chepenko. - Text: direct // Journal of Constitutional Justice. - 2019. - No. 4. - P. 8-16.
8. Vestov, F. A. Interaction of the rule of law, civil society and the individual in achieving a fair system in Russia / F. A. Vestov, O. F. Fast. - Text: direct // Fundamentals of Economics, Management and Law. - 2021. - № 3 (28). - P. 23-26.
9. Vestov, F. A. The rule of law as a criterion for modernization of Russia / F. A. Vestov, O. F. Fast. - Text: direct // Legal Culture. - 2013. - No. 1 (14). - P. 052057. - ISSN 1992-5867.
10. Lebedev, V. A. The role of legislative bodies in ensuring law and order in the Russian Federation / V. A. Lebedev. - Text: direct // Problems of Law. - 2019. - No. 1. - P. 9-14.
11. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 01/15/2020 / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/
12. Law: textbook and practical training / edited by S. G. Kiselev. - M., 2017. - 2nd edition, revised and supplemented. - 413 p. - Text: direct.

К вопросу допустимости возбуждения гражданского дела по заявлению прокурора и особенности его участия в гражданском процессе

Касторнова Татьяна Александровна

к.э.н., доцент, доцент, кафедра государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, РЭУ им. Г. В. Плеханова, Kastornova.TA@rea.ru

Статья посвящена вопросам допустимости возбуждения гражданского дела по заявлению прокурора. Рассматриваются особенности реализации принципа диспозитивности, правовой статус прокурора и процессуальные условия его участия в гражданском судопроизводстве. Анализируется судебная практика и выявлены проблемы, требующие нормативного регулирования.

Ключевые слова: прокурор, диспозитивность, гражданский процесс, возбуждение дела, публичный интерес, процессуальный интерес, судебная практика.

Основной задачей федеральных судов общей юрисдикции является правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел с целью защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций и иных субъектов права.

Порядок гражданского судопроизводства в федеральных судах общей юрисдикции определяется Конституцией Российской Федерации⁴⁶, Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации»⁴⁷, Гражданско-процессуальным кодексом Российской Федерации⁴⁸, а также иными федеральными законами, принятыми в соответствии с ними. Порядок гражданского судопроизводства у мировой судьи - также Федеральным законом «О мировых судьях в Российской Федерации»⁴⁹ (ч. 1 ст.1 ГПК РФ).

Гражданское судопроизводство начинается со стадии возбуждения дела, которая представляет собой принятие судом заявления к производству⁵⁰. Реализация принципа диспозитивности предполагает инициативу в возбуждении судебного дела от лица, либо его представителя, обращающегося за защитой своих прав, свобод и законных интересов. Данное правило закреплено в части 1 статьи 4 ГПК РФ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, части 1. Статьи 4 АПК РФ Арбитражного процессуального кодекса и части 1 статьи 4 КАС РФ в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации.

Можно выделить общие черты в контексте принципа диспозитивности и порядка возбуждения дела. Во всех кодексах закреплен принцип диспозитивности-суд не может начать производство по делу по собственной инициативе, за исключением отдельных предусмотренных законом случаев, например в рамках прокурорского надзора.⁵¹ Истцом (административным истцом) выступает лицо, чьи права, свободы или интересы нарушены или оспариваются. Возбуждение дела происходит путём подачи процессуального документа (искового заявления, жалобы, административного иска).

Различия в реализации принципа диспозитивности проявляются прежде всего в определении объекта судебной защиты. В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации предметом защиты выступают исключительно права:

⁴⁶ <http://pravo.gov.ru>

⁴⁷ "Собрание законодательства РФ", 06.01.1997, N 1, ст. 1

⁴⁸ "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301

⁴⁹ "Собрание законодательства РФ", 21.12.1998, N 51, ст. 6270

⁵⁰ Ч 1 ст.133 ГПК РФ

⁵¹ Воронов А.Ф. Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. М.: Статут, 2007. 149 с СПС Консультант плюс

Статья 4 АПК РФ. Право на обращение в арбитражный суд. Заинтересованное лицо вправе обратиться в арбитражный суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в порядке, установленном настоящим Кодексом.

Таблица 1
Сравнительный анализ в контексте принципа диспозитивности и порядка возбуждения дела.

ГПК РФ	АПК РФ	КАС РФ
Ч.1 ст.4 ГПК РФ	Ч.1 ст.4 АПК РФ	Ч.1 ст.4 КАС РФ
Лицо, обращающееся в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод или законных интересов,	Лицо, обращающееся в арбитражный суд за защитой нарушенного или оспариваемого права, подаёт исковое заявление, заявление, жалобу в порядке, установленном настоящим кодексом.	Лицо, обращающееся в суд с административным исковым заявлением, действует в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод или законных интересов, либо в предусмотренных федеральным законом случаях.
Права, свободы и законные интересы	Нарушение или оспариваемое право	Права, свободы, законные интересы (или в иных случаях, предусмотренных законом)
Заявление, обращение, жалоба	Исковое заявление, заявление, жалоба	Административное исковое заявление
Физические и юридические лица (включая прокурора и иные органы в установленных случаях)	Юридические лица, ИП, государственные органы	Граждане, органы власти, должностные лица, организации

В то время как в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации объект судебной защиты сформулирован шире:

Статья 3 ГПК РФ. Право на обращение в суд: Заинтересованное лицо вправе обратиться в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод или законных интересов.

Аналогичный подход закреплён и в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации:

Статья 4 КАС РФ. Право на обращение в суд. Заинтересованное лицо вправе обратиться в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, а также в иных случаях, предусмотренных федеральным законом.

В КАС РФ предусмотрена возможность обращения в суд не только заинтересованного лица. В частности: Статья 39 КАС РФ. Административные истцы. Административным истцом является гражданин, организация, иное лицо, обратившееся в суд с административным исковым заявлением, а также государственные органы, органы местного самоуправления, иные органы, организации и должностные лица в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Статья 40 КАС РФ. Административные иски прокурора.

Прокурор вправе обратиться в суд с административным исковым заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного

круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

Подобные положения фактически ослабляют действие принципа диспозитивности в административном судопроизводстве по сравнению с гражданским и арбитражным процессом.

Следует учитывать, что АПК РФ ориентирован преимущественно на разрешение экономических споров и иных дел, связанных с предпринимательской и иной экономической деятельностью:

Статья 27 АПК РФ. Подведомственность дел арбитражным судам.

Арбитражные суды рассматривают дела по экономическим спорам и иным делам, связанным с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

В то время как КАС РФ регулирует порядок рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений:

Статья 1 КАС РФ. Отношения, регулируемые настоящим Кодексом. Настоящий Кодекс регулирует порядок осуществления судопроизводства по административным делам, возникающим из публичных правоотношений, а также порядок исполнения судебных актов по этим делам.

В случаях, предусмотренных федеральными законами, дело может быть возбуждено по заявлению лица, обращающегося в суд выступающего от своего имени в защиту прав, свобод и законных интересов другого лица, неопределенного круга лиц или в защиту интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Это положение отражено в части 2 статьи 4 ГПК РФ, части 2 ст. 4 АПК РФ и части 1 статьи 4 КАС РФ.

При этом, законодательно предусмотрены исключения из действия принципа диспозитивности в части возбуждения гражданских, арбитражных и административных дел. В таких случаях право на обращение в суд предоставляется не только лицу, чьи права и интересы нарушены, но и иным субъектам, действующим в защиту прав других лиц или публичных интересов. К числу таких исключений относятся:

В гражданском судопроизводстве:

- право прокурора, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций или граждан обратиться в суд с заявлением в защиту чужих прав, свобод и законных интересов других лиц, а также неопределенного круга лиц (ч. 2 ст. 4, ч. 1 ст. 45, ст. 46 ГПК РФ);

В арбитражном процессе:

- право прокурора обратиться в арбитражный суд в защиту прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (ч. 1 ст. 52 АПК РФ);

- право государственных органов, органов местного самоуправления и иных органов обращаться в арбитражный суд в защиту публичных интересов, а также в защиту прав и законных интересов других

лиц, организаций и граждан (ч.1 и ч. 2 ст. 53 АПК РФ);

В административном процессе:

-право обращаться в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц, неопределенного круга лиц или публичных интересов предоставлено широкому кругу субъектов: прокурору, государственным органам, Центральному банку Российской Федерации, должностным лицам, Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации и в субъектах Российской Федерации, Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации органам местного самоуправления и иных лиц, (ч.1 ст.39, ч.1 ст.40 КАС РФ).

Анализ положений Гражданского процессуального кодекса позволяет сделать вывод о том, что законодатель устанавливает определённые условия, при соблюдении которых возможно отступление от принципа диспозитивности при возбуждении гражданского дела. Такие исключения допускаются, как правило, в целях защиты интересов лиц самостоятельно не способных обратиться в суд, а также в случае необходимости охраны публичных интересов.

В качестве примера, можно рассмотреть случаи, при которых гражданское дело возбуждено по заявлению прокуратуры. Согласно части 1 статьи 45 ГПК РФ, прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов: граждан, если они по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности или иным причинам не могут самостоятельно обратиться в суд; неопределенного круга лиц; интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований

Следует отметить, что в отличие от случаев, когда инициатива исходит от самого заинтересованного лица, обращение прокурора в суд требует соблюдения дополнительных процессуальных условий: например, после возбуждения дела лицо, в защиту которого подано заявление, приобретает статус истца и наделяется соответствующими правами и обязанностями, предусмотренными ГПК РФ.

Осуществляя надзорные функции и иные полномочия, Прокуратура Российской Федерации, в частности, прокурор вправе участвовать в рассмотрении дел судами в случаях, прямо предусмотренных процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами. Прокурор в гражданском процессе относится к числу лиц, участвующих в деле, и наделяется соответствующими процессуальными правами и обязанностями. При осуществлении своей деятельности органы прокуратуры не подменяют собой иные государственные органы⁵².

Сторонами в гражданском судопроизводстве являются истец и ответчик, в соответствии со статьёй 38 ГПК РФ. Если дело возбуждено по заявлению

лица, обращающегося в суд в защиту прав, свобод и законных интересов другого лица, то лицо, в интересах которого начат процесс, извещается судом о его возбуждении участвует в нем в качестве истца.

Стороны обладают равными процессуальными правами и несут равные процессуальные обязанности, что отражает действие принципа процессуального равенства в гражданском процессе.

В соответствии с ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц, а также в защиту интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

Иницируя гражданский процесс, прокурор после возбуждения дела участвует в его рассмотрении, поддерживая заявленные требования на всех стадиях гражданского судопроизводства в пределах своей компетенции, включая апелляционную, кассационную и надзорную инстанции.

Обращаясь с заявлением, аналогичным иску, прокурор не является истцом в полном смысле этого слова. Это прямо следует из части 3 статьи 45 ГПК РФ, в которой указано, что «В случае, если прокурор обратился в суд в защиту интересов гражданина, гражданин приобретает процессуальные права и обязанности истца». Истцом в процессе признается именно то лицо, чьи интересы защищает прокурор, а не сам прокурор. Прокурор в таком случае выступает как лицо, участвующее в деле, со специальными публичными полномочиями. Если гражданин возражает против иска, поданного в его интересах прокурором, суд прекращает производство по делу, поскольку отсутствует надлежащая воля на судебную защиту (п.1 ч.1 ст.220 ГПК РФ).

При этом, предусмотрены существенные условия использования права на подачу иска:

1. Прокурор вправе подать заявление в суд при наличии уважительных причин, препятствующих самостоятельному обращению гражданина за защитой прав, свобод и законных интересов. Причинами могут быть состояние здоровья, возраст, недееспособность и иные объективные обстоятельства, лишаящие гражданина возможности лично реализовать право на судебную защиту. Данное ограничение не распространяется на случаи, когда обращение прокурора основано на заявлениях граждан о нарушении их социальных прав и свобод, в том числе в следующих сферах (ч. 1 ст. 45 ГПК РФ):

трудовые (служебные) отношения и иные непосредственно связанные с ними отношения
защита семьи, материнства, отцовства и детства;
социальная защита, включая социальное обеспечение;

обеспечение права на жилище в государственном и муниципальном жилищном фонде;
охрана здоровья, включая медицинскую помощь;
обеспечение права на благоприятную окружающую среду;
образование.

⁵² Пункт 2 статьи 21 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»

2. При подаче прокурором искового заявления в защиту интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований или неопределенного круга лиц, в иске обязательно должно быть указано (ч. 3 ст. 131 ГПК РФ):

в чем конкретно заключаются охраняемые интересы;

какое право или свобода нарушены;

должна содержаться ссылка на закон или иной нормативный правовой акт, предусматривающие способы судебной защиты указанных интересов.

Прокурор, обратившийся в суд с заявлением в защиту прав, свобод, законных интересов другого лица, неопределенного круга лиц или публичных интересов, пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца, за исключением (ч. 2 ст. 45 ГПК РФ):

права на заключение мирового соглашения;

обязанности по уплате судебных расходов.

Если прокурор, инициировавший дело, отказывается от заявления, то рассмотрение дела продолжается если лицо, в интересах которого подано заявление, или его законный представитель не заявляет об отказе от иска. При этом отказ истца от иска (в том числе лица, в интересах которого действует прокурор) влечет прекращение производства по делу, если:

отказе не противоречит закону;

не нарушает права и законные интересы других лиц.

Эта норма подчеркивает, что воля лица, в интересах которого действует прокурор, имеет приоритетное значение в вопросе продолжения процесса. Также она отражает баланс между публичными интересом (реализуемым через прокурора и принципом диспозитивности, присущим гражданскому процессу).

Таким образом, при подаче искового заявления в порядке ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, должны быть представлены доказательства, подтверждающие и указывающие на:

В случае подачи заявления в защиту конкретного гражданина:

- наличие нарушенного или оспариваемого права, свободы или законного интереса,

- невозможность гражданина самостоятельно обратиться в суд по уважительным причинам (по состоянию здоровья, в силу возраста, недееспособности или иным объективным обстоятельствам),

- ссылку на закон или иной нормативно-правовой акт, предусматривающий способ защиты указанных прав и интересов.

В случае подачи заявления в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования:

наличие охраняемого публичного интереса либо указанных субъектов;

нарушение (или угроза нарушения) этого интереса;

конкретизация содержания интереса;

указание на нормативно основание для его защиты (ссылка на нормы закона, допускающие такое представительство и регламентирующие способ судебной защиты).

Прокурор лицо, представляющее публичный интерес, как сторона гражданского процесса (истца либо ответчика), выступает как процессуальный истец в интересах материального истца в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц, его интерес — это предусмотренная законом возможность требовать, защиты права другого лица. Прокурор в гражданском процессе действует в чужих интересах, в интересах процессуального истца. Истцом же в материальном смысле является то лицо, в защиту прав, свобод или законных интересов которого прокурором предъявлен иск.

Из судебной практики по делам рассмотренным Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в 2024 году следует что у судов первой, второй и третьей инстанции нет единого подхода в определении участников судебного разбирательства, при принятии к производству исковых заявлений прокуратуры, подаваемых в соответствии с ч. 1 ст. 45 ГПК РФ.

В Определениях Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации^{53 54 55 56}, указано, что привлечение судом к участию в деле материального истца, является обязанностью суда, не выполнении которой может являться грубым нарушением процессуального закона.

В определениях Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указано, что судами не было учтено, что Российской Федерации Российской Федерации, субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений - гражданами и юридическими лицами (п. 1 ст. 124 ГК РФ).

От имени Российской Федерации и субъектов Российской Федерации могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов (п. 1 ст. 125 ГПК РФ).

Судами общей юрисдикции на стадии принятия искового заявления к производству и возбуждении

⁵³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 12.11.2024 № 18-КГ24-137-К4 (УИД 23RS0042-01-2021-002707-24).

⁵⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22.11.2024 № 18-КГ24-188-К4 (УИД 23RS0058-01-2022-003199-44).

⁵⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 26.11.2024 № 18-КГ24-255-К4 (УИД 23RS0042-01-2023-003149-88).

⁵⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 17.12.2024 № 32-КГ24-14-К1 (УИД 64RS0046-01-2023-001820-25).

гражданского дела были допущены ошибки с определением состава участников судебного разбирательства были допущены. При этом ошибка, допущенная судом первой инстанции, не была выявлена и указана судами апелляционной и кассационной инстанции.

Непривлечение судами к рассмотрению гражданского дела материального истца, не позволило судам при вынесении решения учесть его мнение по существу предъявляемых требований, выяснить его позицию относительно защищаемого интереса или окончить дело мировым соглашением.

Законом предусмотрена подача в суд искового заявления лицом, выступающим от своего имени в защиту прав, свобод и законных интересов другого лица, неопределенного круга лиц или в защиту интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, и возбуждение по нему гражданского дела. Указанные лица привлекаются судом в качестве истцов по делу, но не судами не законодательством не осуществляется деление истцов на процессуальных и материальных.

В абз. 2п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству», указано, что: «Следует иметь в виду, что ряд субъектов из перечисленных в статье 34 ГПК РФ не имеют по делу материально-правового интереса, а обладают лишь процессуальным интересом к его исходу (прокурор, органы государственной власти, органы местного самоуправления), но они отнесены законом к числу лиц, участвующих в деле, что необходимо учитывать при разрешении вопроса о составе лиц, участвующих в деле.» С учётом нарушений, выявленных Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, указание Постановления Пленума Верховного Суда РФ на процессуальный интерес участников судебного разбирательства, было не достаточным и нуждается в дополнительном нормативном регулировании.

Единая практика толкования и применения норм права, соблюдение судами установленных требований при возбуждении гражданского дела, обеспечивает правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел, а также способствует формированию уважительного отношения к закону и суду.

Литература

1. Батова О. В. Понятие, система и особенности жилищно-правовых договоров по законодательству Российской Федерации : Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2008. — 27 с.
2. Давлетова М. И. Субъективное гражданское право на жилое помещение: нормативные основания и некоторые проблемы правовой охраны : Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2003. — 24 с.
3. Дулатова Н. В., Сагандыков М. С. К вопросу о понятии и содержании конституционного права на

жилище // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. — 2017. — Т. 17, № 1. — С. 66–71.

4. Иванов А. П., Игнатъева С. В. Право на жилое помещение в гражданском законодательстве // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 6. — С. 120–123.

5. Качалова И. В. Право собственности и иные вещные права граждан на жилые помещения : Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2006. — 29 с.

6. Кожухарь Д. В. Система понятий, используемых для обозначения жилья в российском праве // Проблемы экономики и юридической практики. — 2009. — № 5. — С. 221–227.

7. Овинников В. А. К проблеме определения понятия «жилище», и связанных с ним понятий «право на жилище», «защита жилищных прав» в жилищном праве // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 1 (205). — С. 287–290.

8. Овсянникова Т. Ю., Котова О. В. Жилище в системе личных и общественных ценностей // Вестник ТГАСУ. — 2004. — № 1. — С. 241–251.

9. Ооржак С. В. Проблемы реализации конституционного права граждан на жилище // Вестник магистратуры. — 2021. — № 9-2 (120). — С. 86–87.

10. Пчелинцева Л. М. Проблемы исследования природы и содержания конституционного права на жилище // Конституционное и муниципальное право. — 2004. — № 2. — С. 11–14.

On the admissibility of initiating a civil case by a prosecutor and the features of his participation in civil proceedings

Kastornova T.A.

Plekhanov Russian University of Economics

The article examines the admissibility of initiating a civil case by a prosecutor. It analyzes the principle of dispositivity, the prosecutor's legal status, and procedural conditions for participation in civil proceedings. Judicial practice is reviewed, and existing legal issues requiring regulation are identified.

Keywords: prosecutor, dispositivity, civil procedure, case initiation, public interest, procedural interest, judicial practice.

References

1. Batova O. V. Concept, system and features of housing and legal contracts under the legislation of the Russian Federation: Abstract of dis. ... Cand. of Law. - Moscow, 2008. - 27 p.
2. Davletova M. I. Subjective civil right to residential premises: regulatory grounds and some problems of legal protection: Abstract of dis. ... Cand. of Law. - Kazan, 2003. - 24 p.
3. Dulatova N. V., Sagandykov M. S. On the issue of the concept and content of the constitutional right to housing // Bulletin of SUSU. Series: Law. - 2017. - Vol. 17, No. 1. - P. 66-71.
4. Ivanov A. P., Ignatyeva S. V. The right to residential premises in civil legislation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2021. - No. 6. - P. 120-123.
5. Kachalova I. V. Ownership and other property rights of citizens to residential premises: Abstract of dis. ... Cand. of Law. - Moscow, 2006. - 29 p.
6. Kozhukhar D. V. The system of concepts used to designate housing in Russian law // Problems of Economics and Legal Practice. - 2009. - No. 5. - P. 221-227.
7. Ovinnikov V. A. On the problem of defining the concept of "housing" and the related concepts of "right to housing", "protection of housing rights" in housing law // Law and State: Theory and Practice. — 2022. — No. 1 (205). — P. 287–290.
8. Ovsyannikova T. Yu., Kotova O. V. Housing in the system of personal and public values // Bulletin of TGASU. — 2004. — No. 1. — P. 241–251.
9. Oorzhak S. V. Problems of implementing the constitutional right of citizens to housing // Bulletin of the Magistracy. — 2021. — No. 9-2 (120). — P. 86–87.
10. Pchelintseva L. M. Problems of studying the nature and content of the constitutional right to housing // Constitutional and municipal law. — 2004. — No. 2. — P. 11–14.

Взаимодействие правовых систем в рамках Всеобъемлющего Евразийского партнерства

Алексеева Анастасия Павловна

Аспирант, кафедра международного права, факультет подготовки кадров высшей квалификации Дипломатической Академии МИД России, al20ap22@gmail.com

В настоящей статье рассмотрены некоторые аспекты взаимодействия правовых систем участников евразийской интеграции на примере строительства Всеобъемлющего евразийского партнерства. Автор анализирует механизм гармонизации законодательства участников региона, а также проблемы правового регулирования интеграционных процессов и перспективы формирования правовой базы партнерства. Актуальность данного исследования обосновывается стремительным развитием международно-правовых взаимоотношений стран и интеграционных организаций в евразийском регионе. Примечательно, что межправительственные переговоры и следующие за ними международные договоры на территории Евразии, всё более направлены на расширение зон свободной торговли и инвестиционных площадок.

Ключевые слова: Евразийская интеграция, правовая система, международное сотрудничество, гармонизация законодательства, правовое регулирование.

Так, в странах, составляющих ЕАЭС, идентичная правовая система, и, от части, схожая ситуация в указанных секторах, так как данные страны сформировались, выйдя из СССР, имея в своем арсенале одинаковый правовой системообразующий опыт. Соответственно, неустранение ключевых правовых отличий посредством разработки механизма международно-правового регулирования интеграционных процессов, в том числе, посредством применения международно-правовых принципов формирования нового партнерства, гармонизации их национального законодательства, поспособствует возникновению основной проблемы экономической интеграции евразийского региона, выраженной в разрыве показателей между странами-участницами, со всеми последующими угрозами формирующейся экономико-правовой стабильности самого партнерства и близлежащих стран, в нем не состоящих.

В своём исследовании С.В. Комендантов [7] анализирует взаимосвязь правовых режимов ЕАЭС и ВТО в контексте соглашений о свободной торговле. Автор подчёркивает, что воздействие норм ВТО на правовую систему ЕАЭС осуществляется посредством комплексной системы механизмов, обеспечивающих их эффективное взаимодействие.

Ключевой особенностью такого взаимодействия является его превентивный характер, направленный на предотвращение правовых конфликтов и обеспечение планомерного развития интеграционных процессов. Это позволяет создать сбалансированную правовую среду, в которой нормы различных уровней не противоречат друг другу.

Особое внимание уделяется анализу сложной правовой конструкции, возникающей при взаимодействии региональных торговых соглашений и норм ВТО. Данная конструкция включает три взаимосвязанных элемента: выявление и разрешение противоречий между различными нормами, разграничение компетенций в области урегулирования споров, определение места и роли региональных соглашений в общей системе международного торгового регулирования. Такой подход позволяет глубже понять механизмы взаимодействия различных уровней правового регулирования и выработать эффективные инструменты для их гармонизации в рамках евразийской интеграции.

Перспективы развития взаимодействия правовых систем в рамках ВЕП связаны с дальнейшим углублением интеграции, расширением сфер сотрудничества и совершенствованием механизмов правового регулирования. Но в процессе взаимодействия правовых систем возникают вызовы и проблемы, которые требуют подходить к решению вопроса комплексно. К таковым можно отнести раз-

личные особенности правовых традиций государств-участников ВЕП, необходимость согласовывать национальные интересы и находить компромиссы в процессе принятия совместных решений.

Соответственно, взаимодействие правовых систем в рамках Всеобъемлющего евразийского партнёрства является динамичным процессом, направленным на создание единого правового пространства и укрепление интеграционных связей между государствами-участниками нового партнерства. Успешная реализация этого процесса требует постоянного совершенствования механизмов правового регулирования и учёта специфики национальных правовых систем.

В.М. Шумилов и М.Р. Салия рассматривают Всеобъемлющее евразийское партнёрство как комплексную интеграционную структуру, имеющую не только экономическое, но и политическое измерение [9]. По их мнению, ВЕП представляет собой обширную зону свободной торговли с либерализацией таможенных тарифов, а также выступает в качестве свободной инвестиционной зоны, где должны быть устранены барьеры для движения капиталов и инвесторов. Они также отмечают, что ВЕП направлено на создание многосторонней системы взаимодействия, основанной на принципах взаимовыгодного сотрудничества.

Концепция механизма международно-правового регулирования усовершенствована О. Матяжем [8]. Он также разделил данный механизм на две взаимосвязанные системы. Первая — это система регулируемая, которая включает в себя собственно международные отношения, которые подлежат правовому воздействию. Вторая — система регулирующая, которая представляет собой комплекс инструментов и средств международно-правового влияния. Соавторы считают, что правовая интеграция в рамках ВЕП осуществляется через несколько ключевых механизмов. Так, В.М. Шумилов акцентирует внимание на необходимости создания единой правовой базы, которая должна учитывать как международные обязательства, так и национальные интересы участников партнёрства. Также, они подчеркнули, что формирование единого экономического пространства требует не только устранения торговых барьеров, но и создания согласованной правовой базы для регулирования инвестиционных процессов, защиты прав интеллектуальной собственности и обеспечения свободной конкуренции.

А.В. Егоров предлагает двухуровневую концепцию правового взаимодействия [6]. На макроуровне происходит обмен фундаментальными элементами правовых культур, формирующими основу целых правовых семей. Это включает базовые принципы, структурные элементы и методологические подходы к правовому регулированию, определяющие характер и специфику правовой системы в целом. На микроуровне взаимодействие носит более прикладной характер, где осуществляется непосредственный обмен конкретными правовыми нормами, институтами и практиками. Данный уровень направлен на решение актуальных задач правопримене-

ния, совершенствование отдельных аспектов законодательства, устранение правовых пробелов и повышение эффективности правовой системы.

С.Ш. Болтуев в своём исследовании отметил взаимосвязь экономической интеграции и правовой гармонизации [5]. Он также подтвердил основные правовые инструменты интеграционного процесса: унификация; имплементация; гармонизация. Также он считает, что для эффективной реализации интеграционных процессов необходимо сформировать единые правовые стандарты, согласовать нормативно-правовую базу, обеспечить правовую совместимость участников и преодолеть правовые барьеры в рамках межгосударственных взаимоотношений.

В то же время А.К. Айрапетян предложил использовать европейский опыт в развитии правовой системы ЕАЭС, а именно, он считает, что внедрение механизма, позволяющего государствам-партнерам адаптировать и интегрировать правовые акты союза в своё национальное законодательство методом гармонизации, является целесообразным [4].

Исходя из указанного для того, чтобы процесс взаимодействия правовых систем не свелся к механическому копированию, необходимо использовать гибкие модельные правила в форме рекомендаций.

Автор настоящей статьи предлагает решение, которое базируется на концепции адаптивно-модульной правовой системы, которая объединяет преимущества различных правовых традиций.

Основопологающим элементом в такой системе выступает создание многоуровневой правовой инфраструктуры, где каждый уровень отвечает за определенный аспект регулирования. На основном - первом уровне формируется правовая платформа, в которую включены универсальные принципы, признанные всеми участниками партнерства.

Новизна такого подхода заключается в том, что правовые модули системы позволяют государствам-участникам такого партнерства как ВЕП гибко настраивать взаимодействие между собой в зависимости от специфики национальных правовых систем. Каждый модуль представляет собой набор правовых норм и инструментов, адаптируемых под конкретные потребности и особенности правовой культуры страны.

Данная концепция предусматривает возможность создания гибридных правовых механизмов, которые содержат в себе элементы разных правовых семей, что можно достигнуть посредством разработки адаптивных правовых норм, внедрения гибких процедур согласования, формирования механизмов правовой конвертации, создания системы правовой экспертизы. Особенность данной концепции отражается в создании саморазвивающейся системы, которая способна: адаптироваться к изменениям правовой среды, учитывать национальные особенности, обеспечивать баланс интересов участников, повышать эффективность правоприменения.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать комплексный вывод о пер-

спективах взаимодействия правовых систем в рамках Всеобъемлющего евразийского партнерства. Разработанная автором настоящей научной статьи концепция модульной правовой системы является иным подходом к решению проблемы гармонизации различных правовых систем.

Предложенная модель гибридной правовой платформы позволит создать гибкую систему взаимодействия, которая сможет учесть универсальные принципы международного права и национальные особенности правовых систем участников ВЕП.

Литература

1. Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза от 2018 года (<https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/fe8/Doklad-integratsiya.pdf>). Дата обращения 29.03.2023.

2. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017. Электронный ресурс. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_tamoj_zak/tk_eaes.php (дата обращения: 14.01.2023).

3. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014). Сайт правовой платформы «КонсультантПлюс». Дата обращения 08.05.2025.

4. Айрапетян А.К. Межпредметное изучение права ЕАЭС в контексте гармонизации национальных правовых систем.

5. Болтуев С.Ш. Организационно-правовые формы экономических интеграционных процессов и способы их регулирования. - 2023.

6. Егоров А.В. Правовая интеграция и ее функциональные основания. - 2022.

7. Комендантов С.В. Соглашения о свободной торговле ЕАЭС и его государств-членов с третьими государствами: эволюция, реализация и перспективы. / Международный правовой курьер. - Электронное издание. Дата обращения 30.06.2025.

8. Матяж О. Понятие механизма международно-правового регулирования.

9. Шумилов В. М., Салия М. Р. Идея всеобъемлющего (большого) евразийского партнёрства в свете международного права (Часть 1) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. №. 2. С. 66–79. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/66-78>.

Interaction of legal systems within the framework of the Comprehensive Eurasian Partnership

Alekseeva A.P.

Postgraduate student

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

This article examines some aspects of the interaction of the legal systems of the participants in the Eurasian integration using the example of the construction of the Comprehensive Eurasian Partnership. The author analyzes the mechanism for harmonizing the legislation of the region's participants, as well as the problems of legal regulation of integration processes and the prospects for the formation of a legal framework for partnership. The relevance of this study is substantiated by the rapid development of international legal relations between countries and integration organizations in the Eurasian region. It is noteworthy that intergovernmental negotiations and subsequent international treaties on the territory of Eurasia are increasingly aimed at expanding free trade zones and investment platforms. These relationships between subjects of international law are becoming increasingly important for the study of the EAEU, the integration initiative "One Belt, One Road" and other associations of countries in the Asia-Pacific region, from the point of view of legal aspects.

Keywords: Eurasian integration, legal system, international cooperation, harmonization of legislation, legal regulation.

References

1. Report on the implementation of the main directions of integration within the Eurasian Economic Union from 2018 (<https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/fe8/Doklad-integratsiya.pdf>). Date of access 03/29/2023.
2. Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union dated 04/11/2017. Electronic resource. – Access mode: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_tamoj_zak/tk_eaes.php (date of access: 01/14/2023).
3. Treaty on the Eurasian Economic Union (Signed in Astana on 05/29/2014). Website of the legal platform "ConsultantPlus". Date of access 05/08/2025.
4. Ayrapetyan A.K. Interdisciplinary study of the EAEU law in the context of harmonization of national legal systems.
5. Boltuev S.Sh. Organizational and legal forms of economic integration processes and methods of their regulation. - 2023.
6. Egorov A.V. Legal integration and its functional bases. - 2022.
7. Komendantov S.V. Free trade agreements of the EAEU and its member states with third countries: evolution, implementation and prospects. / International legal courier. - Electronic publication. Date of access 30.06.2025.
8. Matyazh O. The concept of the mechanism of international legal regulation.
9. Shumilov V.M., Saliya M.R. The idea of a comprehensive (large) Eurasian partnership in the light of international law (Part 1) // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2021. No. 2. pp. 66–79. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/66-78>.

Экологически чистая энергетика в международном праве: гармонизация подходов Европейского Союза (ЕС) и Европейского Экономического Союза (ЕАЭС)

Нуралиев Магомедэмин Арифович
независимый исследователь, emin5566@bk.ru

Данная работа посвящена всестороннему изучению международно-правовых аспектов регулирования экологически безопасной энергетики в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе. В центре внимания – изучение правовых средств и инструментов, стимулирующих расширение использования возобновляемых источников энергии и распространение технологий с низким уровнем выбросов углерода. Акцент сделан на сравнительном анализе юридических стратегий, применяемых двумя интеграционными блоками для согласования экологических и энергетических законов. Определены юридические препятствия и возможности для конвергенции правовых систем в условиях глобального перехода к новым источникам энергии. Результатом проведенного анализа является формирование ряда практических рекомендаций по улучшению нормативно-правовой базы ЕАЭС в сфере экологически чистой энергетики.

Ключевые слова: международное право в сфере энергетики, экологически устойчивая энергетика, унификация нормативных актов, Европейский союз, Евразийский экономический союз, альтернативные источники энергии, технологии с низким уровнем выбросов углерода, безопасность в сфере энергетики.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена стремительным развитием глобальной энергетической трансформации и необходимостью формирования адекватных правовых механизмов регулирования отношений в сфере экологически чистой энергетики. Международное сообщество предпринимает активные усилия по декарбонизации экономики, что находит отражение в создании комплексных международно-правовых режимов, направленных на стимулирование развития возобновляемой энергетики и внедрения низкоуглеродных технологий [4].

Европейский союз и Евразийский экономический союз представляют особый интерес для сравнительно-правового анализа, поскольку демонстрируют различные подходы к правовому регулированию экологически чистой энергетики. ЕС обладает развитой правовой базой и амбициозными климатическими целями, в то время как ЕАЭС находится на начальном этапе формирования единого правового пространства в данной сфере [8].

Целью исследования является выявление особенностей правового регулирования экологически чистой энергетики в ЕС и ЕАЭС, а также разработка предложений по гармонизации подходов двух интеграционных объединений.

Задачи исследования:

- 1) Анализ международно-правовых основ регулирования экологически чистой энергетики
- 2) Исследование эволюции правового регулирования в ЕС и ЕАЭС
- 3) Сравнительно-правовой анализ инструментов правового регулирования
- 4) Выявление правовых барьеров и перспектив гармонизации законодательства

1. Международно-правовые основы регулирования экологически чистой энергетики в Европейском союзе. Современное международное право формирует комплексную основу для развития экологически чистой энергетики. **Фундаментальные принципы** международного экологического права, такие как принцип предосторожности, принцип "загрязнитель платит" и принцип устойчивого развития, находят свое применение в энергетической сфере. **Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 года и Парижское соглашение 2015 года** устанавливают правовые основы для международного сотрудничества в области снижения выбросов парниковых газов и развития низкоуглеродных технологий. Парижское соглашение, в частности, предусматривает механизмы технологического трансфера и финансовой поддержки развивающихся стран. Важную роль играют специализированные международные организации, такие как

международное агентство по возобновляемой энергии (IRENA) [17], которое разрабатывает стандарты и способствует внедрению возобновляемой энергетики во всем мире. Международные финансовые институты, включая Всемирный банк и региональные банки развития, реализуют программы финансирования проектов в области возобновляемой энергетики [10]. Если говорить о правовом регулировании экологически чистой энергетики в Европейском союзе можно сказать, что ЕС создал одну из наиболее развитых правовых систем в области регулирования экологически чистой энергетики. **Европейский зеленый курс (European Green Deal)** представляет собой комплексную стратегию, направленную на достижение климатической нейтральности к 2050 году [15].

Существуют основные элементы правового регулирования, **директивы по возобновляемой энергии такие как:** - **Директива 2018/2001/EU** устанавливает обязательные национальные цели по доле энергии из возобновляемых источников в конечном потреблении энергии. К 2030 году доля ВИЭ должна достигнуть 32% с возможностью пересмотра в сторону увеличения [6] - **Директива 2012/27/EU** и ее последующие модификации устанавливают меры по повышению энергетической эффективности на всех этапах энергетической цепочки [7].

- **Директива 2003/87/ЕС** создала крупнейшую в мире систему cap-and-trade, покрывающую около 45% выбросов парниковых газов в ЕС.

- **Регламент 2020/852** устанавливает классификацию экологически устойчивых видов экономической деятельности, что направлено на предотвращение гринвошинга и направления инвестиций в зеленые проекты.

Также важным элементом международного регулирования является деятельность межправительственных организаций, таких как Организация Объединенных Наций (ООН), Всемирная торговая организация (ВТО) и Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ).

Кроме того, говоря об институциональных механизмах Европейский Союз создал сложную институциональную систему для реализации своей климатической политики. **Европейская комиссия** играет ключевую роль в разработке и имплементации правовых актов в области экологически чистой энергетики. Так в сентябре 2020 года Комиссия предложила увеличить целевой показатель сокращения выбросов парниковых газов к 2030 году с 40% до **как минимум 55%** по сравнению с уровнями 1990 года. Это потребовало пересмотра целого пакета законов, включая Директиву о торговле квотами на выбросы (EU ETS) и Директиву о возобновляемой энергии

Европейское агентство по окружающей среде (ЕЕА) предоставляет надежные и независимые данные о состоянии окружающей среды и эффективности принимаемых мер. ЕЕА отслеживает выполнение задач 8-й Программы действий в области охраны окружающей среды (до 2030 года). Эта программа включает такие приоритеты, как достижение климатической нейтральности, ускорение перехода

к циркулярной экономике и стремление к нулевому загрязнению. Агентство разрабатывает систему мониторинга для оценки того, как действия ЕС и государств-членов соответствуют планетарным границам [9].

Суд Европейского союза обеспечивает единообразное толкование и применение права ЕС в области энергетики и защиты окружающей среды. В своей практике Суд неоднократно подчеркивал важность соблюдения принципа предосторожности и необходимости принятия амбициозных мер по борьбе с изменением климата.

2. Правовое регулирование экологически чистой энергетики в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС)

Правовое регулирование экологически чистой энергетики в ЕАЭС находится на стадии формирования. **Договор о ЕАЭС 2014 года** не содержит отдельного раздела, посвященного экологической или энергетической политике, однако предусматривает сотрудничество в области энергетики.

Основные элементы регулирования

- Стратегические документы

Основные направления реализации энергетической политики государств-членов ЕАЭС на период до 2030 года предусматривают развитие сотрудничества в области возобновляемой энергетики и энергоэффективности.

- **Техническое регулирование Совет ЕЭК** принимает технические регламенты, устанавливающие требования к энергетической эффективности оборудования и техники.

- **Национальные законодательства** Государства-члены ЕАЭС самостоятельно развивают национальные системы поддержки возобновляемой энергетики. Например, в Казахстане действует система аукционов по отбору проектов ВИЭ, в России - механизм договоров поставки мощности [3].

Отраслевые инициативы и программы сотрудничества. В рамках ЕАЭС реализуются отдельные инициативы в области устойчивой энергетики. **Евразийский банк развития** финансирует проекты в области возобновляемой энергетики и энергоэффективности. **Энергетическая стратегия ЕАЭС** на период до 2035 года предусматривает развитие cooperation в области возобновляемых источников энергии и формирование общих рынков энергетических ресурсов.

Страны-члены ЕАЭС участвуют в различных международных инициативах в области чистой энергетики. Россия и Казахстан являются участниками **Международного партнерства по водородной экономике (IPHE)** и сотрудничают в области развития водородной энергетики.

Сравнительный анализ и перспективы гармонизации. Проведенный анализ выявляет существенные различия в подходах ЕС и ЕАЭС к правовому регулированию экологически чистой энергетики. ЕС демонстрирует императивный подход с установлением обязательных целей и сложной системой compliance, в то время как ЕАЭС использует более мягкие формы координации политик.

Таблица 1
Сравнительный анализ правового регулирования в ЕС и ЕАЭС

Аспект регулирования	Европейский союз	Евразийский экономический союз
Целевые показатели	Обязательные национальные цели по ВИЭ и энергоэффективности	Добровольные цели, устанавливаемые на национальном уровне
Механизмы поддержки	Система торговли квотами, зеленые тарифы, аукционы	Национальные механизмы поддержки, отсутствие единых подходов
Техническое регулирование	Гармонизированные стандарты и технические регламенты	Национальные стандарты, процесс гармонизации на начальном этапе
Финансовые механизмы	Фонд модернизации, инновационный фонд, таксономия устойчивого финансирования	Национальные программы финансирования, финансирование через ЕАБР

Правовые барьеры гармонизации

- **Различный уровень экономического развития** и энергетических инфраструктур
- **Различия в политических приоритетах** и подходах к климатической политике [1]
- **Несовершенство механизмов технологического трансфера**
- **Отсутствие единой системы ценообразования на углерод** в ЕАЭС
- Перспективные направления гармонизации
- **Разработка общих стандартов и технических регламентов**
- **Создание механизмов верификации происхождения энергии**
- **Развитие сотрудничества в области исследований и разработок**
- **Гармонизация требований к устойчивому финансированию**

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует значительный потенциал для гармонизации подходов ЕС и ЕАЭС к правовому регулированию экологически чистой энергетики. Несмотря на существующие различия в подходах и уровнях развития, оба интеграционных объединения заинтересованы в обеспечении энергетической безопасности и переходе к устойчивому развитию.

Для ЕАЭС представляется целесообразным адаптировать отдельные элементы опыта ЕС, такие как система сертификации возобновляемой энергии, механизмы поддержки трансграничных проектов и развитие зеленого финансирования. Одновременно необходимо учитывать специфику экономик государств-членов ЕАЭС и их национальные интересы.

Дальнейшее сближение правовых подходов будет способствовать созданию благоприятных условий для развития экологически чистой энергетики в регионе и усилению энергетической безопасности государств-членов обоих интеграционных объединений.

Несмотря на существенные различия в уровнях экономического развития, политических приоритетах и правовых традициях, оба интеграционных объ-

единения демонстрируют растущую заинтересованность в переходе к устойчивой энергетической модели.

Сравнительный анализ выявил, что Европейский союз выработал комплексную и многоуровневую систему правового регулирования, сочетающую императивные нормы (обязательные целевые показатели по ВИЭ, систему торговли квотами на выбросы) с экономическими стимулами и механизмами устойчивого финансирования. В основе этой системы лежит принцип предосторожности и стремление к глобальному лидерству в борьбе с изменением климата. В то же время ЕАЭС находится на начальном этапе формирования общей правовой базы, где преобладают механизмы мягкой координации национальных политик и постепенной гармонизации технических стандартов.

Литература

1. Марочкин, С. Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации / С. Ю. Марочкин. — Москва : Норма, 2019. — 288 с.
2. Халафян, Р. М. Наука международного права в дореволюционной России / Р. М. Халафян, Л. А. Лазутин ; редколлегия: Р. М. Халафян, Л. А. Лазутин. — Москва : Проспект, 2025. — 230 с.
3. Макаров, А. А. Исследование путей и темпов развития низкоуглеродной энергетики в России / А. А. Макаров, А. В. Кейко, В. А. Малахов и др.; под ред. А. А. Макарова. — Москва : ИНЭИ РАН, 2022. — 138 с.
4. Плакиткина, Л. С. Современные тренды и прогнозы развития добычи и экспорта угля в мире и России в условиях трансформации мировой экономики / Л. С. Плакиткина, Ю. А. Плакиткин, К. И. Дьяченко. — Москва : ИНЭИ РАН, 2025. — 98 с.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 года) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org> (дата обращения: 03.09.2025).
6. Парижское соглашение от 12 декабря 2015 года // United Nations Treaty Collection. URL: <https://treaties.un.org> (дата обращения: 03.09.2025).
7. Директива 2018/2001/EU Европейского парламента и Совета от 11 декабря 2018 года о поощрении использования энергии из возобновляемых источников (пересмотренная) // Official Journal of the European Union. L 328. 21.12.2018. P. 82–209.
8. Регламент (ЕУ) 2020/852 Европейского парламента и Совета от 18 июня 2020 года о создании рамочной программы для содействия устойчивым инвестициям, вносящий поправки в Регламент (ЕУ) 2019/2088 // Official Journal of the European Union. L 198. 22.6.2020. P. 13–43.
9. Директива 2003/87/ЕС Европейского парламента и Совета от 13 октября 2003 года о создании системы торговли квотами на выбросы парниковых газов в Сообществе и изменяющая Директиву 96/61/ЕС Совета // Official Journal of the European Union. L 275. 25.10.2003. P. 32–46.

10. Основные направления энергетической политики государств-членов ЕАЭС на период до 2030 года: утверждены решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2021 г. № 12 // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org> (дата обращения: 03.09.2025).

11. Суховерхов, К., Шеповалов, А., Проказов, Д., Кашедов, А., Соловьева, Ю., Семичева, О. Нормативно-правовые основы политики ЕС в области экологии // Российский совет по международным делам. 24.08.2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/normativno-pravovye-osnovy-politiki-es-v-oblasti-ekologii/?sphrase_id=93520769 (дата обращения: 03.09.2025).

12. Johnson, M. K. Legal Frameworks for Renewable Energy in Economic Integration Organizations / M. K. Johnson // *International Energy Law Review*. — 2023. — Vol. 41, Iss. 2. — P. 78–92.

13. Yergin, D. *The Quest: Energy, Security, and the Remaking of the Modern World*. — New York : Penguin Press, 2011. — 804 p.

14. Bradbrook, A. J., Ottinger, R. L. (eds.). *Energy Law and Sustainable Development*. — Cambridge : IUCN, 2003. — 262 p.

15. Roggenkamp, M. M., Redgwell, C., del Guayo, I. (eds.). *Energy Law in Europe: National, EU and International Regulation*. — 3rd ed. — Oxford : Oxford University Press, 2016. — 1472 p.

16. Ohaiseadha, C., Connolly, R. et al. *The Costs and Impacts of Intermittent Renewable Energy on Electricity Systems and Environment // Energies*. — 2020. — Vol. 13, Iss. 18. — P. 1–39.

17. International Renewable Energy Agency (IRENA). *Global Renewables Outlook: Energy Transformation 2050*. — Abu Dhabi : IRENA, 2020.

Clean Energy in International Law: Harmonization of Approaches of the European Union (EU) and the European Economic Area (EAEU) Nuraliev M.A.

This work is devoted to a comprehensive study of the international legal aspects of the regulation of environmentally friendly energy in the European Union and the Eurasian Economic Union. The focus is on the legal means and instruments that stimulate the expansion of renewable energy sources and the dissemination of low-carbon technologies. The paper provides a comparative analysis of the legal strategies used by the two integration blocs to harmonize environmental and energy laws. It identifies the legal obstacles and opportunities for the convergence of legal systems in the context of the global transition to new energy sources. The analysis resulted in a number of practical recommendations for improving the EAEU's regulatory framework in the field of clean energy.

Keywords: international energy law, environmentally sustainable energy, unification of regulations, European Union, Eurasian Economic Union, alternative energy sources, low-carbon technologies, and energy security.

References

1. Marochkin, S.Yu. Implementation and Enforcement of International Law Norms within Russian Legal System / S.Yu. Marochkin. — Moscow : Norma, 2019. — 288 p.
2. Khalafyan, R.M. Science of International Law in Pre-Revolutionary Russia / R.M. Khalafyan, L.A. Lazutin; Ed. by R.M. Khalafyan, L.A. Lazutin. — Moscow : Prospekt, 2025. — 230 p.
3. Makarov, A.A. Research into Low-carbon Energy Pathways and Timelines in Russia / A.A. Makarov, A.V. Keyko, V.A. Malakhov et al.; Ed. by A.A. Makarov. — Moscow : INEI RAS, 2022. — 138 p.
4. Plakitkina, L.S. Current Trends and Projections for Coal Mining and Export Globally and in Russia Amidst Transformations in World Economy / L.S. Plakitkina, Yu.A. Plakitkin, K.I. Dyachenko. — Moscow : INEI RAS, 2025. — 98 p.
5. Treaty on the Establishment of the Eurasian Economic Union signed May 29, 2014, Astana // Official Website of the Eurasian Economic Union. URL: <http://www.eaeunion.org> (accessed September 3, 2025).
6. Paris Agreement December 12, 2015 // United Nations Treaty Collection. URL: <https://treaties.un.org> (accessed September 3, 2025).
7. Directive 2018/2001/EU of the European Parliament and Council dated December 11, 2018 promoting renewable energy sources use (revised version) // Official Journal of the European Union. L 328. December 21, 2018. P. 82–209.
8. Regulation (EU) 2020/852 of the European Parliament and Council dated June 18, 2020 establishing a framework program for sustainable investment promotion amending Regulation (EU) 2019/2088 // Official Journal of the European Union. L 198. June 22, 2020. P. 13–43.
9. Directive 2003/87/EC of the European Parliament and Council dated October 13, 2003 creating an emissions trading system within the Community and amending Directive 96/61/EC // Official Journal of the European Union. L 275. October 25, 2003. P. 32–46.
10. Main Directions of Energy Policy of Member States of the EAEU until 2030 adopted by Decision No. 12 of the Supreme Eurasian Economic Council dated October 11, 2021 // Official Website of the Eurasian Economic Union. URL: <http://www.eaeunion.org> (accessed September 3, 2025).
11. Sukhorekhov, K., Shepvalov, A., Prokazov, D., Kashedov, A., Solovyeva, Y., Semicheva, O. Legal Foundations of Environmental Policies in the European Union // Russian Council on Foreign Affairs. August 24, 2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/normativno-pravovye-osnovy-politiki-es-v-oblasti-ekologii/?sphrase_id=93520769 (accessed September 3, 2025).
12. Johnson, M.K. Legal Frameworks for Renewable Energy in Economic Integration Organizations / M.K. Johnson // *International Energy Law Review*. — 2023. — Vol. 41, Iss. 2. — P. 78–92.
13. Yergin, D. *The Quest: Energy, Security, and the Remaking of the Modern World*. — New York : Penguin Press, 2011. — 804 p.
14. Bradbrook, A.J., Ottinger, R.L. (eds.). *Energy Law and Sustainable Development*. — Cambridge : IUCN, 2003. — 262 p.
15. Roggenkamp, M.M., Redgwell, C., del Guayo, I. (eds.). *Energy Law in Europe: National, EU and International Regulation*. — 3rd ed. — Oxford : Oxford University Press, 2016. — 1472 p.
16. Ohaiseadha, C., Connolly, R. et al. *The Costs and Impacts of Intermittent Renewable Energy on Electricity Systems and Environment // Energies*. — 2020. — Vol. 13, Iss. 18. — P. 1–39.
17. International Renewable Energy Agency (IRENA). *Global Renewables Outlook: Energy Transformation 2050*. — Abu Dhabi : IRENA, 2020.

Правовое регулирование налогообложения майнинговой деятельности в Канаде

Озерова Анна Андреевна
независимый исследователь, ozzetrova@yandex.ru

В статье предлагается рассмотреть вопросы правового регулирования налогообложения майнинга криптовалюты в Канаде, которая занимает на протяжении последних лет лидирующие позиции в мире по объемам майнинга. Рассматриваются особенности децентрализованной налоговой системы, в рамках которой криптовалюта признается цифровым товаром, а доходы от майнинга облагаются налогом в зависимости от характера деятельности. Проведен разбор различий между коммерческим и любительским майнингом, а также роли федерального и провинциального регулирования, включая ограничения на энергопотребление в отдельных регионах. Результаты исследования подчеркивают актуальность изучения данной юрисдикции в качестве ориентира для дальнейшего развития российского правового регулирования данной сферы в целях повышения эффективности фискального контроля и обеспечения правовой определенности в условиях цифровизации экономики.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, налогообложение, налоговое законодательство, майнинг, добыча криптовалюты, налог на товары и услуги, подоходный налог, цифровой товар.

Введение

Стремительное развитие крипто-индустрии, в частности, активный рост деятельности участников крипто-рынка по добыче криптовалют, т.н. майнинг, требует своевременного реагирования в вопросах правового регулирования налогообложения доходов, полученных от такого рода операций, для государств. На протяжении последних пяти лет Канада занимает четвертое место в мире по объемам добычи криптовалют, что подчеркивает целесообразность изучения её практического опыта для развития российской нормативно-правовой базы.

Налоговая система Канады

Для анализа канадской модели регулирования налогообложения операций с использованием криптовалют необходимо для начала понять, как в Канаде выстроена система налогообложения в принципе. Канада является федеративным государством, в состав которого входит 10 провинций и 3 территории. Канадское налогообложение структурировано по тому же принципу, что и политический строй государства, и основывается на принципе децентрализации законодательных полномочий на федеральный и провинциальный уровни. Налоговая система Канады представлена на трех уровнях – федеральном, обязательном для всех территориальных единиц, провинциальном и местном, регламентируемом местными законодательными собраниями. Федеральным налоговым органом Канады является Канадское налоговое агентство (далее по тексту - CRA), а непосредственно за осуществление налоговой политики отвечает Управление налоговой политики Министерства финансов Канады, которое призвано обеспечивать эффективное налогообложение. Основную долю налоговых выплат в Канаде формируют подоходный налог, регулируемый Законом «О подоходном налоге», и налог на товары и услуги (аналог российского НДС). Подоходный налог считается прямым источником выплат, а налог на товары и услуги – косвенным. Помимо этого, в каждой провинции и территории действуют свои налоговые режимы на те или иные выплаты. Налоговая система Канады характеризуется прогрессивной шкалой налогообложения, в рамках которой налоговые ставки зависят от общего годового дохода лица. Отдельных ставок для налогов на доход и на прирост капитала нет, вместо этого полученная прибыль облагается налогом по ставке федерального подоходного налога и ставке провинциального подоходного налога, установленной налоговой администрацией провинции или территории проживания налогоплательщика. Разделение подоходного налога на составляющие – на доход и

на прирост капитала – создано для определения налогооблагаемой базы.

Налогообложение майнинга и дохода, полученного в форме криптовалют

Для цели определения криптовалюты в системе налогов Канадское налоговое агентство придерживается позиции, что криптовалюту необходимо рассматривать в качестве цифрового товара. В связи с этим, прибыль, полученная от операций с использованием криптовалюты, должна облагаться либо в рамках налога на доход, либо в рамках налога на прирост капитала. Определение крипто-операции как налогооблагаемого события, как и в случае с квалификацией криптовалюты как ценной бумаги, целиком и полностью зависит от характера самой операции.

Несмотря на то, что регулирование деятельности по добыче криптовалют не нашло отражения на федеральном уровне, в нормативных актах провинций такая деятельность закреплена и подпадает под действие определенных налоговых правил. Единицы криптовалюты, полученные в процессе майнинга, рассматриваются канадскими налоговыми органами либо как доход, либо как прирост капитала. По общему правилу, для определения налоговой базы с прибыли, полученной в результате крипто-операций, используется разделенный подоходный налог, упомянутое ранее по тексту. Налогооблагаемая база подоходного налога в Канаде зависит от характера операционной деятельности – если крипто-операция считается инвестицией, осуществляющие такие операции лица рассчитывают свои налоговые сборы в форме налога на прирост капитала, а в случае, когда операции проводятся в рамках предпринимательской деятельности – в форме налога на доход.

Такое разделение правил расчета налогооблагаемой базы применяется, в том числе, и к майнинговой деятельности. Все доходы, полученные в криптовалюте в рамках предпринимательской деятельности, в размере 100% подлежат обложению налогом на доход. В случаях, когда криптовалюта используется как инвестиционный актив и применяется налог на прирост капитала, только 50% полученной прибыли попадают в налогооблагаемую базу.

Для канадских налогоплательщиков важен не только результат, но и контекст крипто-добычи, и даже вид добываемой криптовалюты. Критическим фактором является определение цели майнинга – добывается ли криптовалюта с целью получения регулярной прибыли или это просто хобби и необычный вид времяпрепровождения? Майнеры не облагаются подоходным налогом с добычи криптовалюты, если смогут доказать, что майнят криптовалюту в качестве развлечения в свободное время, поскольку, по мнению канадского регулятора, у добытых криптовалют отсутствует стартовая стоимость покупки и, фактически, их себестоимость равна нулю. Однако есть условие, при несоблюдении которого майнинг исключается из льготного режима, – крипто-монеты

не должны быть добыты на таких крипто-платформах как Bitcoin или Ethereum ввиду повышенных затрат по электроэнергии для их добычи, а также их высокой привлекательности для извлечения потенциальной прибыли. Получается, что можно майнить сколько угодно криптовалют и это не будет считаться налоговым событием для граждан и организаций. Однако коммерческий майнинг криптовалюты, осуществляемый в целях получения регулярной прибыли, уже облагается налогом на доход. Налогооблагаемая база по таким операциям рассчитывается на основе рыночной стоимости конкретного вида криптовалюты в канадских долларах на момент продажи крипто-актива. Профессиональные майнеры могут вычесть из своей налоговой базы прямые расходы на электроэнергию и оборудование. Налоговое агентство Канады в каждом отдельном случае определяет, квалифицируется ли майнинговая деятельность как предпринимательская деятельность или как хобби. Для определения предпринимательского характера деятельности используется совокупность критериев: частота сделок, уровень профессиональной подготовки, объем вовлеченных средств, а также степень организации и рекуррентность операций.

Канадский законодатель решил исключить майнинг, как и любые другие операции с криптовалютой, из системы налогообложения на товары и услуги. В канадской налоговой системе существует два вида такого налогообложения – непосредственно сам федеральный налог на товары и услуги (GST) и производный от него гармонизированный налог с продаж (HST), полученный путем смешения оригинального GST с провинциальным налогом с продаж и уплачиваемый налогоплательщиками Нью-Брансуика, Ньюфаундленда и Лабрадора, Новой Шотландии, Онтарио и Острова Принца Эдуарда. Для целей GST/HST реализация цифровой валюты считается продажей финансового инструмента. Законом «Об исполнении бюджета на 2023 год» были внесены изменения в определение коммерческой услуги Закона «Об акцизном налоге», включив в него майнинговую деятельность, поэтому майнинг крипто-активов не включается в GST/HST. Тем не менее, Законом был расширен круг лиц, осуществляющих майнинговую деятельность, и введено понятие «деятельность по осуществлению майнинга», означающее передачу технических ресурсов от одного лица другому с целью осуществления деятельности по крипто-добыче. В ситуации, когда поставщиком услуг по осуществлению майнинга является конкретное лицо, а получатель таких услуг известен, подразделом 188.2(5) Закона «Об акцизном налоге» предусмотрено, что услуги для реализации такой деятельности будут облагаться налогом на товары и услуги.

Отсутствие регулирования вопроса осуществления добычи криптовалюты на федеральном уровне представляется недоработкой канадского правительства ввиду того, что низкие затраты на электроэнергию делают данный регион особо привлекательным для майнеров. Так, данные об энергоза-

тратах показывают, что Канада в 2025 году занимает четвертое место в мировом рейтинге по майнингу с долей 9,7% в глобальном распределении общей вычислительной мощности сети криптовалют. С другой стороны, некоторые вопросы использования специализированного оборудования для майнинга регулируются актами правительств провинций в сфере использования электроэнергии. По причине отсутствия федерального упорядочивания майнинговой деятельности, возросший спрос на электроэнергию и опасения по поводу связанного с этим воздействия на окружающую среду привели к тому, что некоторые местные органы власти приостановили деятельность майнеров. Так, в декабре 2022 года правительство провинции Британская Колумбия издало распоряжение Комиссии по коммунальным услугам Британской Колумбии, разрешающее временно приостановить новые проекты по добыче криптовалют на 18 месяцев, а с 17 мая 2024 года были внесены изменения в местный Закон «О Комиссии по коммунальным услугам Британской Колумбии», позволяющие провинции устанавливать постоянные правила подачи электроэнергии коммунальными службами майнерам криптовалюты. По примеру Британской Колумбии провинция Квебек так же временно приостановило распределение электроэнергетических мощностей для обеспечения майнинговой деятельности. Управлением энергетики Квебека была проведена переоценка количества задействованных мощностей, и по ее итогам правительство провинции установило предел допустимого объема потребления электроэнергии в 50 киловатт и ввело двойной тариф для лиц и компаний, осуществляющих добычу криптовалюты и выходящих за рамки установленной мощности.

Заключение

Канадская налоговая модель учитывает характер операций с криптовалютой и различает любительский и коммерческий майнинг. При этом отсутствие федерального регулирования майнинга компенсируется инициативами провинций, которые ограничивают использование электроэнергии в целях соблюдения баланса между экономической выгодой и защитой окружающей среды, в связи с чем опыт Канады в регулировании майнинга представляется эффективным и полезным для изучения.

Литература

1. Excise Tax Act (R.S.C., 1985, с. E-15) <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/E-15/FullText.html>
2. CSA Staff Notice 46-307 Cryptocurrency Offerings, ONTARIO SECURITIES COMMISSION (Aug. 24, 2017), http://www.osc.gov.on.ca/en/SecuritiesLaw_csa_20170824_crypto-currency-offerings.htm
3. Digital Currency, FINANCIAL CONSUMER AGENCY OF CANADA, <https://www.canada.ca/en/financial-consumer-agency/services/payment/digital-currency.html>
4. Currency Act, R.S.C., 1985, с. C-52, § 8, <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-52/page-1.html>

5. Canada Revenue Agency Act (S.C. 1999, с. 17) <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-10.11/FullText.html>

6. Tariq Ahmad - Regulation of Cryptocurrency: Canada https://maint.loc.gov/law/help/cryptocurrency/canada.php#skip_menu

7. Румянцева М.О., Свечников В.А. Анализ правового регулирования оборота цифровых прав в Канаде. ЭКОНОМИКА. ПРАВО. ОБЩЕСТВО. 2022;7(3):14-19 // <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2022-3-14-19>

8. Jon Oakley, Tax issues in cryptocurrency: An expert's view <https://www.bccpa.ca/news-events/cpabc-newsroom/2023/may/tax-issues-in-cryptocurrency-an-expert-s-view/>

9. Mariam Al-Shikarchy, Steven Baum and Laura Gheorghiu, 2018, Canadian Taxation of Cryptocurrency ... So Far <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=6283077e-9d32-4531-81a5-56355fa54f47>

10. Christine Duhaime, Canada Implements World's First National Bitcoin Law, DUHAIME LAW (June 22, 2014), <https://www.duhaimelaw.com/2014/06/22/canada-implements-worlds-first-national-bitcoin-law/>

11. Официальный сайт Правительства Канады // URL: <https://www.canada.ca/en/financial-consumer-agency/services/payment/digital-currency.html#>

12. CANADA REVENUE AGENCY, What You Should Know About Digital Currency, <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/news/newsroom/fact-sheets/fact-sheets-2015/what-you-should-know-about-digital-currency.html>

13. Information for crypto-asset users and tax professionals <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/programs/about-canada-revenue-agency-cra/compliance/digital-currency/cryptocurrency-guide.html>

Legal regulation of mining taxation in Canada Ozerova A.A.

The article proposes to consider the issues of legal regulation of taxation of cryptocurrency mining in Canada, which has been a leader in the world in terms of mining volumes in recent years. The article examines the features of a decentralized tax system, in which cryptocurrency is recognized as a digital commodity, and income from mining is taxed depending on the nature of the activity. The analysis of the differences between commercial and amateur mining, as well as the role of federal and provincial regulation, including restrictions on energy consumption in certain regions, is carried out. The results of the study emphasize the relevance of studying this jurisdiction as a guideline for the further development of Russian legal regulation in this area in order to increase the effectiveness of fiscal control and ensure legal certainty in the context of the digitalization of the economy.

Keywords: cryptocurrency, digital currency, taxation, tax legislation, mining, cryptocurrency mining, tax on goods and services, income tax, digital goods.

References

1. Excise Tax Act (R.S.C., 1985, с. E-15) <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/E-15/FullText.html>
2. CSA Staff Notice 46-307 Cryptocurrency Offerings, ONTARIO SECURITIES COMMISSION (Aug. 24, 2017), http://www.osc.gov.on.ca/en/SecuritiesLaw_csa_20170824_crypto-currency-offerings.htm
3. Digital Currency, FINANCIAL CONSUMER AGENCY OF CANADA, <https://www.canada.ca/en/financial-consumer-agency/services/payment/digital-currency.html>
4. Currency Act, R.S.C., 1985, p. C-52, § 8, <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-52/page-1.html>
5. Canada Revenue Agency Act (S.C. 1999, с. 17) <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-10.11/FullText.html>

6. Tariq Ahmad - Regulation of Cryptocurrency: Canada
https://maint.loc.gov/law/help/cryptocurrency/canada.php#skip_menu
7. Rumyantseva M.O., Svechnikov V.A. Analysis of legal regulation of digital rights turnover in Canada. *ECONOMY. LAW. SOCIETY.* 2022;7(3):14-19
// <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2022-3-14-19>
8. Jon Oakley, Tax issues in cryptocurrency: An expert's view
<https://www.bccpa.ca/news-events/cpabc-newsroom/2023/may/tax-issues-in-cryptocurrency-an-expert-s-view/>
9. Mariam Al-Shikarchy, Steven Baum and Laura Gheorghiu, 2018, Canadian Taxation of Cryptocurrency... So Far
<https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=6283077e-9d32-4531-81a5-56355fa54f47>
10. Christine Duhaime, Canada Implements World's First National Bitcoin Law, *DUHAIME LAW* (June 22, 2014),
<https://www.duhaimelaw.com/2014/06/22/canada-implements-worlds-first-national-bitcoin-law/>
11. Official website of the Government of Canada // URL:
<https://www.canada.ca/en/financial-consumer-agency/services/payment/digital-currency.html#>
12. CANADA REVENUE AGENCY, What You Should Know About Digital Currency,
<https://www.canada.ca/en/revenue-agency/news/newsroom/fact-sheets/fact-sheets-2015/what-you-should-know-about-digital-currency.html>
13. Information for crypto-asset users and tax professionals
<https://www.canada.ca/en/revenue-agency/programs/about-canada-revenue-agency-cra/compliance/digital-currency/cryptocurrency-guide.html>

Международно-правовые и национальные основы дипломатических и консульских отношений России и Грузии: эволюция регулирования

Попхадзе София Михаиловна
независимый исследователь

Анализ правовых основ и эволюции регулирования дипломатических и консульских отношений между Российской Федерацией и Республикой Грузия в контексте политических кризисов, выявление ключевых проблем и перспектив их восстановления. В работе выполнен комплексный юридический анализ положений Венских конвенций 1961 и 1963 годов, двусторонних договоров (Протокол 1992 г., Консульская конвенция 1994 г.), соглашения о посредничестве Швейцарии (2008 г.), а также конституционного и законодательного регулирования данных отношений в РФ и Грузии. В результате исследования, установлена взаимосвязь между международно-правовых и национальных механизмов в формировании правовой базы отношений; выявлена роль посредничества третьих стран (Швейцария) в сохранении консульских функций после разрыва дипломатических отношений (2008 г.); определены ключевые правовые проблемы восстановления дипломатического диалога, связанные с неурегулированным статусом Абхазии и Южной Осетии. Таким образом, правовое регулирование отношений РФ и Грузии демонстрирует устойчивость международных норм (Венские конвенции) в кризисных условиях. Существующая договорная база (1992, 1994 гг.) сохраняет потенциал для восстановления дипломатических связей, однако требует адаптации с учетом современных политико-правовых реалий. Посредничество третьих стран является эффективным инструментом поддержания минимально необходимого уровня взаимодействия.

Ключевые слова: правовое регулирование; дипломатические отношения; консульские отношения; международное право; Венская конвенция 1961 года; Венская конвенция 1963 года; Российская Федерация; Республика Грузия; двусторонние отношения; международные договоры; разрыв дипломатических отношений; посредничество.

Правовое регулирование установления дипломатических и консульских отношений является одним из ключевых элементов современного международного права, обеспечивающим функционирование системы межгосударственного взаимодействия. Оно формируется на основе универсальных норм, закрепленных, прежде всего, в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года и Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года, а также норм национального законодательства государств-участников.

Взаимоотношения между Российской Федерацией и Республикой Грузия представляют собой показательный пример того, как международно-правовые механизмы и внутреннее право интегрируются при установлении и развитии двусторонних связей. Официальное оформление дипломатических отношений в 1992 году и заключение Консульской конвенции 1994 года стали результатом применения как международных, так и национальных норм, что подтверждает взаимосвязанность этих уровней регулирования.

Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного изучения правовых основ установления дипломатических и консульских отношений в условиях сложной и изменчивой политической обстановки. Разрыв дипломатических связей между Российской Федерацией и Республикой Грузия в 2008 году при одновременном сохранении отдельных консульских функций через посредничество третьих государств (в частности, Швейцарской Конфедерации) наглядно показывает, что международно-правовые механизмы способны эффективно функционировать даже в кризисных ситуациях, обеспечивая минимально необходимый уровень правовой и гуманитарной защиты граждан. В то же время современные тенденции к постепенному улучшению двусторонних отношений создают научный интерес к анализу правового регулирования установления дипломатических и консульских связей после длительного разрыва.

Научная проблема исследования заключается в выявлении особенностей и механизмов правового регулирования установления дипломатических и консульских связей между Российской Федерацией и Республикой Грузия, а также в оценке перспектив их восстановления с учетом действующих международных норм и национальных правопорядков.

Правовое регулирование дипломатических и консульских отношений между Российской Федерацией и Республикой Грузия формировалось на ос-

нове международного и национального права, претерпевая значительные изменения в зависимости от политических реалий.

Исторически установление этих отношений восходит к началу 1990-х годов, сразу после распада Советского Союза. В 1992 году Россия и Грузия официально установили дипломатические отношения, что стало важным шагом в выстраивании двустороннего взаимодействия между двумя суверенными государствами. Этот акт означал признание взаимной государственности и суверенитета и обеспечил юридическую основу для развития сотрудничества в сферах политики, экономики, культуры и защиты прав граждан [1, с. 2].

В 1992 году установление дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Грузия основывалось как на Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года, что было зафиксировано, в частности, в преамбуле Протокола об установлении дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Грузия, так и на действующих в то время переходных национальных правовых актах обеих стран, поскольку ни Россия, ни Грузия в тот момент еще не имели окончательно принятых и действующих конституций в их современной форме [18].

На момент установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Грузия в июле 1992 года конституционно-правовую основу внешнеполитической деятельности России составляла Конституция (Основной Закон) РСФСР 1978 года в редакции Закона Российской Федерации от 21 апреля 1992 года № 2708-1 [13]. Хотя эта Конституция формально относилась к советскому периоду, она была адаптирована к новым реалиям — суверенитету Российской Федерации как независимого государства, провозглашенному в Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 года [7].

Конституционные положения, регулирующие внешнеполитическую деятельность, в тот период служили правовой основой для установления дипломатических и консульских отношений с иностранными государствами, включая Республику Грузию.

В частности, статья 75 Конституции РСФСР закрепляла право РСФСР «вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций» [13]. Таким образом, эта норма прямо устанавливала международную правосубъектность РСФСР и ее полномочия в области дипломатических сношений.

Кроме того, компетенция органов государственной власти в сфере международных связей была конкретизирована в других положениях Конституции. Так, согласно статье 109, к ведению Верховного Совета РСФСР относилось «ратифицирование и денонсация международных договоров РСФСР» (пункт 15), что обеспечивало парламентский контроль над международными обязательствами госу-

дарства [13]. Одновременно статья 121⁵ устанавливала, что Президент РСФСР «ведет переговоры и подписывает от имени РСФСР международные и межреспубликанские договоры, которые вступают в силу после ратификации Верховным Советом РСФСР» (пункт 10), предоставляя высшему должностному лицу государства ключевые полномочия в вопросах внешней политики [13].

Таким образом, формирование и реализация внешнеполитического курса РСФСР, включая установление дипломатических и консульских отношений с Республикой Грузия в 1992 году, имело четкое конституционное обоснование и соответствовало действующему на тот момент правовому порядку.

С грузинской стороны правовое регулирование установления дипломатических отношений с Российской Федерацией в 1992 году опиралось на восстановленную в чрезвычайных условиях Конституцию Грузинской Демократической Республики 1921 года. Несмотря на то, что она не содержала прямого указания на право государства вступать в международные отношения, в ней все же имелись положения, опосредованно регулирующие данный процесс. Так, статья 54 предусматривала, что к полномочиям парламента относится «утверждение мирных, торговых и иных договоров с иностранными государствами» (пункт г), что свидетельствует о наличии институционального механизма внешнеполитического взаимодействия [11]. Кроме того, согласно статье 70, «председатель правительства наделяется правом высшего представительства республики; он назначает послов в других странах, и иностранные послы аккредитуются при нем», что подтверждает наличие у исполнительной власти Грузии полномочий по установлению и ведению дипломатических отношений [11].

Таким образом, несмотря на различия в правовых системах, в момент установления дипломатических отношений в 1992 году как Российская Федерация, так и Республика Грузия располагали необходимой правовой базой — пусть и временного характера — для легитимного установления и развития межгосударственных связей, включая дипломатические и консульские отношения.

В результате достигнутых договоренностей юридическим оформлением установленных двусторонних связей между Российской Федерацией и Республикой Грузия послужили обмены дипломатическими нотами и подписанием Протокола об установлении дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Грузия от 2 июля 1992 года, в котором стороны официально зафиксировали взаимное согласие на установление дипломатических отношений с 1 июля 1992 года, а также договорились об открытии дипломатических представительств на уровне посольств [18]. Решение о подписании было принято в рамках полномочий глав государств, установленных национальными конституциями и законами о международных договорах, без необходимости ратификации.

Следующим важным этапом правового оформления отношений стала Консульская конвенция

между Российской Федерацией и Республикой Грузия от 3 февраля 1994 года [14]. Этот международный договор конкретизировал положения Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года, адаптируя их к особенностям двусторонних отношений. Конвенция закрепила правовую основу функционирования консульских учреждений обеих стран, установила объем их полномочий, определила порядок назначения и аккредитации консульских должностных лиц, а также зафиксировала соответствующие привилегии и иммунитеты.

Ратификация Консульской конвенции Российской Федерацией была осуществлена Федеральным законом от 24 апреля 1995 года № 59-ФЗ «О ратификации Консульской конвенции между Российской Федерацией и Республикой Грузия» [22]. Со стороны Грузии Конвенция была ратифицирована Постановлением Парламента Республики Грузия от 15 декабря 1994 года № 786 «О ратификации Консульской конвенции между Республикой Грузия и Российской Федерацией» [17]. Данные акты подтвердили соответствие положений Конвенции национальному законодательству и обеспечили ее вступление в силу на территории государств.

Однако спустя 16 лет, в 2008 году, ситуация между Россией и Грузией резко ухудшилась, что привело к разрыву дипломатических отношений. В августе 2008 года между двумя странами произошел вооруженный конфликт, который касался территориальной целостности Грузии, особенно в отношении Абхазии и Южной Осетии. Конфликт привел к вооруженным столкновениям и политическому кризису, последствия которого продолжают оказывать влияние на двусторонние отношения между Российской Федерацией и Республикой Грузия. После завершения активной фазы боевых действий, Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии, что было воспринято Грузией как нарушение ее территориальной целостности и суверенитета. В ответ Тбилиси принял решение разорвать дипломатические отношения с Москвой. Посольство Грузии в Москве было закрыто, а Россия, в свою очередь, закрыла свое посольство в Тбилиси. С этого момента официальные дипломатические отношения между двумя странами были прекращены [16, с. 204].

Тем не менее, несмотря на обострение политической ситуации и официальный разрыв дипломатических отношений, консульские связи между Россией и Грузией в определенной степени сохраняются. Эти отношения поддерживаются через посредничество третьих стран, таких как Швейцария. Швейцария, не являясь стороной конфликта, взяла на себя роль посредника в вопросах, связанных с консульскими услугами, включая защиту прав граждан, оформление виз и другие консульские функции [23].

Данные консульские отношения основываются на статье 2 Венской Конвенции о консульских сношениях 1963 года, которая указывает, что разрыв дипломатических отношений не автоматически влечет за собой прекращение консульских отношений между государствами [3]. Также важным аспектом

является статья 8 Венской Конвенции, согласно которой консульское учреждение представляемого государства может, после уведомления государства пребывания, продолжать выполнять консульские функции от имени третьего государства, если государство пребывания не возражает [3]. Более того, статья 45 Венской Конвенции о дипломатических сношениях 1961 года устанавливает, что аккредитующее государство может поручить третьему государству, приемлемому для государства пребывания, защиту своих интересов и граждан [2]. Это позволяет сохранять минимальные консульские функции и обслуживание граждан, несмотря на политическую напряженность между Россией и Грузией.

Кроме того, правовая база для установления и регулирования консульских отношений между Российской Федерацией и Республикой Грузия в значительной степени опирается на национальное законодательство обеих стран. В Российской Федерации основу для заключения международных договоров, включая соглашения в сфере консульских отношений, составляет Конституция РФ 1993 года. В частности, статья 71 Конституции закрепляет, что ведение международных отношений, заключение международных договоров, а также вопросы войны и мира относятся к исключительному ведению Российской Федерации, что предоставляет ей полномочия заключать договоры, регулирующие консульские отношения с другими государствами [12]. Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», который регулирует процедуру заключения, исполнения, приостановления и прекращения международных договоров, в том числе тех, которые служат юридическим основанием для установления консульских связей между Российской Федерацией и другими государствами [21].

В Грузии ключевым нормативным актом для регулирования международных отношений, включая консульскую деятельность, является Конституция Республики Грузия. В статье 3 Конституции Грузии указано, что внешняя политика и международные отношения относятся к исключительному ведению высших органов власти страны [10]. Также важным документом является Закон Республики Грузия «О международных договорах» от 1997 года, который регулирует процедуру подписания, исполнения и приостановления международных соглашений, в том числе тех, которые касаются консульской деятельности и дипломатических функций [8].

Кроме того, следует отметить, что Швейцария, выступая посредником в поддержании консульских связей между Россией и Грузией, действует в рамках своей Конституции и законодательства, которые предоставляют правовую основу для заключения международных соглашений и для реализации дипломатических и консульских функций третьими странами. Так, статья 54 Конституции Швейцарии, в частности, устанавливает, что иностранные дела находятся в ведении Союза и нацелены на поддержку международного мира и безопасности, соблюдение прав человека, развитие демократии и

содействие благосостоянию народов [20]. Таким образом, Швейцария имеет законное основание действовать в качестве посредника, оказывая консульскую и дипломатическую помощь государствам, не поддерживающим прямые двусторонние связи, включая Россию и Грузию.

Все вышеописанные законодательные акты и нормы стали правовой основой для заключения соглашения, которое позволяет поддерживать консульские отношения между Россией и Грузией даже в условиях дипломатического кризиса. Таким соглашением является «Соглашения между Правительством Российской Федерации и Федеральным Советом Швейцарской Конфедерации об осуществлении Швейцарской Конфедерацией представительства интересов Грузии в Российской Федерации (в форме обмена нотами) [19]. Это соглашение официально закрепляет роль Швейцарии как посредника, который представляет интересы Грузии на территории Российской Федерации и, соответственно, интересы России в Грузии.

Это позволяет гражданам России и Грузии, находящимся за границей, получать необходимую консульскую помощь, включая оформление документов и визы, а также решение правовых и гуманитарных проблем. Ситуация с консульскими отношениями подтверждает необходимость поддержания минимального уровня взаимодействия даже в условиях дипломатического кризиса, особенно в правовой и гуманитарной сферах.

В условиях политической напряженности использование международных механизмов посредничества через третьи страны становится важным инструментом для поддержания взаимодействия. Несмотря на сложную политическую ситуацию, международные нормы продолжают действовать, обеспечивая доступ граждан к консульским услугам и защите прав. Это также подчеркивает значимость международных договоров, таких как Венские конвенции, которые регулируют консульские отношения даже при разрыве дипломатических связей.

Несмотря на отсутствие дипломатических отношений, Женевские международные дискуссии по безопасности и стабильности в Закавказье сохраняют функциональный формат для обсуждения практических вопросов и перспектив нормализации двусторонних связей. Этот механизм, наряду с консульским посредничеством Швейцарии, демонстрирует устойчивость каналов взаимодействия в условиях политического кризиса, способствуя поэтапному снижению напряженности и выработке взаимоприемлемых решений [9, с. 23].

На фоне наблюдаемой в последние годы тенденции к дезэскалации, вопрос о восстановлении дипломатических отношений между Россией и Грузией приобретает особую значимость [6; 15]. Современные заявления политических лидеров обеих стран свидетельствуют о наличии определенной готовности к диалогу, однако ключевым препятствием остается неурегулированный статус Абхазии и Южной Осетии, признанных Россией в качестве независимых государств, но рассматриваемых Грузией как оккупированные территории [5, с. 54-55].

С правовой точки зрения следует отметить, что Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года не содержит специальных положений о процедуре "восстановления" разорванных отношений [2]. В случае возобновления диалога сторонам фактически предстоит пройти процесс установления дипломатических отношений заново, включая: обмен нотами о взаимном согласии и процедуру назначения и аккредитации глав дипломатических представительств. Однако стороны могут опереться на существующую договорно-правовую базу, включая Протокол 1992 года об установлении отношений (который может быть дополнен или пересмотрен) и Консульскую конвенцию 1994 года, сохраняющую юридическую силу согласно Венской конвенции 1963 года [3].

Вопрос правопреемства ранее заключенных договоров решается в соответствии с Венской конвенцией 1969 года о праве международных договоров: стороны могут подтвердить, приостановить или пересмотреть их действие [4].

Таким образом, несмотря на формальную необходимость нового установления отношений, Россия и Грузия обладают правовыми инструментами для возобновления дипломатического диалога на адаптированной основе.

Другими словами, правовая база, сложившаяся в 1990-е годы и сохраняющая юридическую силу, может быть использована как фундамент для восстановления связей, однако в современных условиях она требует внимательной адаптации с учетом политической чувствительности проблемы территориальной целостности Грузии и правового статуса Абхазии и Южной Осетии. Анализ международной практики показывает, что наиболее жизнеспособными являются два сценария: модернизация действующих соглашений с их адаптацией к новым политико-правовым реалиям, включая использование формулировок, исключающих прямое упоминание спорных территорий, или же установление новых отношений с полным пересмотром договорной базы. Оба подхода ориентированы на снижение политических рисков и создают предпосылки для устойчивого восстановления двустороннего взаимодействия в среднесрочной перспективе.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что правовое регулирование дипломатических и консульских отношений между Российской Федерацией и Республикой Грузия базируется на международно-правовых нормах, в частности положениях Венских конвенций 1961 и 1963 годов, а также на соответствующих нормах национального законодательства обеих стран. Несмотря на разрыв дипломатических отношений в 2008 году, консульские функции продолжили осуществляться при посредничестве Швейцарии, что позволило сохранить минимально необходимый уровень взаимодействия, направленный на защиту прав граждан и решение гуманитарных и правовых вопросов в условиях сохраняющейся политической напряженности. Что касается перспектив восстановления отношений, то правовая основа для этого существует: Венские

конвенции предусматривают возможность повторного установления дипломатических связей через стандартную процедуру взаимного согласия, при этом стороны могут опираться на сохраняющую силу договорную базу, включая Протокол 1992 года и Консульскую конвенцию 1994 года. Однако, она требует пересмотра с учетом новых реалий.

Литература

1. Ануфриева В. С. Становление российско-грузинских отношений в постсоветский период и их состояние на современном этапе // *Огарев-Online*. — 2016. — № 7 (72). — С. 1–5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-rossiysko-gruzinskih-otnosheniy-v-postsovetskiy-period-i-ih-sostoyanie-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 08.05.2025).
2. Венская конвенция о дипломатических сношениях (Вена, 18 апреля 1961 г.) // *Сборник международных договоров СССР. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1963 года и 31 декабря 1964 года*. — М., 1970.
3. Венская конвенция о консульских сношениях (Вена, 24 апреля 1963 г.) // *Сборник международных договоров СССР. Международные договоры СССР, вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1989 года*. — М., 1991.
4. Венская конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) // *Сборник международных договоров СССР. Международные договоры СССР, вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1986 года*. — М., 1987.
5. Высоцкий Александр Михай «Дорожная карта» для России и Грузии // *Вестник МГИМО*. — М., 2011. №5. С. 53–58
6. Галузин: Развитие отношений с Грузией приведет к восстановлению дипломатических отношений — *Civil Georgia* [Электронный ресурс]. — URL: <https://civil.ge/archives/661793> (дата обращения: 13.08.2025)
7. Декларация о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 года // *Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР*. — 1990. — № 2.
8. Закон Республики Грузия «О международных договорах» от 16 октября 1997 года № 934 // *Законодательный вестник Грузии*. — 1997. — № 44.
9. Карпович О. Г., Шакиров О. И. Россия и Грузия: время взаимодействовать // *Проблемы постсоветского пространства*. — М., 2021. Т. 8, № 1. С. 20–32. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-1-2032.
10. Конституция Грузии (принята 24 августа 1995 г.) // *Законодательный вестник Грузии*. — 1995. — № 31-33.
11. Конституция Грузинской Демократической Республики (принята Учредительным собранием Грузии 21 февраля 1921 г.) // *Архив парламента Грузии* — Ст. 54.
12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // *Собрание законодательства РФ*. — 2009. — № 4.
13. Конституция (Основной Закон) РСФСР 1978 года в ред. Закона РФ от 21.04.1992 № 2708-1 // *Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР*. — 1992. — № 20
14. Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Грузия (Москва, 3 февраля 1994 г.) [не опубликована, текст доступен в архивах МИД России].
15. Маркедонов С. Грузия после выборов: новый курс? // *Российский совет по международным делам (РСМД)*. 24.02.2025. URL: russiancouncil.ru/activity/policybriefs/gruziya-posle-vyборов-novyy-kurs/ (дата обращения: 13.08.2025)
16. Муханов В. Российско-грузинские отношения в контексте исторической памяти // *Кавказские хроники*. 2023. № 4. С. 200–216.
17. Постановление Парламента Республики Грузия от 15 декабря 1994 года № 786 «О ратификации Консульской конвенции между Республикой Грузия и Российской Федерацией» // *Законодательный вестник Грузии*. — 1994. — № 35.
18. Протокол об установлении дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Грузия (1992 г.) // *Бюллетень международных договоров*. — 1993. — № 9.
19. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Федеральным Советом Швейцарской Конфедерации об осуществлении Швейцарской Конфедерацией представительства интересов Грузии в Российской Федерации (в форме обмена нотами) // *Бюллетень международных договоров*. — 2009. — № 8.
20. Федеральная конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 г. // *Официальный вестник Швейцарии (Bundesblatt)*. — 1999. — № 38.
21. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. — 1995. — № 29.
22. Федеральный закон от 24.04.1995 № 59-ФЗ «О ратификации Консульской конвенции между Российской Федерацией и Республикой Грузия» // *Собрание законодательства РФ*. — 1995. — № 17.
23. Швейцария официально встала на защиту интересов грузин в России // *Коммерсантъ* : [сайт]. — 2009. — 12 янв. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1101777> (дата обращения: 08.05.2025).

International legal and national foundations of diplomatic and consular relations between Russia and Georgia: evolution of regulation Popkhadze S.M.

Analysis of the legal foundations and evolution of regulation of diplomatic and consular relations between the Russian Federation and the Republic of Georgia in the context of political crises, identification of key problems and prospects for their restoration. The work contains a comprehensive legal analysis of the provisions of the Vienna Conventions of 1961 and 1963, bilateral treaties (Protocol of 1992, Consular Convention of 1994), the agreement on mediation of Switzerland (2008), as well as constitutional and legislative regulation of these relations in the Russian Federation and Georgia. As a result of the study, the relationship between international legal and national mechanisms in the formation of the legal basis of relations was established; the role of mediation of third countries (Switzerland) in maintaining consular functions after the severance of diplomatic relations (2008) was revealed; The key legal issues of restoring diplomatic dialogue related to the unresolved status of Abkhazia and South Ossetia are identified. Thus, the legal regulation of relations between the Russian Federation and Georgia demonstrates the sustainability of international norms (Vienna Conventions) in crisis conditions. The existing

treaty base (1992, 1994) retains the potential for restoring diplomatic ties, but requires adaptation taking into account modern political and legal realities. Mediation of third countries is an effective tool for maintaining the minimum necessary level of interaction.

Keywords: legal regulation; diplomatic relations; consular relations; international law; Vienna Convention of 1961; Vienna Convention of 1963; Russian Federation; Republic of Georgia; bilateral relations; international treaties; severance of diplomatic relations; mediation.

References

1. Anufrieva V. S. Formation of Russian-Georgian relations in the post-Soviet period and their state at the present stage // Ogarev-Online. - 2016. - No. 7 (72). - P. 1-5. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-rossijsko-georgijskih-otnosheniy-v-postsovetitskiy-period-i-ih-sostoyanie-na-sovremennom-etape> (date of access: 08.05.2025).
2. Vienna Convention on Diplomatic Relations (Vienna, April 18, 1961) // Collection of international treaties of the USSR. Treaties, agreements and conventions in force between January 1, 1963 and December 31, 1964. — M., 1970.
3. Vienna Convention on Consular Relations (Vienna, April 24, 1963) // Collection of international treaties of the USSR. International treaties of the USSR that entered into force from January 1 to December 31, 1989. — M., 1991.
4. Vienna Convention on the Law of Treaties (Vienna, May 23, 1969) // Collection of international treaties of the USSR. International treaties of the USSR that entered into force from January 1 to December 31, 1986. — M., 1987.
5. Vysotsky Alexander Mikhail "Road Map" for Russia and Georgia // MGIMO Bulletin. — M., 2011. No. 5. P. 53–58
6. Galuzin: Development of Relations with Georgia Will Lead to the Restoration of Diplomatic Relations — Civil Georgia [Electronic resource]. — URL: <https://civil.ge/archives/661793> (date accessed: 13.08.2025)
7. Declaration on State Sovereignty of the RSFSR of June 12, 1990 // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. — 1990. — No. 2.
8. Law of the Republic of Georgia "On International Treaties" of October 16, 1997, No. 934 // Legislative Bulletin of Georgia. — 1997. — No. 44.
9. Karpovich O. G., Shakirov O. I. Russia and Georgia: Time to Interact // Problems of the Post-Soviet Space. — M., 2021. Vol. 8, No. 1. P. 20–32. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-1-2032.
10. Constitution of Georgia (adopted on August 24, 1995) // Legislative Herald of Georgia. — 1995. — № 31-33.
11. Constitution of the Georgian Democratic Republic (adopted by the Constituent Assembly of Georgia on February 21, 1921) // Archives of the Parliament of Georgia – Art. 54.
12. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2009. — № 4.
13. Constitution (Basic Law) of the RSFSR of 1978 as amended. Law of the Russian Federation of 21.04.1992 No. 2708-1 // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. - 1992. - No. 20
14. Consular Convention between the Russian Federation and the Republic of Georgia (Moscow, February 3, 1994) [not published, text available in the archives of the Russian Foreign Ministry].
15. Markedonov S. Georgia after the elections: a new course? // Russian International Affairs Council (RIAC). 24.02.2025. URL: russiancouncil.ru/activity/policybriefs/gruziya-posle-vyborov-novyiy-kurs/ (date of access: 13.08.2025)
16. Mukhanov V. Russian-Georgian relations in the context of historical memory // Caucasian Chronicles. 2023. No. 4. P. 200–216.
17. Resolution of the Parliament of the Republic of Georgia of December 15, 1994 No. 786 "On Ratification of the Consular Convention between the Republic of Georgia and the Russian Federation" // Legislative Bulletin of Georgia. — 1994. — No. 35.
18. Protocol on the Establishment of Diplomatic Relations between the Russian Federation and the Republic of Georgia (1992) // Bulletin of International Treaties. — 1993. — No. 9.
19. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Federal Council of the Swiss Confederation on the Representation of Georgia's Interests in the Russian Federation by the Swiss Confederation (in the Form of an Exchange of Notes) // Bulletin of International Treaties. — 2009. — № 8.
20. Federal Constitution of the Swiss Confederation of April 18, 1999 // Official Gazette of Switzerland (Bundesblatt). — 1999.— № 38.
21. Federal Law of July 15, 1995 № 101-FZ "On International Treaties of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1995. — № 29.
22. Federal Law of April 24, 1995 № 59-FZ "On Ratification of the Consular Convention between the Russian Federation and the Republic of Georgia" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – № 17.
23. Switzerland Officially Stands Up for the Interests of Georgians in Russia // Kommersant: [website]. – 2009.– 12 Jan. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1101777> (date of access: 08.05.2025).

Совершенствование многостороннего правового регулирования конкуренции и протекционизма в международных экономических отношениях

Фан Туан Ань

Аспирант Санкт-Петербургского государственного университета,
TLMN@BK.RU

В статье рассматриваются актуальные проблемы многостороннего правового регулирования конкуренции и протекционизма в системе международных экономических отношений. Цель исследования - предложить комплексное решение по совершенствованию многостороннего регулирования конкуренции и противодействия протекционизму, учитывающее современные вызовы в мировой торговле. Методология основывается на сравнительно-правовом анализе норм ВТО и документов таких организаций, как ЮНКТАД и ОЭСР, изучении статистических данных о торговых ограничениях и случаях торговых споров, а также критическом обзоре современной научной литературы. Результаты включают выявление ключевых причин кризиса многосторонней торговой системы (рост протекционизма, отсутствие эффективных механизмов глобальной конкурентной политики и др.), критический анализ существующих предложений реформ и разработку комплекса мер, направленных на укрепление международно-правовых механизмов обеспечения справедливой конкуренции и ограничения протекционистских практик. Выводы: реализация предложенных решений позволит модернизировать многосторонние правила торговли, восстановить доверие к ВТО, обеспечить более равные условия конкуренции и учесть интересы всех групп стран, включая развивающиеся экономики, в формировании обновлённых правил мировой торговли.

Ключевые слова: многостороннее регулирование, конкуренция, протекционизм, международная торговля, реформирование ВТО, международное экономическое право.

Введение

Многосторонняя торговая система, олицетворяемая Всемирной торговой организацией (ВТО), исторически призвана обеспечивать свободную и справедливую конкуренцию на мировых рынках за счет ограничения протекционизма и единых правил для всех государств. С момента создания ГАТТ/ВТО были достигнуты значительные успехи в снижении тарифных барьеров и либерализации торговли. Так, по оценкам Всемирного банка, рост глобальной торговли с 1990 г. способствовал повышению среднемирового дохода на 24% и выводу свыше 1 млрд человек из нищеты[3]. Однако в последние годы многосторонний торговый режим столкнулся с беспрецедентными вызовами. Наметился рост протекционизма и односторонних торговых мер, обострились торгово-политические противоречия между ведущими державами, а ключевые механизмы ВТО оказались парализованными[4].

Актуальность проблемы подтверждается реальными примерами. Во-первых, с 2018 г. развернулась торговая война между США и Китаем, выразившаяся во взаимном повышении тарифов примерно на 450 млрд долл. ежегодного товарооборота, что обходило правила ВТО и подрывало доверие к ним[8].

Во-вторых, ряд стран начал активнее прибегать к особым исключениям из торговых правил - например, к мотивировке мер соображениями национальной безопасности - чтобы оправдать протекционистские ограничения на импорт стали, высокотехнологичной продукции и др. Подобные действия выходят за рамки обычных правил и практически неподконтрольны многосторонним органам, что создает опасный прецедент[4].

В-третьих, механизм разрешения споров в рамках ВТО фактически перестал функционировать: Апелляционный орган ВТО не работает с декабря 2019 г. из-за блокирования назначения новых арбитров Соединенными Штатами[5]. По состоянию на конец 2024 г. в системе ВТО скопилось 31 апелляционное дело, которые не могут быть рассмотрены по существу. Это вынуждает членов организации либо принимать решения панели без апелляции, либо апеллировать «в никуда», что подрывает авторитет и эффективность всей системы разрешения споров.

В-четвертых, статистические данные свидетельствуют о нарастании протекционизма. Согласно ежегодному обзорному докладу ВТО, только за период с октября 2023 г. по октябрь 2024 г. введено 169 новых ограничительных торговых мер, затрагивающих торговлю на сумму \$887,7 млрд, что почти в 2,5 раза больше, чем годом ранее. Совокупный «банк» действующих импортных ограничений к середине 2024 г. достиг объема, эквивалентного

11,8% мирового импорта (против ~9,9% годом ранее). При этом снятие ранее введенных барьеров происходит крайне медленно[9]. Накопление торговых барьеров и ответных мер создает эффект снежного кома неразрешенных проблем, отбрасывая многостороннюю систему назад - к эпохе торговых войн времен Великой депрессии, от преодоления последствий которой в свое время родилась система ГАТТ[4].

Наконец, важным аспектом является недостаточное развитие международно-правового регулирования конкуренции. В то время как протекционизм представляет собой антиконкурентные действия государств (через тарифы, квоты, субсидии и т.д.), не менее серьезный ущерб честной конкуренции в мировом масштабе могут наносить и ограничения конкуренции частными хозяйствующими субъектами - глобальные картели, транснациональные слияния, злоупотребления доминированием на мировых рынках. Однако в сфере конкуренции на глобальном уровне отсутствует обязывающее многостороннее соглашение. Попытки разработать универсальные правила конкурентной политики в рамках ВТО предпринимались (так называемые «сингапурские вопросы» в конце 1990-х), но из-за разногласий между развитыми и развивающимися странами эти усилия не увенчались успехом. На сегодня единственным международно согласованным документом по конкуренции остается добровольный Комплекс принципов ООН по конкурентной политике 1980 г., реализуемый через механизмы ЮНКТАД. Хотя за последние десятилетия число стран, принявших национальные законы о конкуренции, выросло с около 40 в 1980-х гг. до ~140 в наше время[7], отсутствие обязательных глобальных норм и механизмов сотрудничества затрудняет борьбу с трансграничными картелями и другими ограничениями конкуренции.

Таким образом, на начало 2020-х гг. назрела комплексная проблема: многостороннее торговое право требует модернизации и дополнения новыми элементами, чтобы справиться с современными проявлениями протекционизма и обеспечить эффективную конкуренцию в глобальной экономике. Об актуальности данной повестки свидетельствует и поворот международных дискуссий. В 2023 г. лидеры G20 в Нью-Дели подтвердили намерение содействовать реформе ВТО, заявив о необходимости обеспечить равные условия и честную конкуренцию, противодействуя протекционизму и рыночно искажающим практикам[2]. Российская Федерация, несмотря на беспрецедентное санкционное давление, также декларирует приверженность многосторонним правилам и планирует оставаться членом ВТО, учитывая значимость этой площадки для взаимодействия с развивающимися странами. Более того, в рамках объединений развивающихся экономик (БРИКС, ШОС и др.) Россия и партнеры выдвигают предложения по реформированию глобальных институтов, призванных ограничить односторонние меры, в том числе протекционистские экосанкции и субсидии, вызывающие «гонку субсидий»[5].

Цель данной статьи - на основе всестороннего анализа выявленных проблем предложить оригинальный комплекс мер по совершенствованию многостороннего правового регулирования конкуренции и протекционизма в мировых экономических отношениях.

Литературный обзор

Проблематика кризиса многосторонней торговой системы и поисков путей её реформы привлекает внимание исследователей, международных организаций и политиков. В литературе отмечается беспрецедентность вызовов для ВТО и необходимость трансформации. По словам А.П. Портанского, за четверть века организация принесла значительные выгоды мировой экономике, однако в настоящее время переживает ослабление, а «снежный ком» нерешённых вопросов ставит под угрозу её роль в глобальном управлении. Несмотря на это, ликвидация ВТО не рассматривается: консенсус заключается в том, что её реформирование предпочтительнее, чем создание альтернативы [4].

С начала Дохийского раунда (2001 г.) многосторонние переговоры фактически заблокированы из-за разногласий развитых и развивающихся стран, прежде всего в сфере сельского хозяйства, доступа на рынки и конкуренции. Как отмечает Е. Арапова, уже два десятилетия назрела необходимость реформ, а последние годы характеризуются игнорированием базовых принципов ВТО, что подрывает дальнейший прогресс [5]. Особо острым остаётся вопрос статуса «развивающихся стран»: США требуют его пересмотра (в первую очередь применительно к Китаю), тогда как большинство развивающихся стран сопротивляются, что парализует переговоры [4].

Апелляционный орган не функционирует с 2019 г. Исследователи признают обоснованность части претензий США (затягивание сроков, расширительное толкование правил), однако большинство считают блокировку неприемлемой, поскольку ущерб от этого несут все члены ВТО. Как подчеркнул замминистра экономического развития РФ В. Ильичев, выбранная США тактика сделала заложниками всех участников [4]. В литературе предлагаются пути восстановления — от ограничения мандата Апелляционного органа до создания временных арбитражных механизмов.

Отсутствие глобального соглашения по конкуренции создаёт пробелы: глобальные картели пресекаются без целостного подхода, транснациональные слияния могут формировать монополии вне контроля малых стран. Попытки интегрировать конкурентную политику в ВТО в 1996–2003 гг. не увенчались успехом, однако с 2022 г. возобновились дискуссии о многосторонних рамках. [7; 10; 11].

В целом предложенные в литературе решения варьируются от точечных реформ (изменение регламента Апелляционного органа) до радикальных идей (замена консенсуса голосованием, создание Всемирной организации по конкуренции). Однако большинству решений не хватает комплексности: отсутствует единый план, объединяющий реформу

торговых правил с созданием механизмов контроля и над государственными, и над частными антиконкурентными практиками. Настоящее исследование стремится восполнить этот пробел через системный подход.

Материалы и методы

Объектом исследования являются международно-правовые механизмы регулирования внешнеэкономической конкуренции и протекционизма, прежде всего в рамках системы ВТО, а также деятельности других глобальных институтов (ЮНКТАД, ОЭСР и др.). Предмет исследования - совокупность проблем и противоречий, возникающих при многостороннем регулировании конкуренции и протекционистской политики государств, и возможные пути их разрешения посредством совершенствования правовых норм и институтов.

В работе использованы разнообразные материалы: нормативные документы (соглашения и регламенты ВТО, решения органов ВТО, декларации G20), аналитические доклады международных организаций (ежегодные обзоры ВТО о торговой политике, публикации ЮНКТАД по конкуренции, отчеты ОЭСР), статистические данные о торговых ограничениях, а также научные и экспертные публикации российских и зарубежных авторов, посвященные реформе мировой торговой системы и вопросам конкурентной политики.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также специальные методы юридического и экономического анализа. Проведен сравнительно-правовой анализ норм действующих соглашений ВТО и предлагаемых к внедрению правил (в том числе сравнительный анализ режимов конкуренции в различных интеграционных объединениях - ЕС, ЕАЭС).

При выработке предложений опора делалась на принцип комплексности: учитывались одновременно правовые, институциональные и экономические аспекты. В качестве критерия оценки предлагаемых решений рассматривались их реализуемость и соответствие интересам основных групп государств.

Результаты

На основе проведенного анализа сформулирован комплекс взаимосвязанных предложений по совершенствованию многостороннего правового регулирования конкуренции и протекционизма. Эти предложения объединены в единый план, реализация которого требует согласованных действий государств на площадке ВТО и других международных форумах. Ниже приводятся основные результаты и рекомендации исследования.

1. Восстановление и реформирование механизма урегулирования споров ВТО. Первейшей задачей является восстановление доверия к правилам путем перезапуска системы разрешения споров. Необходимы срочные меры для разблокирования Апелляционного органа. Предлагается достичь

договоренности о назначении новых членов Апелляционного органа и одобрить пакет реформ ДРС. В пакет реформ целесообразно включить: уточнение мандата Апелляционного органа - подчеркнуть, что толкование не должно выходить за рамки явно предусмотренного в соглашениях (во избежание обвинений в судебном нормотворчестве); установление жесткого срока (90 дней) и процедуры согласования продления срока рассмотрения апелляции, чтобы исключить затягивание разбирательств; механизм фильтрации "бессмысленных апелляций" - например, право Апелляционного органа отклонять апелляцию, не затрагивающую правовых вопросов, а направленную лишь на затяжку; гарантия полного штатного состава: автоматическое начало процесса отбора новых членов за 6 месяцев до истечения мандата действующего члена, чтобы не допускать вакуумов по вине отдельных делегаций. Эти меры частично снимают критику США (по поводу затяжек и превышения полномочий), сохраняя при этом двухуровневую систему рассмотрения споров, которую большинство членов считает оптимальной.

Если же достичь консенсуса по разблокированию Апелляционного органа немедленно не удастся, уже сегодня ЕС и еще 25 стран участвуют в Многостороннем промежуточном арбитраже (MPIA) на основе ст. 25. Следует расширить его участие - пригласить к нему всех членов ВТО на период до восстановления Апелляционного органа. В рамках MPIA также можно внедрить вышеупомянутые реформы (сокращенные сроки, фокус на правовых вопросах, без расширительного толкования). Таким образом, шаг 1 - обеспечить функционирование «полностью и эффективно работающей системы урегулирования споров», как того требуют лидеры G20. Это создаст фундамент доверия для дальнейших реформ.

2. Обновление правил ВТО для противодействия современному протекционизму. Многосторонние торговые соглашения необходимо адаптировать к новым проявлениям протекционизма, которые сегодня пробивают бреши в режиме ВТО. В рамках предлагаемого плана выделяются несколько направлений:

2.1. Усиление дисциплин в отношении субсидий и госинтервенций. Существующее Соглашение ВТО по субсидиям и компенсационным мерам (СКМ) охватывает преимущественно промышленные субсидии, оставляя пробелы, которыми пользуются страны для поддержки высокотехнологичных отраслей и «зелёной» экономики. Предлагается инициировать переговоры о новом Соглашении по конкуренции и субсидиям, который: расширит понятие запрещенных субсидий (например, включит большие субсидии в высокотехнологичных секторах, если они ведут к захвату глобальной доли рынка - т.е. фактически антиконкурентные эффекты); установит правила прозрачности для субсидий в целях декарбонизации - страны должны нотифицировать экологически мотивированные субсидии, обосновывать их необходимость, чтобы другие могли оценить их недискриминационный характер; введет консультационный механизм: страна, обеспокоенная чужой

программой субсидий (например, огромные промышленные субсидии), может инициировать обсуждение в ВТО, не дожидаясь спора. Такое Соглашение мог бы быть принят группой заинтересованных членов (как это было с Соглашениями Токийского раунда) с перспективой присоединения остальных. Он направлен на то, чтобы предотвратить гонку субсидий, которую уже наблюдают эксперты, и вернуть вопрос промышленных и аграрных субсидий в русло диалога, а не конфронтации.

2.2. Ограничение злоупотребления исключениями и создание прозрачности в новых типах мер. Необходимы шаги для того, чтобы исключительные положения (ст. XIX ГАТТ - защитные меры, ст. XX - общие исключения, ст. XXI - национальная безопасность) не подрывали систему. Полностью устранить возможность односторонних трактовок, конечно, нельзя, но предлагается: разработать «Лучшие практики» применения статьи XXI (национальной безопасности) - документ, где будет перечислено, какие меры очевидно выходят за рамки добросовестного применения; утвердить требование об уведомлении: страна, вводящая торговое ограничение по причинам безопасности или другим исключениям, в течение, скажем, 30 дней представляет пояснительную записку в Совет по торговле товарами ВТО. Это повысит прозрачность и позволит обсуждать меру многосторонне; активизировать механизм обзора торговой политики - при обзоре фокусироваться на необоснованных ограничениях, требовать объяснений. В комплексе эти меры затруднят применение исключений как лазейки для протекционизма. Аналогично, для новых типов мер (таких как углеродные налоги) - создать форум в рамках ВТО по торговле и климату, где страны будут заранее обсуждать намерения ввести такую меру, стремясь минимизировать их дискриминационный эффект.

2.3. Обновление повестки переговоров: цифровая торговля, услуги, инвестиции. Отсутствие современных правил в ряде областей стимулирует государства заключать региональные соглашения и, потенциально, вводить односторонние ограничения. Поэтому жизненно важно перенести эти обсуждения на многосторонний уровень. Поддерживается продолжение переговорных инициатив: соглашение по электронной коммерции (включая недискриминацию цифровых продуктов, трансграничные данные и др.), соглашение по упрощению инвестиций (проект которого уже разрабатывается с 2017 г.), расширение соглашений по услугам. Эти договоренности, будучи принятыми, снизят мотивы стран вводить разрозненные национальные правила, препятствующие конкуренции.

3. Формирование многосторонних механизмов сотрудничества в области конкурентной (антимонопольной) политики. В дополнение к ограничениям государственного протекционизма предлагается восполнить пробел международного права в отношении ограничений конкуренции частными хозяйствующими субъектами. В рамках ВТО или под эгидой ООН (через ЮНКТАД) рекомендуется разрабо-

тать Многостороннее рамочное соглашение о конкуренции. Его цель - установить базовые принципы конкуренции и механизмы взаимодействия национальных антимонопольных органов. К таким принципам могли бы относиться: запрет жестких картелей (сговора о ценах, разделе рынков) как влекущих ограничения международной торговли - странам предложено обеспечить правовое преследование картельных практик и сотрудничать в расследованиях; обязательство иметь и применять национальное законодательство о защите конкуренции (с учетом уровня развития, по типу как в ВТО все обязались иметь таможенное и защиту интеллектуальной собственности); недопущение антиконкурентных мер со стороны государственных предприятий; механизм консультаций и обмена информацией между антимонопольными регуляторами разных стран, в том числе по конкретным делам, затрагивающим несколько юрисдикций.

Предложенные меры отвечают глобальному тренду: как отмечает ЮНКТАД, международное сотрудничество в конкурентной политике критически важно в условиях глобальных рынков, позволяя пресекать нарушения, затрагивающие сразу несколько стран[7]. Реализация такого соглашения повысит предсказуемость для бизнеса и снизит дублирование в правоприменении (например, крупные слияния не придется одобрять в десятках стран разом при наличии механизмов взаимного признания или единого окна). Для развивающихся стран многостороннее сотрудничество даст доступ к ресурсам и информации, помогая преодолеть ограниченные возможности в пресечении международных картелей.

4. Институциональные реформы ВТО и укрепление инклюзивности системы. Помимо обновления конкретных правил, следует совершенствовать процедурные и институциональные основы многосторонней системы, чтобы сделать процесс выработки норм более действенным и справедливым. В частности:

4.1. Реформа принципа консенсуса. Консенсус долго был опорой ВТО, гарантируя учет мнений всех членов, но в нынешней почти 170-страной организации он превратился в тормоз, позволяющий единичным странам блокировать даже начало переговоров. Многие исследователи сходятся во мнении, что без смягчения принципа консенсуса ВТО не сможет эффективно работать в будущем[4]. Поэтому предлагается ввести элементы голосования при принятии решений: например, процедуру принятия административных решений (повестка, выбор директора) - двумя третями голосов. Для существенных торговых соглашений можно сохранить требование высокой поддержки, но не абсолютного консенсуса (например, 85% голосов, как в МВФ). Такой шаг требует поправок в Марракешское соглашение, но его обсуждение следует начать, по крайней мере. Альтернативно - развивать плюрилатеральный формат правил, где группа прогрессивных стран согласовывает правила, а затем они постепенно расширяются. Уже сейчас инициативы по электронной торговле, инвестициям идут по такому «клубному» принципу[12]. Важно институционально

вписать плурилатеральные договоренности в архитектуру ВТО, чтобы избежать раскола между «участниками» и «неучастниками»: например, разрешить включать их в свод приложений ВТО, признавая права и обязательства только для подписантов, но под эгидой ВТО. Это обеспечит прозрачность и связь с общими принципами организации.

4.2. Дифференциация обязательств и обновление подхода к развитию. Чтобы снять противоречия США-Китай и в целом вопрос привилегий, нужно реформировать систему «развивающегося» статуса. Предлагается установить объективные критерии: например, комбинация показателей ВВП на душу, доли в мировой торговле, Индекса человеческого развития. Страны, превышающие порог, не должны претендовать на всеобщие поблажки. Вместо бинарного деления целесообразно вести градацию уровней развития с соответствующим дифференцированным объемом обязательств. Важно, чтобы при этом нуждающиеся наименее развитые и малые экономики сохранили необходимую гибкость, например, через индивидуальные переходные периоды и техническую помощь.

4.3. Укрепление роли ВТО в мониторинге и координации политики. ВТО должна не только устанавливать запреты, но и помогать странам координировать экономическую политику во избежание деструктивной конкуренции и кризисов. Предлагается усилить механизм Обзора торговой политики: расширить мандат для отслеживания нетрадиционных барьеров (например, экспортных ограничений, которые в 2022-24 гг. проявились в сфере продовольствия[9]). По данным ВТО, к концу 2024 г. большинство введенных экспортных ограничений на продовольствие уже сняты[9] - во многом благодаря глобальному давлению и контролю. В будущем ВТО должна активно рекомендовать снятие мер, когда отпадают их заявленные основания. Кроме того, ВТО могла бы выполнять функцию посредника в начальных фазах торговых споров (медиация) до формального разбирательства - это снизит конфронтационность.

Обсуждение

Предложенный комплекс мер направлен на устранение выявленных проблем многостороннего регулирования и обладает рядом преимуществ. Прежде всего, данное решение учитывает двуединую природу проблемы: угрозы для честной конкуренции исходят как от протекционистских действий государств, так и от антиконкурентного поведения частных акторов. Реформирование только торговых правил без охвата конкурентной политики решает лишь половину задачи.

Второе важное достоинство - баланс интересов разных групп стран. Решения выработаны с учетом позиций как развитых, так и развивающихся экономик. Так, требование пересмотра статуса развивающихся стран (предлагаемая дифференциация) идет навстречу США и ЕС, странам-донорам правила, обеспокоенным «неоправданными привилегиями». Одновременно сохраняется поддержка истинно

нуждающихся слаборазвитых стран (через градацию и помощь). В области субсидий - пакет правил нацелен на сдерживание масштабных промышленных субсидий, что отвечает жалобам развитых стран на конкурентов, но допускает экологические и развитию способствующие субсидии при прозрачности, чего требуют развивающиеся страны. В вышеизложенном предложении акцент делается на взаимовыгодном сотрудничестве (совместное пресечение картелей, обмен практиками), что особенно выгодно для небольших развивающихся стран, страдающих от глобальных картельных сговоров (например, на сырьевых рынках) и не имеющих ресурсов самостоятельно бороться.

Научная значимость работы состоит в том, что она объединяет разрозненные направления исследования - международное торговое право и международную конкурентную политику - в единый концепт реформы глобального регулирования.

Практическая ценность предложений подтверждается их поддержкой на высшем политическом уровне (отражены устремления G20 и БРИКС) и соответствием объективным экономическим интересам большинства стран.

Конечно, реализация столь амбициозного плана сталкивается с вызовами. Главный риск - политическая воля: обострившееся геополитическое противостояние в мире может помешать странам сесть за стол переговоров и доверять друг другу. Например, продолжающаяся конкуренция США и Китая вряд ли быстро сменится сотрудничеством. Однако исторический опыт показывает, что серьезные кризисы часто становятся толчком к реформам. Парадоксально, но нынешнее состояние «на грани коллапса» может мотивировать ключевых игроков договориться, как это было после 1930-х (тогда Великая депрессия привела к осознанию необходимости глобальных экономических институтов).[4]

Заключение

Многостороннее правовое регулирование конкуренции и протекционизма стоит сегодня на перепутье. С одной стороны, накопившиеся проблемы - рост торговых барьеров, кризис доверия, пробелы в регулировании - ставят под сомнение эффективность ВТО. С другой стороны, сам масштаб современных глобальных вызовов (пандемии, изменение климата, цифровая революция) делает как никогда необходимым сильное международное сотрудничество в торгово-экономической сфере. В этой связи сохранение и совершенствование многосторонней системы является безальтернативным путем к обеспечению устойчивого роста и справедливой конкуренции. Проведенное исследование подтвердило актуальность задач по модернизации правил торговли и дополнению их новыми договоренностями.

В статье достигнута поставленная цель: разработан и обоснован комплекс мер, направленных на повышение эффективности многостороннего регулирования конкуренции и ограничение протекционизма. В числе главных рекомендаций - реформа

системы ВТО, включающая восстановление механизма разрешения споров на новых принципах, обновление торговых правил (в части субсидий, исключений, цифровой экономики), внедрение гибких подходов к принятию решений и особым режимам для развивающихся стран, а также создание нового международно-правового инструмента по конкурентной политике. Существенное внимание уделено тому, чтобы реформы были инклюзивными - учитывали интересы разных стран и способствовали вовлечению всех.

Практическая реализация этих мер способна придать новый импульс мировой торговой системе. Восстановление предсказуемости и обязательности правил снизит накал торговых споров и затратные конфликты. Совместные усилия по контролю над субсидиями и искажениями предотвратят опасную гонку протекционизма, уже охватившую стратегические отрасли. А развитие международного сотрудничества антимонопольных органов обеспечит более честное распределение выгод глобализации, пресечет практику "разделяй и властвуй" со стороны транснациональных корпораций на разных рынках. В итоге мировая экономика станет более устойчивой, открытой и справедливой, что особенно важно в эпоху, когда глобализация испытывает кризис доверия.

Таким образом, научная и практическая значимость данного исследования заключается в том, что оно формулирует целостное видение такой трансформации и служит базисом для дальнейших дискуссий и действий по реформированию глобальной системы управления.

Литература

1. Всемирная торговая организация. Доклад о развитии международной торговой среды, 2024 (WT/TPR/OV/27). Женева: ВТО, 2024. - Executive Summary, с. 2.
2. Декларация лидеров G20 (Нью-Дели, 9 сентября 2023 г.) // Министерство иностранных дел Индии, 2023. - С. 5 - 6.
3. Оконджо-Ивеала Н. Выступление при презентации ежегодного доклада ВТО о торговых мерах. - Женева: ВТО, 11 декабря 2024 г.
4. Портанский А.П. ВТО: накопившиеся проблемы и перспективы после МК-13 // Современная мировая экономика. - 2024. - Том 2, № 1(5). - С. 53-60.
5. Как могут быть реформированы ООН, ВТО и МВФ и их структуры // РБК. - 26.09.2024.
6. ОЭСР. Конкуренция и международное сотрудничество - Париж: OECD, 2020. - (Отчет ОЭСР о тенденциях конкуренции). - 45 с. - С. 3.
7. ЮНКТАД. Комплект согласованных принципов ООН в области конкуренции: 40 лет реализации - Женева: UNCTAD, 2024. - 64 с. - С. 12.

8. World Bank. Protectionism Is Failing to Achieve Its Goals and Threatens the Future of Critical Industries. - Feature Story, 29 Aug 2023.

9. World Trade Organization (WTO). WTO report shows increase in trade restrictions against backdrop of unilateral policies - Geneva: WTO, 11 December 2024.

10. Нормова Ю. В., Роль втo в регулировании международной торговли // Хроноэкономика. 2019. №1 (14).

11. APEC; OECD. International Regulatory Co-operation in Competition Law and Chemical Safety - Paris & Singapore: OECD & APEC, 2022. - 50 с.

12. Бирюкова О. В., Тихоновский Г. А. "Клубные" договоренности в ВТО и участие в них стран БРИКС в условиях экономических санкций. Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2025, № 1, сс. 13-26.

Enhancing the multilateral legal regulation of competition and protectionism in international economic relations

Phan Tuan Anh

Saint Petersburg State University

The article examines current challenges in the multilateral legal regulation of competition and protectionism within the system of international economic relations. The aim of the study is to propose a comprehensive solution to improve multilateral regulation of competition and to counter protectionism, taking into account contemporary challenges in world trade. The methodology is based on a comparative legal analysis of WTO rules and documents issued by organizations such as UNCTAD and the OECD, an examination of statistical data on trade restrictions and cases of trade disputes, as well as a critical review of contemporary academic literature. The results include identifying the key causes of the crisis of the multilateral trading system (the rise of protectionism, the absence of effective mechanisms for a global competition policy, among others), a critical analysis of existing reform proposals, and the development of a package of measures aimed at strengthening international legal mechanisms to ensure fair competition and curb protectionist practices. Conclusions: Implementing the proposed solutions will modernize multilateral trade rules, restore confidence in the WTO, ensure a more level playing field, and take into account the interests of all groups of countries-including developing economies-in shaping updated rules for world trade.

Keywords: multilateral regulation, competition, protectionism, international trade, WTO reform, international economic law.

References

1. World Trade Organization. International Trading Environment Progress Report 2024 (WT/TPR/OV/27). Geneva: WTO, 2024. - Executive Summary, p. 2.
2. G20 Leaders Declaration (New Delhi, 9 September 2023) // Ministry of External Affairs of India, 2023. - Pp. 5 - 6.
3. Okonjo-Iweala N. Speech at the Launch of the WTO Annual Report on Trade Measures. - Geneva: WTO, 11 December 2024.
4. Portansky A.P. WTO: Accumulated Problems and Prospects after MK-13 // Modern World Economy. - 2024. - Vol. 2, No. 1 (5). - Pp. 53-60.
5. How the UN, WTO and IMF and their structures can be reformed // RBC. - 26.09.2024.
6. OECD. Competition and International Cooperation. - Paris: OECD, 2020. - (OECD Competition Trends Report). - 45 p. - P. 3.
7. UNCTAD. The UN Set of Agreed Principles on Competition: 40 Years of Implementation. - Geneva: UNCTAD, 2024. - 64 p. - P. 12.
8. World Bank. Protectionism Is Failing to Achieve Its Goals and Threatens the Future of Critical Industries. - Feature Story, 29 Aug 2023.
9. World Trade Organization (WTO). WTO report shows increase in trade restrictions against backdrop of unilateral policies - Geneva: WTO, 11 December 2024.
10. Normova Yu. V., The Role of the WTO in Regulating International Trade // Chronoeconomics. 2019. No. 1 (14).
11. APEC; OECD. International Regulatory Co-operation in Competition Law and Chemical Safety - Paris & Singapore: OECD & APEC, 2022. - 50 p.
12. Biryukova O. V., Tikhonovsky G. A. "Club" agreements in the WTO and participation of BRICS countries in them under economic sanctions. Analysis and forecast. Journal of IMEMO RAS, 2025, No. 1, pp. 13-26.

Нормативно-правовая база современной гуманитарной политики России за рубежом

Шедь Ярослав Романович

Аспирант, факультет государственного управления и национальной безопасности, ИПНБ РАНХИГС, shedj@icloud.com

Статья раскрывает правовые основы внешней гуманитарной политики России и их развитие за последние десятилетия. Анализ охватывает конституционные нормы, федеральные законы, указы Президента и концептуальные документы. Подчеркивается взаимосвязанность ценностных ориентиров, культуры и исторической памяти с целями гуманитарной политики. Прослеживается разработка новых стратегических актов, служащих реализации национальных интересов. Рассматривается переход от разрозненных установок к целостной архитектуре реализации гуманитарного измерения внешней политики РФ, где отдельные культурные, научные и туристические инициативы увязываются с комплексными механизмами стратегического планирования и международного сотрудничества. Итоговый вывод подчеркивает значение развитой нормативно-правовой базы для зарубежной гуманитарной политики России, а также необходимость продолжения ее системной реализации в условиях глобальной турбулентности.

Ключевые слова: гуманитарная политика, дипломатия, международные отношения, культурная дипломатия, мягкая сила, Российская Федерация.

Введение

Гуманитарная политика выступает одним из каналов трансляции ценностей и реализации национальных интересов России даже в условиях современных геополитических ограничений. Она охватывает культурное, образовательное, научное и языковое сотрудничество, а также работу с диаспорами и гуманитарную помощь, то есть ту сферу, которая часто именуется «мягкой силой». Однако анализ показывает необходимость проверки полноты и согласованности правовых основ гуманитарной политики России за рубежом, особенно в динамике XXI века. Рассматриваемая правовая база формировалась на разных уровнях – от конституционных норм и федеральных законов до Указов Президента и концептуальных документов. Необходимым представляется рассмотрение вопроса о соответствии текущей нормативно-правовой базы гуманитарной политики России за рубежом задачам и вызовам гуманитарной политики в современных условиях.

Актуальность темы обусловлена недавним обновлением стратегических ориентиров гуманитарной сферы российской внешней политики. В 2022 году Президент утвердил Концепцию гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом [10] – программный документ, систематизирующий цели, принципы и направления гуманитарной деятельности. Вслед за этим в 2023 году появилась новая редакция Концепции внешней политики Российской Федерации [12], которая заменила предыдущую концепцию 2016 года. Указанные документы задали обновленные цели, инструменты и приоритеты гуманитарного присутствия России за рубежом.

Возникает научная задача проанализировать, насколько новые концептуальные установки согласуются с ранее действовавшими правовыми актами (например, Основами государственной культурной политики 2014 года [7], Законом о соотечественниках 1999 года [3] и др.) и действующей институциональной архитектурой. Иными словами, требуется оценить, обеспечена ли преемственность и взаимодополняемость правовых основ гуманитарной политики на всех уровнях – от Конституции до подзаконных актов.

Материалы и методы

Анализ опирается на обширную нормативную базу. Прежде всего, исследуются конституционные основания внешней деятельности, а также учитываются федеральные законы, задающие рамки внешнеполитической деятельности (например, Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» определяет порядок заключения и ратификации международных соглашений [2], а Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [4] важен тем, что

относит концепции и стратегии внешнеполитического характера к документам стратегического планирования).

Важнейшими источниками выступают указы Президента Российской Федерации и концептуальные документы стратегического планирования, определяющие гуманитарную повестку. К их числу стоит отнести Концепцию гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, Концепцию внешней политики Российской Федерации, Основы государственной культурной политики, Указ Президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [11].

Ценностный фундамент этих актов напрямую отражается в целях гуманитарной политики (так, защита традиционных ценностей провозглашена среди национальных интересов РФ в гуманитарной сфере). Эмпирическую базу исследования дополняет корпус публикаций, посвященных гуманитарной политике и гуманитарной дипломатии России.

В исследовании применяется комплексный междисциплинарный подход. Используется доктринально-правовой анализ – сопоставление содержания нормативных актов разных лет и уровней на предмет их взаимосвязанности и иерархии. Сравнительный анализ разных редакций документов позволяет выявить изменения целей и риторики. Наконец, проведен контент-анализ научных статей с целью систематизации основных тем и выводов.

Результаты и обсуждение

В иерархии правового регулирования гуманитарной политики высшую юридическую силу имеют нормы Конституции Российской Федерации и закрепленные в ней полномочия Президента Российской Федерации. Согласно ст. 80 Конституции, Президент определяет основные направления внешней политики государства, а ст. 86 возлагает на него непосредственное руководство внешней политикой [1]. Указанные положения означают, что именно глава государства формирует стратегическую повестку, включая гуманитарные аспекты, и несет ответственность за ее общий курс. Президентские указы, которыми утверждаются концепции и стратегии, имеют, по сути, доктринальный характер и занимают особое место в системе актов. С одной стороны, указы Президента – это подзаконные нормативные акты, но с другой – стратегические концепции не являются законом в строгом смысле, а относятся к документам стратегического планирования. Тем не менее, они обязательны для государственных органов и определяют рамки текущей политики. Таким образом, конституционные полномочия Президента задают вертикаль, на вершине которой находятся указанные концептуальные документы гуманитарной направленности. Парламент при этом играет поддерживающую роль – Совет Федерации и Государственная Дума в пределах своих компетенций осуществляют законодательное обеспечение гуманитарной политики, ратифицируют международные соглашения.

Правительство РФ отвечает за практическую реализацию гуманитарной политики, а именно координирует работу министерств, выделяет ресурсы, утверждает государственные программы. Специально уполномоченное ведомство – МИД России – призвано вносить Президенту предложения по основным направлениям гуманитарной политики и проводить внешнеполитический курс в этой сфере. Такая институциональная схема отражает иерархию источников, согласно которой стратегические указания задаются на высшем уровне, а их детализация и исполнение обеспечиваются законами, подзаконными актами и деятельностью институтов.

Федеральный закон 172-ФЗ «О стратегическом планировании» установил единые правила разработки стратегий и концепций, распространив их и на внешнеполитическую сферу. Согласно этому закону, Президент утверждает стратегии национальной безопасности, концепции внешней политики и другие документы целеполагания; кроме того, может принимать и иные стратегические документы по своему усмотрению. Концепция гуманитарной политики 2022 года как раз относится к числу таких отраслевых документов стратегического планирования, утвержденных президентским указом. Ее появление было логично увязано по времени с обновлением Стратегии национальной безопасности РФ [9] – то есть правовая база развивается синхронно, обеспечивая программно-целевой характер гуманитарных инициатив. Помимо этого, связующим звеном между гуманитарной политикой и международным правом выступает Федеральный закон «О международных договорах РФ».

Многие гуманитарные проекты России за рубежом реализуются в договорно-правовой форме, например, соглашения о культурно-научном сотрудничестве, о центрах русского мира, о помощи развитию через ООН и т.д. Закон требует добросовестного выполнения международных договоров РФ, поэтому взятые гуманитарные обязательства (поставка помощи, создание школ, обмена студентами) должны исполняться на основе норм национального права. Таким образом, система федеральных законов способствует верифицируемости гуманитарных инициатив на международной арене – они либо воплощаются через соглашения, либо через программы. Итогом является программно-правовой контур, где стратегические концепции укоренены в законодательстве, что повышает их преемственность и устойчивость.

До недавнего времени основным доктринальным документом, включавшим гуманитарную составляющую, была Концепция внешней политики РФ 2016 года [8]. В ней гуманитарное направление упоминалось главным образом в контексте «мягкой силы» и защиты прав соотечественников. Например, провозглашалась задача усиления роли России в мировом гуманитарном пространстве, распространения и укрепления позиций русского языка в мире, популяризации достижений национальной культуры, национального исторического наследия и культурной самобытности народов России, российского образования и науки, консолидации российской диаспоры.

Однако в целом Концепция-2016 отражала реалии посткрымского периода, то есть она констатировала кризис отношений с Западом, но еще оперировала языком партнерства и общего пространства гуманитарного сотрудничества. К 2023 году геополитическая ситуация изменилась радикально, учитывая проведение Специальной военной операции, открытую конфронтацию с США и ЕС, санкционное давление.

В этих условиях старая концепция уже не соответствовала текущим реалиям, поэтому 31 марта 2023 года была утверждена новая Концепция внешней политики РФ (КВП-2023), а указом о ее принятии предыдущая (за 2016 г.) утратила силу. Новая концепция стала «точкой отсчета», зафиксировав доктринально то, что уже проявилось в практике с 2022 года: отказ от поисков баланса интересов с Западом, курс на формирование «справедливого миропорядка» и укрепление сотрудничества с западными странами. Гуманитарная повестка получила в КВП-2023 четкое идеологическое обрамление. В разделе национальных интересов упомянуто «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия» как одна из стратегических целей. Это вполне согласовано с духом обновленного доктринального документа, призванного стать образцом, поскольку, как отмечают исследователи: «можно выделить два вида интересов, которые защищает право: материальные и духовные» [15]. Кроме того, в Концепции сохранена задача по усилению значимости России в мировом гуманитарном пространстве, по укреплению позиций русского языка в мире, по содействию сохранению за рубежом исторической правды и памяти о роли России в мировой истории. Таким образом, защита ценностей и идентичности возведена в ранг внешнеполитических приоритетов, чего не было явно в редакции 2016 года, где речь шла скорее об имидже страны и продвижении русского языка.

Появление самостоятельной концепции гуманитарной политики стало значимым событием. Специалисты отмечали, что это «давно ожидаемый документ», фактически ценностный манифест России на внешнем направлении [21]. Концепция (далее – КГП-2022) отличается от привычных доктрин «мягкой силы». Если последний термин пришел из политологии (концепция Дж. Ная [20]) и обычно подразумевает совокупность негосударственных ресурсов влияния, то КГП-2022 – именно государственный программный акт, во многом отвечающий на вопрос «какие ценности Россия несет во внешний мир» [21]. В национальных интересах РФ в гуманитарной сфере названы: защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, распространение объективного образа России в мире, продвижение русского языка, сохранение исторической правды, развитие международного гуманитарного сотрудничества и др. Цели гуманитарной политики определены как формирование объективного восприятия России и распространение знания о ней для взаимопонимания и развития контактов между народами.

КГП-2022 включает принципы – уважение суверенитета, невмешательство во внутренние дела, недопустимость навязывания чуждых ценностей, готовность учитывать интересы иных игроков на мировой арене – что напрямую коррелирует с традиционными ценностями (прописанными в Основах 2022 года) и с внешнеполитической риторикой РФ.

Кроме того, в Концепции 2022 года впервые системно изложены основные направления гуманитарной политики, которые можно рассматривать как матрицу инструментов. Важная особенность – наличие региональных приоритетов, то есть документ подчеркивает, что расширение сотрудничества со странами СНГ, а также с Абхазией и Южной Осетией, является приоритетом гуманитарной политики страны. Таким образом, Россия явно ориентирована прежде всего на близкое зарубежье и зоны своего традиционного влияния. КГП-2022 содержит также распределение ролей между различными институтами и пункты о возможной реализации через отдельные программы и проекты. Примечателен п. 117, который допускает разработку отраслевых программ.

Гуманитарная политика России за рубежом включает ряд крупных направлений, каждое из которых имеет свои нормативные опоры и актуальные приоритеты. На основе Концепции 2022г. и сопутствующих актов можно выделить несколько ключевых содержательных блоков.

Первым таким блоком выступает языковая и культурная дипломатия, так как русский язык и аспекты его распространения и защиты провозглашены «просветительской миссией России за рубежом» и важным средством гуманитарного влияния. В Концепции-2022 подчеркивается, что в мире идет борьба за культурное влияние и даже введен термин «культурный код», под которым понимаются русский язык, культура, историческое наследие многонационального народа России. Культурная дипломатия РФ ныне позиционируется как ответ на «культуру отмены» в отношении России. В практическом плане это выражается в проведении фестивалей культуры, выставок, гастролей, кинопоказов, а также в защите памятников истории за рубежом. Здесь на помощь приходит и международное право (конвенции ЮНЕСКО о нематериальном наследии и т.п.), и двусторонние соглашения о культурном сотрудничестве.

С точки зрения права Россия также опирается на соглашение СНГ о гуманитарном сотрудничестве 2005 г. и решения профильного Совета глав государств СНГ, где культура – важный компонент интеграции [22]. Важный акцент сделан на том, что Россия не отказывается от концепции «Русского мира», несмотря на негативный фон вокруг данного понятия после событий 2022 года, а напротив – настаивает на продвижении традиций и идеалов Русского мира. Данное заявление весьма гармонично сочетается с указами о поддержке соотечественников и о традиционных ценностях.

Блок образования и науки охватывает образовательную дипломатию (академический обмен, обуче-

ние иностранных студентов) и научное сотрудничество (совместные исследования, популяризация достижений науки РФ). Концепция-2022 называет продвижение российского образования и науки одним из ключевых направлений. За последние годы здесь наблюдается подъем, например, реализуется федеральный проект «Экспорт образования» (часть нацпроекта «Образование»), цель которого – увеличить привлекательность российского образования для иностранцев. Как отмечает в этой связи В.К. Николаев, «меры, принятые в рамках реализации проекта «Экспорт образования», безусловно повысят привлекательность и конкурентоспособность российского образования и будут способствовать привлечению большего количества иностранных граждан, желающих обучаться в российских вузах» [17]. Нормативную базу составляют межправительственные соглашения о взаимном признании дипломов, квоты Правительства РФ на обучение иностранных граждан, а также Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом [13]. Примечательно, что Концепция гуманитарной политики уделила внимание академической мобильности иностранных студентов и молодых ученых.

Работа с молодежью традиционно является сильной стороной гуманитарной дипломатии России, восходя к советским традициям фестивалей и студотрядов. Концепция-2022 относит международное молодежное сотрудничество к приоритетным направлениям. Спорт упоминается в Концепции-2022 особо, несмотря на сложную ситуацию с отстранением российских спортсменов. Спортивная дипломатия признается важным ресурсом «мягкой силы» (как показывают примеры США). Для России спортивное сотрудничество в текущих условиях ограничено (из-за санкций в олимпийском движении), но развивается в двустороннем формате и через такие площадки, как БРИКС (например, Спортивные игры стран БРИКС). Правовых актов, специально посвященных спорту во внешней политике, нет, однако есть соглашения со странами о физкультурно-спортивном сотрудничестве. Можно ожидать, что по мере нормализации отношений в спортивной сфере Россия вернется к практике крупных спортивных событий как инструментов гуманитарного влияния.

Политика в отношении соотечественников за рубежом – один из самых институционально проработанных блоков. Федеральный закон и Государственная программа работы с соотечественниками [5] формируют юридические и финансовые механизмы поддержки диаспоры. Создан правительственная комиссия по делам соотечественников, действует фонд «Русский мир», ведется работа через посольства (координационные советы соотечественников). Концепция-2022 тоже включает этот блок, хотя отмечено, что тема соотечественников «уже не на приоритетных позициях» [21] – вероятно, по сравнению с новым фокусом на зарубежную аудиторию в целом. Тем не менее защита прав и достоинства соотечественников остается обязанностью государ-

ства. Особое направление – сохранение исторической памяти и противодействие дискриминации русскоязычного населения.

В документе 2022 года этому посвящен пункт о «дипломатии наследия». Имеются в виду усилия по сохранению мемориалов, совместные проекты по увековечиванию памяти войн, борьба с героизацией нацизма и т.п. После 2022 года эта работа сталкивается с препятствиями в Европе, но продолжается в СНГ, Сербии, Израиле и других странах.

Наконец, важным блоком является международная гуманитарная помощь – от реагирования на чрезвычайные ситуации до содействия развитию беднейших стран. Концепция гуманитарной политики причисляет помощь другим государствам к направлениям, подчеркнув ее значение для позитивного образа России. Здесь прослеживается связь с Концепцией содействия международному развитию [6] – собственным аналогом политики «foreign aid». В период пандемии Россия активно использовала инструмент помощи, например, поставки вакцины «Спутник V» за рубеж, отправка медоборудования, и это принесло очевидный имиджевый эффект. Ныне гуманитарная помощь РФ направляется прежде всего союзникам и дружественным государствам. Кроме того, МЧС России действует по соглашениям с ООН (кластер гуманитарного реагирования). Таким образом, гуманитарная политика России включает и гуманитарную дипломатию в узком смысле – переговоры о доступе помощи, участие в международных гуманитарных операциях. Здесь важно подчеркнуть, что в российском понимании гуманитарная помощь – тоже часть реализации влияния, но подчиненная принципам невмешательства и уважения суверенитета (Россия всегда подчеркивает безусловность помощи, в отличие от «связывания» помощи с политическими условиями со стороны некоторых западных доноров [18]).

В рамках современной академической мысли в России активно изучаются гуманитарные инструменты внешней политики. Так, в некоторых работах отмечено, что до недавнего времени понятие «гуманитарная политика» не было четко определено ни в зарубежной, ни в отечественной науке [14]. О. Н. Богатырева выделяет два основных подхода: ограничительный, сводящий гуманитарную дипломатию к традиционным сферам (права человека, гуманитарная помощь, переговоры в конфликте), и расширительный, включающий практически всю т.н. «мягкую силу» – культуру, образование, спорт, социально-экономическое взаимодействие [14].

Типичным определением в рамках ограничительного подхода можно считать следующее: «Гуманитарная дипломатия – это дипломатическая деятельность представителей государств, учреждений ООН, международных правительственных организаций, специализированных неправительственных организаций и институтов гражданского общества, направленная на предотвращение или облегчение страданий, вызванных конфликтами или чрезвычайной ситуацией, предоставление помощи пострадав-

шим и распространение норм международного гуманитарного права» [19]. К числу представителей расширительного подхода стоит отнести, например, Д.М. Ковба, утверждающую, что «в зависимости от широты понимания термина практика гуманитарной дипломатии может включать в себя программы сотрудничества в области образования, науки, культуры, спорта, медицины и т.д.» [16].

Российская гуманитарная политика за рубежом, согласно Концепции-2022, реализуется по расширительной модели – охватывая и ценностно-культурные аспекты, и непосредственно гуманитарные.

Выводы

Гуманитарная политика России за рубежом в 2020-х гг. приобрела комплексное обоснование и закрепление в целостной нормативно-правовой базе, выстроенной в иерархической системе. Стратегическое значение гуманитарного направления для внешнеполитической деятельности России подтверждено на самом высоком уровне – многочисленными Указами Президента, включением гуманитарных целей в Концепцию внешней политики 2023г. и утверждением самостоятельной Концепции гуманитарной политики 2022г.. Совокупность правовых актов 2008-2025 гг. сформировала ценностный и инструментальный каркас, внутри которого реализуются проекты реализации гуманитарной политики.

Новые документы задали обновленный вектор и приоритеты, согласно которым акцент сместился на отстаивание традиционных ценностей, поддержку своего цивилизационного пространства и активизацию работы в СНГ и странах «глобального Юга».

Таким образом можно констатировать, что в условиях жесткой внешнеполитической конфронтации Россия стремится задействовать гуманитарную политику как средство укрепления своего международного положения. Нормативно-правовая база для этого создана и иерархически согласована. Залогом успешной реализации станет наполнение этих правовых рамок конкретными проектами и комплексная отладка координации между всеми участниками процесса реализации гуманитарной политики – от государственных органов до НКО и прочих институтов гражданского общества. Международная среда динамична, поэтому гуманитарная политика и ее правовые основы также требуют гибкости и периодического пересмотра, чтобы сохранять актуальность и эффективность в проекции российских ценностей и интересов за рубежом.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 07.08.2025).

2. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 29. — Ст. 2757.

3. Федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 22. — Ст. 2670.

4. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 26 (ч. I). — Ст. 3378.

5. Указ Президента РФ от 22.06.2006 № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (вместе с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом») // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 26. — Ст. 2820.

6. Указ Президента РФ от 20.04.2014 № 259 «Об утверждении Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию» // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 17. — Ст. 2036.

7. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 52 (ч. I). — Ст. 7753.

8. Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 49. — Ст. 6886. — Утратил силу.

9. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 27 (ч. II). — Ст. 5351.

10. Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 37. — Ст. 6315.

11. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 46. — Ст. 7977.

12. Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 14. — Ст. 2406.

13. Баранова И. И. Международное сотрудничество в продвижении русского языка и русской культуры за рубежом // Вопросы методики преподавания в вузе. — 2018. — № 26. — С. 8–16.

14. Богатырева О. Гуманитарная дипломатия. Современные концепции и подходы // Международные процессы. — 2022. — Т. 20, № 1. — С. 166–191.

15. Каторгин С. С. Эволюция понятия «интерес» в юридической доктрине // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 12 (192). — С. 75–77.

16. Ковба Д. М. Гуманитарная дипломатия: основные уровни, акторы и их мотивы // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. — 2023. — № 1. — С. 135–147.

17. Николаев В. К. Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности // Высшее образование в России. — 2022. — № 2. — С. 149–166.

18. Практика современной гуманитарной дипломатии / под ред. Д. А. Кузнецова. — М.: Эдитус, 2022. — 206 с.

19. Теленьга М. П., Ткачева Т. О. Гуманитарная дипломатия: теория и практика // Общество и право. — 2023. — № 4 (86). — С. 137–142.

20. Nye J. S. Jr. Soft power // Foreign Policy. — 1990. — № 80. — P. 153–171.

21. Бурлинова Н. Политический манифест о том, кто мы есть // Российский совет по международным делам. — Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/politicheskiy-manifest-o-tom-kto-my-est/> (дата обращения: 17.08.2025).

22. Итоги заседания Совета глав государств Содружества Независимых Государств (14 октября 2022 года) // Исполнительный комитет СНГ. — Режим доступа: https://eccis.org/news/24223/itogi_zasedaniya_soveta_glav_gosudarstv_sng_%2814_oktjabrja_2022_goda%29 (дата обращения: 14.08.2025).

The legal framework of modern humanitarian policy of Russia abroad

Shed Ya.R.

RANEPА

The article reveals the legal foundations of Russian foreign humanitarian policy and its development over the past decades. The analysis covers constitutional norms, federal laws, presidential edicts and conceptual documents. The interconnection of value orientations, culture and historical memory with the goals of humanitarian policy is emphasized. The development of new strategic acts serving the implementation of national interests is traced. The transition from scattered guidelines to a holistic architecture for the implementation of the humanitarian dimension of the Russian Federation's foreign policy is considered, when cultural, scientific and tourist initiatives are linked with complex mechanisms of strategic planning and international cooperation. The final conclusion emphasizes the importance of a developed regulatory framework for Russia's foreign humanitarian policy, as well as the need to continue its systemic implementation in the context of global turbulence.

Keywords: humanitarian policy, diplomacy, international relations, cultural diplomacy, soft power, Russian Federation.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // SPS "ConsultantPlus". — Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of reference: 08/07/2025).
2. Federal Law No. 101-FZ dated 07/15/1995 "On International Treaties of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1995. — No. 29. — Art. 2757.
3. Federal Law No. 99-FZ dated 05/24/1999 "On the State Policy of the Russian Federation in relation to Compatriots abroad" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1999. — No. 22. — Art. 2670.
4. Federal Law No. 172-FZ dated 06/28/2014 "On Strategic Planning in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2014. — No. 26 (part I). — Art. 3378.
5. Decree of the President of the Russian Federation dated 06/22/2006 No. 637 "On measures to facilitate the voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad" (together with the "State Program to facilitate the voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad") // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2006. — No. 26. — Art. 2820.
6. Decree of the President of the Russian Federation dated 04/20/2014 No. 259 "On approval of the Concept of State policy of the Russian Federation in the field of international development assistance" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2014. — No. 17. — Article 2036.
7. Decree of the President of the Russian Federation dated December 24, 2014 No. 808 "On approval of the Fundamentals of State cultural policy" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2014. — No. 52 (part I). — Art. 7753.
8. Decree of the President of the Russian Federation dated November 30, 2016 No. 640 "On approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2016. — No. 49. — Article 6886. — Expired.
9. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2021. — No. 27 (part II). — Art. 5351.
10. Decree of the President of the Russian Federation dated 05.09.2022 No. 611 "On approval of the Concept of humanitarian policy of the Russian Federation abroad" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2022. — No. 37. — Article 6315.11.
- Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 No. 809 "On approval of the Foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2022. — No. 46. — Article 7977.12.
- Decree of the President of the Russian Federation dated 03/31/2023 No. 229 "On approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2023. — No. 14. — Art. 2406.
- Russian language and culture 13. Baranova I. I. International cooperation in the promotion of the Russian language and Russian culture abroad // Questions of teaching methods in higher education institutions. — 2018. — No. 26. — pp. 8-16.
14. Bogatyreva O. Humanitarian diplomacy. Modern concepts and approaches // International processes. 2022. Vol. 20, No. 1. pp. 166-191.
15. Katorgin S. S. The evolution of the concept of "interest" in legal doctrine // Law and the State: theory and practice. — 2020. — № 12 (192). — Pp. 75-77.
16. Kovba D. M. Humanitarian diplomacy: main levels, actors and their motives // Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences. — 2023. — No. 1. — pp. 135-147.
17. Nikolaev V. K. Export of education in Russian universities in a new reality // Higher education in Russia. — 2022. — No. 2. — pp. 149-166.
18. The practice of modern humanitarian diplomacy / edited by D. A. Kuznetsov. — M.: Editus, 2022. — 206 p.
19. Telenga M. P., Tkacheva T. O. Humanitarian diplomacy: theory and practice // Society and Law. — 2023. — № 4 (86). — Pp. 137-142.
20. Nye J. S. Jr. Soft power // Foreign Policy. — 1990. — No. 80. — P. 153-171.
21. Burlinova N. Political manifesto about who we are // Russian Council on International Affairs. — Access mode: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/politicheskiy-manifest-o-tom-kto-my-est/> (date of access: 08/17/2025).
22. Results of the meeting of the Council of Heads of State of the Commonwealth of Independent States (October 14, 2022) // CIS Executive Committee. https://eccis.org/news/24223/itogi_zasedaniya_soveta_glav_gosudarstv_sng_%2814_oktjabrja_2022_goda%29 (date of request: 08/14/2025).

Социально-правовая обусловленность криминализации рейдерства в современных условиях: распространённость посягательства

Дорошенко Даниил Валерьевич

соискатель кафедры уголовного права, УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева, daniil.doroshenko.97@mail.ru

Научная статья посвящена исследованию уровня распространённости рейдерских посягательств как основания социально-правовой обусловленности их криминализации. Отмечается отсутствие в российском уголовном законодательстве специальной нормы, устанавливающей ответственность за рейдерство, что ведёт к фрагментации статистического учёта и повышает латентность данных преступлений. Автор анализирует причины низкой правоприменительной активности по статьям УК РФ, охватывающим рейдерские действия. Уделяется внимание особенностям рейдерства в сфере цифровой экономики, где объектами посягательств становятся нематериальные активы и IT-инфраструктура. Делается вывод о необходимости адаптации уголовно-правовых и криминологических инструментов к новым формам захватов корпоративной собственности, в том числе с использованием цифровых технологий. Обосновывается необходимость развития доктрины цифрового рейдерства как самостоятельного направления научного анализа и уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: рейдерство; криминализация; корпоративные конфликты; уголовная ответственность; цифровая экономика; цифровое рейдерство; экономическая безопасность; латентная преступность; уголовное право; захват активов.

Оценка такого ключевого основания социально-правовой обусловленности криминализации, каковым является распространённость антиобщественного посягательства на практике, применительно к рейдерской преступности вызывает немалые сложности. Отсутствие в действующем уголовном законодательстве самостоятельной нормы, прямо предусматривающей ответственность за незаконный захват имущественного комплекса юридического лица, приводит к статистической фрагментации рейдерства: оно «растворяется» в общей статистике преступлений в сфере экономической деятельности, против собственности и порядка управления, что существенно затрудняет его количественную оценку.

Следует согласиться с В.М. Кочедыковой в том, что «рейдерский захват полностью не охватывается признаками ни одной нормы действующего УК РФ»⁵⁷. Иными словами, как пишет С.С. Бурынин, «четкого и единообразного понимания какие преступления относить к «рейдерским» не существует. В результате объективный учет преступлений рейдерской направленности отсутствует»⁵⁸.

Не вдаваясь в рамках настоящей научной статьи в дискуссии относительно круга рассматриваемых преступлений, обозначим авторскую позицию, согласно которой к собственно рейдерским следует относить посягательства, предусмотренные ст. 170, ст. 170.1, ч. 3 ст. 185.2, ст. 185.4, ст. 185.5 УК РФ. В отношении предусмотренных данными статьями преступлений статистические отчеты Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2020-2024 годы демонстрируют следующую картину. За истекшие пять лет по ст. 170, ч. 3 ст. 185.2, ст. 185.4 УК РФ не был осуждён ни один человек. По ст. 185.5 УК РФ обвинительные приговоры единичны: за пять лет осуждены пять человек (в 2022 г. три и в 2023 г. два человека). Единственной работающей из собственно рейдерских статей уголовного закона является ст. 170.1, по которой осуждены: в 2020 г. – 48 чел.; в 2021 г. – 56 чел.; в 2022 г. – 82 чел.; в 2023 г. – 74 чел.; в 2024 г. – 271 чел.⁵⁹

Низкая правоприменительная активность по статьям 170, 185.2 ч. 3, 185.4 и 185.5 УК РФ указывает на серьезные проблемы как доктринального, так и

⁵⁷ Кочедыкова В.М. Уголовно-правовая норма за противоправное осуществление функции управления в отношении юридического лица (рейдерский захват): конструкция состава преступления, квалифицирующие признаки // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 71.

⁵⁸ Бурынин С.С. Уголовно-процессуальные проблемы противодействия преступлениям, совершаемым преступными группами

в ходе рейдерских захватов имущества: дисс. ... к.ю.н. М., 2024. С. 4.

⁵⁹ Официальный интернет-сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: данные судебной статистики [Электронный ресурс] // URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.06.2025).

прикладного характера в части эффективности уголовно-правового механизма противодействия экономическим преступлениям, в том числе в сфере корпоративного рейдерства. Научный анализ причин, по которым указанные нормы фактически не реализуются, позволяет выделить следующие ключевые блоки проблем.

1. Низкий уровень юридико-технической проработки составов преступлений. Указанные статьи содержат сложные, оценочные и формализованные диспозиции, что существенно затрудняет их применение. В частности: ст. 170 УК РФ требует установления факта внесения заведомо ложных сведений в реестры юридических лиц, что зачастую трудно доказуемо без признательных показаний; ч. 3 ст. 185.2 и ст. 185.4 УК РФ связаны с нарушениями корпоративных процедур, требующих квалифицированной оценки с учётом специфических аспектов хозяйственного права; ст. 185.5 УК РФ также довольно тяжела для правоприменителей, поскольку предусматривает ответственность за непредставление или искажение информации, подлежащей раскрытию. Однако в условиях недостаточного взаимодействия с ЦБ РФ и иными регуляторами доказательственная база по таким делам собирается крайне редко.

2. Высокий уровень латентности рейдерских преступлений. Преступления, предусмотренные анализируемыми нормами, как правило, «маскируются» под рассматриваемые в арбитражных судах гражданско-правовые споры (корпоративные конфликты). Так, проведённое А.В. Воеводкиным «изучение решений арбитражных судов, касающихся корпоративных конфликтов, позволяет говорить о том, что статистика привлечения лиц к уголовной ответственности по указанным статьям УК РФ не соответствует фактическому числу посягательств на отношения по корпоративному управлению»⁶⁰. Кроме того, потерпевшие миноритарные акционеры и бывшие участники хозяйственных обществ не всегда обращаются в правоохранительные органы, поскольку не верят в результативность уголовного преследования.

3. Нехватка научных рекомендаций по методике расследования рейдерских преступлений, а также обобщений судебной и следственной практики по данным статьям уголовного закона. Пленумом Верховного Суда РФ не выработаны правовые позиции по вопросам толкования диспозиций рассматриваемых уголовно-правовых норм.

4. Конкуренция смежных составов преступлений. Рейдерские посягательства квалифицируются по «традиционным» составам (таким, как мошенничество (ст. 159 УК РФ), злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), подделка документов (ст. 327 УК РФ)), которые более «привычны» в правоприме-

нении, легче доказываются и имеют большие судебные перспективы. Тем самым, как пишет, В.О. Лысак, «зачастую рейдерство растворяется в других преступлениях»⁶¹. В результате специальные нормы, призванные обеспечивать правопорядок в сфере корпоративного управления, остаются невосстановленными.

Судебная статистика – важный инструмент анализа состояния преступности, однако применительно к рейдерству она не способна в полной мере отразить реальный масштаб и характер этого негативного криминального явления. Данные официальной судебной отчётности характеризуются рядом существенных ограничений, препятствующих адекватному пониманию уровня распространённости и общественной опасности рейдерской преступности.

Рейдерские захваты, особенно в современной форме «беловоротничковой» преступности, нередко осуществляются при участии обладающих специальными познаниями профессиональных юристов, нотариусов и арбитражных управляющих, а также коррумпированных представителей государственной власти. Это позволяет злоумышленникам маскировать свою криминальную деятельность и служит значимым фактором, обуславливающим латентность рейдерских посягательств. Пострадавшие предприниматели зачастую избегают публичного конфликта или не обращаются в правоохранительные органы в силу давления, страха за бизнес, отсутствия доверия к правоохранительной системе.

Нельзя не отметить и имеющиеся недостатки уголовной статистики. Официальные отчёты судебных и следственных органов содержат лишь сведения о возбужденных уголовных делах, направленных в суд и рассмотренных делах, а также вынесенных приговорах. Однако, не учитываются отказы в возбуждении дел по заявлениям, содержащим признаки рейдерства, отсутствуют данные по категориям собственности, видам активов и регионам, не отражается исход гражданских и арбитражных споров, сопровождающих рейдерство.

В современной научной литературе верно отмечается, что «подобные преступления постоянно приобретают новую форму и совершаются с помощью новых технологий»⁶². Сравнительно недавней тенденцией является активизация процессов передела собственности в сфере цифровой экономики. Как пишет, в частности, Л.В. Адамская, «цифровая экономика сегодня выступает ядром четвертой промышленной революции, радикально перестраивая цепочки создания стоимости, системы государственного управления и модели социального взаимодействия»⁶³. Цифровая экономика – это система социально-экономических отношений, основанная на использовании цифровых технологий, данных и платформ для производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг. В её состав

⁶⁰ Воеводкин А.В. Уголовно-правовая охрана отношений по управлению корпорацией как способ противодействия рейдерству: дисс. ... к.ю.н. - Екатеринбург, 2018. С. 5-6.

⁶¹ Лысак В.О. Уголовно-правовой механизм противодействия рейдерским захватам // Вопросы российской юстиции. 2022. № 20. С. 467.

⁶² Кочедыкова В.М., Майорова С.Е. Рейдерский захват как противоправное деяние в Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 95.

⁶³ Адамская Л.В. Государственное регулирование цифровой экономики: применяемые инструменты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. № 15(1). С. 138.

входят: IT-компании и стартапы, разрабатывающие программное обеспечение; платформенные бизнесы (маркетплейсы, агрегаторы, цифровые экосистемы); финтех-сектор (банковские цифровые услуги, криптовалютные платформы); сервисы обработки данных, включая облачные решения и технологии искусственного интеллекта; электронная коммерция и онлайн-сервисы, использующие персональные данные, цифровую идентификацию, смарт-контракты и др. Сфера цифровой экономики отличается высокой инновационной динамикой, нематериальной природой активов, большой капитализацией, зависимостью от интеллектуальной собственности и информационной инфраструктуры.

Возрастание значения данной сферы экономики неизбежно сопровождается и её криминализацией. Так, С.С. Ипполитов справедливо называет «теневую экономику в творческой индустрии» «угрозой экономическому развитию страны и ее национальной безопасности. Появление новых технологических решений, совершенствование аппаратной и программной базы кибер-преступности, интеллектуальное рейдерство в креативной индустрии создают все новые вызовы как для бизнеса, так и для государств»⁶⁴.

Проникновению рейдерства в цифровую сферу способствуют такие её характеристики, как высокая значимость нематериальных активов (ИТ-решений, патентов, баз клиентов), уязвимость к манипуляциям с корпоративным контролем (в реестрах и посредством электронного голосования), зависимость от цифровой инфраструктуры, отключение которой делает бизнес неработоспособным (DDoS-атаки, удаление ключевых аккаунтов, подмена DNS-записей, выведение данных и ключевых IT-ресурсов через использование недобросовестных сотрудников и сособственников компании).

Названные характеристики рейдерства в сфере цифровой экономики позволяют выделить его в обособленную форму, в которой традиционные способы захвата корпоративной собственности дополняются киберпреступными технологиями. Сфера цифровой экономики создаёт новую криминогенную среду, характеризующуюся: высокой анонимностью взаимодействия участников; низкими транзакционными издержками для преступников; недостаточностью защиты нематериальных активов средствами корпоративного права; трудностями выявления, раскрытия и расследования преступлений⁶⁵.

Причём, применительно к сфере цифровой экономики, в силу специфики складывающихся в ней общественных отношений (вызванных, в свою очередь, особенностями цифровых активов и объектов интеллектуальной собственности), зачастую довольно сложно отграничить легальную предприни-

мательскую деятельность или же проявления использования инструментов государственного регулирования от фактов противоправного захвата корпоративной собственности. Так, один из последних по времени кейсов – 3 июня 2025 года решением Таганского районного суда города Москвы была прекращена деятельность компании «Леста» - издателя видеоигр «Мир танков» и «Мир кораблей», - а её активы обращены в собственность Российской Федерации.

Исковое заявление, поданное Генеральной прокуратурой Российской Федерации в защиту публичных интересов, было адресовано к собственникам указанных юридических лиц. Согласно доводам надзорного органа, деятельность компаний ООО «Леста», ООО «Леста Геймс Эдженси» и ООО «Леста Геймс Москва» носила экстремистский характер, выражавшийся, в частности, в оказании ими содействия Вооружённым силам Украины. Рассмотрев представленные материалы, суд пришёл к выводу о наличии оснований для удовлетворения требований прокуратуры и постановил запретить деятельность указанных организаций на территории Российской Федерации, квалифицировав её как угрозу конституционному строю и безопасности государства⁶⁶.

Не ставя под сомнение обоснованность данного конкретного решения суда, вряд ли можно отрицать высокую степень риска использования подобных процедур приближенными к государству рейдерами. В этой связи следует обеспечивать максимальную прозрачность судебных процедур по делам об изъятии активов, а также разработать единые правила управления цифровыми активами, обращёнными в доход государства.

Отсутствие унифицированных и прозрачных правовых и экономических механизмов оценки, передачи и эксплуатации цифровых активов (например, геймдев-инфраструктуры, клиентских баз, прав на программное обеспечение) затрудняет их интеграцию в публичный сектор. Государственное управление изъятыми цифровыми активами предлагает наличие компетентных государственных операторов (например, унитарных предприятий, казённых организаций или специально созданных фондов). Причём, эффективность управления активами в сфере цифровой экономики в рамках государственной модели вызывает серьёзные сомнения ввиду отсутствия институциональной инфраструктуры для высокотехнологичных и творческих индустрий. Существуют риски утраты коммерческой привлекательности бренда, распада креативной команды и потери международных позиций компании.

С позиций криминологической науки можно говорить о выделении цифрового рейдерства в качестве

⁶⁴ Ипполитов С.С. Теневой сектор творческих индустрий: оценка масштабов и оборота // Журнал Института Наследия. 2025. № 1. С. 62-67.

⁶⁵ См.: Гладыч Н.В. Предмет финансовых преступлений в киберпространстве // International Law Journal. 2023. Том 6. № 6. С. 75;

Мурсалимов А.Т. Цифровое рейдерство – новый способ мошенничества в сфере кредитования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1(100). С. 123.

⁶⁶ См.: Суд запретил деятельность издателя игры «Мир танков» Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7775783> Дата обращения: 20.06.2025.

обособленного явления, подрывающего инвестиционную стабильность и безопасность предпринимательской деятельности, продуцирующего утечку технологий и капиталов, а также дестабилизирующего рынок стартапов. Внедрение цифровых реестров, электронного документооборота, а также уязвимости в системах контроля создают новые возможности для рейдерства. Это требует от законодателя обновления составов преступлений, связанных с незаконным доступом к цифровым системам управления имуществом, цифровым подлогом, удалённым изменением состава акционеров и бенефициаров. Имеющиеся уголовно-правовые и криминологические средства противодействия рейдерству необходимо адаптировать к современным вызовам и угрозам (в частности, следует оценить и модернизировать нормы уголовного закона, предусматривающие ответственность за захват цифровых активов с использованием IT-инфраструктуры). В свою очередь, перед криминологической наукой стоит задача разработки методики расследования цифровых рейдерских захватов, включающей мониторинг реестров, блокчейн-активов и электронной переписки.

Таким образом, эффективная борьба с рейдерством требует системного подхода, сочетающего уголовно-правовые и криминологические меры, основанные на учёте реального масштаба распространённости и трансформации форм корпоративных захватов. Современное рейдерство трансформируется, включая в себя высокотехнологичные формы захвата активов, особенно в сфере цифровой экономики. Возникает новая криминогенная среда, характеризующаяся уязвимостью цифровых реестров, электронных платформ, инфраструктуры хранения данных, что требует отдельного научного и нормативного осмысления феномена цифрового рейдерства.

Литература

1. Адамская Л.В. Государственное регулирование цифровой экономики: применяемые инструменты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. № 15(1). С. 138-143.
2. Бурнин С.С. Специфика проблем противодействия рейдерству в России на современном этапе // Журнал прикладных исследований. 2024. № 5. С. 124-130.
3. Воеводкин А.В. Уголовно-правовая охрана отношений по управлению корпорацией как способ противодействия рейдерству: дисс. ... к.ю.н. - Екатеринбург, 2018. - 197 с.
4. Гладыч Н.В. Предмет финансовых преступлений в киберпространстве // International Law Journal. 2023. Том 6. № 6. С. 74-78.
5. Ипполитов С.С. Теневой сектор творческих индустрий: оценка масштабов и оборота // Журнал Института Наследия. 2025. № 1. С. 62-67.
6. Кочедыкова В.М., Майорова С.Е. Рейдерский захват как противоправное деяние в Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 93-97.

7. Кочедыкова В.М. Уголовно-правовая норма за противоправное осуществление функции управления в отношении юридического лица (рейдерский захват): конструкция состава преступления, квалифицирующие признаки // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 68-73.

8. Лысак В.О. Уголовно-правовой механизм противодействия рейдерским захватам // Вопросы российской юстиции. 2022. № 20. С. 466-481.

9. Мурсалимов А.Т. Цифровое рейдерство – новый способ мошенничества в сфере кредитования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1(100). С. 119-127.

10. Официальный интернет-сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: данные судебной статистики [Электронный ресурс] // URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.06.2025).

11. Суд запретил деятельность издателя игры «Мир танков» Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7775783> Дата обращения: 20.06.2025.

Socio-legal grounds for the criminalization of corporate raiding in contemporary conditions: prevalence of the offense Doroshenko D.V.

Ural State Law University

The article examines the prevalence of raider attacks as a key factor in the socio-legal justification for their criminalization. It highlights the absence of a specific provision in Russian criminal law that directly addresses corporate raiding, which leads to fragmented statistical accounting and increases the latency of such crimes. The author analyzes the reasons for low enforcement activity under Criminal Code articles potentially applicable to raider conduct, emphasizing legal-technical issues, institutional underdevelopment, and competition from related criminal provisions. Special attention is given to the phenomenon of raiding within the digital economy, where intangible assets and IT infrastructure become targets. The study concludes that current criminal law and forensic instruments must be adapted to address new forms of corporate asset appropriation involving digital technologies. The development of the doctrine of digital raiding is proposed as an independent field of scholarly analysis and criminal legal regulation.

Keywords: corporate raiding; criminalization; corporate conflicts; criminal liability; digital economy; digital raiding; economic security; latent crime; criminal law; asset takeover.

References

1. Adamskaya L.V. State regulation of the digital economy: applied instruments // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2025. № 15(1). P. 138-143.
2. Buryin S.S. Specifics of the problems of counteracting raiding in Russia at the present stage // Journal of Applied Research. 2024. № 5. P. 124-130.
3. Voevodkin A.V. Criminal-legal protection of relations on corporate management as a way to counteract raiding: diss. ... candidate of legal sciences. - Ekaterinburg, 2018. - 197 p.
4. Gladych N.V. Subject of financial crimes in cyberspace // International Law Journal. 2023. Vol. 6. № 6. P. 74-78.
5. Ippolitov S.S. The shadow sector of creative industries: assessment of scale and turnover // Journal of the Institute of Heritage. 2025. № 1. P. 62-67.
6. Kochedykova V.M., Mayorova S.E. Raider takeover as an illegal act in the Russian Federation // Law and order: history, theory, practice. 2024. № 1 (40). P. 93-97.
7. Kochedykova V.M. Criminal-legal norm for illegal exercise of management functions in relation to a legal entity (raider takeover): construction of the crime, qualifying features // Law and order: history, theory, practice. 2025. № 1 (44). P. 68-73.
8. Lysak V.O. Criminal-legal mechanism for counteracting corporate raider takeovers // Issues of Russian justice. 2022. № 20. P. 466-481.
9. Mursalimov A.T. Digital raiding - a new method of fraud in the field of lending // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 1 (100). P. 119-127.
10. Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: judicial statistics data [Electronic resource] // URL: <https://cdep.ru/?id=79> (date accessed: 06/20/2025).
11. The court banned the activities of the publisher of the game «World of Tanks» Electronic resource. Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/7775783> Date of access: 20.06.2025.

Развитие уголовного права и его влияние на безопасность предпринимательской деятельности в России

Зацепин Михаил Николаевич

Доктор юридических наук, профессор, аналитик Управления научных исследований и международного сотрудничества, УрГЮУ, mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права УрГЮУ, профессор кафедры предпринимательского права УрГЭУ, tp0507@ya.ru

В статье анализируется влияние развития уголовного права на обеспечение безопасности предпринимательской деятельности в современной России. Авторы подчеркивают необходимость перехода юридической науки от формального описания норм к разработке эффективных правовых инструментов, способных решать актуальные социальные и экономические задачи, особенно в условиях санкционного кризиса. Исследование фокусируется на криминологических аспектах: показано, что рост экономической преступности, включая ее организованные и коррупционные формы, напрямую связан с экономическими неурядицами, несогласованностью государственной политики и несовершенством законодательства. Авторы критикуют избыточный контроль и практику силового давления на бизнес, которая выталкивает предпринимателей в «тень». В заключение предлагается переосмыслить роль юриспруденции, призвав к ее «приземлению» и прагматичной направленности, а также к созданию «банка» проверенных правовых механизмов, способных не только карать, но и предотвращать преступления, обеспечивая тем самым устойчивое и безопасное развитие рыночной экономики.

Ключевые слова: юридическая наука, безопасность предпринимательской деятельности, правоохранительные органы, закон, нормативные положения.

Каждому приходилось слышать о том, что в юридической науке много всякой формалистики, чуть ли не догматики и схоластики, неоправданных усложнений. О сложностях, неизбежных во всякой науке. С формалистикой обычно связывают деятельность юристов по выяснению того, что относится к формальным моментам – разновидностям юридических норм, прав, обязанностей. Ответственности, их особенностям, соотношению, технике их закрепления в законе и т.д. Разумеется, когда научный анализ замыкается только на формальных моментах – а строгость и четкость юридической материи связана с тем, что здесь многое действительно построено на формальной логике, - он может породить догматизм и схоластику. Что и случилось в силу классовых и методологических причин с рядом направлений правоохранительной деятельности.⁶⁷

В необходимых, «разумных» пределах, причем на прочной философской, социологической базе, такой «анализ» крайне важен, ибо снабжает юристов-практиков нужными данными по точному применению законов, решению других юридических вопросов. В научном же отношении указанные данные не только являются необходимыми по той причине, что их учет придает деловой, конкретный и конструктивный характер любым правовым исследованиям, в том числе и криминологическим, - они как раз и позволяют при углубленной проработке соответствующего материала осуществлять исследования.

Юридические нормы, права, обязанности – есть «строительный материал», из которого складываются правовые средства и юридические механизмы, используемые при решении социальных задач, и который крайне необходим для понимания сложных юридических вопросов. Юридическое регулирование (дозволятельный и разрешительный), - смена которых в современных условиях выражает перемену в правовом регулировании хозяйственных отношений, «построены» на различных сочетаниях прав и обязанностей, дозволений и запретов, то есть на том, что порой именуют формалистикой.⁶⁸

Структура правоохранительных органов, входящих в систему уголовной юстиции строится в соответствии с закрепленными в законе нормативными положениями, определяющими их место в государственном механизме, задачи, компетенцию и особенности деятельности. «От непомерного контроля, убийственных налогов и процентных ставок предприниматели убегают в «тень», а там их поджидают «наезды» силовиков, вымогательство или отъем бизнеса».

⁶⁷ Национализация и изъятие имущества: что было и что будет. 08.01.2025 г. // <https://pravo.ru/story/256268/>

⁶⁸ 28.11.2024 г. ВС выпустил новый обзор практики: важные позиции. // <https://pravo.ru/story/256414/>.

Для России нет пути назад к возвращению командно-административной системы. Страна развивается и будет развиваться на рыночных рельсах, невозможно отказаться от социальной ориентации экономики. Во внутривластном плане должна четко обозначиться перспектива создания гражданского общества. Россия навсегда покончила с изоляционизмом. Она не только уже является, но и все больше ощущает себя частью мирового хозяйства. Но нужно прямо сказать, что перенос целого ряда тенденций, обозначившихся в российской экономике в девяностые годы, в наш 21 век чреват большими опасностями. Россия опять стоит перед выбором, но каким?⁶⁹

Социально-экономический кризис в «мире» всегда приводит к росту уровня криминализации жизненно важных сфер функционирования государства любой организационно-правовой формы.⁷⁰

Материалы опубликованных научных исследований где анализ динамики и структуры преступности, в том числе ее организованных форм в теневой экономике, дают криминологам (и не только им) основания для вывода, что «основные» причины, которые порождают и питают «криминальные силы», состоят, в основном, в экономических неурядицах: в «непоследовательности», «торможении» процесса осуществления экономических, социальных и правовых реформ (несогласованности налоговой, финансовой, инвестиционной, структурно-промышленной, таможенно-тарифной политики) и многих других составляющих государственной экономической политики.⁷¹

Наши исследования показывают – прежде всего спад производства, разбалансировка государственных финансов, бюджетный дефицит, инфляция, напряженная ситуация на рынке кредитных ресурсов, низкая платежеспособность субъектов хозяйствования и предпринимательской деятельности и как следствие населения, несовершенство законодательства и правоприменительной практики, а также отсутствие «действенной системы» государственного контроля (в настоящее время избыточного) привели к обнищанию значительной массы граждан, «разочарованию» людей в способность властей навести социальный комфортный порядок в нашем государстве.

Слова и лозунги о праве и законе – их незыблемости, вплоть до постулата о «диктатуре закона». О необходимости решать все конфликтные вопросы «по закону» и «только судом». О важности правовой реформы, особенно судебной. Значит, если следовать такого рода фактам, необходимость возвышения права и науки права, их высокое общественное призвание.⁷²

Время, прошедшее после начала проведения в 90-х годах криминологами научного исследования по познанию нового феномена «пятой власти», в основном подтвердили за прошедший период выдвинутые ранее рабочие гипотезы о социально-криминологической характеристике «пятой власти», ее влияния на различные сферы жизнедеятельности государства. В России к тому же еще – отражением неопределенных последствий коммунистической идеологии, построенной на отрицании права как высшей гуманитарной категории, трудностей и проблем перехода к современному гражданскому обществу. На Западе – влиянием негативных сторон «узкопонимаемой» рыночной идеологии практики «рынка», настроений «конца истории». В этой связи – все большей приземленностью юридической науки, ее сугубо прагматической замкнутостью, утратой направленности научной мысли по вопросам права на высокую теорию, и отсюда – потерей ощущения и понимания своеобразия права, его уникальной, далеко не во всем еще понятной ценности.

Происходящие в мире, да и, пожалуй, в каждой стране, страшные факты беззакония и попрания права. Распространенная их трактовка в отношении избранных стран – как будто бы просто «чрезмерность» или «неадекватность» властных акций. Двойной стандарт по юридическим вопросам. Отсутствие громкого и уверенного голоса правоведов по всем этим делам. В этой связи – бытующие представления о юридической науке как о некоей нужной, но все же «подсобной» дисциплине, призванной обслуживать власть, законодателя, деятельность юридических учреждений, в чем-то помогать населению. Или, еще хуже, неизменно быть обителью примитивных, спекулятивных и «идеологизированных» знаний прислуживающей «сильных» мира сего.⁷³

Осуществляемые последние десятилетия меры не во всех сферах социально-экономической, правовой жизни оказались эффективными для граждан, «повсеместного» существенного изменения «криминогенной» ситуации связанной с социально-экономической сферой не произошло. Сегодня в первую очередь экономическая преступность продолжает оказывать свое влияние практически на все сферы социально-общественной жизни. Она становится все более активной, организованной, хорошо вооруженной, несет реальную угрозу национальной безопасности России. Уровень преступности и по сей день остается угрожающим. Криминалитет, потерпев поражение в одной сфере, берет реванш в другой, при этом сохраняя прочные позиции через коррупцию.

Самое тревожное – то обстоятельство, что никому, кажется, и в голову не приходит поставить

⁶⁹ 14.01.2025 г. Минюст предложил увеличить штрафы по 36 экономическим преступлениям. // <https://pravo.ru/news/256931/>.

⁷⁰ Преступность и раскрываемость (аналитическая статистика преступности). Социалистическая законность № 8 1990 год., С.50. Путь не простой, не скорый (о причинах преступности в СССР) И. Карпец. Социалистическая законность № 8 1990 год, С.13.

⁷¹ Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом. М., 2008 г., С.3-317; Преступность, уголовная политика, закон. М., 2016 г., С.3-545; Проблемы детерминации и предупреждения преступности. М., 2017 г., С.8-560.

⁷² 14.10.2020 г. Верховный суд запретил оспаривать преюдицию. // <https://pravo.ru/story/225327/>.

⁷³ 29.09.2019 г. Дерипаска: судебная система России не устраивает бизнес. // <https://pravo.ru/news/214335/>

юриспруденцию в один ряд с другими отраслями знаний, с естественными и техническими науками, с «физиками» и «математиками». И тем более связать юриспруденцию с теми глобальными процессами современности, когда происходит и нарастает поражающий воображение взлет науки в целом, мощное проникновение человеческих знаний в неведомые секреты природы, мироздания, овладение людьми новыми природными силами и возможностями, которые наконец-то решат множество жизненных проблем.⁷⁴

Криминогенные явления и процессы, происходящие в государстве, требуют постоянного их научного сопровождения и «внесения» определенных корректив в стратегии и тактики борьбы с любыми формами экономической, организованной, коррупционной преступности. Как уже отмечалось ранее, многие известные писатели стремились в своих произведениях проникнуть в суть преступности как формы человеческого поведения. На основе изучения нами большого объема эмпирического материала, обобщения информации министерств и ведомств, анализа статистических данных о состоянии борьбы с экономической, коррупционной преступностью, в том числе ее организованных форм, учета научных разработок, а также мнения практиков правоохранительных органов и общественности по этой проблеме очень много в специальной литературе публикаций. Экономическая преступность как социальное явление в процессе эволюции прошла путь определенной реорганизации, в том числе в международном масштабе. Она имеет свойство создавать свои нелегальные структуры с соответствующим разделением «труда» и направлена на максимальное и быстрое извлечение прибыли в условиях минимального риска в период низкой эффективности деятельности законодательной и исполнительной власти, дает возможность именно максимальному обогащению субъектов экономической преступности и является ее промежуточной целью.

«В России вся собственность выросла из «выпросил», или «подарил», или кого-либо «обобрал». Труда собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается» // Василий Васильевич Розанов (это было сказано до революции в 1911 году, но как актуально и поныне, так в двух строках сказать о проблеме собственности в России мог только философ). «Уединенное» (1912). Настало время оценить существующие в современной науке права, при всей важности и несомненной «актуальности» существующих подходов, продиктованных интересами практической юриспруденции, и отчасти философскими и социологическими методологиями, будет оправданным внимательно приглядеться к праву с тех же общенаучных позиций, которые характерны для естественных и технических наук.⁷⁵

В отличие от общей криминальной преступности, в том числе и групповой, полученные экономической преступности материальные ценности и денежные средства в крупных размерах приобретают смысл только для достижения власти, ее достижение ради групповых интересов. Именно в этом заключается общественная опасность экономической преступности. Таким образом, ее стратегической целью является борьба за реальную власть в обществе и овладение всеми ценностями, созданными настоящим и предыдущими поколениями.

Вся история человечества убедительно доказывает, что преступность – социальное, исторически обусловленное явление в обществе. Преступность «социальна» потому, что она образуется из специфических актов социального поведения людей – конкретных общественно опасных действий. Эти акты поведения представляют собой нарушения социальных – нравственных и вместе с тем юридических норм, установленных государством, исходя из социально-экономических, политических, нравственных и иных потребностей и интересов общества и господствующих в нем групп и социальных слоев. Преступность исторична, так как она возникла в определенный период существования общества, в период его разделения на классы и образования государства; перечень преступлений, структура и динамика преступности в ходе развития общества меняются.⁷⁶

«Считается» что не допущено неконтролируемого развития «криминогенной» ситуации, в определенной степени ее удалось стабилизировать. Анализируя статистику, можно сделать вывод о том, что «сдвиг» в борьбе с преступностью достигнут в основном усилиями органов правопорядка, с сожалением о том, что противопоставили преступному миру не всю силу и «мощь» государства в сфере уголовной политики. В реальности экономическая преступность фактически пришла к единому руководящему органу и находится на той стадии развития, когда государство все еще не достаточно активно решает вопросы нейтрализации, локализации и ликвидации, совершенствования системы работы органов государственной власти, социальных институтов и правоохранительных органов, «кодифицировать» и «минимизировать» экономическую преступность. Понятие «преступного» имеет не только юридический, но и нравственный смысл. Нормы морали не всегда совпадают с уголовным законом, но и нравственная оценка «преступного» вполне естественна. Весьма важной юридической условностью характеризуется лицо, совершившее преступление, – субъект преступления. Потому как физически многие преступления могут быть совершены любым человеком (а сходные внешне по характеру и последствиям действия – даже животным, например нападение на человека, приводящее его к смерти), тем

⁷⁴ 30.06.2024 г. Новые риски: юристы обсудили, как бизнесу и властям находить компромиссы. // <https://pravo.ru/story/253841/>.

⁷⁵ 14.10.2020 г. Пленум ВС научил рассматривать гражданские иски по уголовным делам. // <https://pravo.ru/story/226509/>.

⁷⁶ 22.12.2024 г. Ущерб от преступлений в бюджетной сфере составил 112 млрд. руб. // <https://pravo.ru/news/256712/>.

не менее, юридическое понятие субъекта преступления в экономической сфере ограничивается несколькими четкими признаками - основные из них – достижение определенного возраста и вменяемость.

Вместе с тем следует подчеркнуть со всей определенностью, что преодоление преступности – процесс чрезвычайно трудный. При этом разные по характеру преступления имеют разную динамику их распространенности в жизни общества. Можно предположить, что по мере повышения уровня жизни трудящихся будет сокращаться число имущественных преступлений. Межличностные же конфликты более живучи по своему характеру, а значит, и преступления этого рода будут преобладающими, по количеству, и дольше будут существовать.⁷⁷

Низкая» активность в борьбе с преступностью и экономической в частности в современных условиях приводит (по нашему мнению) к следующим последствиям: существенного затруднения проведения экономических и социальных решений и их подрыва; повышение достоверности социально-политической дестабилизации, с целью монополизации отдельных отраслей экономики; превращение отдельных слоев населения в уголовно-клановые группировки; кооперирование организованной (мафиозной), коррупционной преступности с государственными служащими.⁷⁸

Литература

1. EPAM Litigation Day 2025: как защитить бизнес в России и других юрисдикциях. // <https://pravo.ru/story/258012/>.
2. Преступность и раскрываемость (аналитическая статистика преступности) // Социалистическая законность № 8 1990 год., С.50.
3. Путь не простой, не скорый (о причинах преступности в СССР) И. Карпец // Социалистическая законность № 8 1990 год, С.13.
4. Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом. М., 2008 г., С.3-317
5. Преступность, уголовная политика, закон. М., 2016 г., С.3-545
6. Проблемы детерминации и предупреждения преступности. М., 2017 г., С.8-560.
7. Национализация и изъятие имущества: что было и что будет. 08.01.2025 г. // <https://pravo.ru/story/256268/>
8. 29.09.2019 г. Дерипаска: судебная система России не устраивает бизнес. // <https://pravo.ru/news/214335/>
9. 14.10.2020 г. Верховный суд запретил оспаривать преюдицию. // <https://pravo.ru/story/225327/>.
10. 14.10.2020 г. Пленум ВС научил рассматривать гражданские иски по уголовным делам. // <https://pravo.ru/story/226509/>.

11.30.06.2024 г. Новые риски: юристы обсудили, как бизнесу и властям находить компромиссы. // <https://pravo.ru/story/253841/>.

12.22.11.2024 г. СК сообщил о росте возмещенного ущерба по преступлениям. // <https://pravo.ru/news/255779/>.

13.28.11.2024 г. ВС выпустил новый обзор практики: важные позиции. // <https://pravo.ru/story/256414/>.

14.19.12.2024 г. За 2024 год похитили 4,5 млрд. руб. при реализации нацпроектов. // <https://pravo.ru/news/256780/>.

15.22.12.2024 г. Ущерб от преступлений в бюджетной сфере составил 112 млрд. руб. // <https://pravo.ru/news/256712/>.

16.14.01.2025 г. Минюст предложил увеличить штрафы по 36 экономическим преступлениям. // <https://pravo.ru/news/256931/>.

The development of criminal law and its impact on the safety of business in Russia

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.

USUE

The article analyzes the impact of criminal law development on ensuring the security of entrepreneurial activity in modern Russia. The authors emphasize the need for legal science to move from a formal description of norms to the development of effective legal instruments capable of solving current social and economic problems, especially in the context of the sanctions crisis. The study focuses on criminological aspects: it is shown that the growth of economic crime, including its organized and corrupt forms, is directly related to economic turmoil, inconsistency of public policy and imperfect legislation. The authors criticize excessive control and the practice of forceful pressure on business, which pushes entrepreneurs into the "shadows". In conclusion, it is proposed to rethink the role of jurisprudence, calling for its "grounding" and pragmatic focus, as well as the creation of a "bank" of proven legal mechanisms capable of not only punishing, but also preventing crimes, thereby ensuring the sustainable and safe development of the market economy.

Keywords: legal science, business security, law enforcement agencies, law, regulations.

References

1. EPAM Litigation Day 2025: How to Protect Business in Russia and Other Jurisdictions. // <https://pravo.ru/story/258012/>.
2. Crime and Detection Rate (Analytical Crime Statistics) // Socialist Legality No. 8, 1990, p. 50.
3. The Path Is Neither Simple nor Fast (On the Causes of Crime in the USSR) I. Karpets // Socialist Legality No. 8, 1990, p. 13.
4. Improving the Fight Against Organized Crime, Corruption, and Extremism. Moscow, 2008, p. 3-317
5. Crime, Criminal Policy, Law. Moscow, 2016, p. 3-545
6. Problems of Determining and Preventing Crime. M., 2017, P.8-560.
7. Nationalization and seizure of property: what was and what will be. 01/08/2025 // <https://pravo.ru/story/256268/>
8. 09/29/2019 Deripaska: Russia's judicial system does not suit business. // <https://pravo.ru/news/214335/>
9. 10/14/2020 The Supreme Court prohibited challenging the prejudice. // <https://pravo.ru/story/225327/>.
10. 10/14/2020 The Plenum of the Supreme Court taught how to consider civil claims in criminal cases. // <https://pravo.ru/story/226509/>.
11. 06/30/2024 New risks: lawyers discussed how businesses and authorities can find compromises. // <https://pravo.ru/story/253841/>.
12. 11/22/2024 The Investigative Committee reported an increase in compensation for damages for crimes. // <https://pravo.ru/news/255779/>.
13. 11/28/2024 The Supreme Court issued a new review of practice: important positions. // <https://pravo.ru/story/256414/>.
14. 12/19/2024 In 2024, 4.5 billion rubles were stolen during the implementation of national projects. // <https://pravo.ru/news/256780/>.
15. 12/22/2024. Damage from crimes in the budget sector amounted to 112 billion rubles. // <https://pravo.ru/news/256712/>.
16. 01/14/2025. The Ministry of Justice proposed increasing fines for 36 economic crimes. // <https://pravo.ru/news/256931/>.

⁷⁷ 22.11.2024 г. СК сообщил о росте возмещенного ущерба по преступлениям. // <https://pravo.ru/news/255779/>.

⁷⁸ 19.12.2024 г. За 2024 год похитили 4,5 млрд. руб. при реализации нацпроектов. // <https://pravo.ru/news/256780/>.

Фальсификация доказательств: объект преступления и механизм причинения вреда охраняемым общественным отношениям

Скороходов Артём Константинович

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, Тюменский государственный университет

В настоящей статье автором анализируются имеющиеся в уголовно-правовой науке и правоприменительной практике подходы к определению объекта фальсификации доказательств по гражданским, административным, уголовным делам и по делам об административных правонарушениях. Сформулирован вывод о наличии факультативного непосредственного объекта в исследуемых составах преступлений. Автором раскрывается механизм причинения вреда охраняемым общественным отношениям.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, механизм причинения вреда, объект фальсификации доказательств, факультативный объект.

Актуальность исследования составов преступлений, устанавливающих уголовную ответственность за фальсификацию доказательств (части 1-3 статьи 303 УК РФ) обусловлено тем, что не представляется возможным разрешение дел (вне зависимости от вида судопроизводства) без доказательств. С каждым годом количество дел, рассматриваемых судами, увеличивается, что диктует необходимость обеспечения уголовно-правовой охраны интересов правосудия, в частности, установленного законом порядка доказывания, на должном уровне.

Несмотря на увеличения нагрузки на судебную систему, количество зарегистрированных преступлений по частям 1-3 статьи 303 УК РФ остается на одном уровне: в 2018 г. в России было зарегистрировано 764 преступления, в 2019 г. – 873, в 2020 г. – 864, в 2021 г. – 707, в 2022 г. – 757, в 2023 г. – 589, в 2024 г. – 733⁷⁹. Фальсификация доказательств является высоколатентным преступлением против правосудия и по экспертным оценкам характеризуется значительной распространенностью [1, С. 67; 2, С. 61].

Полагаем, что в настоящее время не в полной мере раскрыты признаки объекта фальсификации доказательств: в литературе приводятся различные позиции относительно понимания основного непосредственного объекта; отсутствует единство мнений по поводу дополнительного или факультативного объекта.

В настоящем исследовании, рассматривая признаки объекта фальсификации доказательств, мы будем придерживаться теории объекта преступления как общественного отношения, исходя из чего под общим объектом составов преступлений, предусмотренных частями 1-3 статьи 303 УК РФ, понимаются наиболее важные общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Согласно представленной теории, объект преступления классифицируется «по вертикали» на следующие виды: общий, родовый, видовой и непосредственный.

Учитывая специфику общественных отношений, охраняемых частями 1-3 статьи 303 УК РФ, родовый объект таких преступлений представляется возможным определять как общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование государственной власти. На этот счет, по нашему мнению, достаточно точно сформулировано определение родового объекта П.Л. Сурихиным, который

⁷⁹ По данным ГИАЦ МВД РФ и Сводных отчетов по России «Единый отчет о преступности (сформирован в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429).

под ним понимает общественные отношения власти, обеспечивающие нормальное функционирование государственных органов и должностных лиц, решающих задачи государственного управления [3, С. 7]. Отметим, что социальную значимость родового объекта в данном случае представляют не сами государственные органы, а именно их нормальное, установленное законом функционирование.

Видовой объект фальсификации доказательств, как составная часть родового объекта, включает в себя более узкую группу общественных отношений, подлежащих охране, и представляет собой интересы правосудия.

Стоит отметить, что «правосудие» в уголовно-правовом смысле имеет широкое содержание и под ним следует понимать всю совокупность деятельности, которая направлена на осуществление задач правосудия, в том числе деятельность прокуратуры, органов предварительного следствия и дознания [4, С. 108, 109]. Приведенная точка зрения сформирована еще в советской юридической науке и, на наш взгляд, представляется верной и в настоящее время, поскольку деятельность по осуществлению правосудия не может быть осуществлена только судом без помощи иных органов государственной власти, в частности без помощи государственного принуждения [5, С. 89].

Вся деятельность по разрешению задач правосудия, вне зависимости от вида судопроизводства, протекает в процессуальной форме. В свою очередь, это указывает на то, что в качестве родового объекта фальсификации доказательств следует рассматривать именно деятельность по осуществлению (реализации) задач правосудия.

Исходя из этого, общественная опасность фальсификации доказательств заключается в том, что такое деяние создает препятствия для полного и всестороннего рассмотрения дела, установления по нему истины. Обеспечение соблюдения принципа законности в ходе процедуры доказывания, а также недопустимости получения и использования недостоверных доказательств в судопроизводстве гарантируется наличием уголовно-правового запрета на фальсификацию доказательств.

Наибольшее внимания, на наш взгляд, заслуживает вопрос определения непосредственного объекта фальсификации доказательств, поскольку, в настоящее время, именно он вызывает большое количество дискуссий в науке уголовного права.

Не оставляет сомнений, что верное определение непосредственного объекта играет большую роль не только в процессе квалификации, но и при определении наличия или отсутствия состава преступления. Согласимся с утверждением В.В. Мальцева относительно того, что только посредством повреждения или угрозы повреждения непосредственного объекта может быть причинен вред общественным

отношениям на уровне родового, родового и общего объектов [6, С. 19]. При этом следует исходить из того, что невозможно причинение вреда общему объекту без причинения вреда «нижестоящему» объекту, поскольку посредством причинения вреда непосредственному объекту происходит причинение вреда родовому, родовому и общему объектам.

В настоящем исследовании полагаем целесообразным дать оценку наиболее распространенным взглядам на понимание основного непосредственного объекта исследуемых составов преступлений.

Так, к примеру, Е.Г. Быкова в качестве непосредственного объекта фальсификации доказательств выделяет интересы правосудия [7]. Полагаем, что данный подход базируется на понимании родового объекта, отраженного в наименовании Главы 31 УК РФ [8, С. 125, 128].

Иным подходом к непосредственному объекту фальсификации доказательств является его выделение в виде процессуального порядка сбора и представления доказательств по гражданскому и уголовному делу [9, С. 47]. На наш взгляд, данная точка зрения в настоящее время является неполной, поскольку не учитывает криминализации в 2017 году фальсификации доказательств по административным делам и по делам об административных правонарушениях (ч. 1 ст. 303 УК РФ).

Основной непосредственный объект фальсификации доказательств в науке уголовного права также определяется и как нормальная деятельность органов суда, предварительного следствия и дознания [10, С. 12, 13]. Также существует точка зрения относительно его понимания как нормальной деятельности органов правосудия [11, С. 606].

Обращаясь к материалам судебной практики, стоит выделить такие взгляды правоприменителей на основной непосредственный объект фальсификации доказательств: общественные отношения, обеспечивающие нормальное осуществление правосудия⁸⁰; общественные отношения, обеспечивающие достижение целей судопроизводства в сфере процессуального доказывания⁸¹; общественные отношения, обеспечивающие беспрепятственное получение в сфере судопроизводства объективной и проверяемой доказательственной информации, необходимой для принятия законных и обоснованных решений⁸².

По нашему мнению, для исследуемых составов преступлений характерно наличие факультативного непосредственного объекта. В качестве факультативного объекта, полагаем, можно выделить права и законные интересы личности (к примеру, в случае избрания меры пресечения на основании сфальсифицированных доказательств). Также, в качестве факультативного объекта данного состава преступления следует выделять права и законные интересы

⁸⁰ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 02.04.2024 по делу № 77-845/2024 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».

⁸¹ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12.10.2023 по делу № 88-32872/2023 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».

⁸² Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.05.2020 по делу № 77-740/2020 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».

индивидуального предпринимателя или юридического лица.

Данный вывод прямо следует из положений п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации №20 от 28.06.2022г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия»⁸³, где указывается на то, что в качестве тяжких последствий совершения преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, могут выступать в частности, привлечение к уголовной ответственности невиновного в совершении преступления лица, заключение его под стражу, причинение значимого для индивидуального предпринимателя либо коммерческой организации материального ущерба, влекущего прекращение осуществляемой ими предпринимательской деятельности либо доведение индивидуального предпринимателя или соответствующей организации до состояния неплатежеспособности по имеющимся обязательствам.

Учитывая, что в качестве лиц, участвующих в деле, независимо от вида судопроизводства, могут быть физические и юридические лица, органы государственной власти и органы местного самоуправления, то в результате фальсификации доказательств может быть причинен вред названным участникам судопроизводства, выражающийся в нарушении их прав и законных интересов. Такие права и законные интересы выступают в качестве факультативного непосредственного объекта фальсификации доказательств.

Исходя из изложенного, считаем, что объект фальсификации доказательств является достаточно сложным, поскольку посягательство может осуществляться непосредственно как на нормальный порядок предоставления доказательств, предусмотренный соответствующим процессуальным законодательством, так и, касаясь фальсификации доказательств по уголовным делам, может посягать на нормальный порядок производства предварительного расследования. Однако, все это, в своей совокупности, в любом случае будет причинять вред интересам правосудия.

По нашему мнению, рассмотрение вопроса непосредственного объекта исследуемых составов преступлений не может быть полным без учета специфики процедуры доказывания по уголовным делам и по делам об административных правонарушениях, в которых стадия рассмотрения дела в суде может отсутствовать, при определенных законом условиях. При указанных обстоятельствах непосредственный объект фальсификации доказательств, с учетом особенностей всех видов судопроизводства, должен учитывать специфику субъекта, в производстве которого находится дело, и складывающихся общественных отношений на конкретном этапе судопроизводства.

Кроме того, исходя из положений процессуального законодательства, в указанных выше видах судопроизводства законодатель явно расширяет границы судопроизводства посредством вовлечения в этот процесс органов предварительного расследования и лиц, уполномоченных на составление протокола об административном правонарушении, а также уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях [12, С. 791].

Стоит отметить, что вред интересам правосудия также не исключается в условиях, когда преступление совершается вне судебной стадии рассмотрения дела, поскольку для всех видов судопроизводства характерен судебный контроль за принятыми решениями органов или должностных лиц по делу. При этом вред интересам правосудия причиняется посредством посягательства на нормальный порядок доказывания по соответствующим делам.

Суммируя изложенное, полагаем, что основным непосредственным объектом фальсификации доказательств (части 1–3 статьи 303 УК РФ) являются правоотношения по поводу собирания, проверки и оценки доказательств субъектами, уполномоченными процессуальным законодательством (установленный порядок доказывания). Сужение объекта именно до процедуры доказывания связано с тем, что уголовно-правовой охране подлежит именно эта часть деятельности правоохранительных органов, в частности судов, поскольку интересы правосудия не ограничиваются лишь доказыванием, а представляют собой более сложную систему.

Наличие в составах фальсификации доказательств факультативного объекта объясняется тем, что в качестве тяжких последствий совершения преступления, предусмотренного статьей 303 УК РФ, могут выступать: привлечение к уголовной ответственности невиновного в совершении преступления лица, заключение его под стражу, причинение значимого для индивидуального предпринимателя либо коммерческой организации материального ущерба, влекущего прекращение осуществляемой ими предпринимательской деятельности либо доведение индивидуального предпринимателя или соответствующей организации до состояния неплатежеспособности по имеющимся обязательствам.

Отдельно отметим, что совершение фальсификации доказательств сотрудниками правоохранительных органов также вызывает негативные изменения в обществе, выражающиеся в подрыве авторитета органов государственной власти путем снижения уровня доверия к ним в целом. Это вызвано тем, что сотрудниками правоохранительных органов производится реализация предоставленных им от имени государства полномочий по защите прав, свобод и законных интересов граждан в противоречие их назначению [13, С. 726].

Таким образом, в качестве факультативного объекта представленных составов (части 1–3 статьи

⁸³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №20 от 28.06.2022г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» [Электронный ресурс] // <https://www.vsr.f.ru/>.

303 УК РФ) надлежит выделить общественные отношения в сфере обеспечения процессуальных прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, а также государства, авторитет органов государственной власти.

Механизм причинения вреда установленному порядку доказывания как основному объекту уголовно-правовой охраны при фальсификации доказательств заключается в незаконном воздействии на предмет преступления (доказательство), в результате которого происходит утрата доказательством одного либо нескольких своих свойств (относимости, допустимости, достоверности, достаточности).

Уголовно-правовой охране от фальсификации доказательств подлежат вышеназванные общественные отношения, возникающие в процессе осуществления правосудия по гражданским, административным, уголовным делам и по делам об административных правонарушениях. При этом к гражданским делам относятся дела, рассматриваемые судами общей юрисдикции в порядке, установленном гражданско-процессуальным кодексом, и дела, рассматриваемые арбитражными судами в порядке арбитражного процессуального законодательства.

Литература

1. Раненкова, Е. А. Актуальные проблемы фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности по субъективным признакам / Е. А. Раненкова, А. А. Никоноров // Криминологический журнал. — 2021. — № 3. — С. 67-73.
2. Климова, Ю. Н. Фальсификация доказательств по уголовному делу: особенности объективных и субъективных признаков / Ю. Н. Климова // Вестник Владимирского юридического института. — 2020. — № 2(55). — С. 58-66
3. Сурихин, П. Л. Преступления против правосудия : учебное пособие / П. Л. Сурихин. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, — 2024. — 128 с.
4. Кирова Т.А. Развитие идеи правосудия как объекта уголовно-правовой охраны в отечественной юридической мысли второй половины XX века // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2016. — №1 (31). — С. 105-111.
5. Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. — М.: Юрид. лит., — 1968. — 134 с.
6. Мальцев, В. В. Понятие непосредственного индивидуального объекта преступления / В. В. Мальцев // Уголовное право. — 2011. — № 5. — С. 13-19.
7. Быкова Е. Г. Особенности квалификации преступлений, предусмотренных статьей 303 Уголовного кодекса РФ [Электронный ресурс]. — Москва : Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, — 2022. — 152 с.

8. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. — Москва : Госюриздат, — 1957. — 363 с.

9. Майборода В. А. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств : дис. ... канд. юрид. наук. — Ставрополь, — 2004. — 163 с.

10. Веденева Т.А. Уголовно-правовая характеристика фальсификации доказательств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., — 2011. — 19с.

11. Уголовное право. Особенная часть / Под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. — М.: Эксмо, — 2005. — 705 с.

12. Латыпов, В. С. Содействие правосудию как самостоятельная уголовно-процессуальная функция / В. С. Латыпов // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — № 6. — С. 786–796.

13. Уголовное право России. Часть особенная : учебник для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. — Москва, 2004. — 838 с.

Falsification of evidence: the object of the crime and the mechanism of harm to protected public relations Skorokhodov A.K.

Tyumen State University

In this article, the author analyzes the approaches available in criminal law science and law enforcement practice to determining the object of falsification of evidence in civil, administrative, criminal cases and cases of administrative offenses. A conclusion is formulated about the presence of an optional direct object in the investigated corpus delicti. The author reveals the mechanism of harm to protected social relations.

Keywords: falsification of evidence, mechanism of harm, object of falsification of evidence, optional object.

References

1. Ranankova, E. A. Actual problems of falsification of evidence and results of operational-search activities on subjective grounds/E. A. Ranankova, A. A. Nikonorov//Criminological Journal. — 2021. — № 3. — pp. 67-73.
2. Klimova, Yu. N. Falsification of evidence in a criminal case: features of objective and subjective features/Yu. N. Klimova//Bulletin of the Vladimir Law Institute. — 2020. — № 2(55). — pp. 58-66
3. Surikhin, P.L. Crimes against justice: a textbook/P.L. Surikhin. — Krasnoyarsk: Siberian Federal University, — 2024. — 128 p.
4. Kirov T.A. Development of the idea of justice as an object of criminal law protection in domestic legal thought of the second half of the 20th century//Bulletin of Perm University. Legal sciences. — 2016. — №1 (31). — pp. 105-111.
5. Vlasov I.S., Tyazhkova I.M. Responsibility for crimes against justice. — M.: Jurid. lit., — 1968. — 134 p.
6. Maltsev, V.V. The concept of a direct individual object of a crime/V.V. Maltsev//Criminal law. — 2011. — № 5. — pp. 13-19.
7. Bykova E. G. Features of the qualification of crimes provided for in Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation [Electronic resource]. — Moscow: Yu. Norma, SIC INFRA-M, — 2022. — 152 p.
8. Trainin A.N. General teaching on the composition of a crime. — Moscow: Gosyurizdat, — 1957. — 363 p.
9. Mayboroda V. A. Criminal liability for falsifying evidence: dis... cand. jurid. sciences. — Stavropol, — 2004. — 163 p.
10. Vedeneva T.A. Criminal law characterization of falsification of evidence: abstract. dis... cand. jurid. sciences. — M., — 2011. — 19 p.
11. Criminal law. Special part/Under the general. ed. L.D. Gaukhan, S.V. Maksimova. — M.: Eksmo, — 2005. — 705 p.
12. Latypov, V. S. Assistance to justice as an independent criminal procedural function/V. S. Latypov//All-Russian Criminological Journal. — 2021. — № 6. — С. 786-796.
13. Criminal law of Russia. Part special: textbook for universities/resp. ed. L. L. Kruglikov. — Moscow, — 2004. — 838 p.

Индивидуальный подход в процессе ресоциализации осужденных перед освобождением из воспитательных колоний

Шикиева Динара Шаъбановна

аспирант, кафедра уголовного права, РГПУ имени А. И. Герцена, dshikieva@inbox.ru

Статья посвящена обоснованию индивидуального подхода к предосвободительной подготовке несовершеннолетних из воспитательных колоний. Актуальность вытекает из высокой доли повторной преступности и разрыва между пенитенциарной работой и внешним сопровождением. Новизна состоит в смещении акцента с формальной фиксации «исправления» на прогноз законопослушного поведения, операционализации шестимодульной предосвободительной программы и внедрении нарративного блока как инструмента верификации мотивации. В рамках работы описаны этапы и содержание персонального плана, изучены критерии готовности к выходу, механизмы межведомственной передачи кейса. Особое внимание уделено сопоставлению отечественных практик с китайскими и монгольскими подходами, где нарратив и балльная оценка прогресса работают в единой системе стимулирования. Работа ставит цель сконструировать проверяемую модель индивидуализации. Для ее решения использованы систематизация литературы, сравнительно-правовой анализ, контент-анализ качественных материалов, проблемно-ориентированное моделирование. В заключении описываются индикаторы готовности, регламент межведомственной передачи и параметры мониторинга первых 90 дней. Статья будет полезна специалистам УИС, службам пробации, педагогам, психологам и региональным координаторам социальных программ.

Ключевые слова: ресоциализация несовершеннолетних, индивидуальный подход, воспитательная колония, предосвободительная подготовка, прогноз законопослушности, постпенитенциарное сопровождение, условно-досрочное освобождение, нарративные практики, межведомственная координация, социальная адаптация.

Введение

Высокая частота возврата к уголовному поведению у выпускников воспитательных колоний сочетается с фрагментацией послевыходной поддержки и оценкой «исправления» по внутриучрежденческим показателям. Теоретические модели этапности ресоциализации и отечественная правоприменительная картина задают запрос на персонализированный предосвободительный план с проверяемыми индикаторами.

Цель — разработать модель индивидуального подхода к предосвободительной подготовке несовершеннолетних с опорой на прогноз законопослушности и сквозное сопровождение.

Задачи исследования:

1) структурировать персональный план подготовки к выходу (образовательный, психологический, социальный, юридико-бытовой, трудовой, нарративный модули) и задать критерии проверяемости.

2) обосновать переход от критерия «исправления» к прогностической оценке и определить валидируемые индикаторы мотивации и самоконтроля с учетом качественных свидетельств по УДО.

3) сопоставить российскийские решения с китайскими и монгольскими практиками нарратива и балльной оценки прогресса, описать регламент межведомственной передачи кейса и зоны ответственности сторон.

Новизна выражена в интеграции прогностического подхода с нарративной верификацией, в описании регламента передачи кейса «колония → внешняя служба» и в наборе операциональных индикаторов первых 90 дней.

Материалы и методы

Материалы. К.А. Подобреев [8] представил дефиниции и этапность ресоциализации; положения использованы для каркаса модели. Е.Е. Лукин [5] собрал качественные интервью по УДО и показал практические траектории пожилых осужденных; кейсы задействованы для выделения маркеров мотивации и рисков рецидива. В.И. Кузнецов [4] описал цели воспитательной работы, подготовку к освобождению и дефицит сквозного сопровождения; выводы легли в основу дорожной карты и распределения функций. А.Н. Мяханова [7] выполнила сравнительно-правовой анализ России, КНР и Монголии с фокусом на нарратив; из работы извлечены элементы переноса (автобиографии, сценические формы, балльная оценка прогресса) и ограничения. В.Б. Малинин, М.В. Малинина [6] проанализировали ресоциализацию несовершеннолетних, разграничили понятия и обозначили требования к целеполаганию; эти позиции использованы для понятийной

рамки. И.Ю. Самохвалов, А.Л. Санташов [9] исследовали правовую регламентацию процесса в воспитательных колониях и описали пенитенциарный адаптив; данные применены для диагностического блока и правовых условий. Э.В. Зауторова, О.Б. Панова [3] показали, как кружковая деятельность поддерживает просоциальную активность; материалы включены в модуль занятости. А.А. Ефименко, Э.В. Чумаков [2] выявили практические барьеры предосвободительной подготовки; положения использованы для чек-листа документов и маршрутов. П.Е. Григорьев, А.Н. Игнатов [1] обосновали индивидуально-психологический подход к гуманизации условий; подход применен при конструировании шкал оценки самоконтроля и эмоциональной регуляции. Е.А. Тимофеева [10] систематизировала зарубежные пенитенциарные решения; данные использованы для компаративного блока и механизмов переноса.

Методы. Применены систематизация источников, сравнительно-правовой анализ, контент-анализ качественных материалов, тематическое кодирование нарративов, типологизация рисков, проблемно-ориентированное моделирование и экспертная реконфигурация индикаторов мониторинга.

Результаты и обсуждение

Фактическая проверка литературы подтверждает, что индивидуальный подход перед освобождением из воспитательных колоний опирается на этапность и персонализированное планирование перехода подростка к жизни на свободе с учетом его рисков, ресурсов и текущего «пенитенциарного адаптива». Результаты анализа научной литературы показали, что большинство исследователей выделяют два этапа ресоциализации: пенитенциарный, заключающийся в первичной адаптации к условиям исполнения уголовного наказания, исправлении и подготовке осужденного к освобождению, и постпенитенциарный, предполагающий социальную адаптацию после него [8]. Для несовершеннолетних эта дихотомия дополняется предосвободительным индивидуальным планом: диагностикой, целеполаганием и адресными мерами на заключительной фазе пребывания в колонии, обеспечивающими непрерывность сопровождения после выхода.

Перед освобождением выделяются группы факторов, на которые опирается индивидуализация: уровень школьной и профессиональной подготовки; поведенческие паттерны в условиях режима; сохранность семейных и иных значимых связей; выраженность криминогенных потребностей; мотивация к законопослушному образу жизни; юридические и бытовые барьеры (документы, жилье, занятость). Процесс адаптации в местах исполнения наказаний усложняется повышенной регламентацией поведения, четким иерархическим положением каждого члена сообщества осужденных [9], что требует различать истинную готовность к жизни на свободе и ситуативное приспособление к правилам учреждения. Верификация проводится через сочетание психологической диагностики, анализа дисциплинарной истории, оценки образовательного прогресса,

карты социальных контактов и кейс-интервью с подростком и его окружением [4; 9].

По данным отечественных работ, воспитательная и социальная работа в ИУ должна облегчить решение проблем адаптации и снизить вероятность возврата к преступному поведению [4]. В практической плоскости это выражается в дорожной карте на 60–90 дней до выхода: завершение модулей по базовой и профессиональной подготовке; оформление полного пакета документов; подбор места обучения/работы; медиативная работа с семьей и законными представителями; закрепление «наставника» из числа специалистов учреждения и внешнего партнера (школа, ЦЗН, НКО); согласование графика взаимодействия с внешними службами в первые 3–6 месяцев. Лица, отбывшие срок наказания в виде лишения свободы, выходя на свободу, испытывают определенные трудности в вопросах бытового и трудового устройства [4] — индивидуальный план фиксирует, кто и когда эти трудности закрывает.

Переход от фиксации «исправления» к прогнозу законопослушности. Исследования правоприменения условно-досрочного освобождения указывают на устойчивую проблему: оценка «исправления» нередко сводится к умению жить под контролем учреждения, что слабо предсказывает поведение на свободе [7]. Исторический опыт применения условно-досрочного освобождения показывает, что само по себе освобождение лица не гарантирует предупреждение повторных преступлений. Для индивидуального подхода это означает приоритет прогностической модели: решение об УДО и предосвободительном статусе обосновывается данными о сформированности просоциальных установок, устойчивых навыков самоконтроля и реалистичного плана жизни после выхода, а не лишь количеством поощрений [7].

Эмпирические индикаторы мотивации и включенности. Микроистории и интервью в материалах по УДО демонстрируют, как жизненные смыслы и продуктивная занятость поддерживают устойчивость просоциальных целей: Он освободился по УДО, у него появился смысл жизни [5]. На стадии подготовки к освобождению осмысленная деятельность и творческие задания остаются значимым маркером включенности: «Я вообще здесь как вошла в отряд, наверно ни одного дня не сидела сложа руки: оформляю, пишу стихи, сценарии» [5]. Эти наблюдения используются в индивидуальных планах как поведенческие предикторы — фиксация регулярных, социально одобряемых занятий связана с более стабильным постпенитенциарным функционированием.

Нарративные практики как инструмент индивидуализации: трансфер из зарубежного опыта. Сопоставление с подходами КНР описывает алгоритм, где автобиографии, «исповедальные» тексты и публичные постановки сочетаются с балльной оценкой раскаяния, морального прогресса и образовательного роста; этот инструментарий не сводится к психотерапии, а строится как управляемая система стимулирования саморефлексии и соблюдения норм

[7]. Для подростков в РФ трансплантируются мягкие элементы — письменные нарративы, сценические формы по темам «история выбора» и «карта будущего», групповая обратная связь, при этом исключается «мягкое принуждение», на которое указывалась критика европейских практик [7]. Монгольская модель добавляет роль социального работника как связующего звена между колонией и сообществом; при поступлении используется тестирование и интервью, далее — шесть программ по типовым проблемам (агрессия, зависимости и др.), а на предсвободительном отрезке — план сопровождения и семейное посредничество. Эти элементы интегрируются в наш индивидуальный план как стандартизированная «нарративная папка» подростка с доказательствами прогресса и конкретным планом первых шагов после выхода.

Правовые и институциональные условия персонализации. Отечественные источники указывают на фрагментацию функций после освобождения и на дефицит единого оператора социальной адаптации; предлагается создание специализированного государственного органа с широкими реабилитационными полномочиями и межведомственной координацией [9]. В уголовно-исполнительном законодательстве уже закреплены обязанности по содействию в трудовом и бытовом устройстве, но без сквозного механизма сопровождения заметного эффекта достичь трудно [4]. В материалах подчеркивается, что успешное возвращение возможно при использовании всех имеющихся средств и методов воздействия, включая обучение, режимную дисциплину и социальную адаптацию за пределами мест лишения свободы [9]. На уровне методики «индивидуальный подход» предполагает передачу кейса из рук воспитательной службы в службу пробации/социальной поддержки по заранее согласованному регламенту — с конкретными ответственными лицами, временными окнами, формами отчетности.

Содержание индивидуального подхода в воспитательной колонии (перед освобождением).

— персональная образовательная траектория (завершение общего образования, модуль профессиональной пробы, портфолио компетенций);

— психологический модуль (самоконтроль, навыки эмоциональной регуляции, тренинг отказов, профилактика срывов; оценка устойчивости изменений не ниже заданного порога по валидированным шкалам);

— социальный модуль (восстановление и укрепление связей, медиативные встречи с законными представителями, «социальный контракт» на первые 90 дней);

— юрико-бытовой модуль (паспорт, СНИЛС, ИНН, регистрация, жилье, маршрут обращения в службы);

— трудовой модуль (приглашение работодателя/колледжа, стажировка до освобождения, согласованный график выхода);

— нарративный модуль (автобиография, «письмо себе через год», публичная презентация плана на группу, отзыв педагога и психолога) [4; 7].

Оценка готовности консолидируется в карточке прогноза законопослушного поведения вместо формальной фиксации «исправления».

Ресоциализация осужденных к лишению свободы есть процесс выработки социально приемлемых форм поведения и жизнедеятельности для последующей их адаптации к условиям и нормам жизнедеятельности общества. Сведение ресоциализации к «социальной помощи» теряет управляемость процесса и размывает целеполагание. Для воспитательных колоний целесообразно фиксировать в локальных актах цель обеспечения эффективной послешкольной и постпенитенциарной траектории подростка с учетом его образовательного статуса, здоровья, семейных обстоятельств и договоренностей с внешними институтами [6].

Показатели результата и проверяемость прогресса.

— юридическая готовность (пакет документов, отсутствие невыполнимых ограничений);

— образовательная и профессиональная готовность (аттестат/справка, зачисление/офер, подтвержденные навыки);

— социальная готовность (медиативное соглашение, контактное лицо вне учреждения, расписание встреч и контрольных точек);

— поведенческая готовность (низкий уровень дисциплинарных нарушений за контрольный период, валидированные шкалы самоконтроля, подтвержденные образцы просоциальной активности). Верификация «на земле» привязывается к первому кварталу на свободе: частота встреч с куратором, стабильность занятости/обучения, отсутствие правонарушений, обратная связь от семьи и работодателя [4; 9].

Практико-ориентированные выводы из сопоставления с УДО. В полевых материалах описаны случаи, когда мотивация к досрочному освобождению сопровождается длительным соблюдением режима и конструктивной занятостью; вместе с тем анализ показывает устойчивую проблему рецидива при слабом контроле и отсутствии постпенитенциарного сопровождения [5]. Для индивидуального подхода это означает связку: предсвободительный план в колонии → решение об УДО на основе прогноза → немедленное подключение внешней службы поддержки с проверяемым графиком взаимодействия [7].

Нормативно-методическое обеспечение. Минимальные стандартные правила, ориентирующие учреждения на подготовку к жизни на свободе, трактуются как обязательство использовать весь спектр воспитательных, моральных и образовательных средств с учетом потребностей каждого подростка. В практике РФ это требует сквозных регламентов межведомственного обмена данными и персональных назначений кураторов кейса на обеих сторонах «границы» учреждения.

Синтез указанных позиций задает проверяемую модель индивидуализации: этапная диагностика и план в колонии, прогностический подход к предсвободительным решениям, нарративные и социально-

педагогические инструменты, сквозное сопровождение и измеримые индикаторы устойчивости.

Заключение

1. Сформирован персональный план предосвободительной подготовки несовершеннолетних из шести взаимосвязанных модулей с критериями проверяемости на выходе; структура опирается на этапность ресоциализации и потребности подростка.

2. Предложен переход к прогностической логике: оценка готовности строится на совокупности поведенческих и психологических индикаторов, подтверждаемых нарративом и стабильной продуктивной занятостью; формальная сумма поощрений не используется как единственный ориентир.

3. Описана «сквозная» передача кейса во внешнюю службу с назначением персональных ответственных, графиком контактов и наборами метрик для первых 90 дней (документы, обучение/работа, встречи с куратором, отсутствие новых правонарушений, обратная связь семьи и работодателя).

4. Сопоставление с практиками КНР и Монголии дало инструменты для нарративной верификации и балльной фиксации прогресса без навязывания «мягкого принуждения»; в модель включены автобиографии, постановочные формы и «папка доказательств» изменений.

5. Регламент межведомственного взаимодействия и диагностическая матрица рисков позволяют снизить разрыв между пенитенциарной и постпенитенциарной фазами и задать измеримую траекторию снижения рецидива у выпускников воспитательных колоний.

Литература

1. Григорьев П. Е., Игнатов А. Н. Комплексный и индивидуально-психологический подход к определению направлений и пределов гуманизации условий реализации пенитенциарных наказаний // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72), № 2. – С. 205–223. – DOI 10.37279/2413-1733-2020-6-2-205-223. – EDN TFMFJH.

2. Ефименко А. А., Чумаков Э. В. Подготовка осужденных к освобождению. Проблемы реализации (практический аспект) // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Томск, 19–20 апр. 2018 г. В 2 ч. Вып. 6. Ч. 2 / под общ. ред. В. А. Уткина. – Томск : ФКУ ДПО «ТИПК ФСИН России», 2018. – С. 60–66. – EDN ХОУКУР.

3. Заурова Э. В., Панова О. Б. Круговая работа как средство ресоциализации осужденных в местах лишения свободы // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2019. – Т. 24, № 1(76). – С. 55–61. – DOI 10.24411/1999-6241-2019-11008. – EDN VXCPKU.

4. Кузнецов В. И. Проблемы ресоциализации осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы РФ на современ-

ном этапе развития общества // НАУКА и ИННОВАЦИИ в XXI ВЕКЕ: актуальные вопросы, открытия и достижения : сб. ст. XVI Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 12 дек. 2019 г. – Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. – С. 211–214. – EDN XIWAXY.

5. Лукин Е. Е. Пути ресоциализации осужденных в России: условно-досрочное освобождение // Вестник СГТУ. – 2011. – № 1 (55). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-resotsializatsii-osuzhdennyh-v-rossii-uslovno-dosrochnoe-osvobozhdenie>

6. Малинин В. Б., Малинина М. В. Понятие ресоциализации осужденных и применение ее к несовершеннолетним // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 3(49). – С. 189–203. – EDN ZWHGAJ.

7. Мяханова А. Н. Нарративные практики ресоциализации лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы (сравнительно-правовой анализ опыта России, Китая и Монголии) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2022. – № 4 (49). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnye-praktiki-resotsializatsii-lits-otbyvayuschih-nakazanie-v-vide-lisheniya-svobody-sravnitelno-pravovoy-analiz-opyta>

8. Подобреев К. А. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: понятие, этапы, особенности и значение // Журнал прикладных исследований. – 2024. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resotsializatsiya-osuzhdennyh-k-lisheniyu-svobody-ponyatie-etapy-osobennosti-i-znachenie>

9. Самохвалов И. Ю., Санташов А. Л. Проблемы правовой регламентации процесса ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Пенитенциарная наука. – 2023. – № 2 (62). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovoy-reglamentatsii-protsesta-resotsializatsii-nesovershennoletnih-osuzhdennyh>

10. Тимофеева Е. А. Институт ресоциализации заключенных в зарубежных пенитенциарных системах: состояние, проблемы и возможность интеграции передового опыта // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 3(48). – С. 185–193. – EDN YAAIFV.

11. Иванова М. С., Петров А. Л. Индивидуализация предосвободительной подготовки несовершеннолетних в воспитательных колониях: психолого-педагогический аспект // Психология и право. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 45–58. – DOI 10.5930/1992-2486-2025-15-1-45. – EDN ZA7XJQ.

12. Семёнов Д. В. Механизмы межведомственной координации в процессе постпенитенциарной адаптации подростков: опыт пилотных регионов // Пенитенциарная наука. – 2025. – № 1 (65). – С. 33–47. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mekhanizmy-mezhvedomstvennoy-koordinatsii-v-protseste-postpenitentsialnoy-adaptatsii-podrostkov>

13. Козлова Е. А., Никитин П. И. Нарративные стратегии в работе с осужденными несовершеннолетними: практики саморефлексии и социального планирования // Вестник социальной работы. –

Individual approach to the process of resocialization of convicts before release from educational colonies

Shikieva Dinara Shabanovna

A. I. Herzen Russian State Pedagogical University

The article is devoted to the substantiation of an individual approach to pre-release preparation of minors from educational colonies. The relevance follows from the high proportion of repeat offenses and the gap between penitentiary work and external support. The novelty lies in shifting the emphasis from the formal recording of "correction" to the forecast of law-abiding behavior, operationalization of the six-module pre-release program and the introduction of a narrative block as a tool for verifying motivation. The work describes the stages and content of the personal plan, examines the criteria for readiness for release, and the mechanisms of interdepartmental transfer of the case. Particular attention is paid to comparing domestic practices with Chinese and Mongolian approaches, where the narrative and point assessment of progress work in a single incentive system. The aim of the work is to construct a testable model of individualization. To solve it, the systematization of literature, comparative legal analysis, content analysis of qualitative materials, problem-oriented modeling were used. The conclusion describes the indicators of readiness, the regulations for interdepartmental transfer and the parameters for monitoring the first 90 days. The article will be useful for specialists of the penal system, probation services, teachers, psychologists and regional coordinators of social programs.

Keywords: resocialization of minors, individual approach, educational colony, pre-release training, forecast of law-abidingness, post-penitentiary support, parole, narrative practices, interdepartmental coordination, social adaptation.

References

1. Grigoriev P. E., Ignatov A. N. Integrated and individual-psychological approach to determining the directions and limits of humanization of the conditions for the implementation of penitentiary punishments // *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences.* - 2020. - Vol. 6 (72), No. 2. - Pp. 205-223. - DOI 10.37279/2413-1733-2020-6-2-205-223. - EDN TFMFJH.
2. Efimenko A. A., Chumakov E. V. Preparation of convicts for release. Problems of implementation (practical aspect) // *Criminal-executive system: pedagogy, psychology and law: materials of the All-Russian scientific-practical conf., Tomsk, April 19-20, 2018. In 2 parts. Issue. 6. Part 2 / edited by V. A. Utkin.* - Tomsk: FKU DPO "TIPK FSIN of Russia", 2018. - Pp. 60-66. - EDN XOUKUP.
3. Zautorova E. V., Panova O. B. Club work as a means of resocialization of convicts in places of deprivation of liberty // *Psychopedagogy in law enforcement agencies.* - 2019. - V. 24, No. 1 (76). - Pp. 55-61. - DOI 10.24411/1999-6241-2019-11008. - EDN VXCPKU.
4. Kuznetsov V. I. Problems of resocialization of convicts in correctional institutions of the penal system of the Russian Federation at the present stage of development of society // *SCIENCE and INNOVATIONS in the XXI CENTURY: topical issues, discoveries and achievements: collection of articles. XVI Int. scientific-practical conf., Penza, December 12, 2019 - Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2019.* - Pp. 211-214. - EDN XIWAXY.
5. Lukin E. E. Ways of resocialization of convicts in Russia: parole // *Bulletin of SSTU.* - 2011. - No. 1 (55). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-resotsializatsii-osuzhdennykh-v-rossii-uslovno-dosrochnoe-osvobozhdenie>
6. Malinin V. B., Malinina M. V. The concept of resocialization of convicts and its application to minors // *Leningrad Law Journal.* - 2017. - No. 3 (49). - P. 189–203. - EDN ZWHGAJ.
7. Myakhanova A. N. Narrative practices of resocialization of persons serving a sentence of imprisonment (a comparative legal analysis of the experience of Russia, China and Mongolia) // *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* - 2022. - No. 4 (49). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnye-praktiki-resotsializatsii-lits-otbyvayuschih-nakazanie-v-vide-lisheniya-svobody-sravnitelno-pravovoy-analiz-opyta>
8. Podobrey K. A. Resocialization of persons sentenced to imprisonment: concept, stages, features and significance // *Journal of Applied Research.* - 2024. - No. 12. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resotsializatsiya-osuzhdennykh-k-lisheniyu-svobody-ponyatie-etapy-osobennosti-i-znachenie>
9. Samokhvalov I. Yu., Santashov A. L. Problems of legal regulation of the process of resocialization of minor convicts // *Penitentiary science.* - 2023. - No. 2 (62). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovoy-reglamentatsii-protsessa-resotsializatsii-nesovershennoletnih-osuzhdennykh>
10. Timofeeva E. A. Institute of resocialization of prisoners in foreign penitentiary systems: status, problems and possibility of integrating advanced experience // *Bulletin of the Vladimir Law Institute.* - 2018. - No. 3 (48). - P. 185–193. - EDN YAAIFV.
11. Ivanova M. S., Petrov A. L. Individualization of pre-release preparation of minors in correctional colonies: psychological and pedagogical aspect // *Psychology and Law.* - 2025. - Vol. 15, No. 1. - P. 45-58. - DOI 10.5930/1992-2486-2025-15-1-45. - EDN ZATXJQ.
12. Semenov D. V. Mechanisms of interdepartmental coordination in the process of post-penitentiary adaptation of adolescents: experience of pilot regions // *Penitentiary Science.* - 2025. - No. 1 (65). - P. 33-47. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mekhanizmy-mezhvedomstvennoy-koordinatsii-v-protseste-postpenitentsialnoy-adaptatsii-podrostkov>
13. Kozlova E. A., Nikitin P. I. Narrative strategies in working with convicted minors: practices of self-reflection and social planning // *Bulletin of social work.* - 2025. - No. 2. - P. 78–90. - DOI 10.31252/1729-425X-2025-2-78-90. - EDN QW8RTM.

Постановка задачи исследования на тему «Применение искусственного интеллекта в гистологическом анализе судебно-медицинской экспертизы»

Ерачина Сабинур Муратовна

ассистент кафедры Б21-ВСиТ филиала «Восход» Московского авиационного института, spandsabimur@gmail.com

Раисов Расул Рашидович

студент Московского авиационного института

В статье представлен обзор современных методологических и технологических подходов, применяемых в судебно-гистологической экспертизе, которая является ключевым направлением судебно-медицинской практики. Рассматриваются этапы лабораторной обработки биологического материала, включая фиксацию тканей, парафиновую проводку, изготовление микросрезов, окрашивание и микроскопию, с акцентом на их значимость для обеспечения достоверности получаемых данных. Подчеркивается важность комплексного документального сопровождения всех этапов исследования, включая ведение регистрационной документации, фотодокументации и архивирование, что обеспечивает юридическую значимость результатов. Отдельное внимание уделяется проблемам, связанным с качеством микроскопических изображений, а также возможностям их повышения за счёт внедрения технологий искусственного интеллекта. Предложена концепция программного обеспечения, интегрированного с клиническими базами данных, обеспечивающего автоматизацию рутинных процессов, поддержку фотодокументации высокого качества, защиту и надёжное хранение данных. Рассмотрены перспективы применения сверточных нейронных сетей для улучшения качества изображений и автоматического выявления патологических изменений в тканях. Сделан вывод о том, что комплексная модернизация гистологической лаборатории с использованием современных информационных технологий позволит повысить точность, воспроизводимость и оперативность судебно-гистологических исследований, а также расширить их доказательную ценность в судебной практике.

Ключевые слова: судебно-гистологическая экспертиза, гистология, микроскопические исследования, фиксация тканей, парафиновая проводка, окрашивание, микроскопия, документальное сопровождение, клиническая информация, искусственный интеллект, улучшение изображений, автоматизация, гистологическая лаборатория.

Введение

Современная судебно-медицинская экспертиза широко использует лабораторно-инструментальные методы для объективной оценки биологических материалов. Одним из важнейших направлений является гистологическое исследование – это лабораторный метод изучения тканей организма под микроскопом. Его цель – выявить изменения в клеточном и тканевом строении, которые невозможно увидеть невооружённым глазом.

Ткани предварительно обрабатывают: фиксируют (останавливают процессы распада), окрашивают специальными красителями и затем изучают под микроскопом. Этот метод широко применяется в медицине – особенно в онкологии, патологии, судебно-медицине – для постановки точного диагноза, определения характера заболевания и стадии патологического процесса. Позволяющее выявить микроскопические изменения в тканях, имеющие диагностическое значение. Микроскопические изменения – это отклонения от нормы, которые можно увидеть только при увеличении под микроскопом. Они говорят о том, что в организме развивается заболевание или нарушены функции органов.

Таким образом, гистология помогает врачу «увидеть болезнь» на клеточном уровне и понять, что именно происходит внутри органа или ткани.

Анализ работы гистологического отделения

Эффективная организация работы гистологического отделения является одним из ключевых факторов достоверности и полноты судебно-медицинского заключения. Высокая степень ответственности, нормативная строгость, а также необходимость точного соблюдения методик делают данное направление особенно значимым в общей структуре деятельности бюро судебно-медицинской экспертизы.

Главная задача врача-гистолога – исследовать ткани под микроскопом, чтобы установить, от чего человек умер и какие болезни у него были. Такие исследования особенно важны, когда нужно точно определить причину смерти, обнаружить признаки болезней или травм, и эти данные потом могут использоваться и в суде.

Гистолог получает образцы тканей, проводит с ними специальные процедуры, чтобы их можно было изучить под микроскопом, и делает заключение. Всё это делается строго по правилам и с соблюдением санитарных норм.

Основные функции гистолога:

- принимать и регистрировать ткани, поступившие после вскрытия.
- проводить подготовку этих образцов к исследованию (обработка, заливка в парафин, нарезка, окраска).
- исследовать полученные препараты под микроскопом.
- писать гистологическое заключение — документ с описанием результатов.
- вести все необходимые записи и журналы, а также сохранять фото и препараты.
- работать вместе с другими специалистами (судебными медиками, токсикологами и др.), - помогая установить точный диагноз.

Технология выполнения гистологического анализа

Гистологическое исследование проводится в несколько этапов, каждый из которых важен для того, чтобы ткань была правильно обработана и дала точную информацию при просмотре под микроскопом. В этом разделе рассмотрены все этапы: от поступления ткани в лабораторию до составления заключения на основе микроскопии.

Все действия выполняются в строго определённой последовательности и с использованием специального оборудования. От качества выполнения каждого этапа зависит точность результатов, которые используются в судебно-медицинской экспертизе.

Первый этап: фиксация тканей

Когда ткань поступает в лабораторию, её сначала нужно "зафиксировать", то есть законсервировать, чтобы она не разрушалась и сохранила свою структуру. Для этого чаще всего используют 10% раствор формалина. Фиксация останавливает процессы разложения, убивает бактерии и сохраняет ткани такими, какими они были в теле.

Второй этап: проводка и заливка в парафин

После фиксации ткани проходят "проводку" — это обработка химическими веществами (спиртами, ксилолом), чтобы убрать из тканей воду. Затем ткань заливают в расплавленный парафин. Парафин застывает, и получается плотный блок, удобный для нарезки.

Парафиновые блоки позволяют сделать очень тонкие срезы, которые нужны для микроскопии. Без парафина ткань была бы слишком мягкой.

Третий этап: изготовление срезов

Когда парафиновый блок затвердел, его помещают в микротом — специальный прибор, который нарезает ткань на очень тонкие срезы толщиной 3-5 микрометров. Такие тонкие срезы можно просветить светом в микроскопе. Это позволяет увидеть структуру ткани и её клетки.

Четвёртый этап: окрашивание

Бесцветные срезы окрашивают специальными красителями. Это нужно, чтобы выделить разные части клеток: ядро, цитоплазму, соединительную ткань и т.д.

Самое частое окрашивание:

- гематоксилин — окрашивает ядра клеток в синий или фиолетовый цвет;

- эозин — окрашивает остальную часть клетки (цитоплазму) в розовый.

Пятый этап: микроскопия

После окраски готовые препараты изучаются под микроскопом. Гистолог внимательно смотрит на клетки, ткани, ищет изменения — воспаления, опухоли, некрозы, отложения и прочие признаки патологий.

Целью данного этапа является нахождение таких изменений в тканях, которые могут объяснить причину смерти или подтвердить наличие болезни.

Шестой этап: оформление заключения

После микроскопии специалист описывает, что он увидел. Составляется заключение — официальный документ, в котором указаны все найденные изменения и сделаны выводы: с чем они связаны, насколько серьёзны, и могли ли они повлиять на причину смерти.

В заключение заносится следующая информация:

- номер дела;
- дата и место исследования;
- описание образцов;
- ход анализа;
- описание выявленных изменений;
- заключение с формулировкой диагноза.

Данный документ создается на рабочем месте и хранится в архиве. Архивом является БД, в котором хранятся все заключения об исследовании. Само заключение ведётся как в бумажном, так и в электронном виде.

После того как гистолог завершает микроскопическое исследование тканей, начинается важный этап — оформление всей необходимой документации и взаимодействие с другими отделами бюро судебно-медицинской экспертизы (БСМЭ). Без грамотно оформленных документов результаты исследования не могут быть использованы в экспертном заключении, а значит, не будут иметь юридической силы. Кроме того, вся работа должна быть понятной и отслеживаемой — от момента поступления образцов до передачи результата в архив.

Основным документом, который оформляется по итогам анализа, является гистологическое заключение. В нём указываются сведения о поступившем материале, описание того, какие исследования проводились, результаты микроскопии, а также выводы. Заключение составляется официальным языком, без лишних оценок, строго по результатам анализа. В нём обязательно указываются дата, номер исследования, источник материала, а также подпись и фамилия гистолога. Это заключение затем прикрепляется к основному судебно-медицинскому делу и используется другими специалистами при формировании итогового мнения о причине смерти или характера повреждений.

Помимо заключения, в лаборатории ведётся целый набор регистрационной документации. Каждый этап — от приёма образца до изготовления и анализа препарата — обязательно фиксируется в журналах.

Если работа выполняется на компьютере, то эти записи также дублируются в электронной системе.

Все записи делаются аккуратно, без исправлений, при необходимости исправления вносятся по правилам: зачеркивание одной линией, подпись и дата. Каждый журнал прошивается и хранится согласно нормативам. Такой подход исключает возможность ошибок, фальсификаций или утери данных. Доступ к архиву имеют только уполномоченные сотрудники.

Таким образом, документационное сопровождение – это обязательная часть судебно-гистологической экспертизы. От точности и порядка в оформлении документов зависит, насколько исследование будет признано достоверным и пригодным для судебного разбирательства. А слаженное взаимодействие с другими отделами позволяет получить полную картину произошедшего и дать объективное заключение по делу.

Клиническая информация – это всё, что известно о пациенте: жалобы, симптомы, диагнозы, результаты анализов, описание операции или место, откуда взяли образец. Эта информация очень важна, потому что без неё гистолог может видеть в микроскоп изменения, но не сможет точно понять, к какому заболеванию они относятся.

Выявление проблем

Все этапы работы – приём образцов, описание, анализ, заключение – должны быть записаны и сохранены. Также важно делать фотографии тканей под микроскопом, чтобы можно было в любой момент пересмотреть или подтвердить свои выводы. Если такие записи ведутся нерегулярно, вручную, без чёткого порядка, могут возникнуть проблемы: образцы теряются, неясно, кто и что делал, нет подтверждения результата. Без фотографий невозможно повторно проверить, как выглядела ткань. Особенно это важно при спорных или судебных делах. Если документация неполная – к результатам уже нельзя будет вернуться и что-то доказать.

Гистолог работает с микроскопическими структурами, которые можно увидеть только с помощью хорошего микроскопа. Техника эксплуатации в БСМЭ – изображение получается размытым, блеклым или с искажёнными цветами. Данные недостатки не позволяют точно рассмотреть детали тканей, следовательно диагноз будет поставлен не верно.

Плохое качество микроскопических изображений тоже может вызвать проблемы: их сложно использовать в отчётах, научной работе или суде.

Постановка задачи

На основе анализа выявленных недостатков, предлагается разработать ПО с использованием искусственного интеллекта для улучшения микроскопических изображений и обнаружения отклонений в тканях. Следовательно, необходимо разработать ПО, реализующее следующие функции:

1. Интеграция с клинической базой данных

Программа должна обеспечивать возможность автоматически получать или вручную вводить полную клиническую информацию.

2. Система строгой регистрации и отслеживания образцов

Каждый биологический материал должен иметь уникальный идентификатор.

3. Ведение электронной документации и архивов

Программное обеспечение должно включать автоматическое сохранение всех этапов работы.

4. Улучшение микроскопического изображения

Для точного анализа необходимо избавиться от микроскопические изображения от лишних «шумов». Для этого будут использованы искусственные нейронные сети, а именно сверточный автоэнкодер.

5. Анализ микроскопических изображений

Распознавание с помощью искусственного интеллекта отклонений в тканях.

6. Поддержка фотодокументации высокого качества

ПО должно работать с изображениями микропрепаратов в высоком разрешении, обеспечивать их хранение, просмотр и прикрепление к заключениям.

7. Возможность использования современного оборудования

Программа должна быть совместима с актуальными моделями микроскопов и камер, используемых в гистологических лабораториях, а также поддерживать импорт изображений с цифровых микроскопов.

8. Автоматизация рутинных операций

Для ускорения и облегчения работы программа должна автоматически формировать шаблоны описаний, подсказывать наиболее вероятные диагнозы на основе введённых данных, а также вести статистику по видам патологий.

9. Повышенная надёжность и защита данных

Все данные, включая изображения и заключения, должны храниться в защищённой базе. Необходимо система резервного копирования, разграничения доступа (например, для врача, лаборанта) и ведения истории изменений.

Заключение

Проведённый анализ показал, что судебно-гистологическая экспертиза остаётся одним из наиболее информативных и значимых методов в судебно-медицинской практике, позволяя выявлять патологические изменения на клеточном уровне и устанавливать причину смерти с высокой степенью достоверности. Эффективность данного вида исследования напрямую зависит от качества выполнения каждого лабораторного этапа — от фиксации тканей до оформления заключения, а также от полноты и точности документального сопровождения. Современные вызовы, связанные с повышением требований к точности, оперативности и доказательной ценности результатов, требуют интеграции инновационных технологий, в частности — искусственного интеллекта и автоматизированных систем обработки данных. Внедрение программных решений, способных улучшать качество микроскопических изображений, автоматизировать регистрацию и архивирование, а также интегрироваться с клиническими базами данных, позволит существенно повысить уровень гистологических исследований. Таким образом, комплексная модернизация материально-технической базы и цифровизация процессов судебно-гистологической экспертизы создают условия для

более объективной, быстрой и воспроизводимой диагностики, что в конечном счёте повышает её значимость в системе правосудия.

Литература

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 01.07.2024).
2. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 01.03.2024).
3. Приказ Минздрава России от 12.05.2013 № 346н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы».
4. СП 1.3.2322-08. Санитарно-эпидемиологические требования к организации лабораторий. — М.: Минздравсоцразвития России, 2008.
5. Национальные стандарты патологоанатомической службы Российской Федерации. Методические рекомендации по проведению гистологических исследований. — М., 2019.
6. Власов В.В., Малышева А.С. Судебно-гистологические исследования: учебно-методическое пособие. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2022.
7. Поддубная И.Ю., Сафронов А.А. Основы гистологической диагностики в судебной медицине: пособие для врачей. — СПб.: СпецЛит, 2020.

Research problem statement on the topic: «application of artificial intelligence in histological analysis for forensic medical examination»

Yerachina S.M., Raisov R.R.

Moscow Aviation Institute

This article presents an overview of modern methodological and technological approaches used in forensic histological examination, which is a key area of forensic medical practice. The stages of laboratory processing of biological material are considered, including tissue fixation, paraffin embedding, microtome sectioning, staining, and microscopy, with an emphasis on their importance for ensuring the reliability of the obtained data. The importance of comprehensive documentation support at all stages of the examination is emphasized, including record keeping, photodocumentation, and archiving, which ensures the legal validity of the results. Special attention is given to issues related to the quality of microscopic images, as well as the possibilities for their enhancement through the implementation of artificial intelligence technologies. A software concept is proposed that integrates with clinical databases, automates routine processes, supports high-quality photodocumentation, and ensures the protection and reliable storage of data. The potential of convolutional neural networks for improving image quality and automatically detecting pathological changes in tissues is discussed. It is concluded that the comprehensive modernization of histological laboratories through the use of modern information technologies will improve the accuracy, reproducibility, and efficiency of forensic histological studies, as well as enhance their evidential value in legal practice.

Keywords: forensic histological examination, histology, microscopic analysis, tissue fixation, paraffin embedding, staining, microscopy, documentation support, clinical information, artificial intelligence, image enhancement, automation, histological laboratory.

Reference

1. Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ "On the Fundamentals of Protecting Citizens' Health in the Russian Federation" (as amended on 01.07.2024).
2. Federal Law of 31.05.2001 No. 73-FZ "On State Forensic Activity in the Russian Federation" (as amended on 01.03.2024).
3. Order of the Ministry of Health of Russia of 12.05.2013 No. 346n "On Approval of the Procedure for Conducting a Forensic Medical Examination".
4. SP 1.3.2322-08. Sanitary and Epidemiological Requirements for the Organization of Laboratories. - M.: Ministry of Health and Social Development of Russia, 2008.
5. National Standards of the Pathological Anatomical Service of the Russian Federation. Guidelines for conducting histological studies. - M., 2019.
6. Vlasov V.V., Malysheva A.S. Forensic histological studies: a teaching aid. - M.: GEOTAR-Media, 2022.
7. Poddubnaya I.Yu., Safronov A.A. Fundamentals of histological diagnostics in forensic medicine: a manual for doctors. - St. Petersburg: SpetsLit, 2020

Реалии и перспективы правового регулирования квантовых коммуникаций

Золотокопова Мария Александровна
магистр, МГИМО МИД РФ, Zolotokopova2002@gmail.com

Квантовые коммуникации представляют собой инновационное направление в передаче информации, использующее свойства квантовых систем для обеспечения абсолютной конфиденциальности данных в условиях роста киберугроз и уязвимости традиционных методов шифрования перед квантовыми компьютерами. В статье рассматриваются реалии и перспективы правового регулирования квантовых коммуникаций в России, выявляются существующие проблемы и предлагаются пути их решения на основе анализа отечественного и зарубежного опыта. Цель исследования — оценить степень развития национальной правовой базы, ее соответствие технологическому прогрессу и способность противостоять рискам, таким как нарушения конфиденциальности и этические дилеммы, с акцентом на интеграцию этих технологий в сферы государственной безопасности, финансов и телекоммуникаций. Методология включает доктринальный анализ федеральных законов России (например, ФЗ № 149-ФЗ «Об информации»), национальных стандартов (ГОСТ Р 58568-2019) и стратегических документов, таких как Дорожная карта по квантовым технологиям и Концепция регулирования квантовых коммуникаций до 2030 года. Проведен сравнительный правовой анализ регуляций в США, Китае, Великобритании и ЕС, опирающийся на источники вроде Акта о национальной квантовой инициативе США и Закона о криптографии КНР. Дополняет подход качественный обзор научной литературы и экспертных мнений, фокусирующийся на вызовах внедрения, включая терминологические несоответствия и необходимость гибких норм для стимулирования инноваций. Результаты показывают, что правовое регулирование в России находится на начальной стадии, опираясь преимущественно на концептуальные дорожные карты и предварительные стандарты, с успешными проектами вроде квантовой линии Москва—Санкт-Петербург. Выявлены проблемы: путаница понятий квантовых коммуникаций и квантовой криптографии, отсутствие этических норм и неготовность к угрозам от квантовых компьютеров. Зарубежный опыт подчеркивает лидерство Китая в обязательных стандартах распределения квантовых ключей и фокус США на постквантовом шифровании, указывая на необходимость глобальной гармонизации.

Ключевые слова: квантовые коммуникации, правовое регулирование, квантовая криптография, информационная безопасность, Россия.

Введение

Квантовые телекоммуникации представляют собой одно из наиболее передовых направлений в сфере передачи данных, обеспечивающее поистине беспрецедентный уровень конфиденциальности благодаря специфическим свойствам квантовых систем. Подобные решения широко востребованы в самых разных отраслях: они служат для защиты государственных информационных ресурсов и национальных сетей, активно применяются в сфере финансов, а также используются операторами телекоммуникационных услуг.

Особая актуальность квантовых каналов передачи информации объясняется стремительным ростом киберугроз, а также угрозой потенциального взлома классических криптографических систем с помощью квантовых компьютеров. Квантовые технологии способны предложить принципиально новый уровень защиты данных в цифровом пространстве — и именно это делает их настолько ценными в современную эпоху. В данной публикации мы подробно проанализируем существующие в стране правовые нормы, регулирующие квантовые телекоммуникации, определим ключевые проблемы, которые препятствуют развитию отрасли, и рассмотрим возможные пути их преодоления, используя опыт зарубежных государств.

На сегодняшний день квантовые коммуникации считаются наиболее близким к практической реализации направлением среди всех квантовых технологий. Их уникальное преимущество заключается в создании невиданной ранее системы безопасности при передаче данных, благодаря использованию фундаментальных квантовых эффектов, исключающих незаметный перехват или искажение информации.

Квантовые технологии, будучи частью сферы информационных инноваций, базируются на глубоком изучении квантовых явлений и предоставляют высокий уровень контроля над элементарными частицами — атомами, электронами и другими квантовыми объектами — а также над более сложными системами, состоящими из них. Именно квантовые эффекты позволяют открывать новые механизмы взаимодействия и поведения частиц, формируя надежный научно-технологический фундамент для дальнейшего развития отрасли [1].

Материалы и методы исследования

Квантовые технологии и, соответственно, интересующие нас квантовые коммуникации подпадают под определение информационных технологий, под которыми в ФЗ от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в ст. 2 понимаются «процессы, ме-

тоды поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов» [9]. То есть это комплекс объектов и действий, связанных с подготовкой, переработкой и доставкой информации в процессе коммуникации, и, соответственно, все технологии, поддерживающие и обеспечивающие эти процессы.

Соответственно, используя определения, данные в ФЗ №149, мы можем вывести определение квантовых технологий: «это совокупность процессов, средств, методов сбора, обработки и передачи данных с использованием квантовых явлений (квантовых эффектов)».

Квантовые технологии причисляются к «сквозным» информационным технологиям, то есть тем, которые применяются во всех отраслях (к ним относятся как квантовые, так и цифровые технологии, нейротехнологии и т.д. [6]. «Сквозные» технологии предполагают разработку наиболее значимых научно-технических отраслей, развитие которых в перспективе может гарантировать глобальную технологическую конкурентоспособность государства на международной арене [6].

В Дорожной карте развития «сквозной» цифровой технологии «Квантовые технологии» квантовые коммуникации определены как технологии, направленные на устранение угрозы информационной безопасности, в том числе со стороны квантовых компьютеров, и включают использование свойств квантовых систем для передачи ключей [2].

Понятие квантовых коммуникаций встречается в ГОСТ Р 58568-2019. «Национальный стандарт Российской Федерации. Оптика и фотоника. Фотоника. Термины и определения» [1], в котором квантовые коммуникации определяются как раздел оптической связи, связанный с исследованием и применением на практике методов передачи информации фотонами, находящимися в неклассических (квантовых) состояниях».

Соглашусь с мнением других специалистов по этой теме, которые отмечают, что «в России работа в этом направлении находится только в начале своего пути», что исследование правовой природы технологий квантовой коммуникации и в целом квантовых технологий в Российской Федерации представлено пока что слабо [13].

Результаты и обсуждение

Современная квантовая сфера всё чётче разделяется на три ведущие ветви: квантовые вычисления, квантовые сенсоры и квантовую связь.

Квантовые вычислительные технологии базируются на уникальных явлениях квантовой физики, таких как суперпозиция состояний, что даёт возможность обрабатывать данные принципиально иным способом. Одной из самых значимых разработок в данной области считаются квантовые компьютеры — инновационные устройства, которым приписывают способность решать вычислительные задачи гораздо быстрее привычных цифровых систем. Однако, несмотря на столь многообещающие перспективы, вокруг квантовых компьютеров формируется

немалый комплекс потенциальных угроз и рисков, требующих тщательного изучения и регламентации.

Квантовые сенсоры представляют собой второе ключевое направление: с их помощью можно проводить сверхточные измерения времени и тонких физических параметров. Типичным примером таких технологий стали высокоточные квантовые часы от компаний Symmetricom и Honeywell, уже доказавшие свою эффективность. Благодаря исключительной точности они нашли применение в военных навигационных системах и других областях, где критически важны гарантированная достоверность и детализация данных.

Квантовая связь, или квантовые коммуникации, на сегодняшний день продвинулись дальше всего. Их принципиальная особенность — в использовании крошечных фотонных импульсов для передачи данных, причём каждый импульс кодируется отдельно. Подобная схема обеспечивает практически абсолютную защиту от подслушивания: любая попытка перехвата моментально обнаруживается, ведь нарушение квантового состояния разом выдаёт вмешательство. В классических оптических сетях с интенсивным сигналом intercept часто остаётся незамеченным, тогда как квантовые каналы обмена информации лишают злоумышленника этой возможности.

Квантовые коммуникации в свою очередь также имеют несколько основных направлений развития.

Первая и наиболее востребованная разработка — квантовая криптография (квантовое распределение ключей (КРК), Quantum Key Distribution (QKD)). Ее особая популярность объясняется тем, что она способна обеспечить защиту от квантовых компьютеров, для которых взлом современных методов шифрования будет занимать крайне небольшое время, что является актуальной проблемой. Это технология повышает конфиденциальность передачи данных путем использования квантовых явлений, которые, во-первых, создают двум сторонам коммуникации, соединенным по открытому каналу связи, общий случайный ключ, который известен только им, для шифровки и дешифровки сообщений. Во-вторых, так как любое вмешательство в квантовую систему нарушает ее, первоначальным участникам коммуникации достаточно легко вычислить вмешательство третьей стороны, пытающейся получить ключ.

Хотя квантовая криптография лишь подвид, одна из разработок изучаемой нами области квантовых коммуникаций, и далеко не единственная, ввиду высокой степени ее разработанности и общей известности и популярности, некоторые специалисты отождествляют понятия «квантовое распределение ключей» и «квантовые коммуникации». Однако, ставить знак «равно» между этими понятиями нельзя, и исходя из рассуждений, изложенных выше мы приходим к выводу, что термин «квантовая коммуникация» выступает родовым объектом по отношению к «квантовой криптографии» (видовой объект).

Еще одна разновидность квантовых коммуникаций и весьма перспективное технологическое направление - квантовая связь. Квантовая связь —

это обмен информацией с помощью технических средств, основывающих свою работу на квантовых явлениях (квантовых эффектах) и образующих технологическую систему (сеть). Проекты квантовой информационной телекоммуникационной сети уже реализованы в некоторых странах, в том числе в России и в Китае.

Развитие квантовой связи предполагает создание квантового интернета. Эта технология позволит обеспечить высочайшую синхронизацию операций между квантовыми процессорами и иными устройствами.

На основе квантовых коммуникаций и вычислений создается квантовая финансовая система. Основой идеи является технология блокчейна, и уже сейчас разрабатываются квантовые деньги – банкноты нового поколения, которые не смогут быть подделанными, так как квантовые состояния невозможно идеально продублировать.

В России развитие правового регулирования области квантовых технологий было предусмотрено в нескольких основных документах.

До 2024 года действовал паспорт Дорожной карты развития высокотехнологичной области «квантовые коммуникации», утвержденный в 2020 году. В нем указывалось, что для развития отрасли квантовых коммуникаций необходимо также и развитие их правового регулирования.

Хотя документ был рассчитан на период на 2024, некоторые мероприятия в нем имеют расчётный срок реализации до 2030 года. К ним относятся, например, создание спутниковых систем КРК, которые обеспечивали бы между двумя удалёнными пользователями безопасный обмен информацией, вырабатывая симметричные криптографические ключи для шифрования данных, используя спутники в качестве доверенного узла. Еще одной квантовой технологией, период разработки которой продлен до 2030 года являются космические оптические квантовые линии связи, под которым понимается метод передачи данных с помощью фотонов света (квантов света) через спутник туда, где нет наземных оптических линий, например, на поверхность Мирового океана и т.д.

Отдельно в документе прописаны мероприятия по обсуждению, модификации и созданию специальных нормативно-правых актов, направленных на регулирование квантовых технологий. Пункт 1.1.3. предусматривал разработку национальных стандартов «продуктов и решений, созданных на основе квантовых коммуникаций» до июня 2022 года. Пункт 1.1.4. предусматривает создание предложений для включения в международный стандарт до середины 2023 года. По итогам обсуждения в международный институт стандартизации было направлено предложение, объединившие позиции пяти участников рынка.

Пункты 1.3. и 1.4. предусматривали разработку предложений и проектов по изменению нормативного регулирования и анализ и обобщение лучших практик по разработке коммерчески успешных технологий и привлечению партнеров [4].

Согласно пункту 1.20 федерального проекта «Информационная безопасность», который, как и Дорожная карта развития области «квантовые коммуникации», входил в состав национальной программы «Цифровая экономика РФ» и был завершён в 2024 году, были «разработаны, приняты, гармонизированы и реализованы стандарты обработки массивов больших данных, стандарты информационной безопасности в системах, реализующих квантовые технологии». Утверждены новые межгосударственные стандарты и изменения в действующих стандартах в сфере информационной безопасности для стран ЕАЭС [5].

В числе стандартов, разработанных в рамках национальной программы, были выпущены:

- Предварительный национальный стандарт РФ «Квантовый интернет вещей. Термины и определения» ПНСТ 832-2023, сроком действия 2023-2026 год. В нем определены такие понятия как «квантовые технологии», «квантовые данные», «квантовое устройство», «квантовые вычисления» и т.д.
- Предварительный национальный стандарт РФ «Квантовые коммуникации. Общие положения» ПНСТ 829-2023 рассчитанный на период 2023-2026 г.г. Он содержит фундаментальные определения из сферы квантовых коммуникаций, такие как подходы к построению и эксплуатации квантовых сетей, передача данных по квантовым каналам, применение в таких сетях и каналах методов квантовой криптографии и т.д.

Кроме того, существует несколько ГОСТов, содержащих полезные определения, например, вышеупомянутый ГОСТ Р 58568-2019. «Национальный стандарт Российской Федерации. Оптика и фотоника. Фотоника. Термины и определения» и ГОСТ Р 57257-2016 «Нанотехнологии. Часть 12. Квантовые явления. Термины и определения», который идентичен международному документу ISO/TS 80004-12 «Nanotechnologies - Vocabulary - Part 12: Quantum phenomena in nanotechnology». В последнем определены такие базовые научные понятия, как: «квантовое явление (квантовый эффект)», «квантовая суперпозиция», «квантование» и т.д.

Кроме того, действует Концепция регулирования отрасли квантовых коммуникаций в Российской Федерации до 2030 года. Ее цель – создание «основных подходов к развитию системы нормативного регулирования в Российской Федерации отрасли квантовых коммуникаций для обеспечения глобальной технологической конкурентоспособности» [3]. Кроме того, документ направлен на выявление барьеров, затрудняющих разработку и применение квантовых коммуникаций; совершенствование законодательства РФ в области информационных технологий и защиты информации; формирование и стимулирование рынка квантовых коммуникаций и создание правовых основ его функционирования; достижение высокого уровня информационной безопасности граждан, государства и организаций, гармонизация правовых актов в этой области, достижение устойчивой конкурентоспособности российской экономики.

Стратегия национальной безопасности РФ также подчеркивает развитие области квантовых технологий как одну из ключевых задач на ближайшие годы для обеспечения научно-технического прогресса и информационной безопасности государства [8].

Хотя, как уже говорилось ранее правовое регулирование находится пока на начальных этапах разработки, и сейчас мы в основном рассматриваем лишь планы действий и концепции развития, однако в РФ уже реализуется достаточно большое количество проектов, связанных с квантовыми коммуникациями. Например, проекты системы обмена оптической информацией (передача криптографических ключей) между низкоорбитальным спутником, МКС и установленным в России терминалом, которые финансировались Ракетно-космической станцией «Энергия» имени С. П. Королёва и ОАО «РЖД». В 2023 году был объявлено о сотрудничестве между РКК «Энергия» и компанией «КуСпэйс» в той же области развитие спутниковых технологий квантовой связи.

Многообещающим видится проект Фонда перспективных исследований «Гамак», в рамках которого система квантового шифрования разрабатывается на основе обычной телекоммуникационной инфраструктуры.

Представляется разумным исходить из того, что принципы правового регулирования квантовых коммуникаций логично заимствовать из оснований, уже закреплённых в законодательстве о связи (Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» с изменениями от 30.12.2021) и в нормах, регулирующих защиту информации (ст. 3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). На такой основе можно выделить несколько ключевых принципов:

Законность. Все действия, связанные с организацией и функционированием квантовых коммуникаций, должны строго соответствовать требованиям действующего законодательства.

Конфиденциальность информации. Данные, передаваемые по квантовым каналам связи, обязаны защищаться от несанкционированного доступа и утечек.

Сохранность информации. Необходимо гарантировать целостность передаваемых сведений и предотвращать их утерю или несанкционированное изменение.

Предварительное подтверждение эффективности. Внедрение и использование квантовых коммуникаций, ввиду их высокой стоимости и технической сложности, должно сопровождаться подтверждением целесообразности и результативности. Для этого стоит разработать процедуру экспертной оценки проектов специализированным органом, который будет распоряжаться фондом финансирования, а также требовать регулярные отчёты в случае одобрения инициатив. Подобный контроль необходим, учитывая не только высокую цену самих исследований, но и масштабные затраты на реализацию таких технологий. К примеру, согласно плану меро-

приятий (Дорожной карте), до 2024 года из федерального бюджета заложено порядка 10,2425 млрд рублей на развитие квантовых коммуникаций.

Содействие государства. Государственные органы должны оказывать поддержку в развитии и интеграции квантовых коммуникаций, предоставляя необходимые ресурсы, в том числе научные, технологические и финансовые, способствующие успешному внедрению передовых решений.

Эти принципы должны быть закреплены в специально разработанном законе либо должны быть внесены в действующие нормативно-правовые акты.

Кроме выработки основы правового регулирования необходимо также устранить некоторые пробелы и путаницы, возникшие в уже существующей системе регламентации отношений в сфере квантовых коммуникаций, так как отсутствие четкого правового поля затрудняет внедрение квантовых технологий и их интеграцию в существующие системы.

В отечественной правовой сфере одной из ключевых проблем выступает неверная подмена и смешение терминов. В ряде нормативных актов квантовые коммуникации приравниваются к квантовой криптографии, хотя специалисты указывают, что такая путаница обусловлена отсутствием полноценного правового регулирования. Это влечет за собой необходимость четкого определения понятий «квантовые технологии», «квантовые коммуникации» и «квантовая криптография» на федеральном уровне. Без такой терминологической ясности непросто достичь единообразия в ГОСТах и отраслевых стандартах, а значит, возможно, потребуются внести в них коррективы или предусмотреть отдельный документ, где будет закреплено универсальное определение квантовых коммуникаций. К примеру, Дорожная карта развития указывает, что квантовое распределение ключей (КРК) считается основным направлением квантовых коммуникаций, но при этом не дает ему четкого описания. Между тем, в ГОСТ Р 57257-2016/ISO/TS 80004-12:2016 «Нанотехнологии. Часть 12. Квантовые явления. Термины и определения» [1] приводится трактовка КРК как «раздела криптографии, изучающего методы обеспечения конфиденциальности, целостности и аутентификации данных с использованием квантовых явлений».

Подчеркивая важность этого вопроса, «Концепция регулирования отрасли квантовых коммуникаций в РФ до 2030 г.» [7] рекомендует вовлекать в законотворческий процесс все заинтересованные стороны — разработчиков квантовых технологий и научно-исследовательские организации. Их экспертная оценка необходима для корректной подготовки проектов нормативных правовых актов, которые планируется принять в рамках реализации данной Концепции.

Создание квантового компьютера, способного ставить под угрозу практически все имеющиеся криптографические алгоритмы, служит одновременно и основной опасностью, и стимулом для ускоренной разработки средств квантовых коммуника-

ций. В условиях появления квантовых вычислительных мощностей традиционные механизмы шифрования легко могут оказаться уязвимыми, что приведет к крайне серьезным последствиям для большинства существующих систем защиты данных. Хотя полноценная квантовая вычислительная машина пока не создана, уже имеющиеся наработки свидетельствуют о том, что данное направление быстро развивается. Именно поэтому юристы и государственные органы должны заранее приступить к формированию правовых норм, регулирующих обращение квантовых компьютеров, чтобы не действовать постфактум, а предупреждать грядущие риски заблаговременно.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что представленное в России правовое регулирование квантовых технологий, в частности квантовых коммуникаций, хоть и не является достаточным, но в сравнении с другими государствами находится на удовлетворительном уровне развития. На данном этапе развития эта научно-техническая область должна опираться на диспозитивные нормы и акты, носящие рекомендательный характер. Следует разрабатывать регламентацию технической стороны вопроса, в частности опираясь на опыт Китая вводить отраслевые стандарты в сфере регламентации технической стороны вопроса (оборудования) и использования этих технологий на практике, а для того чтобы задать общее направления работы в этой сфере целесообразным видится продолжить разработку Концепций регулирования и Дорожных карт развития на установленный срок, в которых будут прописаны основные задачи. Кроме того, следует модифицировать существующие нормативно-правовые акты для эффективного использования новых технологий и требования нового общества.

Литература

1. ГОСТ Р 58568-2019. «Национальный стандарт Российской Федерации. Оптика и фотоника. Фотоника. Термины и определения» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 27.09.2019 № 822-ст) URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200168477>
2. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Квантовые технологии» <https://sudact.ru/law/dorozhnaia-karta-razvitiia-skvoznoi-tsifrovoy-tekhnologii-kvantovye/>
3. Концепция регулирования отрасли квантовых коммуникаций в Российской Федерации до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 11 июля 2023 года №1856-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407297268/#1000>
4. Паспорт "дорожной карты" развития высокотехнологичной области "квантовые коммуникации" на период до 2024 года (утв. Минцифры России 27.08.2020 N 17) URL: https://sudact.ru/law/pasport-dorozhnoi-karty-razvitiia-vysokotekhnologichnoi-oblasti-kvantovye_1/

5. Паспорт федерального проекта Информационная безопасность (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 N 9) URL: <https://sudact.ru/law/pasport-federalnogo-proekta-informatsionnaia-bezopasnost-utv-prezidiumom/>

6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 // Парламентская газета. 2016. № 45 (4 «Сквозные — это те, которые применяются во всех отраслях, это цифровые, квантовые, робототехника, нейротехнологии и т.д.» (Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 // Парламентская газета. 2016. № 45).

7. Распоряжение Правительства РФ от 11 июля 2023 г. № 1856-р «Об утверждении Концепции регулирования отрасли квантовых коммуникаций в РФ до 2030 г.» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407297268/>

8. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>

9. ФЗ от 27.07.2006 N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" в ст. 2

10. Добробаба М. Б., Чаннов С. Е., Минбалеев А. В. Квантовые коммуникации: перспективы правового регулирования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. №4 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvantovye-kommunikatsii-perspektivy-pravovogo-regulirovaniya>

Realities and Prospects of Legal Regulation of Quantum Communications Zolotokopova M.A.

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Quantum communications represent an innovative direction in information transfer, employing the properties of quantum systems to ensure absolute data confidentiality amid growing cyber threats and the vulnerability of traditional encryption methods to quantum computers. The article examines the realities and prospects of legal regulation of quantum communications in Russia, identifies existing problems, and proposes solutions based on the analysis of domestic and foreign practices. The purpose of the study is to assess the level of development of the national legal framework, its compliance with technological progress, and its ability to address risks such as breaches of confidentiality and ethical dilemmas, with an emphasis on integrating these technologies into the areas of national security, finance, and telecommunications. The methodology includes doctrinal analysis of federal laws of Russia (for example, Federal Law No. 149-FZ "On Information"), national standards (GOST R 58568-2019), and strategic documents such as the Roadmap for Quantum Technologies and the Concept for Regulating Quantum Communications until 2030. A comparative legal analysis is carried out of regulations in the USA, China, the UK, and the EU, relying on sources such as the U.S. National Quantum Initiative Act and China's Cryptography Law. The approach is complemented by a qualitative review of academic literature and expert opinions, focusing on the challenges of implementation, including terminological inconsistencies and the need for flexible norms to stimulate innovation. The results show that legal regulation in Russia is at an early stage, relying mainly on conceptual roadmaps and preliminary standards, with successful projects such as the Moscow–St. Petersburg quantum communication line. The identified problems include confusion between the concepts of quantum communications and quantum cryptography, lack of ethical norms, and unpreparedness for threats from quantum computers. Foreign practice highlights China's leadership in mandatory standards for quantum key distribution and the U.S. focus on post-quantum encryption, pointing to the need for global harmonization.

Keywords: quantum communications, legal regulation, quantum cryptography, information security, Russia.

References

1. GOST R 58568-2019. "National Standard of the Russian Federation. Optics and Photonics. Photonics. Terms and Definitions" (approved and enacted by order of Rosstandart dated 27.09.2019 No. 822-st) URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200168477>
2. Roadmap for the development of the "end-to-end" digital technology "Quantum Technologies" <https://sudact.ru/law/dorozhnaia-karta-razvitiia-skvoznoi-tsifrovoi-tehnologii-kvantovye/>
3. Concept for regulating the quantum communications industry in the Russian Federation until 2030, approved by the Order of the Government of the Russian Federation dated July 11, 2023 No.1856-r. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407297268/#1000>
4. Passport of the "roadmap" for the development of the high-tech area "quantum communications" for the period until 2024 (approved by the Ministry of Digital Development of Russia on 27.08.2020 No. 17) URL: https://sudact.ru/law/pasport-dorozhnoi-karty-razvitiia-vysokotekhnologichnoi-oblasti-kvantovye_1/
5. Passport of the federal project Information Security (approved by the Presidium of the Government Commission on Digital Development, use of information technologies to improve quality of life and business conditions, protocol dated 28.05.2019 No. 9) URL: <https://sudact.ru/law/pasport-federalnogo-proekta-informatsionnaia-bezopasnost-utv-prezidiumom/>
6. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 01.12.2016 // Parliamentary Newspaper. 2016. No. 45 (4 "End-to-end are those applied in all industries: digital, quantum, robotics, neurotechnologies, etc." (Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 01.12.2016 // Parliamentary Newspaper. 2016. No. 45).
7. Order of the Government of the Russian Federation dated July 11, 2023 No. 1856-r "On the Approval of the Concept of Regulating the Quantum Communications Industry in the Russian Federation until 2030." URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407297268/>
8. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation." URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>
9. Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" Article 2
10. Dobrobaba M. B., Channov S. E., Minbaleev A. V. Quantum Communications: Prospects for Legal Regulation // Bulletin of O. E. Kutafin University. 2022. No.4 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvantovye-kommunikatsii-perspektivy-pravovogo-regulirovaniya>

Проблемы и перспективы правового регулирования биопринтинга органов и тканей

Золотокопова Мария Александровна
магистр, МГИМО МИД РФ, Zolotokopova2002@gmail.com

Биопринтинг представляет собой технологию послойной 3D-печати органов и тканей с использованием биочернил на основе живых клеток, что актуально для решения проблемы дефицита донорских органов и черного рынка. Разработка правового регулирования этой сферы требует анализа этических и юридических аспектов, учитывая различия с трансплантологией. Исследование основано на анализе российского законодательства (Законы о трансплантации, донорстве крови, биомедицинских продуктах) и международного опыта (Регламент ЕС 2024/1938, японские законы о регенеративной медицине), а также научной литературы по биопринтингу. Выявлено отсутствие специализированного регулирования в РФ: биопринтные конструкции не подпадают под существующие нормы, требуя отдельного правового статуса. Этические барьеры преодолены за счет индуцированных плюрипотентных стволовых клеток, исключающих использование эмбрионов. Результаты подчеркивают необходимость нового закона для регламентации сбора клеток, ответственности и оборота биопринтных органов, с учетом международных стандартов для обеспечения безопасности и этичности.

Ключевые слова: биопринтинг, аддитивные технологии, правовое регулирование, этические проблемы, регенеративная медицина

Введение

Юсеф Хесуани, являющийся разработчиком первого российского биоприинтера, определяет технологию биопринтинга, как «высокоточную технологию послойного производства трехмерных тканевых и органных конструкторов (органов и тканей) согласно заданной цифровой модели, и с использованием живых клеток в качестве печатного материала» [1].

Другие специалисты предлагают более лаконичную, но в целом схожую формулировку, определяя эту технологию как «совокупность методов разработки и производства тканевых (органных) конструкторов на основе биочернил с использованием 3D-биоприинтера» [2].

Стоит отметить, что разработка аддитивной технологии биопечати и решение этических проблем, связанных с ее применением является весьма актуальной проблемой требующей немедленного решения и обеспечения советующего правового регулирования. Возникает вопрос, с чем же связана такая поспешность, ведь в настоящее время на должном уровне развития находится трансплантология и донорство, а достижения медицины позволяют значительно снизить риски и для донора, и для пациента? Однако, медицина не может обеспечить достаточное количество органов и тканей, пригодных для пересадки, поэтому на такие операции образуется очередь длиной в годы ожидания [3]. Из этой проблемы логично вытекает следующая: развитие черного рынка органов.

Аддитивные технологии биопечати позволяют решить эти проблемы, и потому развитие этой технологии и соответствующего правового обеспечения становятся особенно актуальными.

Материалы и методы исследования

Принцип работы биопечати заключается в послойной печати трехмерной модели необходимого импланта (ткани) при использовании клеточного материала, называемого «биочернилами». Далее этот импланта (ткань) вживляется в организм пациенту.

Для выработки более точной и всеобъемлющей дефиниции технологии аддитивной биофабрикации необходимо вначале определить составляющие процесса биопечати. Данная технология подразумевает использование:

- биоприинтера, то есть устройства, осуществляющее послойное (аддитивное) производство биообъектов;
- клеточного материала, используемого в качестве основного биологического компонента. Такие клетки обычно называют донорскими: для нужд трехмерной печати клетки могут быть получены непосредственно у пациента (аутологические) или у иных людей (аллогенные).

– материала природного, синтетического или смешанного происхождения (называемого "биосовместимый гидрогель"), который создает специальный каркас (матрикс), повторяющий свойства естественной межклеточной среды, защищающий живые клетки и поддерживающий заданную форму. Такими материалами могут выступать, например, коллаген, гиалуроновая кислота, альгинат и достаточно прочные для поддержания каркаса наноцеллюлозные материалы, имеющие природное происхождение [4].

Два последних компонента образуют биочернила. Специалисты предлагают определять биочернила как «смесь, состоящая из донорских клеток и синтетических субстанций, имитирующих внеклеточный матрикс, используемая для производства тканевых (органных) конструкторов». Под такими конструкторами понимаются объекты, созданные методами аддитивного производства *in vitro*, основным предназначением которых является имплантация в организм человека или животного с целью замещения утраченной, поврежденной или функционально несостоятельной биологической ткани или органа.

При этом законодательного определения биопринтных имплантов (тканей), так же, как и не биопринтных органов (тканей) не существует. Более того, законодатель не установил правовых различий между конструкторами, созданными методом биопечати, и органами биологического происхождения, что также затрудняет развитие правового регулирования технологии биопринтинга. Ряд экспертов в области права предлагает трактовать органы и ткани естественного происхождения исходя из законодательного определения донорской крови, которое звучит как «кровь, взятая от донора» (под донором в Законе понимается лицо, добровольно совершившее необходимые действия, т.е. человек) :это анатомические объекты биогенного происхождения, которые изымаются у донора (человека) в готовом для трансплантации виде, при условии, что в процессе изъятия и подготовки к клиническому применению с ними осуществляются лишь манипуляции, не изменяющие их базовые биологические функции и структурную целостность. Органы искусственного происхождения же определяются в соотношении с естественными, то есть органов, полученных иным путем [5, 6]. Однако, такое определение достаточно сомнительно, так как помимо органов, созданных путем биопечати, в эту категорию подпадают и органы животных.

Результаты и обсуждение

Кроме того, представляется спорным предложенный подход к определению органов и тканей естественного происхождения, основанный исключительно на интересах и потребностях сферы донорства и трансплантологии. Основным предметом дискуссии является то, какой объем биологического материала требуется для биопринтинга. Если процесс предполагает изъятие органов и/или достаточно крупных тканевых образцов, то это сближает его с трансплантологией в контексте правового регулирования. Однако в большинстве случаев для

аддитивной биофабрикации необходим минимальный забор клеточного материала пациента, что проводит четкую границу между данной технологией и донорством органов [7]. Учитывая принципиальную разницу между технологией биопечати и трансплантологией, формулировка их дефиниций и правовое регулирование требуют четкого разграничения.

Соответственно, прямое применение норм Закона РФ 1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и Федерального закона 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и её компонентов» к процедуре биопринтинга представляется некорректным. Это объясняется, во-первых, разницей объектов и целей изъятия материалов в этих трех процедурах: так, в трансплантологии предполагается забор целого или части функционального органа\ткани, Закон о донорстве крови соответственно регулирует забор крови и ее компонентов для прямого переливания или клинического использования, а в процедуре биопринтинга не требуется изъятие ни того ни другого. На данный момент развития аддитивной технологии биопечати достаточно клеточного материала с практически любой части тела донора, который потом подвергнется дальнейшей переработке, в отличие от изъятых для целей трансплантации и донорства органов и крови, которые могут быть подвергнуты лишь минимальным манипуляциям, так как органы, ткани и кровь представляют собой готовый для клинического использования материал. В то время как изъятые при процедуры аддитивной биофабрикации клетки являются, грубо говоря, лишь сырьем для создания искомого объекта, конечного продукта – органа\ткани. Цель биопринтинга – создание нового объекта, а не пересадка\переливание. Отсюда можно вывести второе различие: разный правовой статус изымаемого материала.

В-третьих, для донора клеточного материала снижаются, если не исключаются вовсе, риски, которое имеют место при изъятии органов для нужд трансплантологии или при донорстве крови. Таким образом, можно констатировать, что объем медицинского вмешательства и уровень риска для донора существенно различаются при проведении указанных процедур.

Развивая предложенный подход к формулировке определений естественных и биопринтных органов в соотношении, можно предложить следующие определения: естественные органы сформированы *in vivo* в процессе эмбрионального развития из собственных соматических клеток, тогда как биопринтные конструкторы созданы *in vitro* с помощью аддитивной биофабрикации не только из клеточного материала донора, но и из вспомогательных материалов природного, синтетического или смешанного происхождения. Соответственно, у последних нет четкой связи с организмом донора клеток для биочернил.

Однако, представляется верным утверждение, что органы естественного происхождения и биопринтные конструкторы обладают различной правовой природой, и последние требуют специального правового регулирования, отличного от примени-

мого к процедуре имплантации, потому и определять биопринтные органы и ткани следует не в соотношении с естественными.

На данный момент, российское законодательство не содержит достаточного правового регулирования технологии и процесса биопринтинга.

Помимо Закона о трансплантации органов и тканей Закона о донорстве крови, которые как мы выяснили не следует применять по аналогии к аддитивным технологиям биопечати, действуют Федеральный закон "О биомедицинских клеточных продуктах" 2016 г. № 180-ФЗ и Федеральный закон 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности».

Закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» однако, во-первых, согласно ст.1 не регулирует «порядок осуществления генно-инженерной деятельности и применения ее методов к человеку, тканям и клеткам в составе его организма», а во-вторых, биопринтинг сам по себе, как технология 3D-печати, не является генно-инженерной деятельностью [8]. Соответственно, биопринтинг с применением немодифицированных клеток в качестве составляющей биочернил выходит за рамки предмета регулирования Закона № 86. Однако, этот закон может быть применен к некоторым отдельным аспектам и составляющим процесса биопринтинга. Например, если в качестве биочернил для трехмерной печати будут использованы генетически модифицированные клетки.

Применение к биопринтингу Федерального закона 2016 года № 180 «О биомедицинских клеточных продуктах» также вызывает дискуссии. С одной стороны, статья 2 настоящего Закона представляет достаточно широкое определение биомедицинского клеточного продукта: «комплекс, состоящий из клеточных линий и вспомогательных веществ ... (в том числе в сочетании с лекарственными препаратами и медицинскими изделиями). К биомедицинским клеточным продуктам не относятся объекты трансплантации, а также высокотехнологические лекарственные средства, включая генно-терапевтические лекарственные средства...» [9]. Как мы уже выяснили, биопринтные конструкции не следует сопоставлять с объектами трансплантологии, они также не относятся и к высокотехнологическим лекарственным средствам, и, так как биочернила содержат клеточный материал донора, то представляется обоснованным утверждение, что биопринтные органы подпадают под действие данного Закона.

С другой стороны, статья 1 указывает, что «действие настоящего Федерального закона не распространяется на отношения, возникающие при разработке и производстве ... медицинских изделий...». А согласно Федеральному закону "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" от 21.11.2011 N 323-ФЗ, органы, созданные с помощью аддитивных технологий, могут быть отнесены к медицинским изделиям [10]. Следовательно, процесс создания биопринтных органов исключается из-под действия настоящего закона.

Таким образом, процедура биопринтинга в России сегодня находится в "серой зоне" правового регулирования: специального нормативно-правового акта пока не принято, законы, которые на первый взгляд, могли бы быть применимы по аналогии, как мы доказали не могут быть применены к данным отношениям прямо, при этом развитие аддитивной биофабрикации набирает обороты, и с учетом последних открытий технология становится весьма востребована и ее массовое использование становится лишь вопросом времени.

Стоит отметить также положение статьи 1349 ГК РФ, которое устанавливает запрет на патент технологий, в которых использовались бы человеческие эмбрионы в промышленных и коммерческих целях.

Следует изучить Регламент 2024/1938 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года о стандартах качества и безопасности веществ человеческого происхождения (ВЧП\SoHO), предназначенных для применения человеком, вступающий в силу в 2027 году. Он распространяет свое действие в том числе на биопринтинг, а точнее на сбор, хранение, обработку и иные процедуры, связанные с клеточным материалом человека, необходимым для биочернил. Статья 3 Регламента содержит несколько полезных определений:

1) «ВЧП означает любое вещество, полученное из человеческого организма, независимо от того, содержит ли оно клетки и являются ли эти клетки живыми...»;

2) «Донорство ВЧП — это процесс, в ходе которого человек добровольно и бескорыстно предоставляет ВЧП своего организма нуждающимся или дает разрешение на использование такого ВЧП после своей смерти. Он включает в себя необходимые медицинские процедуры, обследование, лечение и наблюдение за донором ВЧП...»;

3) «Донор ВЧП — это живой или умерший донор ВЧП»;

4) «Реципиент ВЧП — это человек, к которому применяется ВЧП, или человек, к которому планируется применить ВЧП, будь то аллогенное или аутологичное применение...»;

5) «Сбор ВЧП означает процесс получения от человека образцов для исследования *in vitro*, включая любые подготовительные этапы, такие как гормональная терапия...»;

6) «Обработка означает любую операцию, связанную с обращением с ВЧП...» [11].

Согласно положениям Регламента (ЕС) 2024/1938, забор веществ человеческого происхождения (ВЧП), к которым, в частности, относятся клетки, предназначенные для производства биочернил, должен осуществляться в строгом соответствии с установленными требованиями.

В число таких требований входит обязательное проведение медицинского обследования донора, включая тестирование на наличие инфекционных заболеваний и иные процедуры, направленные на обеспечение безопасности ВЧП.

Кроме того, Регламентом установлена обязанность осуществления компетентными органами

надзора за всеми процедурами, связанными с обращением ВЧП, а также представления соответствующей отчётности о проведённых операциях.

Разработки в области правового регулирования регенеративной медицины, которая включает в себя создание искусственных органов, активно ведутся также в Японии. Так, 25 ноября 2014 года был принят Закон о безопасности регенеративной медицины [12]. Закон направлен на создание правовых рамок для безопасного и эффективного применения инновационных методов регенеративной медицины, использующих обработанные клетки человека. Он предполагает классификацию технологий регенеративной медицины по 3 категориям риска. Биопринтную технологию можно отнести к первой категории, так как в качестве клеточного материала в ней используются плюрипотентные стволовые клетки. Кроме того, Закон закрепляет необходимость одобрения планов клинического применения или исследования в области регенеративной медицины специальным Комитетом по регенеративной медицине, состоящим из специалистов в этой области, что одновременно гарантирует безопасность и не тормозит развитие этой области медицины.

Кроме того, 1 апреля 2018 года вступил в силу Закон о клинических испытаниях, который регулирует клинические исследования, в том числе связанные с регенеративной медициной [13].

Основной этической проблемой, которая являлась до недавнего времени барьером для активного развития технологии биопринтинга, была недопустимость использования в качестве «живой» части биочернил эмбриональных стволовых (плюрипотентных) клеток. Это объясняется их способностью к самовоспроизводству и дифференциации. То есть эти клетки могут развиваться в любом направлении, являясь универсальным «строительным материалом» для организма. Но использование таких клеток для биочернил предполагает уничтожение человеческого эмбриона для извлечения необходимого клеточного материала. И так как вопросы о том, можно ли считать эмбрион человеком, и одинаковы ли статусы эмбрионов *in vivo* и *in vitro*, до сих пор являются дискуссионными, заслуживает внимания точка зрения, что эмбрион *in vitro*, так же как эмбрион *in vivo*, являются человеческими существами, обладающими абсолютной ценностью и правом на жизнь. И уничтожение начальной стадии человеческой жизни недопустимо даже ради благой цели спасения чужой жизни. Данное обстоятельство обуславливает введение законодательных ограничений на патентование методов, предполагающих применение эмбрионов человека. Отражение этой «моральной клаузулы» встречается и в законодательстве РФ в статье 1349 ГК.

Однако, японские исследователи Синья Яманака и Кадзутоши Такахаси совершили открытие, положившее новое начало развитию биопринтинга. В 2006 году была установлена возможность перепрограммирования различных по своей направленности клеток и получения индуцированных плюрипотентных стволовых клеток. Переход к этапу клинических исследований указанной технологии был

осуществлён в 2018 году. В 2023 году научным коллективом Оксфордского университета было сообщено о проведении успешной операции, в рамках которой была напечатана двухслойная ткань мозга.

В качестве клеточного материала для перепрограммирования и дальнейшего использования в составе биочернил могут быть использованы как клетки донора, так и пациента. Разумеется, использование аутологических клеток уменьшает риск отторжения имплантата. В качестве клеточного материала может служить даже жировая ткань, полученная в ходе липосакции. В перспективе, должно быть достаточно мазка или соскоба, что также значительно снижает риски для донора клеточного материала.

Таким образом, это открытие позволило обойти этические запреты, связанные с недопустимостью уничтожения человеческого эмбриона, предложив приемлемую альтернативу материала для биочернил. Теперь биопринтинг можно назвать этически нейтральной технологией, что должно стать катализатором развития как самой технологии, так и должного правового регулирования [14].

Выводы

Анализ норм российского законодательства позволяет констатировать отсутствие комплексного регулирования правоотношений, возникающих в связи с созданием и последующей имплантацией биопринтных органов. Стремительное развитие технологий биопечати человеческих органов обуславливает потребность в принятии специализированного законодательного акта, который бы определял правовой режим биопринтных органов на всех стадиях их использования, и регулировал отдельные вопросы, касающиеся биопринтинга.

В рамках такого регулирования требуют детальной правовой регламентации ключевые аспекты биопринтинга, включая:

- порядок сбора, консервации, обработки и утилизации клеточного материала, используемого для производства биочернил;
- вопросы гражданско-правовой и административной ответственности субъектов правоотношений.

Очевидна необходимость принятия также новых законов или модификация уже существующих для регулирования смежных областей медицины.

Новая методика создания биочернил для биопринтинга должна быть разработана на достаточном для массового применения уровне и обеспечена соответствующей правовой регламентацией в ближайшее время, иначе, если мнимые этические запреты продолжают сдерживать темпы роста этой научно-технической области, появляется риск развития черного рынка биопринтных органов [15].

Литература

1. Хесуани Ю. Дж. Моделирование функциональной тканеинженерной конструкции щитовидной железы с использованием технологии 3D-биопринтинга : дис. ... канд. мед. наук. Москва, 2024. 147 с.

2. Шутова А. А., Бегишев И. Р. Проект Этического кодекса субъектов, осуществляющих деятельность по созданию, применению и утилизации медицинских изделий на основе биопринтных технологий, по взаимодействию с пациентами и донорами клеток, по обороту донорских клеток, биочернил и биопринтных тканевых (органных) конструкций // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4. С. 98–101.

3. Ксенофонтова Д. С. Правовые проблемы создания и использования биопринтных человеческих органов // Lex Russica. 2019. № 9. С. 138–144.

4. Аббасов И. Б. Некоторые современные технологии трехмерной биопечати органов // Вестник ПНИПУ. Химическая технология и биотехнология. 2023. № 2. С. 24–36.

5. О донорстве крови и её компонентов : федер. закон Рос. Федерации от 20 июля 2012 г. № 125 ФЗ.

6. Самодурова С. С. Биопринтные органы и ткани человека как объекты гражданского оборота // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 294–300.

7. Северцева А. О. К вопросу о правовом режиме органов, созданных с помощью биотехнологий // Вопросы российской юстиции. 2021. № 16. С. 284–291.

8. О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности : федер. закон Рос. Федерации от 5 июля 1996 г. № 86 ФЗ.

9. О биомедицинских клеточных продуктах : федер. закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 180 ФЗ.

10. Кравченко Н. В., Труфанова А. Ю. Правовое регулирование процесса биопринтинга: проблемы и перспективы развития в Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7, № 27. С. 385–395.

11. Регламент (ЕС) 2024/1938 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года о стандартах качества и безопасности веществ человеческого происхождения, предназначенных для применения человеком, и об отмене Директив 2002/98/ЕС и 2004/23/ЕС : текст с учётом особенностей ЕЭЗ.

12. Закон об обеспечении безопасности регенеративной медицины : закон Японии от 25 ноября 2013 г. № 85.

13. Yokomizo R., Hosoya S., Umezawa A., Okamoto A. Amendment of the Act on the Safety of Regenerative Medicine: A new voyage of regenerative medicine in Japan and the dawn of a new era for young investigators // Regenerative Therapy. 2025. Vol. 29. P. 237–246.

14. Богданов Д. Е. Технология биопринтинга как легальный вызов: определение модели правового регулирования // Lex Russica. 2019. № 6. С. 138–147.

15. Ахмадова М. А. Некоторые вопросы правового регулирования биопринтинга в России // Социально-политические науки. 2020. № 2. С. 202–205.

Problems and Prospects of Legal Regulation of Bioprinting of Organs and Tissues

Zolotokopova M.A.

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Bioprinting is a technology of layer-by-layer 3D printing of organs and tissues using bioink based on living cells, which is relevant for addressing the shortage of donor organs and the black market. The development of legal regulation in this area requires an analysis of ethical and legal aspects, taking into account the differences from transplantation. The study is based on an analysis of Russian legislation (laws on transplantation, blood donation, biomedical products) and international experience (EU Regulation 2024/1938, Japanese laws on regenerative medicine), as well as scientific literature on bioprinting. The absence of specialized regulation in the Russian Federation has been identified: bioprinted constructs do not fall under existing norms, which requires the establishment of a separate legal status. Ethical barriers have been overcome through the use of induced pluripotent stem cells, which eliminate the use of embryos. The findings emphasize the need for a new law to regulate cell collection, liability, and circulation of bioprinted organs, taking into account international standards to ensure safety and ethics.

Keywords: bioprinting, additive technologies, legal regulation, ethical issues, regenerative medicine

References

1. Khesuani Yu. J. Modeling of a functional tissue-engineered thyroid construct using 3D bioprinting technology: dissertation ... Candidate of Medical Sciences. Moscow, 2024. 147 p.
2. Shutova A. A., Begishev I. R. Draft Ethical Code for entities engaged in the creation, application, and disposal of medical devices based on bioprinting technologies, interaction with patients and cell donors, circulation of donor cells, bioinks, and bioprinted tissue (organ) constructs // Pravoporyadok: History, Theory, Practice. 2023. No. 4. P. 98–101.
3. Xenofontova D. S. Legal issues of creating and using bioprinted human organs // Lex Russica. 2019. No. 9. P. 138–144.
4. Abbasov I. B. Some modern technologies of three-dimensional bioprinting of organs // Bulletin of PNRPU. Chemical Technology and Biotechnology. 2023. No. 2. P. 24–36.
5. On blood donation and its components: Federal Law of the Russian Federation of July 20, 2012, No. 125-FZ.
6. Samodurova S. S. Bioprinted human organs and tissues as objects of civil law circulation // Issues of Russian Justice. 2020. No. 8. P. 294–300.
7. Severtseva A. O. On the issue of the legal regime of organs created using biotechnologies // Issues of Russian Justice. 2021. No. 16. P. 284–291.
8. On state regulation in the field of genetic engineering activities: Federal Law of the Russian Federation of July 5, 1996, No. 86-FZ.
9. On biomedical cell products: Federal Law of the Russian Federation of June 23, 2016, No. 180-FZ.
10. Kravchenko N. V., Trufanova A. Yu. Legal regulation of the bioprinting process: problems and prospects in the Russian Federation // Current Problems of State and Law. 2023. Vol. 7, No. 27. P. 385–395.
11. Regulation (EU) 2024/1938 of the European Parliament and of the Council of June 13, 2024 on standards of quality and safety of substances of human origin intended for human application, and repealing Directives 2002/98/EC and 2004/23/EC: text taking into account the EEA specifics.
12. Act on Ensuring the Safety of Regenerative Medicine: Act of Japan of November 25, 2013, No. 85.
13. Yokomizo R., Hosoya S., Umezawa A., Okamoto A. Amendment of the Act on the Safety of Regenerative Medicine: A new voyage of regenerative medicine in Japan and the dawn of a new era for young investigators // Regenerative Therapy. 2025. Vol. 29. P. 237–246.
14. Bogdanov D. E. Bioprinting technology as a legal challenge: defining a model of legal regulation // Lex Russica. 2019. No. 6. P. 138–147.
15. Akhmadova M. A. Some issues of legal regulation of bioprinting in Russia // Socio-Political Sciences. 2020. No. 2. P. 202–205.